ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№6
2024

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

*Журнал входит в **Перечень ВАК** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.12.2024 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Механизмы государственной политики по преодолению бедности на примере Республики Коми. Конаков Р.В. **4**

Культура, общество, организация: три измерения идентичности государственного служащего. Чжэн Сыянь **7**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Влияние БРИКС на мировой политический порядок. Лю Сюаньцзя **12**

Внешняя Политика Республики Корея в Центральной Азии: утилитаризм и стратегический дисбаланс. Чэнь Бин **16**

«Гармонизация»: официальная политика интеграции в Турции. Шахбаз Огуз **20**

Турция в Европейской миграционной системе: от поставщика рабочей силы к реформам в рамках интеграции с ЕС. Шахбаз Огуз **24**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Юридический конфликт как разновидность социального конфликта. Дубков Н.С., Полищук Д.И., Чужиков Н.А., Дубкова Е.С., Иванов А.М. **29**

Проблемы правового воспитания в постсоветскую эпоху: анализ современных публикаций. Задорин М.В. **33**

Институт недобросовестной конкуренции в международном праве и праве зарубежных стран. Лимонов П.В. **38**

Перспективы развития организации сотрудничества в публичных проектах как способ повышения эффективности государственного управления. Савинов Ю.И. **43**

Правовые основы либертарианства. Чужиков Н.А., Дубков Н.С., Полищук Д.И., Иванов А.М. **48**

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовая природа юридической сертификации. Ануфриева Л.И. **52**

Право на товарный знак и знак обслуживания: проблемы гражданско-правовой защиты. Гришин А.А. **59**

Услуга как объект правового регулирования в Российской Федерации. Джанунц С.В., Примак Т.К. **66**

Проблемы ответственности медицинских организаций за причинение вреда жизни и здоровью граждан при оказании медицинских услуг. Кадушечкина И.М. **69**

Практические аспекты переквалификации гражданско-правового договора в трудовой договор. Кайнер О.В. **75**

Проблемы подсудности дел в гражданском и арбитражном процессе. Катников И.И. **79**

Правовое регулирование искусственного интеллекта в национальном и международном измерении. Романов Г.Е. **84**

Правовая защита и рациональное использование геологического наследия на примере геопарка Торатау. Шафеева Э.И., Мифтахов И.Р. **90**

Проблемы процедуры банкротства кредитных организаций. Сейфуллаев Р.С. **94**

Алгоритм выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения. Чураков П.А. **99**

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Особенности современного сербско-российского экономического сотрудничества. Жариков А.А. **105**

Учреждение трастов, частных и личных фондов: сравнительно-правовой анализ права Англии, ФРГ и Российской Федерации. Пышкин А.Ю. **109**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Основания классификации противоправной информации. Азаров М.С. **115**

О необходимости расширения перечня лиц в отношении имущества которых может быть предъявлен иск об обращении в доход государства в рамках противодействия коррупции. Брослав А.А. **122**

Рассуждение об использовании квадрокоптера с искусственным интеллектом при осмотре места происшествия, заменяя роль участия понятых на примере незаконной вырубки лесных насаждений. Горошко О.Е. **127**

К вопросу об уголовно-правовом противодействии посягательствам на свободу экономических отношений в сфере закупок товаров и услуг. Короткий Ф.В. **131**

Привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, причастных к легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности. Малыгин А.И. **136**

О понятии и видах процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве. Маркин И.С. **140**

О некоторых актуальных проблемах и существенных изъянах законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Мартыненко С.Б. **147**

О некоторых аспектах противодействия незаконному обороту оружия в сети интернет. Новикова О.Ю., Новиков В.В. **153**

Общегосударственная система противодействия терроризму в Российской Федерации. Повалий С.И. **160**

К вопросу о понятии хищения с банковского счета. Старичков М.В. **167**

О некоторых вопросах криминализации наиболее опасных интернет-угроз, реализуемых в отношении несовершеннолетних. Титов М.А. **171**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Компаративный анализ института финансового контроля в бюджетной сфере в Российской Федерации и странах Центральной Азии. Мансурова Ш.О. **176**

Административно-правовое регулирование недропользования в Арктике РФ. Космачев К.А. **181**

Политика памяти как исследовательская проблема: вызовы и ответы в контексте поли-тического процесса России. Проскурина Е.А., Жуков В.Н. **185**

Особенности внедрения искусственного интеллекта в сферу гражданских правоотношений и государственного управления. Кравченко О.В. **190**

Конституционно-правовой статус нотариата как института защиты прав и свобод человека в современной России: проблемы модернизации. Леонова Н.А. **196**

Функциональные задачи искусственного интеллекта в сфере местного самоуправления и правовые основы его регулирования. Чужиков Н.А., Дубков Н.С., Полищук Д.И., Иванов А.М. **200**

Contents

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

Mechanisms of state policy to overcome poverty on the example of the Komi Republic. Konakov R.V. **4**

Culture, society, organization: three dimensions of identity of a civil servant. Zheng Siyan **7**

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

The influence of BRICS on the world political order. Liu Xuanjia **12**

Foreign Policy of the Republic of Korea in Central Asia: utilitarianism and strategic imbalance. Chen Bing **16**

"Harmonization": official integration policy in Turkey. Shahbaz Oguz **20**

Turkey in the European migration system: from a supplier of labor force to reforms within the framework of integration with the EU. Shahbaz Oguz **24**

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

Legal conflict as a type of social conflict. Dubkov N.S., Polischuk D.I., Chuzhikov N.A., Dubkova E.S., Ivanov A.M. **29**

Problems of legal education in the post-Soviet era: analysis of modern publications. Zadorin M.V. **33**

Institute of unfair competition in international law and the law of foreign countries. Limonov P.V. **38**

Prospects for the development of cooperation in public projects as a way to improve the efficiency of public administration. Savinov Yu.I. **43**

Legal foundations of libertarianism. Chuzhikov N.A., Dubkov N.S., Polischuk D.I., Ivanov A.M. **48**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Legal nature of legal certification. Anufrieva L.I. **52**

The right to a trademark and service mark: problems of civil law protection. Grishin A.A. **59**

Service as an object of legal regulation in the Russian Federation. Dzhanunts S.V., Primak T.K. **66**

Problems of liability of medical organizations for causing harm to life and health of citizens when providing medical services. Kadushechkina I.M. **69**

Practical aspects of reclassification of a civil law contract into an employment contract. Kainer O.V. **75**

Problems of jurisdiction of cases in civil and arbitration proceedings. Katnikov I.I. **79**

Legal regulation of artificial intelligence in the national and international dimensions. Romanov G.E. 84

Legal protection and rational use of geological heritage on the example of Toratau Geopark. Shafeeva E.I., Miftakhov I.R. **90**

Problems of bankruptcy procedure of credit institutions. Seifullaev R.S. **94**

Algorithm of selection and practical use of legal means of protection of the head of the debtor organization from subsidiary liability taking into account the law enforcement problems of execution of the court decision. Churakov P.A. **99**

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Features of modern Serbian-Russian economic cooperation. Zharikov A.A. **105**

Establishment of trusts, private and personal funds: comparative legal analysis of the law of England, Germany and the Russian Federation. Pyshkin A.Yu. **109**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Grounds for classification of illegal information. Azarov M.S. **115**

On the need to expand the list of persons in respect of whose property a claim for seizure by the state may be brought within the framework of combating corruption. Broslav A.A. **122**

Discussion on the use of a quadcopter with artificial intelligence during the inspection of the scene of a crime, replacing the role of witnesses using the example of illegal logging of forests. Goroshko O.E. **127**

On the issue of criminal-legal counteraction to encroachments on the freedom of economic relations in the sphere of procurement of goods and services. Korotkiy F.V. **131**

Bringing to criminal liability legal entities involved in the legalization (laundering) of funds or other property acquired as a result of organized criminal activity. Malygin A.I. **136**

On the concept and types of procedural deadlines in criminal proceedings. Markin I.S. **140**

On some current problems and significant shortcomings of the legislative regulation of the stage of initiation of a criminal case. Martynenko S.B. **147**

On some aspects of combating illegal arms trafficking on the Internet. Novikova O.Yu., Novikov V.V. **153**

National system of combating terrorism in the Russian Federation. Povaliy S.I. **160**

On the issue of the concept of theft from a bank account. Starichkov M.V. **167**

On some issues of criminalization of the most dangerous Internet threats implemented against minors. Titov M.A. **171**

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Comparative analysis of the institution of financial control in the budget sphere in the Russian Federation and Central Asian countries. Mansurova Sh.O. **176**

Administrative and legal regulation of subsoil use in the Arctic of the Russian Federation. Kosmachev K.A. **181**

Memory politics as a research problem: challenges and answers in the context of the political process in Russia. Proskurina E.A., Zhukov V.N. **185**

Features of the implementation of artificial intelligence in the sphere of civil legal relations and public administration. Kravchenko O.V. **190**

Constitutional and legal status of notaries as an institution for the protection of human rights and freedoms in modern Russia: problems of modernization. Leonova N.A. **196**

Functional tasks of artificial intelligence in the sphere of local government and the legal basis for its regulation. Chuzhikov N.A., Dubkov N.S., Polischuk D.I., Ivanov A.M. **200**

Механизмы государственной политики по преодолению бедности на примере Республики Коми

Конаков Роман Викторович
преподаватель-исследователь, Коми Республиканская Академия Государственной службы и Управления

Проблема бедности является одной из семнадцати глобальных целей устойчивого развития и предполагает разработку национальных политик государств по её ликвидации [6, с 17]. Исследование аспекта бедности важно так как именно этот феномен отрицательно влияет на развитие и процветание государства и гражданского общества в целом. В данной статье приведено понятие государственной политики. Приведены некоторые акты, касающиеся данного понятия. Приведена статистика некоторых дел, касающихся государственной политики по преодолению бедности на примере Республики Коми. Приведены примеры, касающиеся страны России. В частности, можно сказать, что в России политика сокращения бедности выходит на государственный уровень и является национальной целью, сформулированной Президентом Российской Федерации в Указе № 204 [3, с 1].
Целью исследования является анализ механизмов государственной политики в противодействии бедности в Республике Коми и оценка эффективности мер государственной политики по её преодолению. В статье представлены цели государственной программы регионального уровня под названием «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума» на период, рассчитанный до 2030 года.
Ключевые слова: Механизмы государственной политики, преодоление бедности, бедность, целевой показатель, республика.

Понятие «государственная политика», которое является привычным для Российской Федерации, особое внимание уделяется государству при формировании и осуществлении целей, которое ставит перед собой управление государством: «Государственная политика является областью деятельности, как политической, так и управленческой. Именно здесь вырабатываются и согласовываются основные цели управления государством, в том числе производится оповещение субъектов об этих целях, которые помогают осуществить управление в государстве». [2, с 1]

Президент Российской Федерации В.В. Путин указом № 474 от 21.07.2020 постановил: установить целевой показатель, характеризующий достижение национальных целей к 2030 году: уменьшить уровень бедности на пятьдесят процентов в сравнении с 2017 годом [4, с 1].

Росстат в Республике Коми отметил 128 тысяч граждан, которые относятся к числу бедных, к малоимущим относятся 53 тыс. Большое значение в данном случае сыграла пандемия, она повлияла на доходы жителей Коми снижением на 8%, при этом безработица поднялась в три раза.

Для того, чтобы исправить имеющиеся проблемы Правительство Республики Коми вынесло Постановление № 627 от 18 декабря 2020 года, направленное на создание программы по "Снижению доли населения Республики Коми с доходами ниже прожиточного минимума на период до 2030 года" [2, с 3]. Данная программа должна улучшить существующее положение на сегодняшний день.

Рассмотрим, как политика оказывает влияние с помощью цели снижения уровня бедности в два раза по сравнению с 2017 годом. Правительство Республики Коми ставит задачи:

1. Приведение к росту доходов населения:
- расширение числа рабочих мест;
- оказание помощи малому и среднему предпринимательству;
- помощь в трудоустройстве граждан;
- выплата заработной платы в срок;
- повышение заработной платы сотрудникам;

2. Оказание социальной поддержки гражданам:
- оказание поддержки гражданам тяжелого соц. положения;
- поддержка детям;

- оказание помощи людям, имеющим доход менее, чем прожиточный минимум;

- оказание соц. поддержки дополнительного характера;

- мероприятия иного рода;

3. развитие системы социального контракта;

4. адаптация лиц, которые нуждаются в помощи [1, с 3].

На заседании правительства 20.08.2020 Глава Коми Владимир Уйба отметил, что «снижение бедности и повышение доходов граждан – важный вопрос для Республики Коми» [10, с 32].

Автор считает, что снижать бедность в республике является сложной экономической нагрузкой на бюджет Республики и Федеральные потоки финансирования, а также является общим применением ресурсов политики государственного и негосударственного характера. Данные мероприятия должны поднять уровень жизни всего населения Республики.

Автор проводит анализ того, осуществляет ли государство выплаты населению, которое имеет трудоспособный возраст, но по различным причинам нигде не работающему. Меры, которые принимают органы государства по финансовой поддержке данной категории граждан, не являются достаточными, в связи с чем появляется вопрос какой период лицо не будет устроено на работу. Государственная «машина» обязана использовать все имеющиеся ресурсы для осуществления контроля над бедностью для того, чтобы решить проблемы с бедностью: работу должно проводить большое число ответственных лиц.

Следует отметить, что вся работа по данному вопросу должна проводиться во всех институтах политики государства. В данном процессе должно участвовать правительство, все органы государственной власти, политические партии, общественные организации и волонтерские движения, а также часть средств массовой информации. Только комплексная работа может создать положительные условия и возможности как государственных бюджетных денег налогоплательщиков, которые являются добросовестными, так и мотивацию самих людей, которые тяжело привыкают к изменениям. Но этого можно достичь при: качественном анализе, тесном взаимодействии государства и гражданского общества, полном и правдивом информировании населения о достигнутых результатах.

Важно отметить, что на сегодняшний день в Республике Коми высокий процент малоимущего населения в Ижемском районе 30%, Усть – Куломском 29%, Прилузском 25%, Усть – Цилемском 20%, Корткеросском 19%, Сысольском районе 16%. В городах Республики в среднем около 3%. Картина с малоимущим населением дает понять, что регионы не имеют полноценного развития, хотя все возможности для этого имеют. К примеру, Усть-Куломский район находится в тайге, из которой в огромном количестве вывозится лесной-биоресурс, так же и в Сысольском районе автомобили «МОНДИ СЛПК» круглосуточно вывозят лес обеспечивая работой огромный комлекс Эжвинского района г. Сыктывкара. Также проблему составляют «пробуксовки цивилизации» в районах с большим количеством малоимущего населения. Большое число молодежи уезжает, но не спешит возвращаться. Нет необходимых спортивных комплексов, бассейнов для новых поколений, базами для различных видов секций являются сельские школы [9, с 700].

Нельзя оставлять без внимания то, что транспортные условия оставляют желать лучшего. В результате этого население не удовлетворено расстоянием между местом проживания и своей работой. Например, в Ижемском районе на 78 километров удалено от районного центра с. Кипиево, к которому существуе автомобильная дорога исключительно зимой. В Сысольском районе от центра на расстоянии 42 километров расположено село Палауз, имеется дорога хорошего качества, но стоимость билетов на автобусы является слишком большой, в результате чего граждане не могут пользоваться данным видом транспорта. Это не единственные населенные пункты с данными условиями. Для жителей Республики Коми предпочтительным является вахтовый метод работы по вышеперечисленным причинам, но этим методом пользуются исключительно мужчины. Данную работу также граждане находят самостоятельно и случайно, государство не помогает в данных вопросах.

Глава Республики Коми отметил, что процесс воздействия будет происходить принятием мер «в первую очередь путем активного развития экономики, привлечения инвестиций, развития сельского хозяйства, промышленности, создания новых предприятий и производств, которые дадут рабочие места и обеспечат занятость и доход жителям республики» [8, с 200].

2020-2021 годы известны для Республики Коми, а также стране России, эпидемии, которая привлекла все города и районы Республики. Отрицательно сказалась изоляция каждого жителя, в результате чего пострадали люди с крайне низким уровнем дохода. Режим работы медицинских учреждений был непонятен населению. Оказываемая помощь была исключительно экстренной, плановые операции были недоступны многим жителям вследствие огромных очередей. Общество надеялось на поддержку государства, Владимир Викторович Уйба каждый день предоставлял отчет населению в средствах массовой информации, что, конечно, сместило границы между властью и населением. Для того, чтобы скорей преодолеть бедность в районах с превышенным числом малоимущих граждан, было организовано строительство агрокомплексов в Сысольском районе в ООО «Агроресурс» на 150 голов крупного рогатого скота и животноводческого помещения на 540 голов в ООО «Северная нива» Корткеросского района. На сегодняшний день цели, связанные с уменьшением уровня бедности, оказываются довольно уязвимыми. Это связано не только с эффективностью государственных инициатив и работой разнообразных политических структур, но и требует учета человеческого фактора. К 2030 году мы стремимся к уровню бедности в 7,8%, а сегодня

он фактически 15%. Поэтому, в процессе достижения цели государственной политики преодоления бедности должны задействоваться все участники политических процессов Коми региона, чтобы долгосрочную перспективу стремиться реализовать значительно раньше 2030 года сэкономив бюджетные средства и нематериальные ресурсы республики направив их в интересах наших граждан [7, с 295].

Представляется крайне важным политическая оценка адекватности мер комплексного плана по преодолению бедности.

Программа региона под названием «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума на период до 2030 года (утв. Постановлением Правительства РК №627 от 18.12. 2020 [1, с 1], включает в себя реализацию мер поддержки в социальной сфере и адресной помощи, использование контракта социального характера как пилотного проекта по снижению уровня бедности при выполнении определенных условий. Программа включает и создание мероприятий, которые помогут создать условия для повышения уровня доходов населения с помощью создания новых рабочий мест, развития малого и среднего предпринимательства, расширения возможностей трудоустройства граждан, легализацию трудовых отношений, повышение номинально начисленной заработной платы и меры по социальной адаптации нуждающихся граждан.

Литература

1. Постановление Правительства Республики Коми от 18 декабря 2020 года № 627: Об утверждении региональной программы "Снижение доли населения Республики Коми с доходами ниже прожиточного минимума на период до 2030 года". С. 3
2. Сергей Кара-Мурза С.Г., Политология 2014, С. 1, ru-kara-murza.livejournal.com
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года". С. 1
4. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». С. 1.
6. www.un.org Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». С. 17 (дата обращения 20.11.2024).
7. Бондаренко Л. В. Роль внутренней продовольственной помощи в улучшении материального положения сельского населения // Бедность сельского населения России: генезис, пути преодоления, прогноз. Никоновские чтения : материалы XXV Международной научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г.). М.: ВИАПИ имени А. А. Никонова, 2020. С. 294–298.
8. Иванов В. А. Механизмы развития северного села и аграрного сектора. Сыктывкар, 2020. 220 с.
9. Лаженцев В. Н., Иванов В. А. Стратегия сельского развития северного региона // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 3. С. 696–711.
10. Пациорковский В. В. Причины бедности в сельских сообществах // Бедность сельского населения России: генезис, пути преодоления, прогноз. Никоновские чтения : материалы XXV Международной научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г.). М.: ВИАПИ имени А. А. Никонова, 2020. С. 31–34.

Mechanisms of state policy to overcome poverty on the example of the Komi Republic

Konakov R.V.

Komi Republican Academy of Public Administration and Management

The problem of poverty is one of the seventeen global goals of sustainable development and involves the development of national policies of states to eliminate it [6, p. 17]. The study of the aspect of poverty is important because this phenomenon negatively affects the development and prosperity of the state and civil society as a whole. This article provides the concept of state policy. Some acts related to this concept are given. Statistics of some cases related to state policy to overcome poverty are given using the example of the Komi Republic. Examples related to the country of Russia are given. In particular, it can be said that in Russia, the policy of reducing poverty goes to the state level and is a national goal formulated by the President of the Russian Federation in Decree No. 204 [3, p. 1].

The purpose of the study is to analyze the mechanisms of state policy in combating poverty in the Komi Republic and to assess the effectiveness of state policy measures to overcome it. The article presents the goals of the state program at the regional level called "Reducing the proportion of the population with incomes below the subsistence level" for the period calculated until 2030.

Key words: Mechanisms of state policy, overcoming poverty, poverty, target indicator, republic.

References

1. Resolution of the Government of the Komi Republic of December 18, 2020 No. 627: On approval of the regional program "Reducing the share of the population of the Komi Republic with incomes below the subsistence level for the period up to 2030". P. 3
2. Sergey Kara-Murza S.G., Political Science 2014, P. 1, ru-kara-murza.livejournal.com
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024". P. 1
4. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 N 474 "On national goals for the development of the Russian Federation for the period up to 2030". P. 1.
6. www.un.org Resolution adopted by the UN General Assembly on 25 September 2015. “Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development”. P. 17 (date accessed 20.11.2024).
7. Bondarenko L. V. The role of domestic food aid in improving the material situation of the rural population // Poverty of the rural population of Russia: genesis, ways to overcome, forecast. Nikonov Readings: Proceedings of the XXV International Scientific and Practical Conference (October 19-20, 2022). Moscow: A. A. Nikonov VIAPI, 2020. Pp. 294-298.
8. Ivanov V. A. Mechanisms for the development of the northern village and agricultural sector. Syktyvkar, 2020. 220 p.
9. Lazhentsev V. N., Ivanov V. A. Strategy for rural development of the northern region // Economy of the region. 2020. Vol. 16. No. 3. Pp. 696-711.
10. Patsiorkovsky V. V. Causes of poverty in rural communities // Poverty of the rural population of Russia: genesis, ways to overcome, forecast. Nikonov readings: materials of the XXV International scientific and practical conference (October 19-20, 2022). Moscow: VIAPI named after A. A. Nikonov, 2020. pp. 31-34.

Культура, общество, организация: три измерения идентичности государственного служащего

Чжэн Сыянь
аспирант, Институт государственного управления, Хэйлунцзянский университет

Признание статуса государственного служащего влияет на формирование системы государственного управления и его эффективность. В статье утверждается, что культура, общество и организация – это три основных измерения в признании статуса государственного служащего. Культура – это идеологическое измерение и основной элемент признания статуса госслужащего. Общество – оценочное измерение в признании статуса государственного служащего. И оно подразумевает три уровня отношений: индивидуум и группа, «я» и другие, внутренние ценности и внешние действия. Организация как пространственное измерение отражает взаимосвязь и формирование между административной организацией и признанием статуса государственного служащего. В конечном итоге суммарное воздействие трех измерений – культуры, общества и организации – создает единство личных целей и общественных интересов, а также личной ценности и социальной ответственности.
Исследование идентичности госслужащих всегда было предметом внимания научного сообщества. Идентичность государственных служащих влияет на выстраивание системы государственной службы и эффективность государственного управления. В статье утверждается, что культура, общество и организация – это три измерения идентичности государственных служащих. Культура – идеологическое измерение, общество – измерение связей между идентичностью госслужащих, а организация – пространственное измерение.
Ключевые слова: государственный служащий, идентичность, культура, общество, организация.

Определение идентичности государственных служащих

Государственные служащие – это профессии с социологической составляющей, лица, ответственные за координацию управления экономическим и социальным порядком, а также государственными общественными ресурсами, поддерживающие и реализующие положения законодательства. Сами эти профессии обладают публичной природой, так как органы государственной власти осуществляют публичные полномочия [1]. В широком смысле к госслужащим обычно относят политических и гражданских служащих. В этой статье под госслужащими понимаются гражданские служащие, которые отбираются через единый экзамен, они придерживаются политической нейтральности и имеют относительно стабильный срок службы. Термин "идентичность" происходит от латинского слова idem, что изначально означало "такой же", он обозначает самоопределение человека, проявляющееся в его отображении в мире, позже это слово эволюционировало в английское identity. Как общая проблема "идентичность" привлекает внимание психологов, социологов и специалистов по менеджменту.

Исследование идентичности госслужащих имеет определенное сходство и различия с другими исследованиями идентичности. Сходство заключаются в том, что обе категории определяются через отношение между управляющим и управляемым, поэтому они связаны с изначальным значением «отношение человека к миру». Обе категории исходят из социальной практики. Изучение идентичности невозможно без учета конкретной организационной среды и исторического контекста. Различия касаются того, что объекты исследования часто представляют собой меньшинства или людей с нечеткой социальной идентичностью, при этом в процессе исследования акцентируется внимание на субъектах идентичности, подчеркивается автономность идентичности. В то же время исследования идентичности госслужащих проводятся с точки зрения отношений между управляющим и управляемым, больше акцентируется внимание на общественном аспекте идентичности госслужащих. Эти исследования включают не только вопрос о том, «что есть идентичность госслужащих», но и сосредотачиваются на вопросе «почему идентичность государственных служащих важна».

Три измерения идентичности государственных служащих

Культура – это идеологическое измерение идентификации государственного служащего.

Государственные служащие как важная часть правительства обладают идентичностью, которая не ограничена исполнением профессиональной роли, ведь они занимаются реализацией общественных интересов, принимая общественную волю в качестве стандарта поведения, а внутреннюю практику как воплощение общественных ценностей, профессиональной этики и духа общественного обслуживания. Культура предоставляет набор ценностей и убеждений между субъектами и объектами управления, что позволяет в наибольшей степени реализовать идентичность госслужащих. Кроме того, культура выполняет роль в социальной стратификации и функционировании власти, тем самым укрепляя идентичность госслужащих.

Культура выполняет центральную роль в идентификации работников государственных учреждений. Концепция культуры имеет множество интерпретаций, и в данной статье мы склоняемся к пониманию и определению, предложенному социологом Ричардом Скоттом, который специализировался на институциональной теории и науке об организации. Он отмечал: «Культура может рассматриваться как когнитивная структура в сознании индивидов, включающая модели, классификации и убеждения, которые вместе формируют общую систему значений. Эти элементы взаимосвязаны и переплетаются, образуя целостную теоретическую базу. Эта база направляет более формальную разработку и изучение институтов и стратегий в организациях». [2] Культура занимает центральное место в идентификации работников госучреждений, поскольку она не только представляет собой совокупность ценностей и убеждений, но и является отражением этических обязательств государственных служащих. Эта идентификация требует от группы госслужащих совместного использования определенной когнитивной структуры в рамках общей системы значений. В этом контексте они следуют этическим принципам, таким как справедливость, честность, верность и усердие. Эти принципы укрепляют чувство профессиональной ответственности и формируют основу идентичности работников госучреждений. Руководствуясь этими принципами, государственные служащие могут обеспечить демократию, эффективность и прозрачность в реализации и исполнении общественной политики, активно реагировать на требования общества и укреплять доверие к правительству и его способности выполнять свои функции.

Теория французского социолога Пьера Бурдьё объясняет роль культуры в социальной стратификации и функционировании власти. Он считает, что статус и власть индивида в обществе достигаются через использование культурных когнитивных ресурсов и стратегий власти. [3] Согласно Бурдьё, статус и власть индивида в обществе не являются случайными, а достигаются через тщательное планирование и использование культурных когнитивных ресурсов и стратегий власти. Эта теоретическая перспектива предоставляет нам важные аналитические инструменты для понимания иерархических различий в идентичности госслужащих и культурной структуре власти. Госслужащие как важные участники социального управления имеют «культурный капитал», который является ключевым для их профессионального развития и социального влияния. Этот «культурный капитал» не ограничивается профессиональными знаниями, духом общественной службы и стратегией власти внутри организации. Он является важным средством для реализации самозначимости и служения обществу. Теория П.Бурдьё выявляет иерархические различия внутри системы госслужащих. На разных должностях и уровне они могут формировать различные культурные когниции и способы функционирования власти. Например, высокопрофессиональные чиновники могут уделять больше внимания стратегическому планированию и разработке политик, тогда как обычные госслужащие могут сосредоточиться на конкретной реализации политик и рабочих показателях. Кроме того, «культурный капитал» госслужащих разных профессий играет важную роль в социальной стратификации. Государственные служащие, стратегически используя собственный «культурный капитал», не только усиливают свое влияние в обществе, но и закрепляют позиции в социальной стратификации.

Общество – это относительная мера идентификации статуса государственных служащих.

Общество является измерением идентичности государственной службы. Поскольку личность является суммой социальных отношений, они становятся сущностной характеристикой социального человека и упорядоченными правилами, регулирующими коллективные действия социального человека. Измерение идентичности государственной службы включает три группы отношений: индивид и группа, «я» и другой, внутренние ценности и внешние действия.

Идентичность личности и идентичность группы. Идентичность личности относится к признанию индивидуумом своих собственных характеристик, она подчеркивает субъектность человека, его стремление к внутреннему единству. Идентичность группы относится к осознанию индивидуумом своей принадлежности к определенной социальной группе, а также к способности ощущать эмоциональную и ценностную значимость, которую группа придает индивиду. Идентичность личности и идентичность группы формируются не в вакууме, изолированно от социального влияния, а возникают в процессе взаимодействия, через социальные отношения. Идентичность личности и идентичность группы - это процесс самоопределения и социального контроля в рамках социальной структуры. Стремление индивида следовать за группой является инстинктивным, а психология совместимости - это процесс поиска принадлежности на уровне мысли, повседневной жизни и отношения к действиям. Индивид старается приблизиться к основным социальным, моральным и этическим нормам группы, сохраняя при этом определенные различия.

Самоидентификация и идентификация с другими. Индивид живет в определенном социально-историческом контексте, поэтому он обязательно

устанавливает взаимодействие с другими субъектами, а в процессе этого взаимодействия постепенно определяет свою социальную роль и подчеркивает свои качества. В группе, состоящей из госслужащих, самоосознание является основой построения отношений с другими, а также отправной точкой для самоопределения в обществе. Самоосознание должно включать такие позиции, как служитель, управленец, исполнитель и т. д. Другие в данном контексте - это те, кто имеет социальную связь с государственными служащими, включая коллег, общественность и партнеров. В социальном контексте госслужащие устанавливают связи с другими через социальную оценку, рабочие рекомендации и эмоциональную поддержку. В этом процессе совместно с другими формируются профессиональная роль и социальный имидж госслужащих. В ходе взаимодействия они добиваются общественного признания и уважения через честность, прозрачность и профессиональное поведение.

Внутренняя ценность и внешние действия. Идентичность госслужащих требует согласованности внутренних ценностей с внешними действиями. Внутренние ценности госслужащих включает личные убеждения, ценности и профессиональную этику, тогда как внешние действия являются конкретным проявлением этих внутренних ценностей в реальных ситуациях. Государственным служащим необходимо сопоставить свои личные ценности, убеждения и действия с требованиями и ожиданиями общества. Это единство обеспечивается профессиональным чувством, ответственностью и миссией. В политической жизни общества внутренняя ценность госслужащих проявляется в стремлении к общественному духу, к таким ценностям, как справедливость, равенство, свобода, демократия, участие, согласие и т. д. Во внешних действиях это выражается в поддержке и защите общественных интересов, основных прав граждан, а также в общественного порядка и социальной справедливости.

Организация - это пространственное измерение идентификации статуса государственного служащего.

Организация является пространством, в котором ее члены определяют и реализуют себя в социальной структуре. Организация и ее члены взаимно формируют и укрепляют свою идентичность. Государственные служащие на основе собственного рационального суждения строят свою идентичность в соответствии с ожиданиями административной организации. В свою очередь она через свои ценности и управленческие процессы формирует идентичность госслужащих. Взаимодействие администрации и госслужащих – это двусторонний динамичный процесс, при котором взаимное формирование укрепляет отношения, что повышает сплоченность и конкурентоспособность организации, помогает госслужащим в их личностном росте и профессиональном развитии, становится движущей силой для выстраивания инновационного управления административной организации.

В исследованиях идентичности социология и психология обычно придерживаются мнения о том, что «индивиды стремятся построить позитивную организационную идентичность». Под позитивной организационной идентичностью понимается совокупность самоидентификаций индивида как члена организации. Разделяя ценности с административной организацией, госслужащий осуществляет самоидентификацию. В статье утверждается, что индивидуальная рациональность является движущей силой построения идентичности госслужащего. Его стремление к достижениям организационных целей является рациональным действием, исходящим от индивида. При этом критерий основан на оптимизации обмена ресурсами в рамках организации и в соответствии с собственными потребностями. Основываясь на оценке ресурсов административной организации и преследуя собственные интересы, в конечном итоге госслужащий реализует свой личный потенциал и профессиональные цели через ресурсы и возможности, предоставляемые организацией. Такое рациональное поведение является не только движущей силой личного профессионального развития, но и ключом к передаче организационной культуры и ценностей.

С другой стороны, организация как единица социальной структуры и организационная идентичность отражают положение и ценность в обществе, активно влияет на индивидуумов, наделяя их социальным статусом и достоинством. Организация через набор собственных специфических ценностей приобретает своего рода "структуру личности", которая больше не рассматривается как расходный, жертвенный инструмент, а становится социальной единицей с субъектностью и активностью. Административная организация формирует идентичность госслужащих через набор, обучение, мотивацию и другие управленческие процессы. Например, она набирает сотрудников, которые соответствуют ценностям и основной миссии организации, системно практикует внутреннее образование и обучение, чтобы развить в сотрудниках понимание и принятие организационных ценностей и целей, сформировать их идентичность вокруг ценностных обязательств административной организации и добиться согласованности целей между государственными служащими и административной организацией.

Пути реализации идентичности государственных служащих на основе культурных, социальных и организационных аспектов

Формирование идентичности государственных служащих - это динамичный процесс, который охватывает три измерения: культуру, общество и организацию. Культура предоставляет основополагающие концепции идентичности для государственных служащих, общество создает реальный контекст для их идентичности, а организация обеспечивает структурную и институциональную поддержку. В частности, для формирования идентичности госслужащих необходимо сосредоточиться на следующих аспектах.

Культурная стратегия идентификации статуса государственного служащего

Основной задачей формирования идентичности госслужащих является работа с базовыми ценностями и этическим воспитанием, что включает внедрение принципов этики (общественный интерес, справедливость, преданность и трудолюбие) с целью формирования общей когнитивной структуры. Эта структура предоставляет госслужащим руководство по профессиональному поведению и становится источником профессиональной ответственности. Помимо основных ценностей и этического воспитания важным аспектом построения идентичности является повышение «культурного капитала» государственных служащих. Он включает повышение уровня профессиональных знаний и укрепление духа общественного служения. Через системное обучение и подготовку госслужащие шлифуют свои профессиональные навыки и повышают уровень разработки политик, что должно более качественно соответствовать потребностям общества. Кроме того, создание открытой среды общения, прозрачность при принятии решений, справедливая система поощрений также являются важными факторами укрепления идентичности госслужащих. Открытая среда общения способствует взаимодействию и сотрудничеству госслужащих, усиливает сплоченность и единение команды. Прозрачность при принятии решений помогает госслужащим лучше понимать логические подходы и ценностные ориентиры при принятии тех или иных решений, повышает их доверие и чувство принадлежности к администрации. Справедливая система карьерного роста стимулирует активность и творческий подход к работе, позволяет добиться признания и получить одобрение в процессе профессионального роста.

Социальное взаимодействие в идентификации личности государственных служащих

Реализация идентификации статуса государственного служащего требует правильного управления отношениями между индивидуумом и группой, «я» и другими, внутренней ценностью и внешним поведением. Оценка обществом госслужащих напрямую влияет на реализацию их идентичности; создание справедливой и прозрачной системы социальной оценки может эффективно способствовать взаимодействию между госслужащими и обществом. Одновременно, необходимо создать уважительную и доверительную социальную атмосферу для госслужащих через медийную пропаганду, публичное образование и другие каналы, укреплять общественное признание их труда, минимизировать недоразумения и искоренять предвзятость. Необходимо согласовывать самоосознание с ожиданиями других. Следует поощрять госслужащих активно выполнять свои обязанности, расширять возможности взаимодействия с обществом через слушания, общественные услуги и формы общественного опроса. Также необходимы стимулирование участия госслужащих в социальном управлении, повышение качества и эффективности государственных услуг, усиление согласованности внутренней ценности и внешнего поведения госслужащих. Надо поощрять умение госслужащих сочетать личные ценности и убеждения с профессиональным поведением, защищать общественные интересы и стремление к социальной справедливости через реальные действия. Тем самым достигается органичное единство личной ценности и социальной ответственности.

Поддержка организации при идентификации статуса государственных служащих

При идентификации личности государственных служащих с организационной точки зрения учитываются два субъекта: административная организация и государственные служащие. С одной стороны, администрация благодаря профессиональной подготовке, межведомственной ротации и профессиональному образованию укрепляет внутреннюю информационную коммуникацию и обмен знаниями, повышая степень сплоченности, корпоративность и лояльность госслужащих. Администрация также должна обозначить отдельным госслужащим четкие цели и видение, соответствующие их карьерному развитию, создать справедливую квалификационную систему и мотивационные меры, основанные на результатах работы, что позволит стимулировать внутреннюю мотивацию для карьерного роста, повысит значимость материальных стимулирующих мер и социальных гарантий. Основное влияние госслужащих на свою администрацию осуществляется через участие в разработке и реализации публичной политики, что требует профессиональных знаний и навыков, эффективного исполнения своих обязанностей. Государственные служащие должны строго соблюдать нормы профессиональной этики, поддерживать престиж, через положительные примеры дополнять идентификацию с организацией и завоевывать доверие и уважение общества к административной организации.

С помощью совместного действия трех измерений (культуры, общества и организации) идентичность государственных служащих не только укрепляется внутри организации, но и получает широкое признание и уважение в обществе. Таким образом, укрепляется единство личных целей и общественных интересов, личной ценности и социальной ответственности.

Литература

1. Фомина Светлана Вячеславовна. «Государственные гарантии как элемент правового статуса государственных служащих». Журнал российского права, № 4 (124), 2007, стр. 52-60.

2. Рыбкина К.В. «Отличительные особенности правового статуса государственного служащего». Новый взгляд. Международный научный вестник, № 11, 2016, стр. 227-238.

3. Тимонина Е.В.

«Особенности правового статуса государственного служащего». Вестник науки, vol. 2, №. 8 (29), 2020, стр. 71-76.

4. Хэ Ин. Исследование философии администрации М.. Пекин, Издательство обучения, 2011.

5. Хэ Ин. Исследование передовых вопросов управленческой философии М.. Харбин, издательство Heilongjiang University, 2020

Culture, Society, Organization: Three Dimensions of Civil Servant Identity

Zheng Siyan
Heilongjiang University

The recognition of civil servant status affects the formation of public administration system and its effectiveness. This article argues that culture, society and organization are the three main dimensions in the recognition of civil servant status. Culture is the ideological dimension and the core element of civil servant status recognition. Society is the evaluative dimension in civil servant status recognition. And it implies three levels of relationships: individual and group, self and others, internal values and external actions. Organization as a spatial dimension reflects the relationship and formation between administrative organization and civil servant status recognition. Ultimately, the combined effect of the three dimensions – culture, society and organization – creates the unity of personal goals and public interests, as well as personal value and social responsibility.

Keywords: civil servant, identity, culture, society, organization.

References

1. Fomina Svetlana Vyacheslavovna. "State guarantees as an element of the legal status of civil servants." Journal of Russian Law, no. 4 (124), 2007, pp. 52-60.
2. Rybkina K.V. "Distinctive features of the legal status of a civil servant." New look. International Scientific Bulletin, no. 11, 2016, pp. 227-238.
3. Timonina E.V.
"Features of the legal status of a civil servant." Bulletin of Science, vol. 2, no. 8 (29), 2020, pp. 71-76.
4. He Ying. Research on the philosophy of administration M.. Beijing, Learning Publishing House, 2011.
5. He Ying. Research on Advanced Issues in Management Philosophy by M. Harbin, Heilongjiang University Press, 2020

Влияние БРИКС на мировой политический порядок

Лю Сюаньцзя
магистр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, xuanjialiu37843@gmail.com

В статье рассматривается влияние объединения БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) на трансформацию мирового политического порядка. Анализируются ключевые инициативы БРИКС в области экономического сотрудничества, реформирования глобальных институтов и укрепления многополярности. Особое внимание уделяется усилиям стран-участниц по снижению зависимости от доминирующих западных структур и продвижению альтернативных механизмов глобального управления. Показано, что БРИКС играет важную роль в обеспечении равноправного взаимодействия между развивающимися и развитыми странами. Также оценивается потенциал объединения для дальнейшего укрепления своих позиций в условиях глобальных вызовов. Сделан вывод о значении БРИКС как ключевого актора в формировании справедливого мирового порядка.
Ключевые слова: БРИКС, политический порядок, влияние, международные отношения, международные организации.

Введение

На протяжении последних десятилетий мировая политическая система претерпевает значительные изменения, связанные с ослаблением однополярного порядка и укреплением многополярности. Одним из ключевых факторов этой трансформации стало формирование и развитие межгосударственного объединения БРИКС, включающего Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку. Эти страны объединяют не только масштабы их экономик и демографический потенциал, но и стремление к созданию более справедливой и сбалансированной системы международных отношений.

БРИКС активно продвигает идею реформирования глобальных институтов, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк, с целью учета интересов развивающихся стран. Кроме того, это объединение представляет собой платформу для укрепления регионального сотрудничества, развития устойчивой экономики и противодействия глобальным вызовам [1].

Настоящая статья посвящена исследованию роли БРИКС в изменении мирового политического порядка, анализу его ключевых инициатив и оценке перспектив дальнейшего влияния на глобальную систему управления.

Основная часть

Одним из ключевых результатов деятельности БРИКС стало укрепление многополярности в мировой политике. В отличие от однополярной системы, доминирующей в последние десятилетия, объединение БРИКС предлагает альтернативный подход, основанный на равноправии и уважении суверенитета. Инициативы, направленные на создание независимых финансовых институтов, таких как Новый банк развития (НБР), свидетельствуют о стремлении стран БРИКС уменьшить влияние западных структур, таких как МВФ и Всемирный банк, и предложить развивающимся странам более гибкие механизмы финансирования. Показательно, что деятельность БРИКС нацелена не только на внутреннее развитие его участников, но и на изменение международной системы. Создание многополярного порядка способствует большей сбалансированности глобальной политики, где голоса стран с развивающейся экономикой начинают звучать громче [2].

Страны БРИКС продолжают последовательно выступать за реформирование международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация (ВТО). Основные претензии к данным институтам связаны с их неспособностью учитывать изменения в миро-

вой экономике и политике, произошедшие со времен их создания в середине XX века. Современные реалии демонстрируют усиление роли развивающихся стран, в том числе государств БРИКС, в глобальной экономике, однако это не отражено в структурах управления ключевых международных институтов. Так, доля стран БРИКС в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) уже превышает 30%, что делает их коллективным лидером среди развивающихся экономик. Однако в Международном валютном фонде, где принятие решений базируется на системе квот и голосов, представленность стран БРИКС остается несоразмерно низкой. Это ограничивает их возможность влиять на политику фонда и предлагать решения, которые бы учитывали интересы глобального Юга [9]. Аналогичная ситуация наблюдается в структурах Всемирного банка, где решения зачастую принимаются в пользу развитых стран, игнорируя потребности растущих экономик.

Одним из важных достижений стран БРИКС стало инициирование дискуссий о реформе Совета Безопасности ООН, который является ключевым органом, принимающим решения по вопросам глобальной безопасности. В существующем формате Совет Безопасности включает пять постоянных членов с правом вето (США, Великобритания, Франция, Россия, Китай), что не отражает современного распределения сил в мире. Бразилия, Индия и Южная Африка, как крупнейшие региональные державы, активно продвигают свои кандидатуры на постоянное членство в Совете, указывая на необходимость расширения представительства развивающихся стран. Их усилия поддерживаются рядом других государств, которые также считают, что нынешняя структура Совета Безопасности устарела и нуждается в демократизации [3].

Кроме того, реформирование международных организаций необходимо для создания более справедливой системы глобального управления, где интересы большинства стран мира, а не только развитых экономик, будут учитываться при принятии ключевых решений. Страны БРИКС предлагают не только модернизацию существующих институтов, но и создание альтернативных платформ, таких как Новый банк развития (НБР), который обеспечивает финансирование инфраструктурных проектов без обременительных условий, характерных для МВФ и Всемирного банка. Таким образом, позиция БРИКС по реформированию международных организаций свидетельствует о стремлении этих стран к формированию более равноправной мировой системы, в которой учитываются интересы всех участников, а не только доминирующих держав.

БРИКС продвигает ряд инициатив, направленных на углубление экономического взаимодействия. Ключевым инструментом стала дедолларизация расчетов между странами-участницами. Переход на национальные валюты способствует снижению зависимости от доллара США и уменьшению рисков, связанных с экономическим давлением со стороны западных стран. Новый банк развития играет важную роль в финансировании инфраструктурных проектов и поддержке устойчивого развития. Он предоставляет альтернативные источники финансирования для стран Глобального Юга, что позволяет развивающимся экономикам снижать зависимость от традиционных западных финансовых институтов. Кроме того, значительное внимание уделяется цифровизации экономики и созданию совместных платформ для обмена опытом в области технологий. Развитие совместных технологических проектов, таких как искусственный интеллект и зеленая энергетика, создает дополнительные возможности для стран БРИКС в условиях глобальной конкуренции [4].

Важным аспектом деятельности БРИКС является многостороннее политическое взаимодействие, направленное на укрепление региональной стабильности, развитие диалога и мирное урегулирование международных конфликтов. Формат регулярных встреч лидеров стран-участниц, а также министров иностранных дел, позволяет обсуждать наиболее острые мировые проблемы и вырабатывать согласованные позиции, которые отражают общие интересы объединения. Такая форма сотрудничества способствует усилению коллективного влияния БРИКС на мировой арене и демонстрирует приверженность принципам многополярности и равноправия в международных отношениях.

Одной из ключевых задач политического взаимодействия стран БРИКС является формирование единого подхода к глобальным вызовам, таким как изменение климата, международная торговля, борьба с терроризмом и обеспечение устойчивого развития. Например, страны объединения активно участвуют в международных климатических переговорах, таких как конференции ООН по изменению климата, выступая за справедливое распределение ответственности и необходимость учета интересов развивающихся стран [5].

В области международной торговли БРИКС стремится к созданию справедливой системы, которая бы исключала дискриминационные практики и обеспечивала равные возможности для всех участников. Это включает в себя противодействие протекционизму, защите национальных интересов в условиях экономического давления и продвижение идей свободной, но при этом сбалансированной торговли.

Особое внимание уделяется борьбе с терроризмом, который представляет угрозу для глобальной и региональной безопасности. Страны БРИКС поддерживают развитие совместных инициатив в этой области, включая обмен разведывательной информацией, укрепление механизмов международного сотрудничества и противодействие радикализации. При этом объединение подчеркивает необходимость строгого соблюдения норм международного права в рамках борьбы с террористическими угрозами [6].

Одним из ключевых политических принципов БРИКС является приверженность защите суверенитета государств, недопущение вмешательства во внутренние дела и соблюдение норм международного права. В этом контексте страны объединения последовательно выступают против односторонних

санкций, которые подрывают международные правовые нормы и наносят ущерб глобальной экономической стабильности. Такая позиция способствует формированию более справедливого и предсказуемого мирового порядка, в котором решения принимаются на основе многостороннего диалога и учета интересов всех участников. Таким образом, политическое взаимодействие БРИКС играет важную роль в укреплении международной стабильности, продвижении справедливости и создании условий для формирования новой архитектуры глобального управления [7].

Несмотря на достигнутые успехи, БРИКС сталкивается с рядом проблем, которые могут ограничивать его влияние. Во-первых, экономические и политические различия между странами-участницами могут осложнять согласование общих позиций. Например, различия в уровнях экономического развития или подходах к решению региональных вопросов иногда становятся препятствием для более тесного сотрудничества. Во-вторых, влияние внешних факторов, таких как глобальная нестабильность и санкционное давление, также создает вызовы для стран БРИКС. Сохранение суверенитета и независимости от внешнего давления остается важной задачей для участников объединения. Кроме того, необходимо усилить координацию внутри самого объединения, чтобы повысить эффективность реализации совместных инициатив и укрепить доверие между участниками [10].

БРИКС обладает значительным потенциалом для дальнейшего влияния на мировой политический порядок. В условиях нарастающего противостояния между крупными державами и усиления глобальных вызовов, таких как изменение климата и экономическая нестабильность, объединение может стать платформой для формирования более устойчивой и справедливой системы глобального управления. Особое значение имеет укрепление взаимодействия между БРИКС и другими региональными объединениями, такими как ШОС и АСЕАН. Совместные инициативы могут способствовать не только расширению экономических и политических связей, но и формированию нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении и равноправии [8].

Заключение

Влияние БРИКС на мировой политический порядок является важным аспектом глобальной трансформации, которая отражает переход от однополярной системы к многополярной модели международных отношений. Страны БРИКС, объединяя экономический, демографический и политический потенциал, выступают активными участниками этого процесса, продвигая идеи равноправия, взаимного уважения и справедливости в международных делах.

Одним из ключевых достижений объединения стало развитие альтернативных институтов глобального управления, таких как Новый банк развития, а также инициирование дискуссий о необходимости реформирования устаревших международных структур, включая ООН, МВФ и Всемирную торговую организацию. Эти усилия направлены на создание более справедливой и инклюзивной системы, где интересы развивающихся стран будут представлены наравне с развитыми экономиками.

Политическое и экономическое сотрудничество стран БРИКС демонстрирует, что объединение способно не только эффективно реагировать на глобальные вызовы, такие как изменение климата, международная торговля и борьба с терроризмом, но и формировать новые подходы к решению мировых проблем. Поддержка принципов многополярности, уважение суверенитета и противодействие односторонним санкциям подтверждают роль БРИКС как одного из ключевых акторов глобального порядка.

Несмотря на внутренние различия и внешние вызовы, БРИКС обладает значительным потенциалом для дальнейшего укрепления своего влияния. Взаимодействие с другими региональными объединениями, развитие инновационных проектов и укрепление взаимного доверия могут стать основой для усиления позиций объединения в глобальной политике.

Таким образом, БРИКС играет ключевую роль в трансформации мировой системы, способствуя формированию более сбалансированного, устойчивого и справедливого мирового порядка, основанного на партнерстве и диалоге.

Литература

1. Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник международных исследований. 2021. № 2. С. 45-58.

2. Лексютина Я. В. Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 1. С. 9-22.

3. Колдунова Е. В. Роль стран БРИКС в глобальном управлении // Сравнительная политика. 2023. Т. 14. № 1. С. 5-18.

4. Алексеенко О. А., Ильин И. В. БРИКС как новая форма полицентричности мирового порядка // Обозреватель. 2021. № 4. С. 112-123.

5. Конкин А. А. Анализ потенциала сотрудничества стран БРИКС в системе глобального управления // Вестник экономики и права. 2022. № 3. С. 78-89.

6. Вань Ц. Роль БРИКС в глобальном управлении и трансформации мирового порядка: китайский взгляд // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 48. С. 14-25.

7. Муратшина К. Г. Группа БРИКС как актор мировой политики // Вестник Казанского государственного университета. 2022. Т. 64. № 2. С. 233-245.

8. Бевеликова Н. М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 34-47.

9. Панова В. В. Место России в БРИКС: видение и практические результаты // Вся Европа. 2021. № 7-8. С. 68-75.

10. Горбунова М. Л., Ливанова Е. Ю., Елизарова Н. К., Овчинников В. Н. Пул условных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2022. Т. 10. № 2. С. 12-23.

The Impact of BRICS on the World Political Order

Liu Xuanjia
Lomonosov Moscow State University

The article examines the influence of the BRICS association (Brazil, Russia, India, China, South Africa) on the transformation of the world political order. The key BRICS initiatives in the field of economic cooperation, reforming global institutions and strengthening multipolarity are analyzed. Particular attention is paid to the efforts of the participating countries to reduce dependence on dominant Western structures and promote alternative mechanisms of global governance. It is shown that BRICS plays an important role in ensuring equal interaction between developing and developed countries. The potential of the association for further strengthening its position in the context of global challenges is also assessed. A conclusion is made about the importance of BRICS as a key actor in the formation of a fair world order.

Keywords: BRICS, political order, influence, international relations, international organizations.

References

1. Astakhov E. M. BRICS: Development Prospects // Bulletin of International Studies. 2021. No. 2. Pp. 45-58.
2. Leksyutina Ya. V. The Role of BRICS in Stimulating a Paradigm Shift in Global Economic Governance // International Processes. 2022. Vol. 20. No. 1. Pp. 9-22.
3. Koldunova E. V. The Role of BRICS Countries in Global Governance // Comparative Politics. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 5-18.
4. Alekseenko O. A., Ilyin I. V. BRICS as a New Form of Polycentricity of the World Order // Observer. 2021. No. 4. Pp. 112-123.
5. Konkin A. A. Analysis of the Potential for Cooperation of the BRICS Countries in the Global Governance System // Bulletin of Economics and Law. 2022. No. 3. Pp. 78-89.
6. Wan Q. The Role of BRICS in Global Governance and Transformation of World Order: The Chinese View // Public Administration. Electronic Bulletin. 2021. No. 48. Pp. 14-25.
7. Muratshina K. G. The BRICS Group as an Actor in World Politics // Bulletin of Kazan State University. 2022. Vol. 64. No. 2. Pp. 233-245.
8. Bevelikova N. M. BRICS: Legal Features of Development // Journal of Russian Law. 2023. No. 5. Pp. 34-47.
9. Panova V. V. Russia's Place in BRICS: Vision and Practical Results // All Europe. 2021. No. 7-8. P. 68-75.
10. Gorbunova M. L., Livanova E. Yu., Elizarova N. K., Ovchinnikov V. N. BRICS Contingent Reserve Pool in the System of Multilateral Regimes of Global Finance // Financial Analytics: Problems and Solutions. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 12-23

Внешняя Политика Республики Корея в Центральной Азии: утилитаризм и стратегический дисбаланс

Чэнь Бин
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов,1042238185@rudn.ru

Дипломатическая деятельность Республики Корея в Центральной Азии в последние годы растет и привлекает широкое внимание. Хотя двустороннее сотрудничество Южной Кореи с Казахстаном и Узбекистаном достигло поразительных результатов, внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии также подвергается критике, например, утилитарный характер выбора Южной Кореей партнеров по сотрудничеству, слишком однородные дипломатические инструменты Южной Кореи и отсутствие систематических академических исследований по региону Центральной Азии. В данной статье рассматриваются негативные аспекты внешней политики Кореи в Центральной Азии, анализируются их причины и развитие.

Ключевые слова: внешняя политика Кореи. дипломатическая стратегия. Центральная Азия, корейская диаспора

Ученые и политики уже давно сосредоточили свои исследования внешней политики и стратегии Южной Кореи на макроуровне, где ядром и основой является альянс США и РК. Более того, благодаря демократической системе Южной Кореи и ее давнему доминированию в западном дискурсе, по крайней мере, по сравнению с Китаем и Индией, которые также являются азиатскими странами, это доминирование нетрудно обнаружить. Оценки внешней политики и стратегии Южной Кореи в основном положительные. В то же время внешняя стратегия Кореи не получила должного внимания и анализа, за исключением нескольких крупных держав и соседних с Кореей стран. Поэтому необходим более полный анализ внешней политики Кореи. По сравнению с периферийной дипломатией Южной Кореи по отношению к своим соседям и ее стратегией безопасности, сосредоточенной на альянсе РК и США, политика Южной Кореи в Центральной Азии заметно отличается.

В целом, политика Южной Кореи в Центральной Азии характеризуется следующими особенностями:

1. политика Южной Кореи в Центральной Азии не имеет четкого позиционирования в общей внешней стратегии и системе внешней политики.

2. будучи внерегиональной средней державой, Южная Корея не имеет конкурентных преимуществ перед такими крупными игроками, как Россия, Китай и США.

3. Южная Корея ценит альтруистические преимущества Центральной Азии, и ее мотивация развития внешних отношений и сотрудничества носит утилитарный характер, что не может не вызывать критики как недальновидное и несбалансированное решение.

4. как важная область и цель южнокорейской дипломатии «мягкой силы», существует значительная разница между Южной Кореей и странами Центральной Азии в их понимании диаспоры. Дипломатия мягкой силы Южной Кореи в Центральной Азии сталкивается с двойной дилеммой - когнитивного и стратегического рассогласования.

Политика Кореи в Центральной Азии не может быть четко определена в системе ее внешней политики и стратегии. В целом политику Кореи в Центральной Азии можно разделить на три периода: первый период - 1992-2004 гг. После распада Советского Союза страны Центральной Азии установили официальные дипломатические отношения с Республикой Корея как суверенные государства, а в 1993 году тогдашний президент Республики Корея Ким Ён Сам отметил, что тенденция глобализации важна для участия Кореи в Центральной Азии, но не разработал четкого видения и плана реализации. [7,

Электронный ресурс] Однако в некоторых исследованиях упоминается о неформальных обменах в области образования и культуры через группы корейской диаспоры и организации гражданского общества в Центральной Азии, а в 2004 году тогдашний президент Но Му Хён предложил «Всеобъемлющую центральноазиатскую инициативу» (ВЦАИ) - программу государственного и корпоративного участия, направленную на промышленное развитие, энергетическую безопасность, расширение экономических и торговых связей. [7, Электронный ресурс] Это была первая инициатива корейского правительства, направленная на промышленное развитие, энергетическую безопасность и расширение торгово-экономических связей. Это также была первая четко выраженная политика в отношении Центральной Азии, предложенная корейским правительством. Второй этап 2005-2022 гг. После того как президент Но Му Хён предложил первую систематическую центральноазиатскую политику Кореи, корейская центральноазиатская политика вступила в новую фазу развития и практики. При этом в ней четко прослеживаются стилистические различия между президентствами. Политика администрации Но Му Хёна была направлена на создание хорошей основы для дипломатической практики Кореи в Центральной Азии путем сочетания межправительственного дипломатического диалога на высоком уровне и делового сотрудничества. Главной целью политики в этот период было поддержание энергетической безопасности Кореи за счет масштабного импорта энергоносителей из Центральной Азии. Дипломатическая деятельность Южной Кореи в Центральной Азии началась с Казахстана и Узбекистана. С 2007 года Корея регулярно проводит форумы по сотрудничеству со странами Центральной Азии на уровне заместителей министров иностранных дел. [7, Электронный ресурс] Третий период - с момента вступления в должность президента Юн Сок Ёля и по настоящее время.

Хотя сотрудничество Кореи со странами Центральной Азии постепенно приобретает институциональный характер, оно по-прежнему не имеет четкой программы на методологическом уровне и характеризуется своеобразным личным стилем каждого президента. Однако стоит отметить, что личные стили президентов не одинаковы и часто вступают в противоречие друг с другом из-за различий в их ранних политических путях или опыте пребывания на посту. Стиль внешней политики президента Ли Мён Бака южнокорейские СМИ охарактеризовали как «дипломатию генерального директора», что объясняется его опытом работы в качестве руководителя корпорации. Во время своего визита в Индонезию в марте 2009 года он объявил о своей «Новой азиатской дипломатической концепции». [7, Электронный ресурс] Эта концепция основана на существующей «дипломатии четырех держав» - Китая, США, России и Японии - и расширяет нынешнюю дипломатию Южной Кореи в азиатском регионе в двух направлениях: во-первых, расширяя сферу дипломатии, которая раньше была «ориентирована на страны Северо-Восточной Азии», на весь азиатский регион, и, во-вторых, распространяя «экономически ориентированную» дипломатию на весь азиатский регион, который раньше был «экономически ориентированным». Первое - это расширение сферы дипломатии с прежнего «сосредоточения на странах Северо-Восточной Азии» на весь Азиатский регион, а второе - расширение прежней сети сотрудничества, ориентированной на экономику, на сферы безопасности, культуры и энергетики, а также повышение статуса и роли Кореи в Азиатском регионе до «доминирующей страны» с помощью «Новой азиатской дипломатической концепции». Новая концепция азиатской дипломатии» повысит статус и роль Кореи в азиатском регионе до уровня ведущей страны. Во время своей первой поездки в Центральную Азию Ли посетил Узбекистан и Казахстан. В ходе ряда последующих визитов он подчеркивал необходимость укрепления сотрудничества в области энергетики и ресурсов между Кореей и странами Центральной Азии для обеспечения энергетической безопасности Кореи. [7, Электронный ресурс]

Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии подвергается критике за недостаточную конкурентоспособность. Начиная с президента Пак Кын Хе, Южная Корея стремилась продать странам Центральной Азии набор программ регионального сотрудничества, основанных на инфраструктурных связях, дополненных углублением энергетического сотрудничества. Под влиянием тенденции к региональной интеграции эти программы, как правило, представляют собой амбициозные планы, не являющиеся в определенном смысле вполне осуществимыми. И «Новый северный план» президента Мун Чжэ Ина, и «Шелковый путь - К» президента Юн Сок Юля в значительной степени зависят от транзитного положения других стран в сфере наземного или морского интермодального транспорта, и отношения с этими странами (обычно это Китай, Россия и Северная Корея) будут оказывать непосредственное влияние на реализацию этих планов. [4, Электронный ресурс, 10, Электронный ресурс] Как правило, Южная Корея не обладает полной автономией в управлении своими отношениями с этими странами и зависит от результатов геополитической конкуренции. [5, Электронный ресурс] По сравнению с китайской инициативой «Пояс и путь», Евразийским экономическим союзом под руководством России и американской инициативой «Новый шелковый путь» планы Южной Кореи не столь богаты по содержанию и в большинстве областей пересекаются с планами вышеупомянутых крупных держав, а также не имеют гарантий экономического сотрудничества, которое будет поддерживаться в долгосрочной перспективе. Таким образом, на данном уровне можно сделать вывод, что внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии не обладает полной самостоятельностью и обоснованностью.

Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии также подвергается критике за ее утилитарный характер. Количество саммитов рассматривается частью ученых как показатель динамики и глубины сотрудничества, а уровень официальных визитов

глав государств подчеркивает сферы интересов. С 1992 года было проведено 16 саммитов между Южной Кореей и Узбекистаном, 14 - с Казахстаном, 5 - с Туркменистаном, 2 - с Кыргызстаном и 3 - с Таджикистаном. [1, Электронный ресурс] Очевидно, что южнокорейские лидеры оценили экономическую мощь стран Центральной Азии и просеяли их по степени обеспеченности ресурсами и уровню ВВП от самого высокого к самому низкому. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан обладают большим количеством природных ресурсов, в которых Корея отчаянно нуждается, в то время как Кыргызстан и Таджикистан неоднократно исключались из списка визитов из-за плохого экономического положения.

Другой важной частью внешней политики Кореи в Центральной Азии является культурная политика и гуманистическое сотрудничество. [7, Электронный ресурс, 8, Электронный ресурс] Помимо обучения корейскому языку и распространения корейской народной культуры, важной задачей является содействие возвращению корейских экспатриантов на историческую родину или восстановлению их идентичности с ней. Исторически сложилось так, что Корея рассматривает свою диаспору как важный дипломатический ресурс. В отличие от корейской диаспоры в США, корейская диаспора в Центральной Азии не создавала политических групп, главным символом которых была бы идентичность, а в сочетании с различиями в политической системе еще реже участвует в лоббировании конкретных вопросов за пределами института. Например, корейские экспатрианты в США принимали участие в многочисленных слушаниях в Конгрессе по таким вопросам, как жертвы японских женщин для утех во время Второй мировой войны. Корейские экспатрианты в Центральной Азии предпочитают создавать неофициальные, неформальные группы культурного обмена, но эти группы иногда получают финансирование от Министерства иностранных дел и его филиалов. Эти неофициальные группы стремятся понять историю корейцев в Евразии», распространение и развитие корейской культуры в Центральной Азии, а также самобытность и самосознание корейцев в СНГ. [8, Электронный ресурс, 9, Электронный ресурс] В результате дипломатическое сотрудничество между этими неофициальными группами и РК было крайне ограниченным и не оправдало ожиданий правительства РК.

Заключение

Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии продолжает демонстрировать больший интерес к региону, чем когда-либо прежде, несмотря на вышеупомянутую критику. За последние пять лет Корея пыталась сотрудничать со странами Центральной Азии в таких областях, как цифровые технологии и биомедицина. Критические замечания, приведенные в статье, в определенной степени замечаются южнокорейским правительством и имеют сторонников в СМИ стран Центральной Азии, однако следует признать, что двусторонние отношения стран Центральной Азии с Южной Кореей важны в контексте геополитического соперничества между Россией, США и Китаем, что подразумевает еще один вариант и возможность.

Литература

1.*Акматалиева.А.* Центральная Азия и Южная Корея: в поисках возможностей для наращивания сотрудничества Электронный ресурс. // CABAR Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 13.10.2021. URL: https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnaya-koreya-v-poiskah-vozmozhnostej-dlya-narashhivaniya-sotrudnichestva (дата обращения: 21.11.2024).

2.*Алексеенова.Е.* Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) Электронный ресурс. //РСМД.25.07.2017 URL:https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/ (дата обращения: 21.11.2024).

3.*Бауыржан Аукен*. Центральная Азия – Республика Корея: значение для КазахстанаЭлектронный ресурс. // 4 ноября, 2023 Аналитика, Главные новости, Центр международных исследований Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан. URL:https://kisi.kz/ru/chentralnaya-aziya-respublika-koreya-znachenie-dlya-kazahstana/ (дата обращения: 21.11.2024).

4.*Буланакова М. А.* Евразийский вектор внешней политики Республики Корея: фактор Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. №4 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-vektor-vneshney-politiki-respubliki-koreya-faktor-tsentralnoy-azii (дата обращения: 30.11.2024).

5.*Кирьянов.О.* Южная Корея обнародовала новую внешнеполитическую стратегию Электронный ресурс. // СайтRG.RU.новости. 08.06.2023 URL:https://rg.ru/amp/2023/06/08/iuzhnaia-koreia-obnarodovala-novuiu-vneshnepoliticheskuiu-strategiiu.html (дата обращения: 30.11.2024).

6.*Купина Людмила Константиновна* Эволюция внешнеэкономической стратегии Республики Корея в Центральной Азии // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022. №2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vneshneekonomicheskoy-strategii-respubliki-koreya-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 30.11.2024).

7.*Ли Санг Джун.* 30 лет экономического сотрудничества между Республикой Корея и Центральной Азией: оценка и будущие задачи Электронный ресурс. // Секретариат Форума сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея» 25.08.2022. URL:https://www.kf.or.kr/korcenRus/na/ntt/selectNttInfo.do?nttSn=112454&bbsId=1336 (дата обращения: 21.11.2024).

8.*Парубочая Е.Ф.* Корейская публичная дипломатия в Центральной Азии // Кореееведение в России: направление и развитие. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskaya-

publichnaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 30.11.2024).

9.*Черногаев.М.* Корейская диаспора в Центральной Азии: история, культура и социальная жизнь Электронный ресурс. // Газета «Янги Ўзбекистон» и «Правда Востока»20.01.2023. URL:https://yuz.uz/ru/news/koreyskaya-diaspora-v-tsentralnoy-azii-istoriya-kultura-i-sotsialnaya-jizn (дата обращения: 30.11.2024).

10.*Шотанова.Г.А.* Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии Электронный ресурс. // Кореееведение Казахстана выпуск 2(2014) URL:https://canks.asia/KSK_2_37_ShotanovaGaliya.pdf (дата обращения: 21.11.2024).

11.*Minhyeon Jeong, Dongyeon Jeong, Jiyoung Min and Boogyun Kang.* Central Asia's Trade Strategies and Korea-Central Asia Cooperation PlansЭлектронный ресурс. // Korea Institute for International Economic Policy. World Economy Brief. 14.12.2023. URL:https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&list_no=11093&act=view (дата обращения: 30.11.2024).

12. Три десятилетия дипломатии на высшем уровне Южной Кореи с Центральной Азией: оценки и вызовы. Электронный ресурс. //Секретариат Форума сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея» 08.07.2022. URL:https://www.kf.or.kr/korcen/na/ntt/selectNttInfo.do?nttSn=111517&bbsId=1107(дата обращения: 21.11.2024).

Foreign Policy of the Republic of Korea in Central Asia: Utilitarianism and Strategic Imbalance

Chen Bing

Peoples' Friendship University of Russia

The diplomatic activities of the Republic of Korea in Central Asia have been growing in recent years and have attracted wide attention. Although South Korea's bilateral cooperation with Kazakhstan and Uzbekistan has achieved remarkable results, South Korea's foreign policy in Central Asia has also been criticized, such as the utilitarian nature of South Korea's choice of cooperation partners, the overly homogeneous diplomatic instruments of South Korea, and the lack of systematic academic research on the Central Asian region. This article examines the negative aspects of Korea's foreign policy in Central Asia, analyzes their causes and development.

Keywords: Foreign Policy of Korea. diplomatic strategy. Central Asia, Korean Diaspora

References

1. Akmatalieva.A. Central Asia and South Korea: in search of opportunities to increase cooperation Electronic resource. // CABAR Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 13.10.2021. URL: https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnaya-koreya-v-poiskah-vozmozhnostej-dlya-narashhivaniya-sotrudnichestva (date of access: 21.11.2024).
2. Alekseyenova.E. Comparative analysis of the activities of the "5+1" formats created in Central Asia (with the participation of the USA, South Korea, Japan and the EU) Electronic resource. // RSMD. 25.07.2017 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/ (date of access: 21.11.2024).
3. Bauyrzhan Auken. Central Asia - Republic of Korea: significance for Kazakhstan Electronic resource. // November 4, 2023 Analytics, Main news, Center for International Studies Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://kisi.kz/ru/chentralnaya-aziya-respublika-koreya-znachenie-dlya-kazahstana/ (date of access: 21.11.2024).
4. Bulanakova M. A. Eurasian vector of foreign policy of the Republic of Korea: the Central Asian factor // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 4 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-vektor-vneshney-politiki-respubliki-koreya-faktor-tsentralnoy-azii (date of access: 30.11.2024).
5. Kiryanov. O. South Korea unveiled a new foreign policy strategy Electronic resource. // SiteRG.RU.news. 08.06.2023 URL: https://rg.ru/amp/2023/06/08/iuzhnaia-koreia-obnarodovala-novuiu-vneshnepoliticheskuiu-strategiiu.html (date of access: 30.11.2024).
6. Kupina Lyudmila Konstantinovna Evolution of the Foreign Economic Strategy of the Republic of Korea in Central Asia // East Asia: Past, Present, Future. 2022. No. 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vneshneekonomicheskoy-strategii-respubliki-koreya-v-tsentralnoy-azii (date of access: 30.11.2024).
7. Lee Sang Joon. 30 Years of Economic Cooperation between the Republic of Korea and Central Asia: Assessment and Future Challenges Electronic resource. // Secretariat of the Central Asia – Republic of Korea Cooperation Forum 08/25/2022. URL: https://www.kf.or.kr/korcenRus/na/ntt/selectNttInfo.do?nttSn=112454&bbsId=1336 (accessed: 11/21/2024).
8. Parubochaya E.F. Korean Public Diplomacy in Central Asia // Korean Studies in Russia: Direction and Development. 2024. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskaya-publichnaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii (accessed: 11/30/2024).
9. Chernogaev.M. Korean Diaspora in Central Asia: History, Culture, and Social Life Electronic resource. // Yangi Uzbekiston and Pravda Vostoka newspapers, 20.01.2023. URL: https://yuz.uz/ru/news/koreyskaya-diaspora-v-tsentralnoy-azii-istoriya-kultura-i-sotsialnaya-jizn (accessed on 30.11.2024).
10. Shotanova. G. A. South Korea's Foreign Policy in Central Asia Electronic resource. // Korean Studies of Kazakhstan, Issue 2 (2014) URL: https://canks.asia/KSK_2_37_ShotanovaGaliya.pdf (accessed on 21.11.2024).
11. Minhyeon Jeong, Dongyeon Jeong, Jiyoung Min and Boogyun Kang. Central Asia's Trade Strategies and Korea-Central Asia Cooperation Plans Electronic resource. // Korea Institute for International Economic Policy. World Economy Brief. 12/14/2023. URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&list_no=11093&act=view (accessed: 11/30/2024).
12. Three Decades of South Korea's High-Level Diplomacy with Central Asia: Assessments and Challenges. Electronic resource. // Secretariat of the Central Asia – Republic of Korea Cooperation Forum 07/08/2022. URL: https://www.kf.or.kr/korcen/na/ntt/selectNttInfo.do?nttSn=111517&bbsId=1107 (date of access: 11/21/2024)

«Гармонизация»: официальная политика интеграции в Турции

Шахбаз Огуз
аспирант Дипломатической академии МИД РФ,
oguz.ilber.sahbaz@gmail.com

Статья исследует официальную интеграционную политику Турции в отношении мигрантов, акцентируя внимание на правовой основе, установленной Законом о иностранных гражданах и международной защите 2013 года. Обсуждаются ограниченные положения по интеграции, при этом используется термин «гармонизация». Управление миграции отвечает за содействие взаимодействию между мигрантами и обществом, но конкретные обязательства остаются неясными. Несмотря на демографические изменения в Турции, стратегии интеграции отстают, что привело к созданию Документа о стратегии гармонизации на 2018-2023 годы. Эта стратегия определяет шесть стратегических приоритетов, включая социальную гармонию, образование и интеграцию на рынке труда, но не содержит конкретных мер для критически важных общественных услуг. Общественное восприятие мигрантов, особенно сирийцев, демонстрирует растущий скептицизм и предпочтение репатриации. В статье сделан вывод о том, что интеграционные политики Турции, которые изначально стремились к мультикультурному сосуществованию, не достигли запланированной социальной гармонии.
Ключевые слова: миграционная политика Турции, интеграционная политика, Турция

The integration subsystem of migration policy encompasses public policies related to the adaptation of newcomers, representing the third stage of migration processes. In contemporary Turkish migration policy, the issue of integration was first addressed in the Law on Foreigners and International Protection, adopted in 2013. Aside from Article 96 of this law, there are no other regulations or legal frameworks. The general provisions section of the Act uses the term "harmony" when outlining the responsibilities of the Migration Directorate, stating that "the Directorate, within the economic and financial capacity of the country, may plan harmonization activities, utilizing proposals and contributions from public institutions, local administrations, NGOs, universities, and international organizations to promote mutual harmony of foreigners, applicants, or holders of international protection status with the society" [1].

Within this framework, the main task assigned to the Migration Directorate is to equip migrants with the knowledge and skills needed for effective interaction with society. However, this article does not establish specific obligations or clear objectives for the Directorate or other state structures. The regulation on the implementation of the Law on Foreigners and International Protection also lacks detailed provisions on migrant integration. It does provide for the establishment of harmonization centres that can collaborate with various institutions. According to Article 118 of the Regulation, provincial departments of the Migration Directorate meet monthly under the chairmanship of governors to coordinate harmonization activities at the provincial level and relay the results to the central office of the Directorate [2]. As there are no additional legal acts regulating integration, the legal framework remains limited to the above provisions. Notably, Turkish authorities tend to avoid using the term "integration" in official documents, preferring "harmonization."

G.M. Sidorova states in her study that there are two main integration strategies in parallel in the EU countries [3]. The first one is directed towards non-European citizens, is assimilationist in nature and is based on the principles of intervention, where the government actively tries to integrate immigrants. The second one is oriented towards EU citizens and is a non-interventionist strategy where foreigners enjoy rights and reside in the host country without any interference from the state or local authorities for their integration.

As Turkey's EU membership has not materialised, it is evident that the EU has not fully committed itself to migrant integration policies. While adapting Turkish migration policy to EU standards, efforts to develop legislation and administrative structures occurred within

the national program, but integration issues were addressed much later and only formally presented to the public. This delay stems from the understanding that changes in migration policy affect social, economic, and cultural life in the medium to long term. For instance, when the Law on Foreigners and International Protection was adopted in 2013, foreigners constituted 0.91% of Turkey's total demographic structure; by 2018, this share had risen to 6.38%, primarily due to asylum-related migration flows. For the first time in modern Turkish history, individuals from over a hundred different ethnic groups, speaking various languages and belonging to diverse cultures, entered the country within a short period.

Turkish state structures faced new challenges, such as ensuring migrants' access to basic public services, including education, health, and security, and facilitating their participation in the labor market and economic life. Previously, Turkish officials had no experience managing such challenges on this scale. Consequently, in February 2018, the Migration Directorate prepared the "Harmonization Strategy Paper and National Action Plan," Turkey's first integration plan for 2018-2023, which was approved by the Migration Policy Council chaired by the President [4].

The "Harmonization Strategy Document" emphasizes that harmonization is a multi-stakeholder process involving various institutions and organizations. The document was developed considering the needs of migrants with different statuses, as well as the interests of Turkish citizens [5]. Its primary objective is to create a roadmap for identifying priorities in harmonization and coordinating actions among all stakeholders. The Migration Directorate has been tasked with implementing this action plan. The document outlines strategic priorities in six categories and defines specific objectives for each area. Key areas of the integration policy include social harmony, information provision, education, healthcare, labor market participation, and social support [6].

Social harmony is defined in the document as ensuring the cultural, social, and economic integration of migrants into their host society, fostering a shared sense of belonging and mutual recognition of differences through intercultural interaction and social dialogue. The goal of social harmony is to achieve social acceptance of migrants and to cultivate a culture of coexistence [7]. This requires acknowledgment of their identities, including differences in language, religion, and culture, to enable migrants to feel a part of society.

The definition of social harmony in the Harmonization Strategy Paper is grounded in multicultural principles. However, official integration policy documents lack further definitions and descriptions of this concept. Additionally, statements from high-ranking officials, including the President, suggesting that relations between asylum seekers and the local population should be based on "religious brotherhood" and viewing these relations through an Islamic lens, indicate the political motivations behind the pursued policy [8].

The second thematic area identified in the 2018 Harmonization Strategy Paper is "Information." The aim here is to strengthen information services for migrants through basic information standards and to prepare guides that migrants can use before and after arriving in Turkey [9].

The third strategic priority concerns education. Activities in this area aim to enhance migrants' access to formal education, ensure continuity in formal education, support access to higher education, develop non-formal education programs tailored to migrants' needs, and increase participation.

The fourth strategic priority focuses on healthcare, emphasizing the need for easily accessible, efficient, and sustainable health services. This includes adapting services to cultural differences and effectively monitoring migrants' access to these services.

The fifth priority addresses the labor market, with strategic objectives including analyzing and planning migrant employment, identifying and certifying prior learning, collecting labor market data, and safeguarding and improving migrants' labor rights.

Finally, the Harmonization Strategy identifies social assistance and services as a priority, aiming to develop support programs for migrants and strengthen coordination among relevant institutions and organizations.

Overall, the Harmonization Strategy outlines six strategic priorities and 16 objectives, detailing 164 specific activities to achieve these goals, with progress expected by 2023. Public institutions and organizations in Turkey are required to align their strategic planning with the Public Financial Management and Control Law No. 5018, effective since 2003, and must publish results in annual reports. However, an analysis of the Migration Directorate's annual reports from 2018 to 2023 reveals a lack of official statistics and explanatory data on the implementation of activities outlined in the Harmonization Strategy. This hampers assessments of the effectiveness and results orientation of the strategic measures.

Level of Public Support for Integration Policy

A key feature of integration policy is its impact on interactions between new foreign citizens, citizens, residents, and state institutions. For central and local administration policies to have political implications, they must be supported by society or, at the very least, not actively opposed by various social groups. Therefore, public perceptions and attitudes toward migrants are crucial for successful policy implementation.

Foreign nationals targeted by integration policies in Turkey fall into five distinct groups based on legal status, language, culture, and occupation [10]. The first group comprises legal migrants, primarily from CIS countries, totaling 1,346,867. The second group includes 3.2 million temporary asylum seekers from Syria, most of whom are Muslim Arabs. The third group consists of 222,069 foreigners seeking international protection, primarily from Afghanistan, Iraq, and Iran. The fourth group includes 36,347 Iraqi and Afghan nationals under conditional refugee protection. The fifth

group consists of illegal migrants in the country without legal status, whose exact number is unknown; however, 254,008 were detained in 2023.

Migration research centers at Turkish universities, NGOs, and public opinion research companies have conducted surveys on attitudes and perceptions of foreigners in Turkish society. The vast majority of these studies focus on Syrian nationals under temporary protection. Some research also includes Afghan nationals, but data on the other mentioned groups are still lacking.

One significant study is the "Syrian Barometer," which assesses Turkish society's attitudes and perceptions of Syrian nationals since 2019, supported by UNHCR and led by Professor Murat Erdoğan. According to Erdoğan, the study aims to "create a model for continuously analyzing social realities and perceptions of a future that is peaceful for both Syrians and Turkish society." The study will be conducted regularly to monitor changes in these areas.

Surveys conducted as part of the Syrian Barometer in 2017, 2019, 2020, 2021, and 2022 include data reflecting Turkish society's attitudes and perceptions toward key aspects of the Turkish government's harmonization strategy.

As previously noted, policy documents and discourses on integration contain texts based on multicultural ideas as well as predominantly Islamic motifs used to describe Syrians under temporary protection as a condition for social cohesion. Survey data reflecting Turkish society's perceptions of asylum seekers before and after the announcement of the official integration policy in 2018 are presented in Mendeley database link of this study [11]. Based on this data, a graph depicting changes in responses to the question, "How would you describe Syrians?" is plotted.

In the context of prevailing official and political discourses regarding the definition of "foreigner," which significantly influence social acceptance, two key points can be highlighted. First, social support for religiously motivated political discourses decreased from 20.7% in 2016 to 9.8% in 2022. Second, as asylum seekers' length of stay increases, support for the definition of "guest" diminishes, while the perception of "people fleeing persecution"—the most common definition—decreased from 60% to 30%. Simultaneously, the proportion of individuals viewing asylum seekers as "a burden" rose from 7% in 2016 to 51.6% in 2022. Consequently, Turkish society continues to perceive foreigners under temporary protection as temporary residents, with growing concerns about their presence leading to a widespread perception of them as a burden, both now and in the future.

The first public opinion survey regarding whether the Turkish government should develop an integration policy for citizens of the Syrian Arab Republic was conducted in 2016 by Konda Research. Results showed that 44% of the Turkish population supported granting work permits to asylum seekers, 37% supported granting residence permits, and 43% opposed housing Syrians exclusively in camps [12]. However, 80% of respondents disagreed with the Turkish government's integration policy. In subsequent Syrian Barometer surveys in 2021 and 2022, opposition to the integration policy rose to 54.2% and 69%, respectively. As the length of stay of foreigners under protection increases, Turkish society increasingly views this as a problem, leaning toward repatriation policies instead of integration. Support for repatriating foreigners grew from 11.5% in 2017 to 58.5% in 2022 [13].

The integration program announced in 2018 included various activities aimed at integrating migrants into Turkish society. Although there is no official data on the number of participants in vocational courses and other integration activities, the Syrian Barometer 2021 survey indicated that only 21.8% of respondents participated in such activities.[12] Among them, 6% attended Turkish language courses, while the remainder engaged in vocational training and socialization activities. According to the Turkish Ministry of National Education, 496,739 Syrian citizens participated in Turkish language courses between 2014 and 2020, representing 13.6% of the total number of Syrians under temporary protection [14].

According to the 2019-2022 Syrian Barometer surveys, responses to the question "To what extent have Syrians adapted to Turkish society?" reveal that Turkish society is dissatisfied with the level of Syrian adaptation [15]. In 2019, after seven years of Syrians residing in the country, 64.4% of Turkish respondents believed that Syrians had not integrated into society. By 2022, following the launch of the Harmonization Strategy, this figure rose to 77.2%. This indicates that the harmonization policy as a whole has not yielded the expected results, as Turkish society's satisfaction with the integration process has declined over time.

As part of the Syrian Barometer, Syrian citizens were also asked, "To what extent do you think Syrians have integrated into Turkish society?" Due to significant earthquakes in February in southern and southeastern Turkey, the 2022 survey was not conducted among Syrian citizens, and data are only available for 2019-2021. The opinions of Syrian citizens shifted as their length of stay increased. In 2019, 51.6% believed they had adapted to Turkey "completely" or "to a great extent," but by 2021, this figure had dropped to 23%. Simultaneously, the percentage of those feeling unadapted increased from 8.5% in 2019 to 23.1% in 2021 [16].

In summary, the impact of the "harmonization" policy on perceptions among both Turkish society and Syrian citizens under temporary protection is one of increased incompatibility. The goal stated in the Harmonization Strategy Paper of fostering a culture of coexistence and social acceptance of migrants remains largely unachieved. Joint life practices have proven insufficient for genuine rapprochement and harmonization between communities.

Conclusions

While traditional Turkish integration policies aimed at the assimilation of migrants through Turkification, the new integration policies emerging in the 2000s focus on coexistence based on multiculturalism. Traditional policies were rooted in nationalism supported by rational and secular arguments, while the

multiculturalism policies of the 2000s employed religious arguments to gain public acceptance.

Turkish society perceives foreigners under international protection as a burden and largely opposes the integration policy. The belief that forced repatriation is the best solution to the refugee issue has grown over time. This is largely because the potential consequences of Turkey's modified migration policy, influenced by EU policies, have not been adequately communicated to the public. The dramatic changes in demographic structure and the rapid influx of various categories of foreigners have presented challenges that Turkish society had not previously encountered.

Turkey's official integration policy lacks systematic, detailed, and legally backed action plans aimed at achieving mutual social harmony between migrants and citizens. The Harmonization Strategy adopted in 2018 has not resulted in social harmony among Turkish citizens or refugees. After 12 years of Syrians residing in the country, 77% of Turkish citizens believe that refugees have not adapted to society. Conversely, 55% of Syrian refugees feel they have partially adapted, while 23% believe they have not integrated at all. While the official Turkish integration policy has proclaimed social harmony as a strategic priority, it has overlooked the fact that "harmony" is a sociological and political phenomenon that requires synchronized and result-oriented efforts to effectively implement integration policies across various fields.

"Harmonisation": Official Integration Policy in Turkey

Sahbaz Oguz
Diplomatic Academy of Russian Ministry of Foreign Affairs

The article examines Turkey's official integration policy regarding migrants, focusing on the legal framework established by the 2013 Law on Foreigners and International Protection. It highlights the limited provisions for integration, using the term "harmonisation" instead. The Migration Directorate is tasked with fostering interaction between migrants and society, but specific obligations remain vague. Despite Turkey's demographic shifts, integration strategies lagged, prompting the creation of a Harmonisation Strategy Paper for 2018-2023. This strategy outlines six strategic priorities, including social harmony, education, and labour market integration, yet lacks concrete measures for critical public services. Public perception of migrants, particularly Syrians, shows increasing scepticism and a preference for repatriation. The article concludes that Turkey's integration policies, which initially aimed for multicultural coexistence, have not achieved their intended social harmony.

Keywords: Turkish migration policy, integration policy, Turkey

References

1. 4 Nisan 2013 tarih ve 6458 Sayılı Yabancılar ve Uluslararası Koruma Kanunu. – T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.6458.pdf (дата обращения: 13.08.2024)
2. 17 Mart 2016 tarihli Yabancılar ve Uluslararası Koruma Kanununun Uygulanmasına İlişkin Yönetmelik. – T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. URL: https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=21460&MevzuatTur=7&MevzuatTertip=5 (дата обращения: 18.08.2024)
3. Сидорова Г. М. , Жерлицына Н. А. Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта) // Мировая экономика и международные отношения – 2023. – Том 67. – Выпуск № 9 С. 109-118 Электронный ресурс.. URL: http://ras.jes.su/meimo/s013122270028179-7-1 (дата обращения: 30.05.2024). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118.
4. 2019 Türkiye Raporu. – Avrupa Toplulukları Komisyonu. S.54. URL: https://www.ab.gov.tr/siteimages/birimler/kpb/2019_trkiye_raporu-_tr.pdf (дата обращения: 16.08.2024)
5. It is noteworthy that the formulations of the 'Harmonisation Strategy Paper and National Action Plan' uses the term 'migrant', although in official documents and current Turkish legislation the term has a narrower meaning. In Turkish, 'göçmen' (migrant) refers to a person who migrates from one place to another, but in the context of official documents and legislation it necessarily refers to an 'immigrant, who has Turkish origin and Turkish culture' as defined in the Settlement Law No. 5543 of 2006. Moreover, the Law on Foreigners and International Protection defines the target audience of harmonisation activities as 'foreigners, applicants for international protection or holders of international protection status'. To avoid conceptual confusion, in the subsequent analysis of this document, the term 'migrant' will continue to be used throughout the thesis, although in this context it does not mean 'immigrants of Turkish origin and Turkish culture' according to the Settlement Law No. 5543.

Source: Uyum Strateji Belgesi ve Ulusal Eylem Planı 2018-2023. -T.C. İçişleri Bakanlığı Göç İdaresi Başkanlığı. S. 17. URL: https://www.goc.gov.tr/kurumlar/goc.gov.tr/Yayinlar/UYUM-STRATEJI/Uyum-Strateji-Belgesi-ve-Ulusal-Eylem-Plani.pdf (date of reference: 22.08.2023)

6. Uyum Strateji Belgesi ve Ulusal Eylem Planı 2018-2023. –T.C. İçişleri Bakanlığı Göç İdaresi Başkanlığı. S.21-27. URL: https://www.goc.gov.tr/kurumlar/goc.gov.tr/Yayinlar/UYUM-STRATEJI/Uyum-Strateji-Belgesi-ve-Ulusal-Eylem-Plani.pdf (дата обращения: 22.08.2023)
7. Uyum Strateji Belgesi ve Ulusal Eylem Planı 2018-2023. –T.C. İçişleri Bakanlığı Göç İdaresi Başkanlığı. S.11. URL: https://www.goc.gov.tr/kurumlar/goc.gov.tr/Yayinlar/UYUM-STRATEJI/Uyum-Strateji-Belgesi-ve-Ulusal-Eylem-Plani.pdf (дата обращения: 22.08.2023)
8. Bir İnsan Hakkı Olarak Sığınma Hakkı. – Adalet ve Kalkınma Partisi İnsan Hakları Başkanlığı. S. 13-19. URL: https://www.akparti.org.tr/media/275669/suriyeliler-kitapcik-1.pdf (дата обращения: 22.08.2024)
9. Uyum Strateji Belgesi ve Ulusal Eylem Planı 2018-2023. –T.C. İçişleri Bakanlığı Göç İdaresi Başkanlığı. S.22. URL: https://www.goc.gov.tr/kurumlar/goc.gov.tr/Yayinlar/UYUM-STRATEJI/Uyum-Strateji-Belgesi-ve-Ulusal-Eylem-Plani.pdf (дата обращения: 22.08.2023)
10. Sahbaz, Oguz (2024), "Demographic structure of Turkey's population by year (2005-2023)", Mendeley Data, V1, doi: 10.17632/jznchvtbxn.1
11. Sahbaz, Oguz (2024), "Turkish society's perceptions of asylum seekers (2017-2022)", Mendeley Data, V1, doi: 10.17632/ybkmrbg5cp.1
12. Konda Barometresi; Suriyeli Sığınmacılara Bakış Şubat 2016. –Konda Araştırma ve Danışmanlık. S.38. URL: https://konda.com.tr/uploads/1602-barometre62-suriyeli-siginmacilar-e06655351ffcbcfd811e8e1f8ea8c9b59c62b697457d2dd8bd4af985b75d6185.pdf (дата обращения: 22.08.2024)
13. Erdoğan M.M. Suriyeliler Barometresi 2022: Suriyelilerle Uyum İçinde Yaşamın Çerçevesi. –Ankara. –SerBest Kitaplar. S. 147. URL: https://www.unhcr.org/tr/wp-content/uploads/sites/14/2024/07/SB-2022-TR-d1.pdf (дата обращения: 22.08.2024)
14. Erdoğan M.M. Suriyeliler Barometresi 2021: Suriyelilerle Uyum İçinde Yaşamın Çerçevesi. –Ankara. – Eğiten Kitap Yayıncılık, 2022. S.298-299. URL: https://www.unhcr.org/tr/wp-content/uploads/sites/14/2023/01/SB-2021-TR-MME-FINAL-19-Ocak-2023.pdf (дата обращения: 22.08.2024)
15. Erdoğan M.M. Suriyeliler Barometresi 2020: Suriyelilerle Uyum İçinde Yaşamın Çerçevesi. – Ankara. – Eğiten Kitap Yayıncılık, 2021. S.74. URL: https://www.unhcr.org/tr/wp-content/uploads/sites/14/2022/03/SB-2020-turkce-son.pdf (дата обращения: 22.08.2024)
16. Sahbaz, Oguz (2024), "Turkish society's perceptions of asylum seekers (2017-2022)", Mendeley Data, V1, doi: 10.17632/ybkmrbg5cp.1

Турция в Европейской миграционной системе: от поставщика рабочей силы к реформам в рамках интеграции с ЕС

Шахбаз Огуз
аспирант Дипломатической академии МИД РФ,
oguz.ilber.sahbaz@gmail.com

Статья исследует эволюцию роли Турции в европейской миграционной системе, начиная с её ориентации на западный блок после Второй мировой войны и превращения в крупного поставщика рабочей силы для Западной Европы. Рассматриваются демографические и экономические факторы, приведшие к массовой внутренней миграции и трудовым соглашениям с европейскими странами, особенно с Германией в 1961 году. Эти соглашения способствовали миграции турецких рабочих, влияя на двусторонние отношения. Далее анализируется институциональное развитие Турции в контексте её стремления к вступлению в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) с 1959 года. В статье акцентируется внимание на влиянии Европейского Союза (ЕС) на турецкую миграционную политику, включая принятие Закона «Об иностранцах и международной защите» в 2013 году, что стало важным шагом к реформированию миграционной системы Турции в соответствии с нормами ЕС.
Ключевые слова: Миграционная политика Турции, Acquis communautaire, Вступление Турции в ЕС

In the context of the Yalta-Potsdam system established after World War II, Turkey opted for a position in the Western bloc, which contributed to its transformation into a key labour supplier for Western European economies undergoing a recovery process. Turkish population growth policies had a significant impact on the country's demographic dynamics, with the population increasing from 13.5 million in 1927 to 27 million by the 1960s. During this period, population growth outpaced the growth of agricultural production, which was one of the country's main economic activities [1].

Historian Kemal Karpat states that US aid introduced about 40,000 tractors between 1951 and 1953, helping to displace about 1 million farmers from the agricultural sector [2]. This process was the catalyst for the migration of people from rural areas to major cities. The emergence of Gecekondu districts on the periphery of major cities provided a location for the labour force needed for Turkey's burgeoning industry. The rate of internal migration in Turkey reached 10.5 per cent of the total population in 1955 and 11.8 per cent in 1965"[3].

Thus, internal demographic movements contributed to a large mass of unemployed people unable to find employment in the industry and commerce of major cities such as Istanbul, Ankara, Izmir and Adana. In the face of rising unemployment, the governments of the time, as part of the First Five-Year Development Plan, proposed the export of surplus labour to Western European countries experiencing labour shortages[4].

In 1961, the Federal Republic of Germany officially requested labour from Turkey, which was the beginning of mass emigration from Turkey. On 30 October 1961, a labour agreement was signed between Turkey and Germany, which gave German companies the opportunity to meet their labour needs at the expense of Turkish citizens[5]. In the following years, Turkey concluded similar labour agreements with several other countries: Austria (15 May 1964), Belgium (16 July 1964), the Netherlands (19 August 1964), France (8 April 1965), Sweden (10 March 1967), and Australia (5 October 1967)[6].

These bilateral labour agreements regulated key aspects of the migration process, including the selection of Turkish workers, their relocation to destination countries, and their entry, residence and work permits. The agreements also stipulated social and pension rights, conditions of expulsion and other rights and obligations of the signatories. The conditions of expulsion were usually based on public order and security considerations. However, the agreements with Germany and Austria included special provisions allowing ‘workers and their family members to be sent back to Turkey at any time, without formalities’[7].

Due to the 1974 oil crisis, Western European countries stopped accepting foreign labour needed for their economies and unilaterally cancelled the implementation of labour agreements with Turkey. According to Professor Nermin Abadan Unat, the number of Turkish workers in Europe increased from 204,663 in 1968 to 770,290 by 1980 [8]. In the same study, N.A. Unat notes that the Turkish population in Europe, including family reunions and children born on the continent, reached 1,885,102. According to the 2008 report of the International Organisation for Migration, the total number of Turkish workers in Europe was 1.228.666 and the total number of Turkish citizens was 3.040.020 [9].

Looking at the European migration system as a whole, it can be noted that the close ties between migrant-receiving and migrant-sending states have strengthened political and economic relations on the continent and paved the way for the introduction of similar policies. The process that began with the labour agreement between Turkey and Germany led to Turkey becoming an important source of labour for Western European economies until the end of the Cold War. As a result, subsystems such as Turkey-Germany, Turkey-Netherlands and Turkey-Austria within the European migration system were formed.

While the migration relations described above represent one dimension of Turkey's connection to the European migration system, another dimension is related to the institutional relations between the European Union and Turkey. Turkey's first application for membership in the European Economic Community was submitted on 31 July 1959, based on Article 237 of the Convention Establishing the European Economic Community, which allows any European state to apply for membership in the Community[10]. The Association Agreement between Turkey and the European Communities was signed in Ankara on 12 September 1963 [11]. According to the third article of the Agreement, its purpose is to 'promote the continuous and balanced strengthening of trade and economic relations m The Agreement provides for the realisation of Turkey's full membership in three stages: 1) a preparatory period (5 years), 2) a transition period (12 years), and 3) a final period.

Turkey completed the preparatory period of the Association Agreement in 1970. On 23 November 1970, the Additional Protocol was signed, which formally initiated the transition period. The Interim Agreement, signed before the ratification of the Protocol by the parliaments of the member states, entered into force on 10 January 1973 [12]. Thereafter, relations between the European Community and Turkey experienced a period of stagnation until 1987. On 14 April 1987, Turkey made a second application for full membership of the Community. In 1996, Turkey's accession to the Customs Union with the European Union was approved and Turkey was recognised as a candidate country at the Helsinki Summit in December 1999. Finally, the Brussels Summit on 17 December 2004 decided to start full membership negotiations from 3 October 2005.

Accession negotiations are the process that determines how soon Turkey will transpose and implement the acquis communautaire in its domestic legislation and how effectively it will be applied [13]. In this set of practical actions, which differs from classical diplomatic negotiations, the powers and fields of action in which a candidate country can exercise its sovereign rights are very limited. Therefore, in the main areas of public policy of interest to the Union, candidate countries are required to pursue the same policies as the Union, i.e. policy transfer [14]. According to political scientist Ayşen Üstübici, the EU has been the most important external actor shaping Turkey's migration management and policy in the 2000s [15]. This is because the rules and changes made in this area are the rules that the EU has asked Turkey to implement as soon as possible in the accession partnership documents and progress reports since 2000.

Chapter 24 'Justice, Freedom and Security', Chapter 3 'Right to Establishment and Freedom to Provide Services' and Chapter 4 'Free Movement of Capital' have been the main areas of negotiation comprising EU provisions on the free movement of services, people and capital as well as migration procedures and have significantly influenced Turkey's international migration policy. The EU's migration policy expectations of Turkey have been set out under the following headings in the 2003, 2006 and 2008 accession partnership documents [16]:

- Identification and removal of obstacles to the application of the rules on the right of settlement and freedom to provide services under the EU Treaty.
- Removal of all restrictions on the acquisition of immovable property in Turkey for EU natural and legal persons.
- Harmonisation with the acquis communautaire of the rules on the recognition of professional qualifications.
- Continued harmonisation of visa legislation and practice with the acquis communautaire.
- Adoption and implementation of acquis communautaire norms and best practices aimed at preventing irregular migration (admission, return, deportation).
- Alignment with the acquis communautaire and EU best practices in the field of border management in order to fully implement the Schengen acquis.
- Initiating harmonisation of asylum legislation and practices with the acquis communautaire, including the removal of geographical restrictions under the 1951 Convention relating to the Status of Refugees; strengthening legal and institutional capacity in the field of asylum; providing accommodation and social support for foreigners under international protection.
- Adoption and launching of the National Action Plan for Border Management, including the establishment of a civilian and professional border guard and the clearing of mines.
- Advancement in the preparation of a comprehensive law on asylum, including the establishment of 'asylum authorities' in accordance with the acquis communautaire.

To ensure harmonisation with the acquis communautaire in the field of migration, Turkey has established a special working group comprising various

state institutions responsible for border control, migration and asylum. Three main working groups covering borders, migration and asylum have been formed to develop a common strategy in these areas. As a result of the work of the Ad Hoc Working Group and sub-groups, which began their activities on 18 June 2002, the following strategy documents were produced in 2003:

- 'Strategy Paper on External Border Security in Turkey'[17],
- 'Strategy Paper on Asylum in the framework of Turkey's accession process to the European Union (Asylum Strategy Paper)' [18],
- 'Strategy Paper Contributing to the Development of an Action Plan for Migration Management in Turkey (Migration Strategy Paper)' [19].

These strategic documents are based on the objective of meeting EU expectations in migration and asylum issues and realising the necessary measures in this field. In 2005, the 'National Action Plan for the Harmonisation of Turkish Legislation with the acquis communautaire in the field of asylum and migration' was developed and adopted. The aim of this plan was defined as 'harmonising Turkey's legislation and system on asylum, migration and foreigners with EU law and systems in the framework of Turkey's accession negotiations with the EU'.

Within the framework of the National Action Plan on Migration and Asylum, it was decided to adopt both an asylum law and a law on the legal status of foreigners, as well as to establish a new specialised structure to work in this field. At the same time, the Action Plan emphasised that the policy of geographical restrictions applied in the framework of the forthcoming asylum law would be maintained. The Turkish Government justified the retention of the geographical restrictions imposed by the 1951 Convention relating to the Status of Refugees by providing data on the flow of asylum applications to Turkey from outside Europe in the 1990s. The lifting of the geographical restriction was linked to the fulfilment of two conditions:

1. Making the necessary changes in legislation and infrastructure to prevent the influx of refugees from the east during Turkey's accession phase to the EU.
2. Showing due attention from EU countries to burden sharing issues.

Changing policies on foreigners' access to the labour market. One of the most important policy changes implemented in the process of Turkey's integration into the European migration system was the regulation of foreigners' participation in the Turkish labour market. These changes were introduced within the framework of Turkey's National Programme for Harmonisation with the acquis communautaire and European Union harmonisation legislation. Specifically, in Chapter 3 on the 'Right of Establishment and Freedom to Provide Services', legislative changes were made to comply with EU policy.

Among the official reasons for adopting the changes were that more than 70 laws regulating the employment of foreigners were fragmented, the legal system for regulating their employment was not sufficiently effective, and the fight against illegal employment required action [20]. In 2003, the Law on Work Permits for Foreigners was adopted, which repealed much of the previous regulations restricting foreigners' access to the labour market.

By 2016, due to the increasing number of foreigners, driven by flows of asylum seekers and both legal and illegal migration, and the Turkish economy's growing need for skilled labour, there was a need for new legislation to allow for such professionals. The lack of a regulatory framework was cited as the official reason [21]. The International Labour Force Law adopted in 2016 was an important step towards mutual recognition of professional qualifications valid in the EU and Turkey. Citizenship-related restrictions were significantly relaxed, making the Turkish labour market much more accessible to foreigners.

Changing policies on immigrant reception, asylum, legal and illegal migration. As part of the European Union's expectations of Turkey, a new Settlement Law was passed in 2006 with the official aim of preventing the political authorities from using migration as a tool of social engineering [22]. The new settlement law limits internal resettlement to national security issues and clear rules, and the immigrant status is granted as still exclusively to people 'of Turkish origin and committed to Turkish culture' who came to Turkey either collectively or individually [23]. The new settlement law also defines who cannot be recognised as a migrant based solely on issues of origin and national security: 'Foreigners who are not of Turkish origin and not committed to Turkish culture, as well as persons of Turkish origin who are committed to Turkish culture but who have been deported or found undesirable from a security point of view, cannot be recognised as migrants' (Article 4). Categories present in previous laws, such as anarchists, spies and gipsies, are not mentioned in the new law.

The main legislative change reflecting the transformation of Turkey's international migration policy was the Law on Foreigners and International Protection (LFIP), submitted by the Ministry of Interior to Parliament in 2012. In a meeting of the Parliament's Internal Affairs Commission, the Minister of Interior at the time listed the reasons and policy objectives for the changes in Turkish migration policy [24]:

-The current legislation and organisational infrastructure governing legal and irregular migration does not meet Turkey's needs.

- Since the adoption of the Law on Residence and Movement of Foreigners and the Passport Law, developed in the 1950s, a number of international human rights instruments have come into force. However, the current laws do not contain provisions in line with these international instruments and lag far behind them.

- Turkey's migration policy focuses mainly on the resettlement of compatriots. Therefore, there is a need for detailed legislation and organisational infrastructure to regulate migration not related to the resettlement of compatriots.

- As Turkey's population is gradually ageing, there is a need to attract young and skilled foreign labour. International competition for skilled labour is expected

to increase, so it is vital for Turkey to develop long-term migration strategies and give them a legal basis.

- Migration issues, including irregular migration and asylum, encompass both security and human rights aspects and require inter-ministerial co-operation. Consequently, migration policy should be viewed from a comprehensive perspective covering all its aspects.

- Specialised civilian institutions responsible for migration and asylum exist in EU countries. Turkey also needs to establish a specialised body to deal with these issues.

- The European Court of Human Rights (ECHR) has ruled that Turkey's domestic legal mechanisms do not provide effective legal protection to foreigners and has decided that exhaustion of domestic legal remedies in Turkey is not mandatory when submitting complaints to the ECHR. Turkey has been ordered to pay compensation in a number of judgements in cases involving foreigners.

The 'Foreigners and International Protection Law' bill was passed on 4 April 2013 in the plenary session of Parliament (TBMM) with the support of both ruling and opposition parties. The administrative provisions of the law came into force on 11 April 2013 and the remaining provisions on 11 April 2014. As a result of the LFIP, Law No. 5683 on the Residence and Movement of Foreigners in Turkey was repealed, necessitating new changes in other areas (education, health, access to the labour market, etc.).

The LFIP, being a law drafted in accordance with international standards in the field of migration, has almost fully met the EU's expectations of Turkey in migration and asylum matters. The following provisions have been made within the framework of this law:

A more holistic migration management system was established, including migration policy components such as border management, legal and illegal migration, asylum and integration.

For the first time, asylum procedures were given a legal basis and Turkish legislation and practice in this field were harmonised with EU norms and the 1951 UN Convention relating to the Status of Refugees.

For the first time, procedures for stateless persons and their rights were clearly regulated (Articles 50-51 of the LFIP).

The methods and measures to be applied in the event of a mass influx of refugees have been defined (Article 91 of the LFIP).

The legal framework for combating illegal migration has been strengthened and legal grounds have been established for decisions on deportation and administrative detention of foreigners (Articles 52-60 of the LFIP).

Visa categories have been established, bringing Turkey's visa procedures as close as possible to EU practice.

For the first time, provisions regulating administrative and judicial procedures for appealing against decisions taken against foreigners have been introduced.

The rights and obligations of foreigners during their stay in Turkey have been regulated and sanctions have been introduced for those who do not fulfil the established obligations.

The Migration Directorate was established as a specialised body responsible for the implementation of migration policy.

The LFIP, as the final stage of migration policy transfer from the EU, was an important turning point for Turkey's migration policy. This law created a comprehensive legal framework that systematised migration management, covering aspects such as legal migration, irregular migration, asylum and integration. In addition, the LFIP defined the overall structure of Turkish migration policy by regulating the main actors in the migration management system, including state institutions and their powers and responsibilities.

The law also established norms regarding the rights of foreigners depending on their status in Turkey and their access to public services, giving public institutions responsibility for areas such as education, health, employment, social assistance and integration. The establishment of an organisational structure was also an important aspect. For the first time, Turkey has a civilian and specialised body, the Migration Directorate, which is intended to manage migration flows into the country.

In conclusion, Professor Ahmet İçduygu highlights the existence of a distinct political sphere within international migration processes, involving donor states, receiving states, and migrants [25]. This sphere is marked by focused migration relations, which strengthen social, economic, and diplomatic ties, compelling donor states to adopt shared migration policies. Since the 1960s, Turkey's integration into the European migration system has been a gradual process, evolving from a migrant-sending state to a participant within the system, though not yet fully integrated.

Turkey's path toward EU membership has required significant policy adaptations, particularly in migration. These adjustments were not primarily designed to address Turkey's internal needs but to align with the legal frameworks, institutions, and standards mandated by the European Union. In the areas of legal and illegal migration, asylum, and border control, Turkey has progressively implemented legal changes based on EU norms. As with other aspects of EU integration, migration policy shifts were embraced at the highest levels, with consensus among political leaders. There was a widespread belief across both ruling and opposition parties that EU accession and alignment with its policies would ultimately help resolve Turkey's broader challenges.

Turkey in the European Migration System: From Labour Provider to EU Integration Reforms

Sahbaz Oguz
Diplomatic Academy of Russian Ministry of Foreign Affairs

The article explores the evolution of Turkey's role in the European migration system, beginning with its alignment with the Western bloc after World War II and its transformation into a major supplier of labor for Western Europe. It examines the demographic and economic factors that led to mass internal migration and labor agreements with European countries, particularly with Germany in 1961. These agreements facilitated the migration of Turkish workers, significantly impacting bilateral relations. The analysis further delves into Turkey's institutional development in pursuit of joining the European Economic Community (EEC) from 1959 onwards. The article emphasizes the influence of the European Union (EU) on Turkish migration

policy, including the adoption of the Law on Foreigners and International Protection in 2013, marking an important step toward reforming Turkey's migration system in line with EU standards. However, full EU membership remains unachieved.

Keywords: Turkey's Migration Policy, Acquis communautaire, Turkey's Accession to the EU

References

1. İstatistiksel Göstergeler 1923-2013. - Ankara. - Türkiye İstatistik Kurumu, 2013. S.172-194. URL: https://avys.omu.edu.tr/storage/app/public/demetozy/131408/%C4%B0statistik%20G%C3%B6stergeler%20T%C3%BCrkiye%201923-2013.pdf (date of access: 15.08.2024)
2. Karpat, K. Social Effects of Farm Mechanization in Turkish Villages // Social Research. 1960. №27(01). Pp.83-103. URL: http://www.jstor.org/stable/40969413 (date of access: 14.07.2024).
3. Karpat K. Türkiye'de Toplumsal Dönüşüm: Kırsal Göç, Gecekondu ve Kentleşme. -Ankara. - İmge Kitabevi Yayınları, 2003. S. 55.
4. Kalkınma Planı (Birinci Beş Yıl) 1963-1967. - Ankara. - T.C. Başbakanlık Devlet Planlama Teşkilatı, Başbakanlık Devlet Matbaası,1963. S.456. URL: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2022/07/Kalkinma_Plani_Birinci_Bes_Yillik_1963-1967.pdf (date of access: 15.08.2024)
5. Uluslararası İşgücü Anlaşmaları. -Ankara. - T.C. Çalışma ve Sosyal Güvenlik Bakanlığı, 2014. S.17. URL: https://www.csgb.gov.tr/media/1341/isgucuanlasmalari.pdf (date of access: 14.08.2024)
6. Uluslararası İşgücü Anlaşmaları. -Ankara. - T.C. Çalışma ve Sosyal Güvenlik Bakanlığı, 2014. S.118. URL: https://www.csgb.gov.tr/media/1341/isgucuanlasmalari.pdf (date of access: 14.08.2024)
7. Avusturya'ya Türk İşgücü Celbi Ve Türk İşçilerinin Avusturya'da İstihdamina Dair Türkiye Cumhuriyeti İle Avusturya Cumhuriyeti Arasindaki Anlaşma. S.42. -T.C. Çalışma ve Sosyal Güvenlik Bakanlığı. - URL: https://www.csgb.gov.tr/media/1341/isgucuanlasmalari.pdf (date of access: 14.08.2024); Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti İle Federal Almanya Cumhuriyeti Hükümeti Arasinda Türk İşçilerininin Almanya'da İşe Yerleştirilmelerine Dair Anlaşma, S.19 . -T.C. Çalışma ve Sosyal Güvenlik Bakanlığı. - URL: https://www.csgb.gov.tr/media/1341/isgucuanlasmalari.pdf (date of access: 14.08.2024)
8. Abadan-unat, N. Turkey: Late Entrant into Europe's Work Force / N. Abadan-unat. – Текст : непосредственный // International Migration Review. – 1993. – № 27(1_suppl). – С. 307-336. URL: https://doi.org/10.1177/019791839302701s20 (date of access: 25.07.2024).
9. Migration in Turkey: A Country Profile 2008. - International Organisation of Migration. P.19. - URL: https://publications.iom.int/books/migration-turkey-country-profile-2008 (date of access: 14.08.2024).
10. Türkiye-AB İlişkileri Kronolojisi. -T.C. Dış İşleri Bakanlığı. - URL: https://ab.gov.tr/siteimages/birimler/kpb/turkiye-_ab_iliskileri_kronolojisi.pdf (date of access: 14.08.2024)
11. 1963 tarihli Ankara Antlaşması Türkiye ile Avrupa Ekonomik Topluluğu Arasında Bir Ortaklık Yaratan Anlaşma - T.C. Dışişleri Bakanlığı, Avrupa Birliği Başkanlığı. - URL: https://www.ab.gov.tr/_117.html (date of access: 14.08.2024)
12. 1970 tarihli Ankara Antlaşması Katma Protokolu. - T.C. Dışişleri Bakanlığı Avrupa Birliği Başkanlığı. - URL: https://www.ab.gov.tr/files/ardb/katma_protokol.pdf (date of access: 14.08.2024)
13. European Commission. Steps towards joining. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/steps-towards-joining_en (date of access: 14.08.2024)
14. Üstübici A. Türkiye'de göç politikaların dönüşümü: Yasadışılığın uluslararası üretiminden makbul yabancıya? // Toplum ve Bilim. 2017. № 140, 2017. S. 110.
15. Сидорова Г. М. , Жерлицына Н. А. Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта) // Мировая экономика и международные отношения – 2023. – Том 67. – Выпуск № 9 С. 112. Электронный ресурс.. URL: http://ras.jes.su/meimo/s013122270028179-7-1 (дата обращения: 30.05.2024). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118.
16. Türkiye için Katılım Ortaklığı Belgesi 2003. -T.C. Başbakanlık Devlet Planlama Teşkilatı Avrupa Birliği İle İlişkiler Genel Müdürlüğü. - URL: https://www.ab.gov.tr/files/AB_Iliskileri/AdaylikSureci/Kob/Turkiye_Kat_Ort_Belg_2003.pdf (date of access: 14.08.2024); Türkiye İçin Katılım Ortaklığı Belgesi 2006. - T.C. Dışişleri Bakanlığı. - URL: https://www.ab.gov.tr/files/AB_Iliskileri/AdaylikSureci/Kob/Turkiye_Kat_Ort_Belg_2006.pdf (date of access: 14.08.2024); TURKEY 2007 ACCESSION PARTNERSHIP. - Official Journal of the European Union, 26.02.2008. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008D0157 (date of access: 14.08.2024)
17. Ulusal Entegre Sınır Yönetimi Projesi Tarihçesi. - T.C. İçişleri Bakanlığı Göç İdaresi Başkanlığı. - URL: https://www.esy.org.tr/proje-hakkinda (date of access: 14.08.2024)
18. Türkiye'nin Avrupa Birliğine Katılım Sürecinde İltica Alanında Yapılması Öngörülen Çalışmalara İlişkin Strateji Belgesi. -T.C. İçişleri Bakanlığı Göç İdaresi Başkanlığı. - URL: https://yimer.gov.tr/TR/Legis/90a61f0f-ee10-4950-95e9-b34c63600a03 (date of access: 14.08.2024)
19. İltica ve Göç Alanındaki Avrupa Birliği Müktesebatınının Üstlenilmesine İlişkin Türkiye Ulusal Eylem Planı. -T.C. İçişleri Bakanlığı, Göç İdaresi Başkanlığı. -URL: https://www.goc.gov.tr/kurumlar/goc.gov.tr/yonetmelikler/Temel-Belgeler/Iltica-Ve-Goc-Ulusal-Eylem-Plani.pdf (date of access: 14.08.2024)
20. 11 Aralık 2002 tarihli Yabancıların Çalışma İzinleri Hakkında Kanun Tasarısı ile İçişleri ve Sağlık, Aile, Çalışma ve Sosyal İşler Komisyonları Raporları (1/308). - TBMM Kanunlar Kararlar. - URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d22/c006/tbmm22006038ss0038.pdf (date of access: 18.08.2024)
21. TBMM, Sağlık, Aile, Çalışma ve Sosyal İşler Komisyonu Toplantı Tutanakları. Uluslararası İşgücü Kanunu Tasarısı (1/727), 28/06/2016. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/develop/owa/komisyon_tutanaklari.mv_goruntule?pTutanakId=10907 (date of access: 18.08.2024)
22. TBMM Tutanak Dergisi Cilt 128. 19 Eylül 2006 tarihli 125. Bileşim. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tutanak/donem22/yil4/bas/b125m.htm (date of access: 13.08.2024)
23. 19 Eylül 2006 tarih ve 5543 sayılı İskan Kanunu. T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. URL: https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.5543.pdf (date of access: 13.08.2024)
24. 31 Mayıs 2012 Tarihli TBMM İçişleri Komisyonu Tutanakları. -TBMM Tutanak Dergisi. S.1-5. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/develop/owa/komisyon_tutanaklari.goruntule?pTutanakId=338 (date of access: 13.08.2024)
25. İçduygu, A., Erder, S., Gençkaya, Ö. F., Türkiye nin Uluslararası Göç Politikaları 1923 2023 Ulus devlet Oluşumundan Ulus ötesi Dönüşümlere. - İstanbul. - MireKoç Yayınları, 2009. S.65. URL: https://mirekoc.ku.edu.tr/wp-content/uploads/2017/01/Tu%CC%88rkiyenin-Uluslararas%C4%B1-Go%CC%88c%CC%A7-Politikalar%C4%B1-1923-2023_-.pdf (date of access: 13.07.2024)

Юридический конфликт как разновидность социального конфликта

Дубков Никита Сергеевич,
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, dubkov.ns@dvfu.ru

Полищук Дмитрий Игоревич,
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, polishchuk.di@dvfu.ru

Чужиков Николай Александрович,
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, chuzhikov.na@dvfu.ru

Дубкова Елена Сергеевна
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры электроэнергетики и электротехники, Дальневосточный ГАУ, dubkova75@mail.ru

Иванов Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета, ivanov.am@dvfu.ru

В статье рассматривается юридический конфликт как особый вид социального конфликта, возникающий вследствие противоречий интересов субъектов, регулируемых правовыми нормами. На основании теоретических наработок ведущих социологов анализируется роль социальной среды в формировании и разрешении юридических конфликтов, а также подчеркивается значимость использования социологических методов и концепций для понимания и эффективного разрешения конфликтов. Особое внимание уделяется теоретическим подходам Дарендорфа, Козера и Дюркгейма к социальным конфликтам и их практическому применению в юридической практике.
Ключевые слова: юридический конфликт, социальный конфликт, социология, правовое регулирование, социологическая теория.

Юридический конфликт представляет собой специфическое проявление социальных конфликтов, возникающих в связи с несоответствием интересов, прав и обязанностей участников. Понимание природы юридического конфликта позволяет более глубоко изучить его механизмы и роль в правовой системе общества. Научные исследования в этой области подчеркивают значимость междисциплинарного подхода к юридическим конфликтам, учитывающего как правовые, так и психологические, социальные и культурные аспекты [1].

Специфичность этого понятия породила разные подходы к определению понятия конфликт и, в том числе, юридический конфликт.

Социальный конфликт рассматривается как «борьба за ценности и претензии на статус, власть и ограниченные ресурсы, при которой целью участников является нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение противника» [4]. «Социальный конфликт связан с разделением труда и социальной дифференциацией». Дюркгейм полагал, что конфликты возникают из-за изменения социальной структуры и разделения обязанностей, нарушающего солидарность общества [6]. Марксистская теория о конфликтах заявляла следующее: конфликты проистекают из противоречий между классами, обладающими различными экономическими интересами, что составляет основу их борьбы. Конфликт рассматривается как движущая сила социального прогресса.

Что касается вопроса определения юридического конфликта, то его понимали также по-разному. Юридический конфликт – это «формализованное социальное противоречие, выражающееся в правовой форме и возникающее на основе противоречий, урегулированных законом». Это конфликт, где обе стороны действуют через правовые механизмы и процедуры [1]. Юридический конфликт — «правовой спор, связанный с защитой субъективных прав, при котором одна из сторон оспаривает действия другой, предполагая их противоправный характер». Он рассматривает конфликт как способ утверждения и защиты своих интересов через правовые механизмы[7]. Юридический конфликт трактуется как «взаимодействие субъектов права, порождающееся из противоположных интересов и урегулируемое в правовом поле». Бабосов подчеркивает, что это вид социальных конфликтов, направленных на разрешение разногласий в рамках правовой системы [9].

Данные определения отражают подходы авторов, использованные при составлении этих дефиниций. В данной работе будут использоваться собственные определения этих терминов, отражающие

специфику работы. Так, под социальным конфликтом будет пониматься - взаимодействие социальных субъектов, порождаемое противоречием интересов, статусов или доступных ресурсов и возникающее как борьба за достижение целей, которые несовместимы для всех участников. Социальные конфликты могут быть как конструктивными, так и деструктивными для общества, но они неизбежно служат механизмом изменений и развития. Субъектами конфликта являются люди и социальные группы, вовлечённые в конфликт. Проблема, которую необходимо решить называется объектом конфликта. Причиной конфликта являются объективные социальные обстоятельства, предопределяющие его возникновение. Управление социальными конфликтами предполагает предотвращение возникновения конфликтных проблем и разрешение конфликта — выяснение причин конфликта и их устранение.

Отличие конфликта от мирного противостояния, конкуренции и соперничества за обладание определенным благами заключается в остроте столкновения, которое может принимать форму открытой агрессии и насильственных действий.

Под юридическим конфликтом - разновидность социального конфликта, в котором разногласия участников урегулированы в правовом поле и решаются с использованием установленных законом процедур. Юридический конфликт предполагает участие сторон, стремящихся защитить или отстоять свои права через судебные или иные правовые механизмы. Юридическому конфликту свойственны следующие элементы: первоначально возникает конфликтная ситуация, это может быть какой-то юридический факт, затем возникает конфликтное юридическое отношение, т.е. восприятие конфликтной ситуации субъектами, осознание своих интересов и препятствий для их удовлетворения, в результате чего происходят действия, предпринятые одной из сторон для отстаивания своих интересов.

Рассматривая исторические аспекты юридических конфликтов, можно проследить, как различные цивилизации формировали правовые системы, исходя из специфики социальных условий. В Древнем Вавилоне применялся Кодекс Хаммурапи, где фиксировались не только юридические нормы, но и способы разрешения споров, что является ранним примером попытки государства регламентировать конфликты в правовой сфере. В Средние века конфликты в Европе решались преимущественно через феодальные суды, где государственные законы часто уступали место религиозным нормам. Такой подход продолжался вплоть до эпохи Просвещения, когда правовая система стала централизованной и более структурированной. Развитие идей естественного права в XVIII веке способствовало укреплению представлений о справедливости и праве на защиту, что стало фундаментом для современных правовых систем [3].

Психология конфликта занимает важное место в исследовании юридических споров. Она позволяет понять внутренние мотивы участников, их восприятие ситуации и эмоциональную реакцию. Исследования показывают, что в основе многих юридических конфликтов лежат психологические факторы, такие как стресс, чувство несправедливости и желание самоутверждения. Конфликты, связанные с нарушением прав, могут вызывать у сторон эмоции гнева, страха или обиды, что зачастую усложняет процесс их разрешения. Например, трудовые конфликты часто сопровождаются высоким уровнем эмоционального напряжения, что препятствует конструктивному диалогу и делает такие споры сложными для разрешения [2]. Кроме того, на ход и исход конфликтов существенно влияет восприятие справедливости процедур, применяемых для их разрешения. Если одна из сторон считает процесс необъективным или предвзятым, это может усилить сопротивление и привести к эскалации спора. Важно также учитывать роль культурных и личностных различий: индивидуальные особенности, такие как склонность к агрессии или пассивному поведению, могут усиливать или, напротив, смягчать конфликтную ситуацию. Исследования в области психологии подчеркивают значение эмоционального интеллекта как одного из ключевых факторов, способствующих эффективному урегулированию споров. Наличие у участников или медиаторов навыков управления эмоциями и понимания переживаний других людей может значительно повысить шансы на успешное разрешение конфликта.

В юридической практике все чаще применяются специализированные техники, такие как медиация и переговоры, которые учитывают психологические аспекты конфликта. Эти методы ориентированы на снижение эмоционального напряжения и восстановление коммуникации между сторонами. Кроме того, использование психологической экспертизы в некоторых случаях помогает объективно оценить внутренние состояния участников и их влияние на конфликтную динамику.

Разделение юридических конфликтов по типам помогает лучше понять их природу и разрабатывать подходы для их разрешения. Рассмотрим подробнее несколько наиболее распространянных типов:

Трудовые конфликты: Включают споры между работниками и работодателями, которые могут касаться условий труда, выплат, увольнений и переработок. В странах с высокой защитой трудовых прав такие конфликты решаются через специализированные трудовые суды, а в случае отсутствия юридической защиты они нередко перерастают в массовые забастовки или пикеты.

Гражданско-правовые конфликты: Эти конфликты охватывают правоотношения частных лиц, затрагивая такие вопросы, как владение имуществом, долговые обязательства и договорные отношения. Например, конфликты, связанные с наследством, могут приобретать широкий резонанс, особенно если наследники не приходят к согласию.

Уголовные конфликты: Здесь речь идёт о нарушении закона, где одно из действующих лиц — государство, представляющее интересы общества в целом. В данном случае конфликт имеет острый и

нерегулируемый характер, требующий тщательного правового вмешательства.

Административные конфликты: Включают споры граждан с государственными органами, такие как конфликты по вопросам налогов, лицензий и разрешений. Эти конфликты возникают из-за разночтения законов или недовольства граждан работой государственных органов [10].

Социальные и экономические факторы лежат в основе большинства юридических конфликтов, подчёркивая их связь с неравномерным распределением ресурсов и доступом к правовой защите. Например, конфликты в области недвижимости нередко возникают из-за социальной дискриминации или нарушения прав собственности. Также важно отметить роль культурных факторов: в многонациональных государствах, где существуют разные правовые традиции, культурные и религиозные ценности могут стать основой для конфликтов [9]. Экономическое неравенство часто усиливает конфликты, так как менее обеспеченные слои населения испытывают трудности с доступом к квалифицированной юридической помощи. Это приводит к тому, что такие группы оказываются в заведомо уязвимом положении, что лишь усугубляет социальную напряжённость. Например, трудовые споры в экономически нестабильных регионах часто сопровождаются ростом протестной активности из-за ощущения несправедливости в распределении заработной платы или условий труда.

Роль правовых институтов в таких конфликтах особенно значима. Непрозрачность процедур или восприятие их предвзятости может подрывать доверие к системе и способствовать эскалации. Культурные факторы, такие как различия в правовых традициях, также усложняют поиск универсальных решений. Например, в некоторых культурах решения, принятые коллективно или на уровне общины, могут восприниматься как более легитимные, чем официальные судебные решения, что создаёт дополнительное поле для напряжения.

Также важно учитывать влияние глобализации, которая вносит новые аспекты в юридические конфликты. Усиление миграционных процессов и транснациональной торговли приводит к появлению споров, связанных с правами мигрантов, трансграничной защитой собственности и соблюдением прав человека. Эти процессы требуют адаптации национальных правовых систем к многоуровневым вызовам, что ещё больше подчёркивает сложность социально-экономических факторов в юридических конфликтах.

Юридические конфликты, особенно широко освещаемые в СМИ, оказывают значительное влияние на общественное восприятие права и справедливости. Суды над известными личностями, скандальные разводы, трудовые забастовки — всё это вызывает бурную общественную реакцию и формирует общественное мнение о системе правосудия и справедливости в целом. Исследования показывают, что такие конфликты могут как укрепить доверие к правовой системе, так и вызвать в обществе волну недовольства. Например, неправомерное поведение представителей закона в ходе юридических конфликтов может посеять сомнения в справедливости системы и создать социальное напряжение [7]. Помимо этого, освещение подобных конфликтов в СМИ зачастую приводит к поляризации общества, когда группы людей занимают противоположные позиции в оценке событий. Это может усиливать общественные разногласия и даже приводить к протестным настроениям. В то же время, позитивные примеры разрешения юридических конфликтов, например, демонстрация успешных медиаций или справедливых судебных решений, способны улучшить имидж правовой системы и повысить её легитимность в глазах граждан.

Роль медиа в этом контексте трудно переоценить. Выборочный характер освещения событий, акцент на сенсациях и эмоциях могут искажать восприятие правовой системы и создавать ложное впечатление о её эффективности. Например, чрезмерное внимание к громким делам, связанным с известными личностями, может затмить более важные, но менее освещаемые социальные проблемы.

Кроме того, исследования показывают, что общественное мнение, сформированное в результате освещения юридических конфликтов, может влиять на последующие решения судов, особенно в странах с участием присяжных заседателей. Это создаёт риск давления на правовую систему, что требует повышенной ответственности как со стороны медиа, так и со стороны правоприменительных органов.

В международной практике используются различные механизмы урегулирования юридических конфликтов, которые могут варьироваться в зависимости от культурных особенностей стран. В государствах Западной Европы распространены методы альтернативного разрешения конфликтов, такие как медиация и арбитраж, позволяющие избежать длительных судебных процессов. Например, в Германии и Франции медиация активно используется при разрешении гражданско-правовых и трудовых споров. В Японии и Южной Корее урегулирование юридических конфликтов часто основывается на принципах гармонии и уважения, что способствует снижению конфликтности [8]. В странах англосаксонской правовой системы, таких как Великобритания и США, также популярны альтернативные механизмы, однако здесь значительное внимание уделяется прецедентному праву. Арбитраж в этих странах нередко используется для разрешения коммерческих споров, особенно в международной торговле, где его гибкость и конфиденциальность считаются ключевыми преимуществами.

Особое место занимают смешанные подходы, применяемые в странах с многоуровневыми правовыми системами, таких как Индия или Южная Африка, где взаимодействие между традиционным, религиозным и современным правом влияет на выбор метода урегулирования конфликтов. В этих случаях медиация может быть дополнена элементами общественных собраний или ритуалов, что учитывает

местные традиции и способствует легитимности принимаемых решений.

Кроме того, на международном уровне развиваются институты, специализирующиеся на разрешении юридических конфликтов между государствами и транснациональными корпорациями. Например, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID) и Постоянная палата третейского суда (PCA) предлагают механизмы, учитывающие как правовые, так и культурные особенности сторон.

Наконец, современные технологии всё больше интегрируются в процесс разрешения юридических конфликтов. Онлайн-платформы для медиации и арбитража активно используются в США, Китае и Сингапуре, что ускоряет процесс урегулирования споров и снижает его стоимость. Такие инновации постепенно находят применение и в других странах, адаптируясь к местным правовым и культурным реалиям.

С развитием цифровых технологий стали появляться новые методы разрешения юридических споров. Онлайн-платформы для медиации предоставляют сторонам возможность участвовать в переговорах, находясь в разных странах и используя видеоконференции для обсуждения условий примирения. Это особенно актуально для коммерческих споров и конфликтов, связанных с трансграничной торговлей. В перспективе использование онлайн-инструментов и алгоритмов искусственного интеллекта для анализа и прогнозирования исхода дел станет неотъемлемой частью юридической практики.

Технологические и социальные изменения ставят перед юридической системой ряд новых вызовов. Такие явления, как цифровизация, искусственный интеллект и глобализация, создают ситуации, в которых традиционные механизмы регулирования становятся недостаточными. Правовые системы сталкиваются с необходимостью адаптации к новым формам собственности (например, интеллектуальная собственность на виртуальные активы), защиты прав в онлайн-пространстве и урегулирования юридических конфликтов, возникающих в виртуальной среде. Ожидается, что в будущем правовые системы будут развиваться в направлении более гибких и инновационных моделей правового регулирования, учитывающих глобальные изменения и потребности общества [3].

Юридический конфликт — это сложный и многогранный социальный феномен, требующий для своего понимания междисциплинарного подхода. Современные юридические системы, несмотря на их различия, стремятся к разработке эффективных методов предотвращения и разрешения конфликтов. Международные практики разрешения юридических споров показывают, что альтернатива судебным процессам — такие методы, как медиация и арбитраж — успешно применяются в разных странах, способствуя стабильности и снижению уровня конфликтности. Ожидается, что в будущем правовая система продолжит развиваться и адаптироваться к вызовам времени, что позволит более эффективно защищать права и свободы граждан и способствовать гармонизации общества [4].

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. 2018. № 9. С. 9-14.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. М., 2001.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2010.
4. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. А. Назаровой. М., 2017.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Лондон, 2005.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
7. Шур Э. Юридические конфликты: криминологический взгляд. НЙ., 2009.
8. Ортолла Х. Международные подходы к разрешению юридических споров. М., 2020.
9. Бабосов Е.М. Социальный конфликт. Минск, 2018.
10. Тамю М. Основы правовой системы. Лондон, 2019.

Legal conflict as a type of social conflict

Dubkov N.S., Polischuk D.I., Chuzhikov N.A., Dubkova E.S., Ivanov A.M.
Far Eastern Federal University, Far Eastern State Agrarian University

The article examines legal conflict as a special type of social conflict arising from the contradictions of interests of subjects regulated by legal norms. Based on the theoretical developments of leading sociologists, the role of the social environment in the formation and resolution of legal conflicts is analyzed, and the importance of using sociological methods and concepts for understanding and effectively resolving conflicts is emphasized. Particular attention is paid to the theoretical approaches of Dahrendorf, Coser and Durkheim to social conflicts and their practical application in legal practice.

Keywords: legal conflict, social conflict, sociology, legal regulation, sociological theory.

References

1. Kudryavtsev V.N. Legal conflict // State and Law. 2018. No. 9. Pp. 9-14.
2. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Conflictology: Textbook for universities. Moscow, 2001.
3. Grishina N.V. Psychology of conflict. St. Petersburg, 2010.
4. Kozer L. Functions of social conflict / Translated from English by O.A. Nazarova. Moscow, 2017.
5. Dahrendorf R. Modern social conflict. London, 2005.
6. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. Moscow, 1991.
7. Schur E. Legal conflicts: a criminological view. NY, 2009.
8. Ortolla H. International approaches to resolving legal disputes. M., 2020.
9. Babosov E.M. Social conflict. Minsk, 2018.
10. Tamu M. Fundamentals of the legal system. London, 2019.

Проблемы правового воспитания в постсоветскую эпоху: анализ современных публикаций

Задорин Максим Валентинович
аспирант кафедры теоретико-исторических правовых наук Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, vip.maksim.z.1995@mail.ru

Статья посвящена анализу проблем правового воспитания в постсоветскую эпоху на основе современных публикаций. Рассматриваются особенности правового воспитания в условиях трансформации законодательства и правосознания в российском обществе. Выявляются основные проблемы, такие как низкий уровень правовой культуры и недостатки в образовательных программах. Обсуждаются возможные пути решения, включая реформирование образовательных систем и развитие правового просвещения и подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению обозначенных проблем для достижения эффективного правового воспитания в современном обществе.
Ключевые слова: правовое воспитание, правовая культура, правовой нигилизм, постсоветская эпоха, правовое просвещение, правосознание.

Введение. Правовое воспитание представляет собой важнейшую составляющую системы образования и социальной политики в любом государстве. В условиях постсоветского пространства, характеризующегося переходным периодом, правовые ценности и институты нуждаются в особом внимании. Актуальность исследования проблем правового воспитания в постсоветскую эпоху обуславливается изменениями в правовой системе, социокультурной среде и политической обстановке.

Цель исследования: провести анализ современных публикаций, посвященных проблемам правового воспитания в постсоветский период, выявить основные проблемы, предлагаемые решения и определить направления для дальнейших исследований в данной области.

Период становления системы правового воспитания в постсоветскую эпоху можно охарактеризовать как важный этап в развитии общества, который начался с распада Советского Союза в 1991 году и продолжается по сей день. Этот период отличается многими болезненными трансформациями в социальной, политической, экономической и образовательной сферах, что оказало значительное влияние на правовое воспитание.

Постсоветская эпоха в России характеризуется уникальными трансформациями в области правового воспитания. Переход от тоталитарной системы к демократическим институтам породил множество вызовов, стоящих перед системой правового образования и формирования правовой культуры. В данной статье мы проведем анализ современных публикаций по проблемам правового воспитания, выделив ключевые особенности, основные проблемы и авторов, внесших заметный вклад в данную область.

Правовое воспитание в постсоветский период отражает нестабильность и нахождение общества на распутье между традициями и современными евро-регулятивными стандартами. Основными его особенностями являются:

1.Трансформация законодательства: С появления новой Конституции и гражданских прав, правовая система России претерпела существенные изменения, требующие адекватного правового воспитания граждан.

2.Низкий уровень правосознания: Актуальные исследования показывают, что правосознание в обществе находится на низком уровне. Граждане часто воспринимают закон как необязательный, что в итоге влияет на их правовое поведение.

3.Правовой нигилизм: Существующая практика показывает значительное количество случаев игнорирования законов, что также является следствием исторического наследия и неэффективного правоприменения.

4.Роль образования и СМИ: Современное правовое воспитание активно интегрируется в образовательные программы, а также через средства массовой информации, что способствует формированию правосознания и правовой культуры.

В области правового воспитания в постсоветский период значительный вклад внесли такие ученые, как: О.В. Адаева, Э.И.Атагимовой, О.В. Богданова, М.В.Задорин, Ю.А. Климкина, Г.И.Макаренко, Е.А. Романенко и другие.

Правовое воспитание в постсоветский период было затронуто рядом законов, постановлений и указов. Основной закон 1993 года (Конституция РФ), который закрепляет права и свободы граждан, устанавливает правовые основы государства и определяет обязанности граждан. Статья 5, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012) подчеркивает важность правового воспитания как одной из задач образовательных учреждений. Указ Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» (2012) акцентирует внимание на необходимостях правового воспитания среди молодежи и детей. В указе Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» действительно рассматриваются вопросы, касающиеся правового воспитания детей и подростков. Основное внимание в указе уделяется созданию условий для защиты прав и законных интересов детей, а также формированию правовой грамотности. В результате выполнения мероприятий, прописанных в указе, ожидалось улучшение не только правовой осведомленности детей, но и повышение уровня правовой культуры в обществе в целом.

В последние годы в научных и практических изданиях появляется множество публикаций, посвященных проблемам правового воспитания в постсоветскую эпоху. Обзор современных публикаций, иллюстрирующих проблемы и достижения в области правового воспитания в постсоветский период позволил выявить ключевые аспекты, которые акцентируют внимание на данной тематике.

Изменения в законодательстве, касающиеся образования, на постсоветском пространстве рассмаривает А.В.Овчинников в своей статье «Генезис законодательства в области образования в странах постсоветского пространства»[1]. Основное внимание уделяется правовому воспитанию и его значению в обучении и формировании гражданского общества. Автор освещает проблемы, связанные с правовым воспитанием в новых условиях. Он выделяет недостаток правовых знаний у населения, особенно среди молодежи, и указывает на необходимость интеграции правового воспитания в образовательные стандарты. А.В.Овчинников проводит сравнительный анализ подходов к правовому воспитанию в различных странах постсоветского пространства, акцентируя внимание на общих и специфических проблемах. Это позволяет выделить успешные практики, которые могут быть адаптированы в других странах. Автор также акцентирует внимание на необходимости сотрудничества между государственными учреждениями, образовательными учреждениями и обществом. Важно отметить, что статья способствует углублению понимания правового воспитания в постсоветских странах, однако могут быть предложены дополнительные направления для исследования, такие как влияние культурных и социальных факторов на успешность правового воспитания.

Э.И.Атагимовой и Г.И.Макаренко акцентируют внимание на роли государственной политики в воспитании правосознания и предложении системных мер для его повышения. В своей статье «Правовое просвещение: проблемы и пути их решения» Э.И.Атагимовой и Г.И.Макаренко уделяют внимание вопросам правового просвещения в России, а также основным проблемам, с которыми сталкивается данная сфера[2]. Авторы рассматривают правовое просвещение как важный элемент формирования правосознания и правовой культуры граждан, подчеркивая его роль в развитии правового государства. Выделяют ключевые проблемы правового воспитания в постсоветскую эпоху: низкий уровень правовой грамотности, недостаточное финансирование и поддержка и слабая интеграция в образовательные программы. Статья указывает на отсутствие у значительной части населения базовых правовых знаний, что мешает эффективному использованию прав и свобод. Э.И.Атагимова и Г.И.Макаренко подчеркивают важность интеграции правового просвещения в образовательные учреждения и необходимость разработки соответствующих учебных материалов. Авторы указывают на необходимость увеличения финансирования программ правового просвещения, что позволит обеспечить более качественное обучение в связи с проблемой отсутствия достаточного финансирования программ правового просвещения и недостаточной поддержки со стороны государства. Статья Э.И.Атагимова и Г.И.Макаренко акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к решению проблем правового просвещения в России, подчеркивая его значимость для формирования правового государства и повышения правовой культуры граждан.

[1] Овчинников, А. В. Генезис законодательства в области образования в странах постсоветского пространства [Электронный ресурс] / А.В. Овчинников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 8. — Вып. 1: Пространство и время образования — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_east8-1.2015.41

[2] Атагимова Э. И., Макаренко Г. И. Правовое просвещение: проблемы и пути их решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 64–68.

В статье «Организация правового воспитания в постсоветский период 90-х - 2000-х годах» рассматриваются изменения в сфере образования, вызванные распадом социалистической системы и возникновением новых государств. Подчеркивается необходимость повышения правосознания граждан, а также взаимодействия различных институтов в процессе юридического образования. В историческом контексте автор анализирует изменения, произошедшие в России в 1990-е годы, затронувшие систему правового воспитания. Автор анализирует изменения, произошедшие в России в 90-х годах XX века, которые повлияли на систему правового воспитания, отмечая различные институты, занимающиеся правовым воспитанием, такие как образовательные учреждения, государственные органы и неправительственные организации. Указывает на взаимодействие этих институтов как ключевой фактор в успешной реализации программ правового воспитания. Автором дает оценку методам, используемым для правового воспитания: лекции, семинары, тренинги, культурные мероприятия и др., подчеркивая важность адаптации этих методов к новым условиям и потребностям общества. В данной статье дается углубленный анализ проблем правового образования в постсоветский период и подчеркивается важность формирования правового сознания граждан в условиях социально-правовых изменений в стране. Задорин М.В. подчеркивает важность интеграции международных стандартов прав человека в национальные образовательные программы и внедрение интерактивных методов обучения[3].

Статья А. К. Быкова «Трансформации воспитания в постсоветской России» посвящена анализу изменений в системе воспитания в постсоветской России, акцентируя внимание на новых вызовах и подходах, связанных с трансформацией общества. Автор рассматривает, как социально-экономические и политические изменения повлияли на образовательные практики и философию правового воспитания. Автор освещает переход от традиционных методов воспитания к более индивидуализированным и гуманистическим подходам, которые учитывают личные потребности и интересы обучающихся. В статье так же рассматривается, как новые культурные и идеологические аспекты, включая глобализацию, повлияли на педагогическую практику и воспитательные технологии. Таким образом, статья А. К. Быкова углубляет понимание трансформаций воспитания в постсоветской России и подчеркивает важность адаптации образовательных практик к новым реалиям общества[4].

Для анализа проблемы правового воспитания в постсоветскую эпоху на основе статьи Ю.Н. Волоцкой и Р.М. Халимовой «Становление и развитие правового воспитания в Российской Федерации» можно рассмотреть несколько ключевых аспектов. После распада Советского Союза в начале 1990-х годов Россия столкнулась с необходимостью переосмысления правовых основ и систем воспитания. Переход к рыночной экономике и внедрение демократических принципов правления требовали новой правовой культуры. Авторы статьи подчеркивают, что в постсоветский период правовое воспитание сталкивается с рядом проблем правового воспитания[5]:

– **Недостаточная правовая грамотность**: Многим гражданам не хватает знаний о своих правах и обязанностях.

– **Образование и подготовка специалистов**: Системы образования не успели адаптироваться к новым требованиям, и недостаточно внимания уделялось образовательным программам по праву.

– **Социальные и экономические условия**: Трудные экономические времена порождают правонарушения и недовольство законом, что требует переосмысления подходов к правовому воспитанию.

Авторы акцентируют внимание на важности взаимодействия между государственными органами, образовательными учреждениями и обществом в целом. Национальные программы по правовому воспитанию должны поддерживаться на всех уровнях, включая интеграцию правового образования в школьную программу. Статья также затрагивает примеры успешных практик и инициатив, направленных на повышение правовой культуры:

– Введение курсов по праву в общеобразовательные учреждения.

– Проведение мероприятий и акций, направленных на популяризацию правовых знаний.

– Сотрудничество с неправительственными организациями для развития правосознания.

Правовое воспитание в постсоветской России прошло через значительные изменения и вызовы.

Статья М.А.Майорова «Особенности молодежной политики стран постсоветского пространства» рассматривает проблемы, с которыми столкнулись страны постсоветского пространства после распада СССР. Это время характеризуется значительными изменениями в политической, экономической и социальной сферах, что оказало влияние на молодежную политику и правовое воспитание[6]. В статье подчеркивается, что в постсоветских странах наблюдается низкий уровень правового сознания среди молодежи. Автор утверждает, что многие молодые люди не осознают своих прав и обязанностей, что

[3] Задорин М.В. Организация правового воспитания в постсоветский период (90-х – 2000 гг) // Экономика. Социология. Право. . №1 (33). 2024, С 87- 93

[4] Быков, А. К. Трансформации воспитания в постсоветской России / А. К. Быков. - (Вопросы обучения и воспитания). - Текст : непосредственный // Педагогика. - 2012. - № 2. - С. 36-43

[5] Волоцкая Ю.Н., Халимова Р.М. Становление и развитие правового воспитания в Российской Федерации. // Международная научно-практическая конференция «Правовые аспекты регулирования общественных отношений». Стерлитамак: АМИ . – 2021. С.19-24

[6] Майорова М. А. Особенности молодежной политики стран постсоветского пространства // Этносоциум и межнациональная культура. №169 2022. С 60-66

приводит к правонарушениям и несоответствующему поведению. Особое внимание уделяется необходимости правового воспитания как важного элемента молодежной политики. Обсуждается, что правовое воспитание должно включать в себя не только обучение правам и обязанностям, но и формирование правосознания, уважения к закону и правам других людей. В рамках адаптации и внедрение новых подходов автор представляет различные подходы, которые могут быть внедрены для улучшения правового воспитания: образовательные программы, культурные мероприятия и социальные проекты, направленные на повышение интереса молодежи к правовым вопросам. Для эффективного правового воспитания молодого поколения необходимо учитывать специфику каждой страны, а также реализовывать комплексный подход к решению данной проблемы.

Статья Е. Е. Леканова «Приоритетное право на воспитание: история и современность» сосредоточена на правовом воспитании, который является важной составляющей в системах образования постсоветских стран[7]. В условиях трансформации системы образования и правовых норм после распада Советского Союза восприятие права и воспитание правовых ценностей приобрели особую актуальность. Автор исследует историческую эволюцию права на воспитание, отслеживая изменения в законодательстве и подходах к правовому воспитанию в постсоветский период. Рассмотрение исторических контекстов позволяет понять смену акцентов в отношении к правам ребенка и его обучению праву. В статье анализируются текущие тенденции в правовом воспитании, включая влияние международных норм и стандартов, а также национальных законодательных инициатив. Обращается внимание на современные вызовы, такие как необходимость интеграции правового воспитания в школьные программы, а также на роль государства в поддержке этих инициатив.

Е. Е. Леканова не только выделяет существующие проблемы (недостаточное внимание к правовому воспитанию, отсутствие единых стандартов и квалифицированной подготовки педагогов), но и предлагает рекомендации по улучшению ситуации. В частности, акцентируется внимание на необходимости создания эффективных программ правового воспитания, которые учитывают культурные и социальные аспекты. Автор подчеркивая важность правового воспитания для формирования правосознания и активной гражданской позиции у молодого поколения. Статья является значительным вкладом в обсуждение правового воспитания в постсоветском пространстве, обращая внимание на необходимость дальнейших исследований и практических шагов.

Таким образом, анализ указанных публикаций позволяет выделить несколько ключевых проблем, связанных с правовым воспитанием в постсоветской России и странах постсоветского пространства:

1.Необходимость реформирования образовательной системы: Система правового воспитания страдает от недостатка профессионалов, способных эффективно обучать и внедрять правовые знания в образовательные учреждения. Существующая система образования не обеспечивает должного уровня правового воспитания, что проявляется в нехватке курсов, посвященных праву, и использовании устаревших методик обучения (Быков, 2012; Овчинников, 2015).

2.Коррупция и недоверие к властям: Высокий уровень коррупции создает препятствия для правового воспитания, так как подрывает доверие граждан к правоприменительным институтам.

3. Низкий уровень правовой культуры: Многие граждане не проявляют интереса к самообразованию в области права, что снижает общую правовую культуру общества. Все авторы единогласно указывают на недостаточный уровень правосознания среди населения, что выражается в игнорировании правовых норм и недоверии к законам. (Леканова, 2024; Волоцкая, Халимова, 2021).

4.Социально-экономические факторы: Низкий уровень жизни и недостаток правовой грамотности среди населения затрудняют процесс воспитания правосознания (Майорова, 2022; Задорин, 2024).

5. Правовой нигилизм: В отдаленных регионах наблюдается нехватка доступа к актуальной правовой информации, что затрудняет процесс обучения и повышения правовой культуры. Многочисленные исследования подчеркивают распространение правового нигилизма, когда граждане не воспринимают закон как важный элемент общественной жизни (Керимов, 2020; Атагимова, Макаренко, 2015).

Анализ современных публикаций показывает, что проблемы правового воспитания в постсоветскую эпоху остаются актуальными и многогранными. Недостаток сформированного правосознания, низкий уровень правовой грамотности и пассивность образовательной системы — это лишь некоторые из многих вопросов, требующих внимания специалистов.

В статьях также рассматриваются возможные пути решения проблемы правового воспитания:

– Реформа образовательных программ: Необходима реорганизация учебных планов, с акцентом на необходимость внедрения правовых дисциплин, которые смогут повысить уровень правосознания у молодежи, и обеспечить практические знания о правовых нормах и их применении (Леканова, 2024; Быков, 2012).

– Развитие правового просвещения: Авторы подчеркивают важность системного правового просвещения, включая использование современных СМИ и интернет-технологий для донесения правовой информации до населения (Атагимова, Макаренко, 2015; Волоцкая, Халимова, 2021).

[7] Леканова Е. Е. Приоритетное право на воспитание: история и современность // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 4. — С. 42–52

– Государственная молодежная политика: Введение и реализация современных программ молодежной политики, направленных на воспитание уважения к закону и активного участия молодежи в правовых инициативах (Майорова, 2022; Задорин, 2024).

– Повышение доверия к правовым институтам: Эффективная работа правоохранительных органов и судов, прозрачность их действий, а также обеспечение граждан доступной и понятной информации о своих правах могут значительно повысить доверие к правовым институтам и снизить уровень правового нигилизма (Керимов, 2020).

Анализ современных публикаций позволяет нам понять необходимость комплексного подхода к реформированию системы правового воспитания, акцентируя внимание на значении исторического контекста, уровня образования и влияния социальных факторов. Необходимы системные изменения в образовательной сфере, усиление правоприменительных механизмов и повышение уровня общественного доверия к правовым институтам. Каждый из упомянутых авторов по-своему обогатил исследования в данной области, создавая базу для дальнейшего анализа и развития концепций правового воспитания.

Заключение. Правовое воспитание в постсоветскую эпоху представляет собой сложный процесс, сталкивающийся с большинством негативных факторов, влияющих на правосознание граждан. Повышение правовой культуры и общественного доверия к правовым институтам является ключевым аспектом для стабильности и процветания общества. Для улучшения ситуации необходимо продолжать исследования в этой области, разрабатывать новые методики и подходы, активно использовать современные технологии и не забывать о важности правового образования.

Литература

1. Атагимова Э.И., Макаренко Г.И. Правовое просвещение: проблемы и пути их решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 64-68.

2. Быков А. К. Трансформации воспитания в постсоветской России// Педагогика. 2012. № 2. С. 36-43

3. Волоцкая Ю.Н., Халимова Р.М. Становление и развитие правового воспитания в Российской Федерации. // Международная научно-практическая конференция «Правовые аспекты регулирования общественных отношений». Стерлитамак: АМИ . 2021. С.19-24

4. Задорин М.В. Организация правового воспитания в постсоветский период (90-х – 2000 гг) // Экономика. Социология. Право. 2024.№1 (33).С 87- 93

5. Леканова Е.Е. Приоритетное право на воспитание: история и современность //Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4. С. 42-52

6. Майорова М.А. Особенности молодежной политики стран постсоветского пространства //Этносоциум и межнациональная культура. 2022.№169. С 60-66

7. Овчинников А. В. Генезис законодательства в области образования в странах постсоветского пространства//Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. № 1. 10с.

Problems of legal education in the post-soviet era: an analysis of contemporary publications

Zadorin M.V.
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

The article is dedicated to the analysis of the problems of legal education in the post-Soviet era based on contemporary publications. It examines the features of legal education in the context of legislative transformation and the legal consciousness of Russian society. The main problems are identified, such as the low level of legal culture, legal nihilism, and deficiencies in educational programs. Possible solutions are discussed, including the reform of educational systems and the development of legal awareness. The necessity of a comprehensive approach to addressing the identified issues is emphasized to achieve effective legal education in modern society.

Keywords: legal education, legal culture, legal nihilism, the post-Soviet era, legal awareness, legal consciousness.

References

1. Atagimova E.I., Makarenko G.I. Legal education: problems and solutions // Monitoring of law enforcement. 2015. No. 1 (14). P. 64-68.
2. Bykov A.K. Transformations of education in post-Soviet Russia // Pedagogy. 2012. No. 2. P. 36-43
3. Volotskaya Yu.N., Khalimova R.M. Formation and development of legal education in the Russian Federation. // International scientific and practical conference "Legal aspects of regulation of public relations". Sterlitamak: AMI. 2021. P.19-24
4. Zadorin M.V. Organization of legal education in the post-Soviet period (90s - 2000s) // Economy. Sociology. Law. 2024.№1 (33).P. 87-93
5. Lekanova E.E. Priority right to education: history and modernity // Current problems of Russian law. 2024. No. 4. P. 42-52
6. Mayorova M.A. Features of youth policy in the post-Soviet countries // Ethnosociety and interethnic culture. 2022.№169. P. 60-66
7. Ovchinnikov A.V. Genesis of legislation in the field of education in the post-Soviet countries // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. 2015. Vol. 8. No. 1. 10s.

Институт недобросовестной конкуренции в международном праве и праве зарубежных стран

Лимонов Павел Владимирович
аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
limonov.pv@yandex.ru

Более сотни современных государств обладает собственным антимонопольным законодательством, призванным обеспечить добросовестную конкурентную среду. Вполне обоснованно, что в рамках данного пласта нормативно-правовой системы одним из ключевых и необходимых является институт правового регулирования противодействия недобросовестной конкуренции. Тем не менее, вопрос об определении дефиниции и характерных признаков недобросовестной конкуренции по сей день остается открытым. Абстрактность формулировки данного термина объясняется наличием в нём оценочного понятия, отсылающего к категориям справедливости, разумности и, несомненно, добросовестности, которые, в свою очередь, более приближены к нормам морали, тесно связанным с правовыми. В совокупности это приводит к проблемам определения критериев соответствия, и, соответственно, полиморфии, как в разрезе доктринального изучения, так и в нормативной составляющей. Проведение сравнительно-правового исследования в рамках избранной тематики представляется необходимым, поскольку, несмотря на принадлежность правовых систем исследуемых стран к одной правовой семье, дифференцированность подходов к правовому регулированию является весьма существенной, охватывающей различные области общественных отношений.
Глобальный процесс расширения международных связей предопределяет целесообразность обращения к международно-правовому регулированию вопросов антимонопольного регулирования. Изучение законодательства зарубежных стран целесообразно проводить в совокупности с анализом международного права, поскольку именно оно зачастую определяет тот общий знаменатель, с ориентацией на который создаётся внутригосударственное законодательство[8]. В частности, стоит обратить внимание на роль права Европейского Союза, которое является унифицирующим для стран — участниц интеграционного объединения.
Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; Парижская конвенция; интеграционные объединения; унификация законодательства.

В юридической науке, как и в законодательстве различных стран, сложилось множество различных определений понятия «недобросовестная конкуренция». Отсутствие унифицированной трактовки является вполне очевидным фактом. Отправной точкой в изучении правового регулирования недобросовестной конкуренции может служить Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года. Этот документ представляет собой один из первых и значимых источников регулирования данного института. Более того, именно пресечение недобросовестной конкуренции является одной из главных целей Конвенции. В соответствии со статьёй 10-ter, Союз по охране промышленной собственности, который был образован участниками Парижской конвенции, предоставляет гражданам стран Союза правовые инструменты для предотвращения случаев недобросовестной конкуренции[9]. Это определение нельзя назвать исчерпывающим, поскольку под категорию недобросовестной конкуренции может попасть любой акт соперничества, нарушающий честные обычаи в сфере промышленности и торговли. При этом, существует всего лишь три утверждённые формы недобросовестной конкуренции: создание смешения, дискредитация и введение в заблуждение. Однако, несмотря на то, что эти положения могут показаться абстрактными, не стоит забывать о цели Парижской конвенции, являющейся международным договором, который определил базис, необходимый минимум, требуемый для создания внутригосударственного механизма правового регулирования.

Для более глубокого понимания рассматриваемого вопроса целесообразно обратиться к праву Европейского союза, одной из ключевых целей создания которого является укрепление добросовестной конкуренции[10]. В преамбуле Договора о функционировании Европейского Союза подчёркивается важность объединения и согласованных действий стран-участниц для устранения факторов, препятствующих конкуренции, а также для обеспечения честности в торговых отношениях.

Одними из наиболее значимых нормативных актов, регулирующих вопросы недобросовестной конкуренции в Европейском Союзе, являются: Дирек-

[8] Тихомиров Юрий Александрович Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. №6 (114). С. 4.
[9] Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // «Закон», N 7, 1999 (извлечение). (дата обращения 05.06.2024).
[10] Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C 202/01). Консолидированная версия // [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения 15.06.2024).

тива Европейского Парламента и Совета от 12 декабря 2006 года № 2006/114/ЕС «О вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе» (далее – Директива № 2006/114/ЕС) и Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 мая 2005 года № 2005/29/ЕС «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке» (далее – Директива № 2005/29/ЕС)[11]. Данные документы призваны определить общий знаменатель, в соответствии с которым Государствами-членами Европейского Союза будет создаваться унифицированное законодательство на государственном уровне. Данная мера является необходимой для обеспечения свободного обращения товаров и предоставления услуг в рамках Европейского Союза, что также закреплено преамбулой Директивы № 2006/114/ЕС. Различия между законами Государств-членов Европейского Союза о рекламе, вводящей в заблуждение, препятствует исполнению рекламных кампаний за пределами национальных границ. Сравнительная реклама должна выполнять роль стимула для хозяйствующих субъектов, однако, её эффективность надлежит обеспечить согласованной политикой и унифицированными правовыми нормами стран Европейского Союза[12]. Руководящие начала правового регулирования сравнительной рекламы установлены статьёй 4 Директивы № 2006/114/ЕС:

– Сравнению поддаются материалы, релевантные, проверяемые функции, которые, при этом, не вводят в заблуждение.

– Допустимо сравнение лишь товаров или услуг, предназначенных для удовлетворения одной и той же потребности;

– Сравнение не дискредитирует конкурентов;

– Одинаковое место происхождения товара (при наличии его обозначения на товаре);

– Извлечение преимуществ из репутации конкурента является недопустимым.

Директива № 2005/29/ЕС различает «активную» и «пассивную» формы вводящей в заблуждение деятельности.

Вводящие в заблуждения действия, которые предполагают распространение несоответствующих действительности сведений о товаре или услуге, включающих в себя информацию о:

– Месте происхождения товара;

– Основных характеристиках (преимущества, риски, комплектность, доставка и иные);

– Гарантия и знаки качества;

– Цена и скидки;

– Обслуживание и ремонт товара;

– Реквизиты продавца;

– Права потребителя, в частности, на замену товара или возмещение денежных средств.

Ещё одним видом недобросовестной конкуренции являются вводящие в заблуждение бездействия. Это, например, умолчание о существенных характеристиках товара или услуги, которые могли бы повлиять на выбор потребителя. Нельзя обойти вниманием проработанность Директивы в части детализации норм, что в очередной раз подтверждается статьёй 7, которой установлен перечень существенных характеристик товара (услуги):

– Основные характеристики товара (которые были перечислены в предыдущей статье);

– Местонахождение и принадлежность продавца, торговое наименование;

– Цена, а также условия ее расчёта;

– Договоренности об оплате, доставке, политике рассмотрения жалоб и предложений.

Важным аспектом является то, что Директива № 2005/29/ЕС содержит понятие агрессивной коммерческой деятельности, подразумевающей ограничение свободы выбора и поведения потребителя в результате проявления агрессии, физического принуждения и злоупотребления влиянием со стороны хозяйствующих субъектов.

Во Франции под недобросовестной конкуренцией понимают совокупность методов соперничества, которые направлены на причинение ущерба конкуренту и противоречат законодательству или обычаям.

Основным законом, регулирующим конкурентные отношения, является четвёртая книга Коммерческого кодекса Франции «О свободе цен и конкуренции» от 1 декабря 1986 года. Однако ответственность за недобросовестные действия была введена ещё раньше — статьёй 1382 Гражданского кодекса 1804 года[13]. К недобросовестной конкуренции во Франции относятся следующие действия:

– дискредитация конкурента или его товаров путём распространения ложных сведений;

– сравнительная реклама, которая вводит в заблуждение потребителей относительно характеристик товара;

– использование чужой интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя;

– подкуп клиентов конкурента с целью переманивания их к себе[14].

В Германии действует закон «О борьбе с недобросовестной конкуренцией», который определяет действия в сфере конкуренции, способные значи-

[11] Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2005/29/ЕС от 11 мая 2005 года «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке» // [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения 15.06.2024).

[12] Директива № 2006/114/ЕС Европейского Парламента и Совета от 12 декабря 2006 года «О вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе» // [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения 10.06.2024).

[13] Кротов К.С. История правового регулирования недобросовестной конкуренции в России и за рубежом // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2017. №1 (114). С. 129 // [Электронный ресурс] / Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 10.06.2024).

[14] Глонина В.Н. Недобросовестная конкуренция: опыт Франции и перспективы России // «Журнал Суда по интеллектуальным правам» : сб. статей № 13, сентябрь 2016 г. С. 91-98 // Электронный ресурс] / Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 10.06.2024).

тельно повлиять на неё в ущерб конкурентам, потребителям или другим участникам рынка. Стоит отметить, что положения этого закона во многом повторяют содержание Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2005/29/ЕС.В частности, Закон ФРГ содержит положения о недопустимых действиях навязчивого характера, под которыми понимается осуществление рекламных действий вопреки явному нежеланию получателя рекламы выступать в данном качестве. В том числе, положения статьи распространяются на рекламные телефонные звонки и электронные письма без предварительного согласия получателя рекламы[15]. О данной норме можно судить как о внутригосударственном воплощении положения Директивы № 2005/29/ЕС от 11 мая 2005 года об агрессивной коммерческой деятельности.

В соответствии с Законом Испании № 3/1991 от 10 января 1991 года «О недобросовестной конкуренции» (Исп.: *Ley de Competencia Desleal*) недобросовестным считается любое поведение, объективно противоречащее требованиям добросовестности. В отношениях с потребителями и хозяйствующими субъектами под таковым понимается поведение, противоречащее профессиональной осмотрительности, (предполагающей уровень компетентности и особой осторожности, ожидаемые от предпринимателя в соответствии с честной рыночной практикой), которое существенно искажает или может существенно исказить экономическое поведение потребителя или конкурента (*articulo* 4). Поведение, предусмотренное настоящим Законом, рассматривается как акт недобросовестной конкуренции при условии, что оно осуществляется на рынке и в конкурентных целях[16].

Определённо достойна внимания норма, в соответствии с которой склонение к нарушению договора признаётся в качестве формы недобросовестной конкуренции. Склонение к нарушению договора подразумевает побуждение работников, поставщиков, клиентов и других контрагентов конкурентов к нарушению договорных обязательств, которые они имеют перед последними. Склонение к обычному расторжению договора либо использование в своих интересах или интересах третьей стороны нарушения договора будет считаться несправедливым только в случае, если известно, что его целью является распространение или использование коммерческой тайны, и сопровождается такими обстоятельствами, как обман и намерение устранить конкурента с рынка[17].

Испанским законодательством также закреплены следующие формы недобросовестной конкуренции:

– приём на работу иностранцев без разрешения на осуществление трудовой деятельности[18];

– экономически необоснованный дифференцированный подход к потребителям[19];

– реклама, нарушающая положения Общего Закона о рекламе[20].

В дополнение к перечисленным формам, актом недобросовестной конкуренции признается «продажа в убыток», а иными словами – демпинг, но при условии, что данные действия: способны ввести потребителей в заблуждение относительно уровня цен на другие товары или услуги; могут привести к дискредитации имиджа продукта конкурента; являются частью стратегии, целью которой является устранение конкурента или группы конкурентов[21].

Федеральный закон «О недобросовестной конкуренции», действующий в Швейцарии с 19 декабря

---

[15] Статья 4а Закона ФРГ «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» (нем.: *Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG)* в редакции от 03.03.2010 г. (перевод с немецкого: кооперационный проект Федерального министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии «Германо-Российский аграрно-политический диалог», 2017) // [Электронный ресурс] / URL: https://agrardialog.ru/ (дата обращения 10.06.2024).

[16] Закон Испании № 3/1991 от 10.01.1991 г. «О недобросовестной конкуренции» (с изм., внесенными Законом № 1/2019 от 20.02.2019 г.), статья 4. Общие положения. (Исп.: *Ley 3/1991, de 10 de enero, de Competencia Desleal (Última modificación: 21 de febrero de 2019). Artículo 4. Cláusula general)*.
«Se reputa desleal todo comportamiento que resulte objetivamente contrario a las exigencias de la buena fe. En las relaciones con consumidores y usuarios se entenderá contrario a las exigencias de la buena fe el comportamiento de un empresario o profesional contrario a la diligencia profesional, entendida ésta como el nivel de competencia y cuidados especiales que cabe esperar de un empresario conforme a las prácticas honestas del mercado, que distorsione o pueda distorsionar de manera significativa el comportamiento económico del consumidor medio o del miembro medio del grupo destinatario de la práctica, si se trata de una práctica comercial dirigida a un grupo concreto de consumidores.» // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

[17] Там же. (Исп.: *Artículo 14. Inducción a la infracción contractual).*
«1. Se considera desleal la inducción a trabajadores, proveedores, clientes y demás obligados, a infringir los deberes contractuales básicos que han contraído con los competidores. 2. La inducción a la terminación regular de un contrato o el aprovechamiento en beneficio propio o de un tercero de una infracción contractual ajena sólo se reputará desleal cuando, siendo conocida, tenga por objeto la difusión o explotación de un secreto industrial o empresarial o vaya acompañada de circunstancias tales como el engaño, la intención de eliminar a un competidor del mercado u otras análogas.» Статья 14. Побуждение к нарушению договора // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

[18] Там же. (Исп.: *Artículo 15. Violación de normas).* Статья 15. Нарушение норм права // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

[19] Там же. (Исп.: *Artículo 16. Discriminación y dependencia económica*). Статья 16. Дискриминация и экономическая зависимость. // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

[20] Там же. (Исп.: Artículo 18. Publicidad ilícita). Статья 18. Незаконная реклама. // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

[21] Там же. (Исп.: Artículo 17. Venta a pérdida). Статья 17. Продажа в убыток. // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

1986 года, считает нечестным и незаконным любое поведение или деловую практику, которые вводят в заблуждение или иным образом нарушают принципы добросовестности и влияют на отношения между конкурентами или поставщиками и заказчиками[22]. Из содержания следует, что акт недобросовестной конкуренции может быть совершён не только непосредственным субъектом конкурентом, как это принято понимать по общему правилу. В качестве одной из форм недобросовестной конкуренции Федеральный закон рассматривает подкуп. Это происходит, когда хозяйствующий субъект предлагает неправомерное преимущество сотруднику, партнёру, агенту или иному помощнику третьей стороны в связи с их официальной или деловой деятельностью. Целью такого предложения является ненадлежащее или умышленное действие (или бездействие) в пользу предлагающего субъекта или третьей стороны. а также обещания или гранты[23].

Изучение зарубежных норм противодействия недобросовестной конкуренции сложно представить без сопоставления с российским антимонопольным законодательством. О важности сравнительного подхода в изучении права справедливо отмечено Ю.А. Тихомировым: «Объективный анализ позволяет правильно оценивать степень общего и специфического в политическом, экономическом, научно-техническом, социально-культурном, экологическом развитии стран и регионов и адекватную меру "правовых различий" и меру "правовой интеграции"»[24]. Также, важно отметить тот факт, что в стремлении к достижению объективности и допустимости применения метода сравнительного анализа в рамках данного исследования преднамеренно было рассмотрено именно законодательство стран романо-германской правовой семьи, к которой относится и правовая система Российской Федерации. Из проведённого анализа норм следует ряд выводов.

Определение недобросовестной конкуренции, которое закреплено в Федеральном законе от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», является более подробным по сравнению с зарубежными аналогами. Оно охватывает более широкий круг общественных отношений, которые связаны с этим институтом[25].

В антимонопольном законодательстве Российской Федерации установлено, что недобросовестная конкуренция происходит между участниками одного товарного рынка. Это следует из определения понятия «конкуренция», которое закреплено в статье 4 Федерального закона № 135-ФЗ. Однако существуют случаи, когда акт недобросовестной конкуренции может быть совершён не только непосредственным участником рынка — конкурентом[26]. Такие ситуации также рассматриваются в рамках антимонопольного законодательства и могут привести к юридическим последствиям для нарушителя.

Но, в отличие, от права Швейцарии, данный аспект не имеет прямого правового регулирования, и может лишь быть квалифицирован антимонопольным органом или судом в качестве «иной» формы недобросовестной конкуренции в соответствии со статьёй 14.8 Закона о защите конкуренции.

Как следует из вышеизложенного, в ряде западных стран существует отдельный закон, регулирующий отношения, связанные с недобросовестной конкуренцией. Данная практика является весьма целесообразной и гибкой, поскольку позволяет более развёрнуто излагать правовые нормы, закрепляя чёткие формулировки используемых терминов, в частности, тех, которые обладают характером оценочных понятий. В отечественном праве основы правового регулирования недобросовестной конкуренции изложены в главе 2.1 Закона о защите конкуренции, но при этом, имеется значительное количество иных правовых актов, также касающиеся данных общественных отношений. Разрозненность и сложность правовой базы дополняется тем, что положения главы 2.1 перегружены именно оценочными понятиями, толкование которых содержится в различных правовых документах антимонопольного органа, постановлениях пленума и обзорах практики Верховного Суда Российской Федерации. Консолидацию нормативно-правовой основы в одном специализированном документе обоснованно можно считать мерой, способной повысить эффективность правоприменительной практики.

Литература

1. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // «Закон», N 7, 1999 (извлечение). (дата обращения 05.06.2024).

2. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006. (дата обращения 03.06.2024).

3. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C 202/01). Консоли-

[22] Федеральный закон Швейцарии от 19.12.1986 г. «О недобросовестной конкуренции» (Швейц.: Legge federale contro la concorrenza sleale del 19 dicembre 1986 (Stato 1° luglio 2016). Art. 2 Principio
«È sleale e illecito qualsiasi comportamento o pratica d'affari ingannevole, o altrimenti lesivo delle norme della buona fede, che influisce sui rapporti tra concorrenti o tra fornitori e clienti.») // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 12.06.2024).

[23] Федеральный закон Швейцарии от 19.12.1986 г. «О недобросовестной конкуренции» // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 12.06.2024).

[24] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения, М. : Издательство НОРМА, 1996. С. 8

[25] Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006. (дата обращения 03.06.2024).

[26] Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегиальными органами ФАС России (за период с 1 июля 2019 года по 1 июля 2020 года) (утв. протоколом Президиума ФАС России от 16.02.2021 N 1) // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999-2024. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 05.06.2024).

дированная версия // [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения 15.06.2024).

4. Директива № 2006/114/ЕС Европейского Парламента и Совета от 12.12.2006 г. «О вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе» // [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения 10.06.2024).

5. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2005/29/ЕС от 11.05.2005 г. «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке» // [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения 15.06.2024).

6. Закон ФРГ «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» в редакции от 03.03.2010 г. // [Электронный ресурс] / URL: https://agrardialog.ru/ (дата обращения 10.06.2024).

7. Закон Испании № 3/1991 от 10.01.1991 г. «О недобросовестной конкуренции» (с изм., внесенными Законом № 1/2019 от 20.02.2019 г.) // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 23.06.2024).

8. Федеральный закон Швейцарии от 19.12.1986 г. «О недобросовестной конкуренции» // [Электронный ресурс] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (дата обращения 12.06.2024).

9. Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегиальными органами ФАС России (за период с 1 июля 2019 года по 1 июля 2020 года) (утв. протоколом Президиума ФАС России от 16.02.2021 N 1) // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999-2024. – Электрон. дан. – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 05.06.2024).

10.Глонина В.Н. Недобросовестная конкуренция: опыт Франции и перспективы России // «Журнал Суда по интеллектуальным правам» : сб. статей № 13, сентябрь 2016 г. С. 91-98 // Электронный ресурс] / Cyberленинка. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 10.06.2024).

11.Кротов К.С. История правового регулирования недобросовестной конкуренции в России и за рубежом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №1 (114). С. 129 // [Электронный ресурс] / Cyberленинка. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 10. 06.2024).

12.Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. №6 (114). С. 4. (дата обращения: 24.08.2024).

13.Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения, М. : Издательство НОРМА, 1996. С. 8 (дата обращения: 24.08.2024).

The institute of unfair competition in international and foreign law

Limonov P.V.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

More than a hundred modern states have their own antimonopoly legislation designed to ensure a fair competitive environment. It is quite reasonable that within this layer of the regulatory and legal system one of the key and necessary is the institute of legal regulation of unfair competition. Nevertheless, the issue of defining the definition and characteristic features of unfair competition remains open to this day. The abstract formulation of this term is explained by the presence in it of an evaluative concept referring to the categories of fairness, reasonableness and, undoubtedly, good faith, which, in turn, are closer to the norms of morality, closely related to the legal ones. In the aggregate, this leads to the problems of determining the criteria of compliance, and, accordingly, polymorphy, both in the context of doctrinal study and in the normative component. Conducting a comparative legal study within the framework of the selected topic seems necessary, because, despite the belonging of the legal systems of the countries under study to one legal family, the differentiation of approaches to legal regulation is very significant, covering different areas of social relations.

The global process of expanding international relations predetermines the expediency of addressing international legal regulation of antitrust issues. It is advisable to study the legislation of foreign countries in conjunction with the analysis of international law, because it is often it determines the common denominator, with the orientation on which the domestic legislation is created. In particular, attention should be paid to the role of the law of the European Union, which is unifying for the member states of the integration association.

Based on the above, this article will investigate antitrust regulation in the field of unfair competition, defined by the Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1883, the law of the European Union, which determines the basis for the legal systems of France, Germany and Spain, as well as the law of Switzerland and the law of the Russian Federation, comparison with which is necessary to determine the promising direction of domestic rulemaking.

Keywords: unfair competition, Paris Convention, international law, integration associations, unification of legislation.

References

1. Convention for the Protection of Industrial Property (concluded in Paris on 20.03.1883) (as amended on 02.10.1979) // "Law", No. 7, 1999 (extract). (date of access 05.06.2024).
2. Federal Law of 26.07.2006 N 135-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the Protection of Competition" // "Rossiyskaya Gazeta", No. 162, 27.07.2006. (date of access 03.06.2024).
3. Treaty on the Functioning of the European Union (Rome, 25 March 1957) (as amended by the Lisbon Treaty of 2007) (2016/C 202/01). Consolidated version // [Electronic resource] / GARANTEE System. URL: http://base.garant.ru/ (date of access 15.06.2024).
4. Directive No. 2006/114 / EC of the European Parliament and of the Council of 12.12.2006 "On misleading and comparative advertising" // [Electronic resource] / GARANTEE System. URL: http://base.garant.ru/ (date of access 10.06.2024).
5. Directive 2005/29 / EC of the European Parliament and of the Council of 11.05.2005 "On unfair commercial practices towards consumers in the internal market" // [Electronic resource] / GARANTEE System. URL: http://base.garant.ru/ (date of access 15.06.2024).
6. Law of the Federal Republic of Germany "On Combating Unfair Competition" as amended on 03.03.2010 // [Electronic resource] / URL: https://agrardialog.ru/ (date of access 10.06.2024).
7. Law of Spain No. 3/1991 of 10.01.1991 "On Unfair Competition" (as amended by Law No. 1/2019 of 20.02.2019) // [Electronic resource] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (date of access 23.06.2024).
8. Federal Law of Switzerland of 19.12.1986 "On Unfair Competition" // [Electronic resource] / URL: https://wipolex.wipo.int/ (date of access 12.06.2024).
9. Review of the practice of applying antimonopoly legislation by collegial bodies of the FAS Russia (for the period from July 1, 2019 to July 1, 2020) (approved by the Protocol of the Presidium of the FAS Russia dated 16.02.2021 N 1) // [Electronic resource] / Consultant-plus 1999-2024. - Electronic data - URL: http://www.consultant.ru/ (date of access 05.06.2024).
10. Glonina V.N. Unfair Competition: France's Experience and Russia's Prospects // Journal of the Intellectual Property Court: Collection of Articles No. 13, September 2016. Pp. 91-98 // Electronic resource] / Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/ (accessed: 10.06.2024).
11. Krotov K.S. History of Legal Regulation of Unfair Competition in Russia and Abroad // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 1 (114). P. 129 // [Electronic resource] / Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/ (accessed: 10. 06.2024).
12. Tikhomirov Yu.A. Comparative Law: Development of Concepts and Social Practice // Journal of Russian Law. 2006. No. 6 (114). P. 4. (date of access: 24.08.2024).
13. Tikhomirov Yu.A. Course in Comparative Law, Moscow: NORMA Publishing House, 1996. P. 8 (date of access: 24.08.2024).

Перспективы развития организации сотрудничества в публичных проектах как способ повышения эффективности государственного управления

Савинов Юрий Игоревич
аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, Savinov.y8@gmail.com

В статье рассматриваются перспективы развития организации сотрудничества в публичных проектах как эффективного инструмента повышения эффективности государственного управления, анализируются теоретические основы сотрудничества, различные модели взаимодействия и международный опыт правового обеспечения публичных проектов. Автором внимание уделяется роли государственно-частного партнерства и цифровизации в оптимизации государственных процессов, предлагаются перспективные направления развития сотрудничества для улучшения работы государственного аппарата.
Ключевые слова: публичные проекты, государственно-частное партнерство, эффективность государственного управления, сотрудничество, цифровизация.

Введение

В современном мире эффективность государственного управления во многом зависит от умения государства организовывать и реализовывать публичные проекты, а сложность социальных и экономических задач требует привлечения разнообразных ресурсов и компетенций. В связи с этим сотрудничество между государством, частным сектором и гражданским обществом не просто желательно, а необходимое условие успешной реализации государственных инициатив особенно в условиях цифровизации и глобализации, когда возрастает потребность в новых подходах к организации таких проектов – с этим связана актуальность данной работы.

Целью данной статьи является исследование перспектив развития организации сотрудничества в публичных проектах как способа повышения эффективности государственного управления, для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

1) Проанализировать теоретические основы и модели сотрудничества в публичных проектах.

2) Изучить международный и отечественный опыт правового обеспечения сотрудничества в государственных проектах.

3) Выявить перспективные направления развития сотрудничества для улучшения эффективности государственного управления.

Новизна исследования заключается в анализе организации сотрудничества в публичных проектах с учетом современных тенденций цифровизации и глобализации, так, в статье предлагаются новые перспективные направления развития сотрудничества, основанные на синергии между государством, частным сектором и гражданским обществом для повышения эффективности государственного управления и реализации социальных и экономических задач.

Основная часть

В первую очередь целесообразно обратиться к анализу понятийного аппарата, формулировке дефиниций, используемых в статье.

Термин «публичный проект» подразумевает инициативу, которая ориентирована на общественное благо, такие проекты финансируются государственными или совместными ресурсами и обычно содержат много разных участников. В. А. Фильченков и Е. С. Погребова считают, что публичные проекты — это систематизированные действия для решения общественных задач, которые часто выполняются через партнерства между государством и частным

сектором или другие формы коллективной работы, где задействованы и государственные, и частные структуры [10].

В основе сотрудничества в подобных проектах лежат скоординированные усилия участников с целью эффективного использования ресурсов для повышения устойчивости проекта, так, например, исследования демонстрируют роль взаимной выгоды, распределения рисков, создания правовых рамок, которые поддерживают это сотрудничество [7].

Существует несколько моделей взаимодействия в публичных проектах. Одна из них — «сетевая модель», которая делает акцент на горизонтальных связях между организациями и позволяет участникам работать более автономно и гибко. Данная модель, основанная на исследованиях Джонса и Берри, помогает координировать сложные проекты с множеством заинтересованных сторон [2].

Другой подход — иерархическая модель, часто встречающаяся в традиционных системах государственного управления, где проект управляется сверху вниз. Здесь взаимодействие работает как механизм для выполнения задач, поставленных центральными властями, также характерен для стран с централизованной системой управления и хорошо подходит для стратегических государственных инициатив с четкими рамками.

Наконец, модель партнерства с гражданским обществом, в котором выделяется роль общественных организаций и активистов. Здесь образуется более прозрачное управление и участие граждан, которое укрепляет общественное доверие и поддержку государственных проектов.

Если рассматривать с точки зрения политико-административных механизмов, которые задействованы в публичных проектах, то они представляют собой целую систему, которая соединяет разные уровни государственного управления, и в эту систему вовлечено множество участников и структур, отвечающих за координацию и регулирование. Во-первых, главным элементом такого взаимодействия становятся механизмы координации, которые бывают как централизованными, так и сетевыми. Например, при создании крупных инфраструктурных проектов или агломераций взаимодействие между ведомствами требует как вертикальной, так и горизонтальной координации. Здесь нужно, чтобы полномочия между центральной и местной властью были сбалансированы, так как это влияет на продуктивность проекта [6].

Во-вторых, для управления публичными проектами используют административные и организационные формы, например, соглашения о сотрудничестве, рабочие группы и межведомственные комиссии — эти формы взаимодействия позволяют создать единый подход и снизить вероятность конфликтов интересов. Формальные процедуры, такие как протоколы и регламенты, помогают минимизировать разногласия и наладить обмен информацией.

В-третьих, государственные и негосударственные организации предоставляют ресурсы и помогают привлекать общественное внимание к проекту: участие общественных организаций, например, НКО, усиливает доверие к проекту. Так, обеспечивается и поддержка, и участие граждан в процессе, и улучшается контроль за реализацией проекта [11].

В России нормативно-правовая база сотрудничества в государственных проектах опирается на Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве» и закон о концессионных соглашениях – эти акты направлены на установление прав и обязанностей государственных и частных партнеров, они регламентируют вопросы распределения рисков и условия финансирования, предоставляют налоговые льготы и другие стимулы. Особым примером выступает закон о центре «Сколково», где применяются меры поддержки, в том числе налоговые льготы и предоставление инфраструктуры для привлечения инновационных компаний [12]. Что касается проектного подхода в государственном управлении, который применяется в ряде зарубежных стран, то он ориентирован на повышение эффективности госуправления через адаптацию международных стандартов управления проектами, например, подходы Германии и некоторых других стран выделяют уникальность целей и ограниченность ресурсов, определяющих проект как совокупность мероприятий для достижения специфических результатов. В России подобные подходы внедряются для повышения качества взаимодействия между государственными и частными структурами в проектной деятельности.

Международный опыт правового обеспечения сотрудничества в публичных проектах варьируется: в развитых странах, таких как США и Великобритания, используется государственно-частное партнерство, где большая часть регулирования направлена на распределение рисков и обеспечение гарантий для частных партнеров. Эти страны развили детализированные модели проектного управления, интегрирующие нормы защиты инвесторов и стимулирования инноваций. Российская практика пока сталкивается с определёнными правовыми барьерами, которые ограничивают потенциал взаимодействия.

Так, основными проблемами совершенствования законодательства в этой области остаются: недостаточная координация между ведомствами, сложность согласования проектов, неопределенность нормативных актов по поводу распределения рисков. Для устранения этих барьеров требуются системные изменения с гибкими подходами к распределению ролей между государственными и частными партнёрами, создание дополнительных гарантий для частных инвесторов и упрощение процедур согласования, чтобы усилить роль государства в развитии национальных проектов и привлечь дополнительные ресурсы для реализации крупных инициатив.

Сотрудничество в публичных проектах повышает эффективность государственного управления, в частности, заметны социальные и экономические эффекты (как на уровне выполнения задач отдельных ведомств, так и в общегосударственных масштабах). Сотрудничество между государством,

частным сектором и обществом помогает улучшению социальных условий, повышению устойчивости экономических показателей за счет оптимизации распределения ресурсов и более целенаправленного взаимодействия. Согласно работам, освещающим результаты подобных партнерств, одной из центральных задач является поддержание стабильных показателей, в том числе экономические и социальные параметры, такие как ВВП, уровень бедности и инфляции, качество жизни и уровень неравенства (фундаментальные исследования отмечают такие критерии как важнейшие для оценки успеха в публичном управлении) [9].

Теория и практика сотрудничества, особенно через механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП) выделяют роль объединения усилий различных акторов в целях достижения устойчивого развития. Исследователи отмечают, что для успешной реализации публичных проектов нужно учитывать институциональные и экологические показатели, такие как восприятие коррупции, экологическая устойчивость, адаптация к электронным платформам, так как они влияют на результативность управления, и в конечном итоге – на общественное восприятие государственных структур [9].

Также выделим, что социальные эффекты сотрудничества в публичных проектах содержат усиление социальной сплоченности и доверия между гражданами и государством, то есть участие граждан в публичных проектах через диалог и совместные действия с государственными структурами обеспечивает усиление легитимности властных решений и позволяет учитывать потребности общества в управленческих процессах.

В экономическом смысле совместные усилия в рамках публичных проектов позволяют улучшить показатели государственной эффективности (например, такие как инвестиционная привлекательность, снижение бюрократических барьеров, повышение конкурентоспособности экономики).

Среди других положительных экономических эффектов сотрудничества выделяется повышение инвестиционной привлекательности региона, так как привлечение частного капитала помогает созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых поступлений, развитию местной экономики. Например, в регионах с высоким уровнем внедрения ГЧП фиксируется устойчивый рост экономической активности, что, по данным Центра развития ГЧП и Минэкономразвития, подтверждается улучшением ключевых экономических показателей и снижением безработицы [4].

ГЧП содействует росту компетенций и повышению эффективности управления за счет привлечения в государственный сектор экспертизы и инновационных подходов из частного сектора, подобное взаимодействие улучшает организацию и контроль над проектами, минимизирует возможные риски, увеличивает окупаемость вложенных средств. Опыт реализации подобных проектов показал, что использование передовых технологий и гибких подходов управления, заимствованных из частного сектора, повышает качество реализации проектов и улучшает экономические показатели, такие как рентабельность и производительность [8].

Дополнительно, сотрудничество между государством и частными организациями в публичных проектах усиливает экономическую устойчивость через диверсификацию источников финансирования и внедрение инноваций – такие проекты повышают экономическую конкурентоспособность региона, способствуют развитию малых и средних предприятий, которые, в свою очередь, поддерживают инновационные инициативы. Например, в регионах, где активно внедряются ГЧП, наблюдается развитие как местной инфраструктуры, так и смежных отраслей.

Перспективные направления развития сотрудничества в публичных проектах для повышения эффективности государственного управления рассматриваются в современных исследованиях как элемент реформирования и улучшения работы государственного аппарата. Так, например, одним из основных направлений на данный момент является применение проектного управления как модели для более успешного распределения ресурсов и ответственности между участниками. Исследователи, такие как Е.С. Чаркина, отмечают, что проектный подход, применяемый в бизнес-секторе, переносится на государственное управление, так как помогает улучшению качества предоставляемых услуг и повышению эффективности работы органов власти [12]. Внедрение международных стандартов и методик в проектное управление государственных проектов позволяет унифицировать процессы и повысить прозрачность деятельности, что в конечном итоге упрощает взаимодействие между государственными и частными организациями, привлекает внешних инвесторов к реализации значимых социальных проектов.

Среди других перспективных направлений – развитие государственно-частного партнерства, которое позволяет интегрировать инновации и управленческие подходы частного сектора в публичные проекты. Как показывают работы российских ученых, ГЧП обеспечивает устойчивое финансирование проектов за счет частных инвестиций и помогает государству реализовать крупные инфраструктурные инициативы, такие как строительство дорог, больниц, образовательных учреждений. Особую роль в этом направлении приобретают нормативные акты, регулирующие участие частного сектора в государственных проектах, поскольку они создают правовую основу для партнерства и уменьшают риски для частных инвесторов.

Другим направлением является цифровизация государственных процессов, которая ускоряет коммуникацию между органами власти и общественностью, то есть внедрение цифровых платформ для управления публичными проектами позволяет автоматизировать многие рутинные процессы, повысить прозрачность принятия решений, улучшить контроль над выполнением задач, осуществлять мониторинг на всех этапах реализации.

Цифровизация государственных услуг и внедрение электронных платформ, как показывают исследования Всемирного банка, снижают затраты на

взаимодействие государства и граждан, оно делает такие контакты в десятки раз дешевле и быстрее. К примеру, в Великобритании экономия за счет цифровизации составляет миллиарды фунтов стерлингов [1], в российской практике такие платформы, как Госуслуги и другие инициативы, показывают позитивные результаты в автоматизации и интеграции информационных систем органов власти, что, по мнению экспертов, создаёт основу для взаимодействия не только с гражданами, но и с частными партнёрами [3].

Еще одно направление – интеграция частного сектора и гражданского общества, так как это позволяет использовать как финансовые, так и интеллектуальные ресурсы. Государственно-частное партнерство остаётся эффективным механизмом привлечения частного капитала к государственным инициативам, особенно в инфраструктурных проектах, таких как строительство и модернизация объектов социальной сферы. Системы ГЧП позволяют снизить финансовое бремя на государство и предоставить партнерам в частном секторе возможность участвовать в стратегических проектах, создавать стабильные условия для долгосрочного сотрудничества, а участие гражданского общества в таких проектах, согласно исследованиям, повышает легитимность решений и благоприятствует социальному развитию [5].

Заключение

В условиях современного развития общества эффективность государственного управления во многом зависит от способности интегрировать усилия различных участников-государства, частного сектора и гражданского общества—в рамках публичных проектов, а проведенный анализ показал, что сотрудничество в таких проектах является главным инструментом для достижения социальных и экономических целей, улучшения качества предоставляемых услуг, повышения доверия граждан к государственным институтам.

Разнообразие моделей взаимодействия, от сетевых до иерархических, позволяет менять подходы под специфику конкретных проектов и регионов, например, внедрение проектного управления и государственно-частного партнерства помогает эффективному распределению ресурсов, снижению рисков, привлечению инноваций. В то же время международный опыт демонстрирует, что правовое обеспечение сотрудничества помогает реализации публичных проектов, так как оно предоставляет гарантии и стимулы для всех участников.

С другой стороны, существуют и барьеры в виде недостаточной координации между ведомствами, сложности нормативно-правовой базы, ограниченного участия гражданского общества, и для преодоления этих проблем нужны системные изменения, которые содержат совершенствование законодательной базы, цифровизацию государственных процессов, активизацию диалога с общественностью.

Было определено, что на данный момент перспективными направлениями развития сотрудничества являются: расширение практики государственно-частного партнерства, цифровизация, интеграция инновационных методов управления, развитие правовых механизмов, которые обеспечат коммуникацию между всеми участниками публичных проектов.

Литература

1. Бауэр, В. П., Еремин, В. В., Смирнов, В. В. Цифровые платформы как инструмент трансформации мировой и российской экономики в 2021–2023 годах // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-kak-instrument-transformatsii-mirovoy-i-rossiyskoy-ekonomiki-v-2021-2023-godah (дата обращения: 20.10.2024).
2. Белоконь, А. И., Маланчий, С. А., Алкубалайт, Т. Д. Теоретические аспекты определения и взаимодействия заинтересованных групп лиц в проектах // Вісник ПДАБА. – 2016. – № 1 (214). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-opredeleniya-i-vzaimodeystviya-zainteresovannyh-grupp-lits-v-proektah (дата обращения: 21.10.2024).
3. Боев, Е. И., Зотов, В. В., Василенко, Л. А. Цифровизация публичного управления: экспертная рефлексия проблем и вызовов // Цифровая социология. – 2023. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-publichnogo-upravleniya-ekspertnaya-refleksiya-problem-i-vyzovov (дата обращения: 19.10.2024).
4. Казарян, М. А., Фарафонова, А. Ю. Пути совершенствования управления эффективностью ГЧП в мировой и отечественной практике // Экономические науки. – 2017. – № 146. – С. 35.
5. Кожевников, С. А. Повышение эффективности государственного управления – ключевая задача для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № 3 (51). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya-klyuchevaya-zadacha-dlya-sovremennoy-rossii (дата обращения: 18.10.2024).
6. Кольба, А. И., Терешина, М. В. Проблемы использования политико-административных ресурсов публичного управления городскими агломерациями: современное состояние исследований // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-politiko-administrativnyh-resursov-publichnogo-upravleniya-gorodskimi-aglomeratsiyami-sovremennoe-sostoyanie (дата обращения: 22.10.2024).
7. Краснoплахтич, М. В., Анесянц, С. А. Основные элементы и направления построения модели сотрудничества территорий в целях реализации программ социально-экономического развития регионов // Новые технологии. – 2012. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-i-napravleniya-postroeniya-modeli-sotrudnichestva-territoriy-v-tselyah-realizatsii-programm-sotsialno (дата обращения: 23.10.2024).

8. Лукашов, А. И. Отдельные направления повышения эффективности государственного управления в условиях цифровизации // Финансовый журнал. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 67–75. – https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-3-67-75.

9. Мухаев, Р. Т., Абрамова, О. Г. Критерии эффективности современных систем государственного управления: проблема квантификации качества публичного управления // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 7-1. – С. 146-154. – URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40475 (дата обращения: 24.10.2024).

10.Фильченков, В. А. Понятие «Государственно-частное партнерство» и подходы к его определению / В. А. Фильченков, Е. С. Погребова // Сервис plus. – 2007. – № 1. – С. 47-50.

11.Фотеску, В. Координация и взаимодействие – формы административно-правовых отношений между центральными и местными органами публичной власти (на практике Республики Молдова) // Universum: экономика и юриспруденция. – 2022. – № 3 (90). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsiya-i-vzaimodeystvie-formy-administrativno-pravovyh-otnosheniy-mezhdu-tsentralnymi-i-mestnymi-organami-publichnoy-vlasti (дата обращения: 25.10.2024).

12.Чаркина, Е. С. Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2017. – 54 с.

Prospects for the development of cooperation in public projects as a way to improve the efficiency of public administration

Savinov Yu.I.
Baikal State University

The article examines the prospects for the development of cooperation in public projects as an effective tool for improving the efficiency of public administration, analyzes the theoretical foundations of cooperation, various models of interaction and international experience in the legal support of public projects. The author pays attention to the role of public-private partnership and digitalization in optimizing government processes, and suggests promising areas for the development of cooperation to improve the work of the state apparatus.

Keywords: public projects, public-private partnership, public administration efficiency, cooperation, digitalization.

References

1. Bauer, V. P., Eremin, V. V., Smirnov, V. V. Digital platforms as a tool for transforming the global and Russian economies in 2021–2023 // Economy. Taxes. Law. – 2021. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-kak-instrument-transformatsii-mirovoy-i-rossiyskoy-ekonomiki-v-2021-2023-godah (accessed: 20.10.2024).
2. Belokon, A. I., Malanchiy, S. A., Alkubalayt, T. D. Theoretical aspects of determining and interacting with stakeholder groups in projects // Bulletin of the PDABA. – 2016. – No. 1 (214). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-opredeleniya-i-vzaimodeystviya-zainteresovannyh-grupp-lits-v-proektah (date of access: 21.10.2024).
3. Boev, E. I., Zotov, V. V., Vasilenko, L. A. Digitalization of public administration: expert reflection of problems and challenges // Digital sociology. – 2023. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-publichnogo-upravleniya-ekspertnaya-refleksiya-problem-i-vyzovov (date of access: 19.10.2024).
4. Kazaryan, M. A., Farafonova, A. Yu. Ways to improve the management of PPP efficiency in global and domestic practice // Economic sciences. - 2017. - No. 146. - P. 35.
5. Kozhevnikov, S. A. Increasing the efficiency of public administration is a key task for modern Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. - 2017. - No. 3 (51). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya-klyuchevaya-zadacha-dlya-sovremennoy-rossii (date of access: 18.10.2024).
6. Kolba, A. I., Tereshina, M. V. Problems of using political and administrative resources of public management of urban agglomerations: current state of research // Central Russian Bulletin of Social Sciences. - 2019. - No. 6. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-politiko-administrativnyh-resursov-publichnogo-upravleniya-gorodskimi-aglomeratsiyami-sovremennoe-sostoyanie (date of access: 22.10.2024).
7. Krasnoplakhtich, M. V., Anesyants, S. A. Main elements and directions of building a model of cooperation between territories in order to implement programs of socio-economic development of regions // New technologies. – 2012. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-i-napravleniya-postroeniya-modeli-sotrudnichestva-territoriy-v-tselyah-realizatsii-programm-sotsialno (date of access: 23.10.2024).
8. Lukashov, A. I. Certain directions of increasing the efficiency of public administration in the context of digitalization // Financial Journal. – 2021. – Vol. 13, No. 3. – P. 67–75. – https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-3-67-75.
9. Mukhaev, R. T., Abramova, O. G. Efficiency criteria of modern public administration systems: the problem of quantifying the quality of public administration // Fundamental research. - 2016. - No. 7-1. - P. 146-154. - URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40475 (date of access: 24.10.2024).
10. Filchenkov, V. A. The concept of "Public-private partnership" and approaches to its definition / V. A. Filchenkov, E. S. Pogrebova // Service plus. - 2007. - No. 1. - P. 47-50.
11. Fotescu, V. Coordination and interaction - forms of administrative and legal relations between central and local public authorities (in the practice of the Republic of Moldova) // Universum: economics and jurisprudence. – 2022. – No. 3 (90). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsiya-i-vzaimodeystvie-formy-administrativno-pravovyh-otnosheniy-mezhdu-tsentralnymi-i-mestnymi-organami-publichnoy-vlasti (date of access: 25.10.2024).
12. Charkina, E. S. Development of the project approach in the public administration system: methodology, experience, problems: Scientific report. – M.: IE RAS, 2017. – 54 p.

Правовые основы либертарианства

Чужиков Николай Александрович,
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, chuzhikov.na@dvfu.ru

Дубков Никита Сергеевич,
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, dubkov.ns@dvfu.ru

Полищук Дмитрий Игоревич,
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, polishchuk.di@dvfu.ru

Иванов Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета, ivanov.am@dvfu.ru

В статье исследуются ключевые положения либертарианской правовой доктрины, включающей принципы самопринадлежности, неагрессии и неприкосновенности частной собственности. Автор анализирует эволюцию либертарианских идей от античных представлений о естественном праве до современных концепций, сформулированных в трудах Мюррея Ротбарда и Роберта Нозика. Особое внимание уделено философским основаниям либертарианства, утверждающим приоритет индивидуальной свободы и минимального государственного вмешательства. Либертарианская правовая философия предлагается как теоретическая основа для разработки правовых инструментов, направленных на обеспечение баланса между свободой и правопорядком в условиях современных глобализационных процессов, цифровизации и кризиса традиционных государственных институтов. Автор подчеркивает, что принципы либертарианства могут стать эффективным средством защиты индивидуальных прав в ответ на усиливающиеся авторитарные тенденции. Исследование раскрывает потенциал либертарианской мысли для переоценки и адаптации современных правовых систем, акцентируя внимание на необходимости минимизации насилия, соблюдении добровольности в отношениях между государством и человеком и защите частной собственности как необходимо базиса для создания процветающего общества.
Ключевые слова: либертарианство, право, свобода, самопринадлежность, неагрессия, частная собственность.

Либертарианство – это традиционная для европейской мысли интеллектуальная традиция, прошедшая долгую эволюции и не потерявшая значимости по сей день. Сегодня исследование либертарианства как правовой доктрины становится особенно актуальным в условиях стремительного развивающихся глобализационных процессов, цифровой экономики и кризисов традиционных государственных институтов. Либертарианские идеи, сосредоточенные на защите индивидуальных свобод, минимизации роли государства и приоритете частной собственности, предлагают альтернативный взгляд на функционирование правовых систем, особенно в период, когда авторитарные тенденции и государственное вмешательство в частную жизнь усиливаются. В мире, где цифровизация создает новые вызовы для защиты прав и свобод человека, либертарианская концепция может стать теоретической основой для разработки современных правовых инструментов, обеспечивающих баланс между свободой и правопорядком. Изучение либертарианства открывает перспективы для критического переосмысления современных правовых систем и адаптации их к новым социальным реалиям.

Либертарианская мысль уходит корнями глубоко в историю. Так, идея высшего морального закона, устанавливающего универсальные правила человеческого общежития и определяющего представления о морали и справедливости, появляется в древней Греции. Эти представления находят развитие в работах Средневековых схоластов, критикующих рабство с позиции несоответствия его свободной человеческой природе. В это время в трудах Фомы Аквинского и других церковных мыслителей появляется принцип «самопринадлежности». В дальнейшем он станет основой системы индивидуальных прав. Представления о верховенстве закона, незыблемости права частной собственности и ограниченном правлении монарха разрабатываются в общественном сознании и отстаиваются в борьбе с абсолютизмом на протяжении всего XVII века. Джон Локк становится первым мыслителем, систематически изложившим основу правовых принципов либерализма. В это время либертарианство и либерализм ещё не различимы.

В XIX веке в Европе возникают правительства, исповедующие либеральные принципы. Их политика приводит к существенному технологическому скачку и улучшению жизни населения. Тем не менее, всё ещё много людей остаются в нищете, особенно жители индустриальных районов. Так, в конце XIX и начале XX века многие либералы начинают

беспокоиться о неравенстве доходов и уровне бедности. Стремясь предотвратить диктатуру богатых и защитить необеспеченные слои населения от посягательства на их свободы, либералы производят перераспределение общественных благ посредством государства: повышаются налоги на богатых, легализуются профсоюзы, вводятся меры социального обеспечения неблагополучного населения. Таким образом, происходит расширение государственного аппарата, вмешательство государства в рыночную экономику, отказ от традиционных либеральных представлений о минимальном государстве. Ещё больший отход от традиционных либеральных ценностей происходит после Второй мировой войны, когда многие политики отказываются от поддержки свободного рынка, но продолжают отстаивать права личности и свободу слова.

Со временем понятия либерализм, социал-демократия и государство всеобщего благоденствия настолько сблизились, что закрепились в рамках западноевропейского дискуса под термином «либерализм». Либералы сегодня прочно ассоциируются с государственным вмешательством в экономику и программами социального обеспечения, в то время как их противники, сохранившие веру в классическую модель, отказались от старого названия и стали называть себя «либертарианцами».

Либертарианцы рассматривают природу права как совокупность императивов, ориентированных на защиту индивидуальной свободы и частной собственности. Они подчеркивают, что право должно ограничивать вмешательство государства в личные дела граждан, оставляя пространство для индивидуальной автономии.

В качестве философского основания правовой доктрины сторонники либертарианства используют концепцию естественных прав человека. Эта теория имеет долгую историю, наиболее удачно её обобщает Цицерон в работе «О государстве»: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещая, от преступления отпугивает; оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает честным людям и не запрещает им и не воздействует на бесчестных, приказывая им что-либо или запрещая… и не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем; нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон…» [1, с. 110]. Изучением и разработкой естественных прав в рамках современного либертарианства занимается американский философ Мюррей Ротбард. Так, по его мнению, естественное право основано исключительно на разуме и не может быть выведено из божественного закона. Это набор объективных принципов, «вытекающий из человеческой природы» [2]. Философ утверждает, что разум обладает способностью приходить к пониманию физически, этических и естественных законов, он подчёркивает, что «инструмент, с помощью которого человек постигает такой закон – это его разум, а не вера, интуиция, благодать, откровение или что-либо еще» [2]. По мнению Ротбарда, природа права не может считаться мистической, она проявляется в момент наблюдения причины и следствия: «Наблюдаемое поведение каждой из этих сущностей является законом их природ, и этот закон включает то, что происходит в результате взаимодействий…» [2]. Так, принципы естественного права, проявляясь в человеческой природе носят характер объективных и универсальных. Таким образом исследователь подчёркивает, что естественное право не отражает природу расы, нации или культуры, но является моральным базисом для всего человечества.

Другой позиции придерживается теоретик классического либерализма Людвиг фон Мизес. По его мнению, теория общественного договора является ложной, а сам социальный контракт, заключенный людьми, осознавшими свои естественные права, не более чем фикцией [3, с. 6]. Мизес отвергает теорию естественного права как набор объективных, неизменных моральных норм, которые существуют независимо от человеческих предпочтений и социума. Будучи сторонником утилитаризма, он видит правопорядок как продукт человеческой деятельности и взаимодействия, который должен опираться на практическую ценность для общества. По мнению философа, нормы и законы должны быть результатом свободы выбора и добровольных соглашений между людьми, а не навязаны авторитетом или внешними источниками. Таким образом, Мизес основными принципами, из реализации которых следует благополучие общества, выделяет принцип частной собственности, являющийся источником не только экономической, но и моральной основой свободы, а также право на личную свободу и защиту своей собственности.

В рамках либертарианской правовой доктрины различается ряд тезисов, создающих основу для уникального подхода к праву. Среди них:

Во-первых, принцип самопринадлежности (self-ownership) является фундаментальной основой либертарианской этики и правовой философии. Он утверждает, что каждый индивид обладает полным правом собственности на самого себя, включая свое тело, ум, труд и производимые результаты. Этот принцип трактуется как основополагающий для защиты индивидуальных свобод и ограничения внешнего принуждения.

Принцип самопринадлежности имеет корни в теории естественного права Джона Локка. В работе «Два трактата о правлении» Локк утверждает: «Хотя земли и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме» [4]. Эта идея ляжет в основу либертарианской концепции, где самопринадлежность рассматривается как неотъемлемое естественное право. Она подразумевает, что: 1) индивид обладает исключительным правом принимать решения относительно своего тела и жизни, 2) любое внешнее вмешательство в жизнь или тело человека (без его добровольного согласия) является нарушением этого права.

Роберт Нозик в работе «Анархия, государство и утопия» говорит о самопринадлежности как о естественно вытекающем праве из идеи морального достоинства человека. По его мнению, «…оправдано существование только минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками — защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т. п.; что любое государство с более обширными полномочиями нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания…» [5, с. 6].

Мюррей Ротбард развивает эту мысль в книге «Этика свободы». Он пишет, что единственным универсальным принципом, применимым к любому человеку является полное право собственности на самого себя. Если же человек не наделён собственностью на своё тело, то из этого следуют две альтернативы: «(1) «коммунистическая», в виде Всеобщей и Равной Собственностью наряду с Другими либо (2) Частная Собственность Одной Группы по отношению к Другой – система правления одного класса по отношению к другому» [6]. Философ подчеркивает, что этот принцип создает основу для защиты от государственного насилия, принудительной мобилизации и вмешательства в личные дела.

Итак, аксиома самопринадлежности является краеугольным камнем либертарианской правовой доктрины. Он утверждает, что индивидуальная свобода неотделима от права человека владеть собой, и служит отправной точкой для построения системы прав, основанной на добровольности и отказе от принуждения. Самопринадлежность тесно связана с другими тезисами, формирующими правовую основу либертарианства.

Во-вторых, принцип неагрессии (ненападения) выступает важным этическим и правовым постулатом либертарианской философии. Он утверждает, что никто не имеет права инициировать насилие, принуждение или мошенничество в отношении другого человека или его собственности. Этот принцип лежит в основе либертарианской концепции справедливости и свободы, определяя границы допустимого поведения в обществе. Его сущность заключается в принятии следующих положений: 1) недопустимо начинать агрессию, 2) агрессия – насильственное нарушение прав личности или собственности (например, нападение, кража, обман), 3) защита от агрессии (включая применение силы) считается допустимой, но только в ответ на агрессию.

Корни этой мысли мы находим в «Двух трактатах о правлении» Джона Локка. Так, автор пишет: «Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением… И человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить волка или льва…» [4]. Также Локк подмечает, что ответственность за сопутствующий сопротивлению ущерб полностью лежит на агрессоре, потому как именно он является причиной нарушения мира. [4]

Продолжая логику английского мыслителя, Мюррей Ротбард считает, что у людей имеется два пути удовлетворения потребностей: легитимный, посредством добровольных обменов на свободном рынке, и насильственный, через экспроприацию собственности и нарушение прав других людей [7]. Обозначая вторую категорию лиц, мыслитель использует термины «агрессор» и «преступник» [7]. При этом он подчёркивает возможность человека, в чью сторону проявлена агрессия, защищать свои права и имущество ответной агрессией.

Другой либертарианский мыслитель, Роберт Нозик, основываясь на этическом постулате уточняет, что агрессия недопустима, так как она нарушает базовые принципы самопринадлежности и свободы личности. Он утверждает, что «…в моральном плане ни одна жизнь не перевешивает другие так, чтобы можно было достичь увеличения суммарного общественного блага. Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других.» [5, с. 28]. Также, философ говорит об оправданности применения физической силы против невиновных, представляющих ненамеренную угрозу [5, с. 29].

Таким образом, принцип ненападения в либертарианской философии формирует этическую основу для защиты индивидуальных свобод, минимизации насилия и построения добровольных отношений в обществе. Отказ от него открывает путь к произволу и угнетению, тогда как его соблюдение способствует созданию справедливого и свободного общества.

В-третьих, принцип неприкосновенности частной собственности является центральным элементом либертарианства. Он утверждает, что частная собственность – это неотъемлемое право индивида, защищающее результаты его труда, личную свободу и возможность реализовывать свои интересы. Этот принцип тесно связан с самопринадлежностью и свободой личности, он служит основой для построения справедливого общества.

В либертарианской правовой доктрине частная собственность – это право индивида использовать материальные и нематериальные блага, а также владеть и распоряжаться ими. Оно возникает из реализации права на самого себя. Так, Джон Локк пишет: «Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим» [4].

Сторонники либертарианства выделяют несколько путей приобретения прав частной собственности: во-первых, посредством реализации сформулированного Локком принципа гомстеда, утверждающего, что индивид приобретает собственность, если он первым начал использовать ранее ничейный ресурс или землю, приложив к ним свой труд [4]. Мюррей Ротбард уточняет, что первоначальное присвоение создаёт законное право собственности, если оно происходит без агрессии против других [6]. Во-вторых, посредством обмена собственностью. Людвиг фон Мизес подчёркивает, что свободный

рынок – это естественный механизм перераспределения собственности на основе добровольного взаимодействия. А также посредством дарения, наследования и возмещения ущерба.

Такой подход объявляет незаконными следующие способы приобретения собственности: 1) принудительную конфискацию, то есть любое изъятие имущества без согласия владельца, включая налогообложение и национализацию, 2) кражу или мошенничество, так как эти действия являются формой агрессии, нарушающей принцип ненападения, 3) насильственное перераспределение, заключающееся в принудительном отнятии собственности у одной группы для передачи другой.

Частная собственность в либертарианской идеологии – это инструмент, который защищает индивидуальную свободу, стимулирует экономическую активность и формирует основу для добровольного взаимодействия. Без неё невозможным создать справедливую и процветающую правовую систему. По мнению Роберта Нозика, частная собственность – это барьер, защищающий человека от вмешательства государства и других индивидов. Понятие частной собственности для либертарианцев напрямую связано с правами и свободами личности, а её защита является одним из ключевых элементов правовой системы.

Таким образом, либертарианство, как правовая доктрина, предлагает стройную систему взглядов, основанную на защите свободы индивида и минимизации внешнего принуждения. Ключевыми постулатами, составляющими правовую основу этой идеологии, являются три принципа: самопринадлежности, неагрессии (ненападения) и неприкосновенности частной собственности. Вместе они формируют этическую и правовую основу для построения общества, где права личности находятся под максимальной защитой. Принцип принадлежности самому себе утверждает, что каждый человек является владельцем своего тела, труда и решений. Это фундаментальное право служит отправной точкой для защиты индивидуальной свободы и установления границ вмешательства других людей или государства. Принцип неагрессии запрещает любое насилие, принуждение или обман, позволяя применять силу лишь в целях самозащиты. Он лежит в основе регулирования отношений между людьми, делая их добровольными и свободными от насилия. Принцип неприкосновенности частной собственности гарантирует право индивида владеть результатами своего труда и приобретать имущество законными способами. Это право считается продолжением самопринадлежности и инструментом для защиты свободы и экономической независимости.

Вопрос о необходимости применения правовых императивов либертарианства особенно актуализируется сегодня, когда проблема нахождения баланса между личной свободой и государственным регулированием становится всё более острой. Защита индивидуальных прав, основанная на этих принципах, может служить эффективным противовесом чрезмерному вмешательству государства и угрозам свободе личности.

Литература

1. Цицерон М. Т. О государстве. – М.: АСТ, 2022. – 158 с.
2. Нджоя В. Естественное право и свобода Ротбарда // Институт Мизеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mises.org/mises-wire/natural-law-and-rothbardian-liberty (дата обращения: 21.11.2024).
3. Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: “Catallaxy”, 1994. – 416 с.
4. Локк Д. Два трактата о правлении // Электронная библиотека Гражданское общество в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 21.11.2024).
5. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
6. Ротбард М. Этика свободы // Электронная библиотека RoyalLib.com. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/rotbard_myurrey/etika_svobodi.html#0 (дата обращения: 21.11.2024).
7. Мадаминов М. Ш. Свобода и право в трудах Мюррея Ротбарда // Юридическая наука. – 2021. – №. 3. – С. 18–22.

Legal basis of libertarianism

Chuzhikov N.A., Dubkov N.S., Polischuk D.I., Ivanov A.M.
Far Eastern Federal University

The article examines the key provisions of the libertarian legal doctrine, including the principles of self-ownership, non-aggression, and the inviolability of private property. The author analyzes the evolution of libertarian ideas from ancient ideas about natural law to modern concepts formulated in the works of Murray Rothbard and Robert Nozick. Particular attention is paid to the philosophical foundations of libertarianism, which assert the priority of individual freedom and minimal government intervention. Libertarian legal philosophy is proposed as a theoretical basis for the development of legal instruments aimed at ensuring a balance between freedom and law and order in the context of modern globalization processes, digitalization, and the crisis of traditional state institutions. The author emphasizes that the principles of libertarianism can become an effective means of protecting individual rights in response to increasing authoritarian tendencies. The study reveals the potential of libertarian thought for re-evaluating and adapting modern legal systems, emphasizing the need to minimize violence, respect voluntariness in relations between the state and the individual, and the protection of private property as a necessary basis for creating a prosperous society.

Keywords: libertarianism, law, freedom, self-ownership, non-aggression, private property.

References

1. Cicero M. T. On the State. - M.: AST, 2022. – 158 p.
2. Ndzhoya V. Natural Law and Rothbardian Liberty // Mises Institute. – [Electronic resource]. – Access mode: https://mises.org/mises-wire/natural-law-and-rothbardian-liberty (Access date: 11/21/2024).
3. Mises L. Socialism. Economic and Sociological Analysis. – M.: “Catallaxy”, 1994. – 416 p.
4. Locke D. Two Treatises on Government // Electronic Library Civil Society in Russia. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (Access date:11/21/2024).
5. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. – M.: IRISEN, 2008. - 424 p.
6. Rothbard M. The Ethics of Freedom // Electronic Library RoyalLib.com. - [Electronic resource]. – Access mode: https://royallib.com/read/rotbard_myurrey/etika_svobodi.html#0 (Access date: 11/21/2024).
7. Madaminov M. Sh. Freedom and Law in the Works of Murray Rothbard // Legal Science. – 2021. – No. 3. – P. 18-22.

Правовая природа юридической сертификации

Ануфриева Любовь Игоревна
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, aitp@donrta.ru

В статье исследуется правовая природа юридической сертификации как особого правового института, направленного на обеспечение безопасности потребителей путем проверки соответствия продукции установленным критериям. Анализируются основные аспекты сертификации: процедурный, документальный и правовой. Раскрывается многослойная структура процесса сертификации, включающая оценку соответствия, документальное подтверждение и выдачу сертификата. Рассматривается юридическая сертификация как часть системы технического регулирования, выделяются её функции на микро- и макроуровне. Подчеркивается её роль как превентивной меры, способствующей снижению рисков и защите прав граждан, включая социально-экономические и личные права. Отмечается, что сертификация способствует развитию правовых отношений, формируя условия для реализации механизмов защиты прав человека. Особое внимание уделяется сравнительному анализу сертификации и смежных правовых понятий, таких как юридическое удостоверение. Автор выделяет различия между сертификацией как процедурой подтверждения соответствия и другими юридическими документами, подчеркивая уникальность её юридического содержания. Статья предлагает целостный взгляд на юридическую сертификацию, её место в правовом регулировании и значимость в современном обществе, что имеет практическое и теоретическое значение для развития правовой науки и законодательства.
Ключевые слова: сертификация, юридическое удостоверение, юридическая деятельность, техническое регулирование.

Введение

В настоящее время *термин «сертификация»*, несмотря на кажущуюся относительную новизну, прочно вошел в обиход современного общества, став широко распространенным и часто употребляемым в повседневной жизни и в коммерческой деятельности. Модернизация способа организации хозяйственной жизни России (переход к рыночной модели экономики), активное развитие международных отношений обусловили необходимость решения вопроса, связанного с уровнем качества выпускаемой продукции, производимых работ и оказываемых услуг.

Материалы и методы

В настоящее время *понятие «сертификация»* закреплено в Федеральном законе от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Закон о техническом регулировании). Сертификация определена как форма подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов и стандартов, которая осуществляется органом сертификации (ст. 2). В этой же норме даются трактовки сертификата соответствия как документа, удостоверяющего соответствие объекта установленным требованиям, предусмотренных техническими регламентами, стандартами или договорными условиями. А также поясняется, что система сертификации представляет собой совокупность правил выполнения работ по сертификации, входящих в нее участников и общих правил функционирования сертификационной системы [15].

Видится важным отметить, что в соответствии со ст. 25 Закона о техническом регулировании сертификация в обязательном порядке устанавливается только для продукции, которая выпускается для отечественного рынка, а также для импортной продукции (конкретный перечень такой продукции утверждается Правительством РФ [16]). Качество работ и услуг может быть подтверждено в рамках добровольной сертификации (ст. 21).

Из этого следует, что, с одной стороны, юридическая сертификация в настоящее время является *особым правовым институтом*, направленным на обеспечение безопасности потребителей посредством проверки качества определенных видов продукции. Можно говорить о том, что та или иная продукция несет потенциальную угрозу, а значит в рамках сертификации существует такая категория, как «риск». Иными словами, юридическая сертификация выступает в качестве *превентивной меры*, способной снизить уровень риска и возможного причинения вреда некачественной продукции. Получается, что юридическая сертификация, фактически,

служит *гарантией защиты прав человека и гражданина*.

С другой стороны, закрытый перечень продукции и необязательный характер сертификации для работ и услуг говорит свидетельствует о довольно мягком подходе отечественного законодателя к вопросу сертификации. Полагаем, в данном контексте уместно отметить Указ Президента РФ от 15 мая 2008 года № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности». В данном нормативном правовом акте указывается, что для устранения ряда административных ограничений, создающих трудности при осуществлении предпринимательской деятельности, особенно субъектами малого и среднего предпринимательства, необходимо установить преимущественно уведомительный порядок начала деятельности подобного рода, сократить количество разрешительных документов, а также заменить процедуру обязательной сертификации на декларирование производителем качества выпускаемой продукции (пп. «а» п. 1) [14].

Для того чтобы сформулировать емкое и точное определение интересующего нас понятия «юридическая сертификация», по нашему мнению, необходимо также обратиться к различным систематизированным справочным изданиям, дающим разъяснение содержательного наполнения сертификации как общей социализированной языковой формы, выяснить этимологические, морфологические и прочие характеристики анализируемой категории.

В Толковом словаре сертификация раскрывается как свидетельствование надлежащих свойств товара, что позволяет обеспечить выдачу соответствующего документа (сертификата) [7]. Согласно Энциклопедическому словарю сертификация может употребляться в двух значениях: 1) присвоение сертификата какому-либо изделию; 2) выдача сертификата (сертификатов) кому-либо [9].

В Историческом словаре галлицизмов русского языка под сертификацией понимается подтверждение соответствия продукции определенным установленным требованиям, стандартам или специальным техническим условиям и выдача соответствующего свидетельства (сертификата) [6]. Словарь иностранных слов Н.Г. Комлева трактует сертификацию как свидетельство о происхождении товара, данное официально подтверждение и удостоверение подлинной подписи [11].

Видится интересным также обратиться и к специализированным тематическим словарям. В Экономическом словаре терминов сертификация – это подтверждение соответствия каких-либо характеристик качества тому уровню, который задается конкретным стандартом, а также – процедура получения сертификата [19]. В Толковом словаре «Инновационная деятельность» сертификация означает методическую и практическую деятельность, реализуемую специально уполномоченным государственным органом, направленную на определение, проверку и документальное подтверждение установленных квалификационных требований, предъявляемых к изделиям, процедурам, процессам и персоналу [8]. В соответствии с Терминологическим словарем автоматизации строительства и производственных процессов сертификация – это процедура, в рамках проведения которой третья сторона предоставляет гарантию о том, что вся система обработки данных или часть этой системы отвечает требованиям обеспечения безопасности [21].

На наш взгляд, весьма интересную трактовку дает и Большой бухгалтерский словарь. Так, сертификация раскрывается в трех ипостасях: 1) как удостоверение соответствия чему-либо с последующей выдачей сертификата; 2) как документальное подтверждение соответствия продукции определенным требованиям, действующим стандартам или техническим условиям; 3) как процедура получения сертификата [2]. В данном определении можно выделить *несколько аспектов*, наличие которых демонстрирует многогранность исследуемой категории.

Так, наиболее ярко прослеживается *динамическая составляющая*: сертификация есть процесс, формальная процедура, совокупность совершаемых в определенном порядке юридических действий. Такая процедура сама по себе является «многослойной» и включает в себя *три компонента (три стадии)*:

— сам процесс оценки продукции на предмет соответствия;

— документальное подтверждение такого соответствия;

— получение сертификата.

Следует также выделить и *материальный аспект*, а именно объективированную форму проведенной процедуры сертификации – сертификат как специальный юридический документ. Кроме того, учитывая, что сертификат соответствия, полученный в результате сертификации, имеет определенную юридическую силу и значение, то, в сущности, можно говорить об еще одном аспекте сертификации – формировании условий для развития в дальнейшем иных правовых отношений.

Видится уместным также обратиться *к зарубежным источникам*, раскрывающим значение термина «сертификация». В одном из словарей сертификация определяется как: 1) формальная процедура утверждения того, что факт или процесс соответствует стандарту; 2) процесс выдачи официального документа (сертификата), которым подтверждается истинность факта, качество процесса или же подлинность какой-либо записи; 3) процесс, направленный на демонстрацию отдельными лицами освоение ими требований конкретной организации к профессиональной практике.

Там же приводится интересное, на наш взгляд примечание, поясняющее, что термин «сертификация» имеет латинское происхождение (от латинского слова *certus*, что означает уверенный, решительный, разрешенный, определенный). Указывается, что понятие нередко используется для заверения копий (для того чтобы копии могли быть приняты как эквивалентные оригиналу), а также применяется

с целью подтверждения того, что процесс заслуживает доверия. Характеристика «сертифицированный» при этом означает признание аутентичным или соответствующим стандарту [29].

В зарубежном этимологическом словаре указывается, что понятие «сертификация» известно с XII века и произошло от старофранцузского *certefiier* «удостоверять, свидетельствовать об истинности», а также от позднелатинского *certificare* «удостоверять, удостоверяться». Латинское слово *certus* переводится как «фиксированный, уверенный», а корень *facere* означает «создавать или делать». Полагаем, данная трактовка точно передает *суть процедуры сертификации* – подтверждение того, что продукт «сделан верно», соответствует определенным критериям, которые задают конкретные параметры такой «верности» в значении правильности.

В среднеанглийском языке сертификация употреблялась в более широком смысле - информировать, уведомлять, инструктировать, направлять, обозначать. В середине XIV века под сертификацией понималось заявление об истинности, а также подтверждение чего-либо (например, официальная запись). В начале XV века она приобрела значение уведомления, в середине того же столетия стала означать демонстрацию и доказательство. В 1881 году под сертификацией стал пониматься акт предоставления юридического сертификата [28].

В еще одном зарубежном источнике отмечается, что сертификация в современных условиях представляет из себя процесс получения документа, выдаваемого по определенным правилам и подтверждающий то, что продукция соответствует установленным требованиям. Это совокупность действий, основанных на тестировании и оценке условий производства, регулировании выполнения специальных процедур и надзоре за их качеством [27].

Основной «смысловой посыл» сертификации заключается в подтверждении соответствия, что также отмечается и в научной литературе [12]. Сертификация есть не что иное, как форма проверки, направленной на подтверждение соответствия продукции требованиям безопасности и качества [5]. А.С. Панова указывает, что *подтверждение соответствия по своей правовой природе представляет из себя особый вид деятельности*, которая осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, исполняющих функции органов по сертификации и испытательных центров в соответствии с действующей системой сертификации, олицетворяющих тесное взаимопроникновение предпринимательских и иных связанных с ними отношений **(курсив наш – Л.А.)** [18].

Таким образом, проведенный анализ понятия «сертификация», его этимологических, лексических и прочих особенностей показал, что в большинстве случаев подчеркивается *динамический аспект сертификации*. На основании проведенного исследования хронологии развития сертификации и ее законодательного регулирования, а также рассмотренных словарных трактовок можно говорить о том, что *юридическая сертификация как особая процедура* является значимой *частью юридической деятельности*, связанной с подтверждением соответствия и характеризуется внутренним организационным единством и целостностью.

Юридическая деятельность определяется как совокупность актов, принимаемых компетентными государственными органами и должностными лицами, имеющие юридическое значение, направленные на внесение упорядоченности в иную социальную деятельность с целью защиты прав, свобод и безопасности граждан и их объединений, а также обеспечения охраны общества и государства [24].

Такая деятельность опосредована правом и осуществляется для того, чтобы удовлетворить возникающие в процессе развития общества потребности. Она, наряду с производственной, экономической, предпринимательской, политической и другими, является разновидностью и, одновременно, - значимой частью деятельности социальной. Следует подчеркнуть, что *у юридической деятельности всегда есть правовая цель*, заключающаяся в достижении общественно полезного, социально значимого результата. Наличие целевой установки отмечается в сформулированных различными учеными определениями юридической деятельности.

По мнению Д.Ю. Шапсугова, юридическая деятельность – это проявление воли субъекта права или реализация им обязанности ради удовлетворения правовой цели, под которой следует понимать возникновение и осуществление прав и полномочий, а также исполнение обязанностей [25].

В.Н. Карташов указывает, что юридическая деятельность представляет из себя опосредованную правом профессиональную, трудовую, государственно-властную деятельность, заключающуюся в вынесении юридически значимых решений компетентными органами для выполнения общественных функций и задач для удовлетворения потребностей общества, объединений и отдельно взятой личности [10].

Ю.Г. Арзамасов, характеризуя юридическую деятельность, говорит о том, что ее образует комплекс осознанных, волевых, властных юридических действий и непосредственно связанных с ними организационно-юридических мероприятий, которые реализуются специально уполномоченными органами и лицами на основе установленных правовых норм и нацелены на удовлетворение как корпоративных, так и индивидуальных законных интересов [1]. Присущее юридической деятельности целеполагание отмечают и другие авторы [3].

Считаем, что, приведенные трактовки понятия «сертификация», в которых подчеркивается, что она представляет собой *определенную процедуру подтверждения соответствия* сертифицируемого объекта установленным критериям, порядок ее прохождения урегулирован действующими правовыми нормами и ее проведение направлено на получение юридически значимого результата, доказывают что сертификация является *значимой частью юридической деятельности*, направленной на подтверждение соответствия качества продукции установленным требованиям.

При этом, вновь заостряя внимание на такие особенности юридической деятельности, как обязательное наличие цели, следует отметить, что для сертификации характерны *два устремления*. Одно, назовем его *«первичным», или «локальным» имеет непосредственное отношение к субъекту*, которому необходимо сертифицировать продукцию, и заключается в успешном прохождении процедуры в предусмотренном порядке и получении соответствующей документальной формы, подтверждающей данный факт. Второе устремление следует обозначить как *«глобальное»*, в большей степени характерное для законодателя имеет направленность *на обеспечение безопасности общества* через в своем роде функционирование контрольного механизма, одним из правовых инструментов которого является сертификация.

Как мы выяснили ранее, в переводе с латинского сертификация означает «удостоверяю», «подтверждаю». Неоднократно в различных трактовках исследуемой дефиниции «сертификация» отмечается ее тесная связь и даже идентичность с понятием *«удостоверение»*. Глагол «удостоверить» в современном русском языке, как правило, употребляется в значении засвидетельствования правильности, подлинности и точности чего-либо. Ранее он также означал убеждение кого-либо в истинности чего-нибудь, доказывания чего-либо кому-нибудь и заверения кого-либо в чем-либо [22]. Полагаем, можно говорить о том, что под сертификацией следует понимать некую *совокупность действий* (в нашем случае – юридических действий), совершение которых приводит к достижению определенного юридически значимого результата. При таком понимании *сертификация есть процедура «удостоверения»*.

Если углубиться в этимологию и морфологический состав понятия «удостоверение», можно обнаружить, что его основу образует категория «веры». Вера – это убежденность и твердая уверенность в ком-либо или в чем-либо [17]. Получается, что, удостоверяя что-либо, мы обретаем веру как особое чувство убежденности и уверенности через установление конкретного юридического факта. В последующем такой факт (удостоверенный факт) принимается нами уже без повторной процедуры доказывания – мы принимаем его «на веру».

А.С. Миловидова определяет *юридическое удостоверение* как интеллектуально-волевую, имеющую юридическое значение и реализуемую компетентными субъектами деятельность, которая направлена на установление и подтверждение подлинности и правомерности правовых явлений, а также результаты деятельности подобного рода. При этом, юридическое удостоверение рассматривается как сочетание нескольких аспектов, составляющих системное единство. Так, первый аспект называется процедурным, или динамическим и означает деятельность по проверке соответствия предмета удостоверения установленным критериям и параметрам. Второй аспект представляет собой материальную фиксацию полученного результата (формализация). Третий – способность юридического удостоверения как процедуры и достигнутый при ее проведении результат стать предпосылкой к возникновению новых общественных отношений и определить условия дальнейшей юридической деятельности [13].

Таким образом, подчеркивается многогранность юридического удостоверения как правового феномена. При этом, следует сделать акцент на том, что в обыденном мировоззрении, а также, что не являются редкостью, и в научном, за удостоверением закрепилась прочная ассоциация, в рамках которой оно олицетворяет собой наличие и предъявление какого-либо юридического документа (водительское удостоверение, пенсионное удостоверение, удостоверение многодетной семьи, различные должностные удостоверения и др.). Иными словами, в большинстве случаев образ удостоверения отражает лишь один из аспектов юридического удостоверения, характеризуя его лишь с формальной стороны.

Это является вполне понятным и объяснимым, поскольку в повседневной жизни на первый план выходит не сам процесс удостоверения, но его объективированная форма, то есть полученный результат в виде конкретного одноименного юридического документа, который в основном и используется в той или иной области общественных отношений. Именно поэтому так велика значимость материального аспекта в правоприменительной практике. Нельзя не согласиться с мнением А.Ф. Черданцева о том, что благодаря юридическим документам становится возможным произвести сопоставление идеальных объектов правового регулирования к определенным местам, времени и субъектам, достигнуть определенности правового регулирования и устойчивого состояния социальных связей [23].

Вместе с тем, вероятно, справедливым будет утверждать, что тот или иной юридический документ не создается каждый раз заново, происходит некое *повторение определенной процедуры* с учетом накопленного практического опыта, то есть осуществляется юридическая деятельность, под которой подразумевается динамический аспект. В случае с юридическим удостоверением следует говорить о законодательно установленной совокупности последовательно реализуемых действий, направленных на установление соответствия предмета удостоверения определенным параметрам. Отсюда и многозначность глагольной формы удостоверения: удостоверять – убеждать в истине чего-либо, заверять; доказывать, утверждать, свидетельствовать и подкреплять сведения свидетельством [4].

Таким образом, можно говорить о том, что *юридическая сертификация*, является в определенном смысле синонимичным рассмотренному понятию *«юридическое удостоверение»*, поскольку представляет из себя особую юридическую процедуру, заключающуюся в подтверждении соответствия продукции законодательно предусмотренным требованиям. Однако, на наш взгляд, нельзя говорить об абсолютной идентичности данных терминов. Полагаем, что между ними есть существенное различие.

Юридическое удостоверение является разновидностью юридической деятельности. Это значит,

что в рамках такой деятельности реализуется множество юридических процедур. Так, под юридической процедурой понимается нормативно установленный порядок юридической деятельности, реализуемой различными субъектами права ради достижения конкретно заданных целей правового характера непосредственно в процессе осуществления правового регулирования, в рамках которого, как правило, предусматривается специальная правовая охрана [20]. Из этого следует, что юридическая сертификация как особая процедура может быть *частью юридического удостоверения*, которое по своей природе является более широким понятием.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что как мы уже успели выяснить, юридическое удостоверение неотделимо от формализованного результата, а именно, - от удостоверения как специального юридического документа. Можно ли говорить о подобной неразрывной связи в случае с сертификацией? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, *необходимо обратиться к понятию «сертификат»*, определить его разновидности и сферы применения.

Следует отметить, что в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона значение «сертификат» приравнивается к «удостоверению» [26]. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой сертификат имеет два значения: 1) заемное финансовое обязательство государственных органов и наименование билетов некоторых государственных займов; 2) письменное удостоверение о чем-либо, имеющее официальную форму [17].

Учитывая первое из указанных в данном определении значение сертификата, а также тот факт, что в настоящее время существует большое количество сертификатов как особых документов (например, ставший известным и в определенный момент обязательным в связи с распространением коронавирусной инфекции прививочный сертификат; государственный сертификат на материнский капитал; сертификат дополнительного образования и др.), можно утверждать, что у юридической сертификации в отличии от юридического удостоверения отсутствует прямая привязка к сертификату как к документальной форме. Иными словами, далеко не каждый сертификат как особый юридический документ является результатом проведенной сертификации. Данный вопрос мы еще будем разбирать подробнее в другой части диссертационного исследования, а пока вернемся к проблеме соотношения сертификации со смежными понятиями.

Результаты.

Подводя итог, хотелось бы еще раз обозначить полученные выводы.

Во-первых, истоки юридической сертификации возникли в глубокой древности и на протяжении своего многовекового развития произошла существенная трансформация содержательного наполнения данного понятия.

Во-вторых, юридическая сертификация в настоящее время является *особой юридической процедурой*, в рамках которой происходит подтверждение соответствия сертифицируемого объекта установленным критериям, порядок ее прохождения урегулирован действующими правовыми нормами и ее проведение направлено на получение юридически значимого результата. При этом, юридическую сертификацию следует рассматривать в трех аспектах, образующих ее целостность и системное единство.

Первый аспект – это *динамическая составляющая*: сертификация есть процесс, формальная процедура, совокупность совершаемых в определенном порядке юридических действий. Такая процедура сама по себе является «многослойной» и включает в себя три компонента (три стадии):

— сам процесс оценки продукции на предмет соответствия;

— документальное подтверждение такого соответствия;

— получение сертификата.

Второй аспект – *материальный*, под которым следует понимать объективированную форму проведенной процедуры сертификации – сертификат как специальный юридический документ. Кроме того, учитывая, что сертификат соответствия, полученный в результате сертификации, имеет определенную юридическую силу и значение, то, в сущности, можно говорить об еще одном, третьем аспекте сертификации – *формировании условий* для развития в дальнейшем иных правовых отношений.

В-третьих, юридическая сертификация в настоящее время является *особым правовым институтом*, направленным на обеспечение безопасности потребителей посредством проверки качества определенных видов продукции. Юридическая сертификация выступает в качестве *превентивной меры*, способной снизить уровень риска и возможного причинения вреда некачественной продукции. Получается, что *юридическая сертификация*, фактически, служит гарантией защиты прав человека и гражданина, а значит, как особая процедура, являющаяся значимой *частью юридической деятельности*, связанной с подтверждением соответствия, также становится одним из элементов, обеспечивающих функционирование механизма реализации прав человека и гражданина. При этом, сертификация гарантирует не только социально-экономические права, но также, на наш взгляд, и личные права, поскольку категории «риск», «угроза» и «безопасность» имеют непосредственное отношение к жизни и здоровью человека.

В-четвертых, для сертификации характерны *два устремления*. Одно, назовем его *«первичным», или «локальным» имеет непосредственное отношение к субъекту*, которому необходимо сертифицировать продукцию, и заключается в успешном прохождении процедуры в предусмотренном порядке и получении соответствующей документальной формы, подтверждающей данный факт. Второе устремление следует обозначить как *«глобальное»*, в большей степени характерное для законодателя имеет направленность *на обеспечение безопасности общества* через в своем роде функционирование контрольного механизма, одним из правовых инструментов которого является сертификация.

В-пятых, сертификация является его частью технического регулирования как особого правового режима. Фактически, она выступает ***в качестве специального правового средства***, использование которого позволяет достичь определенные цели на «микро»- и «макроуровне».

В-шестых, несмотря на наличие множества кажущихся идентичными и взаимозаменяемыми понятий, юридическая сертификация не может быть названа абсолютно тождественной ни одному из них.

Литература

1. Арзамасов Ю.Г. Природа юридической деятельности // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 3(9). – С. 33-52.
2. Большой бухгалтерский словарь [Электронный ресурс]. // URL: https://rus-buhgalterskiy-dict.slovaronline.com/6389-СЕРТИФИКАЦИЯ (дата обращения: 30.08.2024).
3. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // М.: Юриспруденция. – 2010. – С. 151-167.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // М.:ОЛМА Медиа Групп. – 2012. – 627 с.
5. Дульцев Д.О. Сертификация продукции // Экономика и социум. – 2022. – № 11(102)-1. – С. 509.
6. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. Статьи на букву "С" (часть 9, "СЕР"-"СИБ") [Электронный ресурс]. // URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-209-9.htm#zag-35345 (дата обращения: 30.08.2024).
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. // М.: Русский язык. – 2000. – Т. 2.– 1088 с.
8. Зверев В.С. Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я) // Закрытое акционерное общество «Сибирское научное издательство». – 2006. – 183 с.
9. Значение слова СЕРТИФИКАЦИЯ [Электронный ресурс]. // URL: https://sanstv.ru/dict/сертификация (дата обращения: 30.08.2024).
10. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность // Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. – 1989. –218 с.
11. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений // М.: Эксмо. – 2006 – 669 с.
12. Манукян Г.А. Сущность и содержание сертификации // Форум молодых ученых. –2021. – № 4(56). – С. 264.
13. Миловидова А.С. Юридическое удостоверение (теория, практика, техника): автореф. дис. … канд. юрид. наук. // Нижний Новгород. – 2014. – специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. – 31 с.
14. О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности: указ Президента РФ от 15 мая 2008 года № 797 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76969/ (дата обращения 02.12.2024)
15. О техническом регулировании: федеральный закон от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (дата обращения 02.12.2024)
16. Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подлежащей декларированию соответствия, внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. N 2467 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 23 декабря 2021 года № 2425 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1. – ст. 136.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // М.: АЗЪ. – 2015. – 928 с.
18. Панова А.С. Правовое регулирование отношений по подтверждению соответствия продукции: автореф. … дис. канд. юрид. наук. // Казань. – 2005. – специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. – 25 с.
19. СЕРТИФИКАЦИЯ — Экономический словарь терминов [Электронный ресурс]. // URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/СЕРТИФИКАЦИЯ (дата обращения: 21.08.2024).
20. Тарасова А.Г. Юридические процедуры и реализация прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. // Волгоград. – 2012. – специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. – 29 с.)
21. Терминологический словарь автоматизации и производственных процессов [Электронный ресурс]. // URL: https://slovar-avt.slovaronline.com/5949-сертификация (дата обращения: 30.08.2023).
22. Ушаков Д.Н., Толковый словарь русского языка: в 4 т. // Litres. – 2022. – 799 с.
23. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. // М.: Юрайт-М. – 2002. – С. 40.
24. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. // М. – 2003. –специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений. –21 с.
25. Шапсугов Д.Ю. Теория права и государства: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. 021100 «Юриспруденция». // Ростов-на-Дону: МарТ. – 2003. – 653 с.
26. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXIXA (58). // С.-Петербург: Типография Акц. Общ. «Издательское дело». –1900. – С. 706.
27. Certification is what? What is product certification? [Электронный ресурс]. // URL: https://en.delachieve.com/certification-is-what-what-is-product-certification/ (дата обращения: 31.08.2023).

28.Certification. Etymology, origin and meaning of certification by etymonline [Электронный ресурс]. // URL: https://www.etymonline.com/word/certification (дата обращения: 31.08.2023).

29.SAA Dictionary: certification [Электронный ресурс]. // URL: https://dictionary.archivists.org/entry/certification.html (дата обращения: 30.08.2024).

Legal nature of legal certification

Anufrieva L.I.
Rostov Branch of the Russian Customs Academy

The article examines the legal nature of legal certification as a special legal institution aimed at ensuring consumer safety by verifying product compliance with established criteria. The main aspects of certification are analyzed: procedural, documentary and legal. The multilayer structure of the certification process is revealed, including conformity assessment, documentary evidence and certificate issuance. Legal certification is considered as part of the technical regulation system, its functions at the micro and macro levels are highlighted. Its role as a preventive measure that helps reduce risks and protect the rights of citizens, including socio-economic and personal rights, is emphasized. It is noted that certification contributes to the development of legal relations, creating conditions for the implementation of human rights protection mechanisms. Particular attention is paid to a comparative analysis of certification and related legal concepts, such as legal certification. The author highlights the differences between certification as a procedure for confirming compliance and other legal documents, emphasizing the uniqueness of its legal content. The article offers a holistic view of legal certification, its place in legal regulation and significance in modern society, which has practical and theoretical significance for the development of legal science and legislation.

Keywords: certification, legal certification, legal activity, technical regulation.

References

1. Arzamasov Yu.G. The nature of legal activity // Leningrad Law Journal. - 2007. - No. 3 (9). - P. 33-52.
2. Large accounting dictionary [Electronic resource]. // URL: https://rus-buhgalterskiy-dict.slovaronline.com/6389-CERTIFICATION (date of access: 08/30/2024).
3. Vlasenko N.A. Legal technology as a comprehensive system of knowledge // M.: Jurisprudence. - 2010. - P. 151-167.
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language // M .: OLMA Media Group. - 2012. - 627 p.
5. Dultsev D.O. Product certification // Economy and society. – 2022. – No. 11(102)-1. – P. 509.
6. Epishkin N.I. Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language. Articles starting with the letter "C" (part 9, "SER" - "SIB") [Electronic resource]. // URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-209-9.htm#zag-35345 (access date: 08/30/2024).
7. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language: explanatory and word-formative: over 136,000 dictionary entries, about 250,000 semantic units. // M.: Russian language. – 2000. – T. 2. – 1088 p.
8. Zverev V.S. Explanatory Dictionary "Innovation Activity". Terms of Innovation Management and Related Fields (from A to Z) // Closed Joint-Stock Company "Siberian Scientific Publishing House". - 2006. - 183 p.
9. The meaning of the word CERTIFICATION [Electronic resource]. // URL: https://sanstv.ru/dict/сертификации (date of access: 08/30/2024).
10. Kartashov V.N. Legal activity: concept, structure, value // Saratov: Publishing house of Sarat. University. - 1989. -218 p.
11. Komlev N.G. Dictionary of foreign words: more than 4500 words and expressions // Moscow: Eksmo. - 2006 - 669 p.
12. Manukyan G.A. The essence and content of certification // Forum of young scientists. –2021. – No. 4(56). – P. 264.
13. Milovidova A.S. Legal certificate (theory, practice, technique): author's abstract. dis. … candidate of legal sciences. // Nizhny Novgorod. – 2014. – specialty: 12.00.01 – theory and history of law and state; history of doctrines on law and state. – 31 p.
14. On urgent measures to eliminate administrative restrictions in the implementation of entrepreneurial activities: decree of the President of the Russian Federation of May 15, 2008 No. 797 [Electronic resource] // Consultant plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76969/ (date of access 02.12.2024)
15. On technical regulation: federal law of December 27, 2002 No. 184-FZ [Electronic resource] // Consultant plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (date of access 02.12.2024)
16. On approval of a unified list of products subject to mandatory certification and a unified list of products subject to declaration of conformity, amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 N 2467 and recognition of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid: Resolution of the Government of the Russian Federation of December 23, 2021 N 2425 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 1. - Art. 136.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language // M .: AZЪ. - 2015. - 928 p.
18. Panova A.S. Legal regulation of relations on confirmation of conformity of products: author's abstract ... dis. candidate of legal sciences. // Kazan. - 2005. - specialty 12.00.03 - civil law; business law; family law; international private law. - 25 p.
19. CERTIFICATION - Economic dictionary of terms [Electronic resource]. // URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/СЕРТИФИКАЗИЯ (date of access: 21.08.2024).
20. Tarasova A.G. Legal procedures and implementation of human rights (theoretical and legal aspect): author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. // Volgograd. - 2012. - specialty 12.00.01 - Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state. – 29 p.)
21. Terminological dictionary of automation and production processes [Electronic resource]. // URL: https://slovar-avt.slovaronline.com/5949-цертические (date of access: 08/30/2023).
22. Ushakov D.N., Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes // Litres. – 2022. – 799 p.
23. Cherdantsev A.F. Theory of state and law: textbook for universities. // M.: Yurait-M. – 2002. – P. 40.
24. Shagiev B.V. Legal activity in modern Russian society (theoretical and legal aspect): author's abstract. dis. … candidate of legal sciences. // M. - 2003. - specialty 12.00.01 - Theory and history of law and state; history of legal doctrines. - 21 p.
25. Shapsugov D.Yu. Theory of Law and State: textbook. for university students studying in the specialty 021100 "Jurisprudence". // Rostov-on-Don: MarT. - 2003. - 653 p.
26. Brockhaus and Nephron Encyclopedic Dictionary: Volume XXIXA (58). // St. Petersburg: Printing House of the Akts. General "Publishing Business". - 1900. - P. 706.
27. Certification is what? What is product certification? [Electronic resource]. // URL: https://en.delachieve.com/certification-is-what-what-is-product-certification/ (date of access: 31.08.2023).
28. Certification. Etymology, origin and meaning of certification by etymonline [Electronic resource]. // URL: https://www.etymonline.com/word/certification (date of access: 31.08. .2023).
29. SAA Dictionary: certification [Electronic resource]. // URL: https://dictionary.archivists.org/entry/certification.html (date of access: 30.08.2024).

Право на товарный знак и знак обслуживания: проблемы гражданско-правовой защиты

Гришин Анатолий Александрович
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Grishin.anatoly97@gmail.com

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы гражданско-правовой защиты прав на товарные знаки и знаки обслуживания в современных условиях. Особое внимание уделяется анализу существующих механизмов правовой защиты, выявлению пробелов в законодательстве и практике его применения на основе наиболее часто обсуждаемых проблем. Также в статье намечаются перспективные направления совершенствования системы охраны прав на товарные знаки и знаки обслуживания, адекватные текущим вызовам цифровой эпохи.
Ключевые слова: товарный знак, знак обслуживания, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, гражданско-правовая защита, правонарушение, исключительное право

Сегодня товарные знаки и знаки обслуживания широко используются практически во всем мире как средства индивидуализации соответственно товаров и услуг. В развивающихся и промышленно развитых странах с рыночной и плановой экономикой - везде они играют важную роль в маркетинге и торговле. Товарный знак позволяет фирме, его использующей, обратить внимание потенциальных покупателей на существование собственного товара. Кроме того, он способствует привлечению внимания потребителей к изделиям, маркированным определенным товарным знаком.

Основной ценностью товарного знака являются ассоциации между владельцем товарного знака и изделием. Это стимулирует спрос на соответствующие товары, позволяя им успешно конкурировать на рынке с аналогами. Кроме того, эффективная система товарных знаков способствует защите потребителей от различных форм недобросовестной торговли. Так, например, законодательством запрещается использование знаков, вводящих в заблуждение, или таких, которые могут быть спутаны с другими знаками.

Сегодня в России товарным знаком признается, в соответствии со ст. 1477 Гражданского кодекса РФ, «обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей»[27]. Более содержательное определение товарного знака, позволяющее сделать вывод о его сущности и назначении, приводится в ст. 15 соглашения ТРИПС: товарный знак – это любое обозначение или любое сочетание обозначений, способное отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий, может быть товарным знаком»[28]. В этом смысле в указанном международном договоре не проводится различий между товарным знаком и знаком обслуживания (необходимым для обозначения оказываемых услуг или выполняемых работ) обозначая их одним понятием «trademark».

Отметим, что с юридической точки зрения, явление, которое в англоязычной традиции именуется trademark (сокращенно – «TM»), в России должно переводиться как «товарный знак» или «знак обслуживания» - соответственно для товаров и услуг. Дословный же перевод вышеприведенного английского термина – «торговая марка» - иррелевантен праву и не подлежит защите, хотя на бытовом уровне часто используется в качестве синонима.

[27] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.

[28] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994), ст. 15.

Товарный знак или знак обслуживания могут быть различных видов: словесным, изобразительным, объемным и «другим» (ст. 1482 ГК РФ). «Другие» виды товарных знаков могут быть достаточно оригинальными: так, в России недавно был зарегистрирован первый тактильный товарный знак, предназначенный для слепых и слабовидящих людей: логотип «набран» шрифтом Брайля. Цвета для товарных знаков могут быть выбраны любые, цветовые сочетания – тоже. На товарный знак за производителем признается особое исключительное право, которое удостоверяется соответствующим свидетельством. Именно поэтому средства индивидуализации являются объектом права интеллектуальной собственности, а права на них подлежат гражданско-правовой защите.

Как отмечает В.А. Корнеев, товарный знак имеет двойственную направленность: с одной стороны, он защищает интересы производителя (обладателя исключительного права), а с другой стороны – является благом и для приобретателя товара[29].

К. Веркман писал о том, что главная функция товарных знаков – информативная, следствием которой является снижение издержек потребительского выбора. Данная функция является одной из основных и сегодня. Товарный знак продолжает указывать на то, что один товар с таким знаком выступает на рынке под эмблемой того же производителя, что и все другие товары с тем же знаком. Товарный знак является важным средством различения товаров со схожими признаками и качествами: потребитель получает возможность получать представление о товаре по одному лишь обозначению, что позволяет ему без дополнительных исследований приобретать те товары, понятие о которых он уже получил ранее[30].

Правовая природа товарного знака, на наш взгляд, обнаруживается в необходимости защиты права на свободное и исключительное использование созданного отличительного признака производимого товара[31].

Защита товарного знака приводит к большей активности в сфере хозяйственной деятельности, поскольку производители, осознавая, что их исключительное право на отличительный признак товара будет защищено, начинают проявлять большую заботу об этом товаре, получающем имя и репутацию, что отмечал, в том числе, В.А. Дозорцев[32].

В этом смысле товарный знак имеет схожесть с правом на фирменное наименование, существо которого также состоит в защите имени производителя для его стимулирования к ведению хозяйственной деятельности, поддержанию репутации и т.д. Именно поэтому в п. 2 ст. 1476 ГК РФ устанавливается, что «фирменное наименование или отдельные его элементы могут быть использованы правообладателем в принадлежащем ему товарном знаке и знаке обслуживания».

Основным правом, которое получает правообладатель при регистрации товарного знака и получения соответствующего документа (свидетельства) является исключительное право на данное средство индивидуализации. В структуре этого субъективного гражданского права традиционно выделяется правомочие на защиту. Такая защита может происходить любым из предусмотренных гражданским правом способов в любой из основных форм – административной или судебной.

Рассмотрим ключевые проблемы, связанные с нарушением прав на товарные знаки и знаки обслуживания. Первая и наиболее распространенная из них - незаконное использование сходных до степени смешения обозначений. Недобросовестные участники рынка часто прибегают к копированию известных брендов с минимальными изменениями, достаточными для формального отличия, но сохраняющими визуальное сходство, способное ввести потребителя в заблуждение.

Особую сложность представляет определение критериев сходства до степени смешения, поскольку данная категория носит оценочный характер. При этом учитываются фонетическое (звуковое), графическое (визуальное) и семантическое (смысловое) сходство обозначений. Важно отметить, что для признания сходства не требуется полного совпадения всех элементов – достаточно сходства общего впечатления, производимого обозначениями на среднего потребителя[33].

Второй распространенной проблемой является недобросовестная регистрация товарных знаков конкурентами. В предпринимательской среде такое явление получило название «бренд-рейдерство». Недобросовестные конкуренты регистрируют на себя обозначения, которые длительное время использовались другими производителями без оформления соответствующих прав. После получения свидетельства на товарный знак они предъявляют претензии к фактическим его пользователям, требуя значительные компенсации[34].

Особого внимания заслуживает проблема регистрации товарных знаков бывшими партнерами или

---

[29] Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации под ред. Е.А. Павловой. М.: Статут. 2018. С. 748.

[30] Hefter L.R. U.S. Courts in Quandary over Abandoned Trademarks: Is an Ex-Trademark Protected if It Remains Known and Loved by Consumers? [Электронный ресурс] URL: http://www.finnegan.com/resources/articles/articlesdetail.aspx?news=408a5bd2-a74e-4152-ba14-95e055b2ed3f (дата обращения 1.11.2024).

[31] Белобородов М.В., Гряськин Д.И. Понятие и правовая природа товарного знака в современном гражданском праве // Закон и право. 2021. № 4. С. 34 - 36.

[32] Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие, система, задачи кодификации, сборник статей. М.: Статут. 2003. С. 54.

[33] Лаврентьева О. А. Использование товарного знака сходного до степени смешения // Теория и практика современной науки. 2018. №10 (40). С. 93.

[34] Бренд-рейдерство. Интервью с Президентом Союза патентных поверенных и специалистов в сфере интеллектуальной собственности, кандидатом юридических наук Алексеем Робиновым [Электронный ресурс]. URL: https://brandlawyer.ru/utrata/brend-reyderstvo/ (дата обращения: 14.10.2024)

дистрибьюторами. Получив в ходе сотрудничества доступ к коммерческой информации и понимание ценности бренда, они недобросовестно регистрируют товарные знаки на себя.

Третья наиболее распространенная сфера, в которой осуществляются нарушения прав на товарные знаки – это параллельный импорт и проблемы контрафактной продукции.

Вопросы параллельного импорта приобретают особую актуальность в современных экономических условиях, когда Россия, находясь под санкционным давлением недружественных режимов западных стран, вынуждена прибегать к данному институту. Ключевой проблемой здесь является поиск баланса между защитой исключительных прав правообладателей и обеспечением конкуренции на рынке (и, как следствие, материального благополучия населения)[35]. Государство, разумеется, не может не учитывать учитывать интересы потребителей, которые заинтересованы в доступности оригинальной продукции.

Отдельного внимания заслуживает проблема идентификации контрафактной продукции. Современные технологии позволяют создавать подделки высокого качества, что затрудняет их выявление как потребителями, так и контролирующими органами. В результате, контрафактных товаров становится больше, а латентность этого вида преступности повышается.

Четвертая группа проблем связана с недобросовестным использованием товарных знаков в сети Интернет. Цифровизация экономики породила новые формы нарушений прав на товарные знаки, равно как и на иные объекты интеллектуальной собственности. К ним относятся незаконное использование товарных знаков в контекстной рекламе, размещение обозначений на сайтах-агрегаторах без согласия правообладателей, использование товарных знаков в доменных именах. Особую сложность представляет трансграничный характер таких нарушений[36].

В результате всех перечисленных выше проблем, связанных с недобросовестным использованием товарных знаков, происходит размывание различительной способности товарного знака, снижается его коммерческая ценность. Как следствие, правообладатели несут существенные убытки, связанные как с прямыми потерями от реализации контрафактной продукции, так и с затратами, которые они вынуждены нести для защиты своих прав.

Далее рассмотрим процессуальные аспекты защиты прав на товарные знаки; в этой сфере тоже имеется комплекс взаимосвязанных проблем, требующих особого внимания как со стороны законодателя, так и правоприменителей.

Первая проблема, на которую часто указывают в литературе – это сложности в доказывании размера причиненного ущерба, который правообладатель, чье право было нарушено, должен обосновать[37]. Это связано с несколькими факторами:

Во-первых, сложность представляет сам механизм расчета убытков. Правообладателю необходимо доказать не только факт противоправного использования товарного знака, но и наличие причинно-следственной связи между действиями нарушителя и возникшими убытками[38]. При этом часто возникает проблема выделения той части убытков, которая непосредственно связана с нарушением прав на товарный знак, из общей суммы потерь правообладателя. Кроме того, существенную сложность представляет доказывание упущенной выгоды. Правообладателю необходимо обосновать, какую прибыль он мог бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Это требует проведения серьезного экономического анализа и представления достоверных расчетов[39].

Во-вторых, в последние годы повышенную актуальность приобретает проблема применения обеспечительных мер при рассмотрении споров о защите прав на товарные знаки, что предусмотрено нормами действующего АПК РФ. Существующий механизм не всегда позволяет оперативно пресечь нарушение прав до вынесения окончательного решения по делу[40]. Правообладатели сталкиваются с необходимостью подробного обоснования соразмерности запрашиваемых обеспечительных мер предполагаемым нарушениям. При этом зачастую возникают сложности с предоставлением доказательств возможности причинения значительного ущерба в случае непринятия таких мер.

Третья группа проблем связана со сбором и фиксацией доказательств - особенно в цифровой среде. В частности, довольно сложно зафиксировать доказательства неправомерного использования товарного знака в сети Интернет, поскольку нарушители могут оперативно удалять или видоизменять контент, содержащий незаконное использование товарного знака. Решение этой проблемы, на наш

---

[35] Ахмедзянов Р. Р., Кидяев Н. В., Захарова А. А., Татарченко К. Р. Параллельный импорт как инструмент защиты экономических интересов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. №11-1. С. 82.

[36] Товарные знаки: проблемы применения ответственности за нарушение прав: монография / Л.А. Новоселова, О.А. Рузкова, Е.С. Гринь, А.С. Ворожевич, В.В. Голофаев. М.: Проспект, 2019. С. 25.

[37] Микузева Л.А. Практика определения и обоснования в суде размера убытков от неправомерного использования товарных знаков // Имущественные отношения в РФ. 2012. №3. С.12.

[38] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 // СПС «КонсультантПлюс»

[39] Взыскание убытков за нарушение исключительного права на товарный знак [Электронный ресурс]. URL: https://zuykov.com/about/articles/vziskanie-ubitkov-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-tovarnii-znak/ (дата обращения: 1.11.2024)

[40] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 №15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // СПС «КонсультантПлюс»

взгляд, потребует разработки эффективных механизмов оперативной фиксации таких нарушений.

Необходимость проведения экспертиз для установления «сходства до степени смешения» также создает определенные процессуальные сложности. Возникают вопросы выбора экспертного учреждения, формулирования вопросов эксперту, оценки полученного заключения[41].

Четвертая группа проблем, с которыми сталкиваются правообладатели при попытке защитить исключительное право на товарный знак (знак обслуживания) связана с продолжительностью судебных разбирательств. За время рассмотрения дела правообладатель может понести значительные убытки, а репутация товарного знака – существенно пострадать. В частности, к факторам, влияющим на длительность разбирательства, относятся необходимость проведения экспертиз, сложность получения и исследования доказательств, территориальная удаленность участников процесса, загруженность судебной системы[42].

Наконец, следует указать и на сложности с исполнением уже принятых в пользу правообладателей судебных решений. Так, после получения положительного решения правообладатели часто сталкиваются с трудностями при его реализации. Особую сложность представляет исполнение решений о прекращении использования товарного знака в сети Интернет, поскольку нарушители могут продолжать деятельность под новыми доменными именами или с использованием новых аккаунтов в социальных сетях[43]. Проблематичным является также исполнение решений о взыскании компенсации или убытков, особенно в случаях, когда нарушителем является организация с минимальными активами или индивидуальный предприниматель.

Далее представляется необходимым подробнее рассмотреть основные способы защиты нарушенных прав на товарные знаки (знаки обозначения). Российское гражданское законодательство предусматривает широкий спектр таких способов.

Признание права является одним из базовых способов защиты. Данный способ особенно актуален в ситуациях, когда существует спор о принадлежности исключительного права или оспаривается факт его государственной регистрации.

Правообладатель может требовать признания своего права в случаях: спаривания третьими лицами факта принадлежности исключительного права;

необходимости подтверждения старшинства права при наличии сходных товарных знаков; восстановления нарушенного права после неправомерного прекращения правовой охраны; подтверждения права при реорганизации юридического лица.

Требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, как следует из практики, является одним из наиболее востребованных способов защиты исключительного права на товарный знак. Данный способ направлен на оперативное прекращение противоправного поведения и предотвращение возможных нарушений в будущем.

К основным особенностям данного способа защиты можно отнести:

- возможность предъявления требования как к актуальному нарушителю, так и к потенциальному
- необходимость четкого определения конкретных действий, подлежащих прекращению
- возможность сочетания с требованием о применении обеспечительных мер;
- применимость к различным формам использования товарного знака.

Материально-правовая защита интересов правообладателя может осуществляться путем *взыскания убытков или требования выплаты компенсации.* При этом правообладатель вправе выбрать наиболее эффективный способ защиты своих имущественных интересов.

Как уже указывалось выше, при взыскании убытков правообладатель может требовать возмещения реального ущерба, включая расходы на восстановление нарушенного права, компенсацию упущенной выгоды в размере доходов, которые правообладатель мог получить, возмещения репутационного вреда, компенсации расходов на пресечение нарушения.

В качестве альтернативы взысканию убытков законодатель предусматривает возможность требовать выплаты компенсации, размер которой определяется в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела.

Следующий способ защиты исключительных прав на товарный знак – это *требование об изъятии из оборота и уничтожении* за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых незаконно размещен товарный знак.

Данный способ защиты характеризуется следующими особенностями:

- возможность предъявления требования независимо от вины нарушителя;
- распространение требования на материалы и оборудование, используемые для производства контрафакта;
- необходимость детального описания подлежащих уничтожению товаров;
- возможность уничтожения товаров за счет нарушителя.

Наконец, еще один специальный способ защиты прав на товарный знак – это *публикация решения*

---

[41] Щукина Е.Н., Печерица Е.В., Григоренко М.А. Защита интеллектуальной собственности организации при помощи экспертизы товарного знака // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. №3. С. 35.

[42] Товарные знаки: проблемы применения ответственности за нарушение прав: монография / Л.А. Новоселова, О.А. Рузкова, Е.С. Гринь, А.С. Ворожевич, В.В. Голофаев. М.: Проспект, 2019. С. 57.

[43] Москаленко А.И. Гражданско-правовая охрана и защита товарных знаков в сети интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №1. С. 31.

суда о допущенном нарушении. Этот способ направлен на восстановление деловой репутации правообладателя и информирование потребителей о факте нарушения.

К особенностям данного способа защиты относят: возможность выбора средства массовой информации для публикации; осуществление публикации за счет нарушителя; необходимость определения объема публикуемых сведений. Практика Суда по интеллектуальным правам показывает, что требования истцов, выбравших данный способ защиты, удовлетворяются довольно детально. К таким требованиям относятся срок, в течение которого решение должно быть опубликовано; срок, на который публикуется решение; место публикации; формат публикации, а также за чей счет производится публикация и какой текст необходимо опубликовать[44]. Тем не менее, важно иметь в виду позицию судов о том, что истцу следует обосновать причины выбора именно данного способа защиты права и учесть, что при принятии решения об удовлетворении заявленного требования судом также рассматриваются возражения ответчика[45].

В литературе также указывается, что, помимо традиционных гражданско-правовых способов защиты, правообладатели могут использовать альтернативные механизмы[46]. На практике они встречаются нечасто, однако в последние годы их потенциал раскрывается все сильнее – в том числе за счет их растущей популярности в зарубежных странах. Это использование механизмов медиации для урегулирования споров, применение технических средств защиты товарных знаков (применимо к цифровой среде), обращение в Федеральную антимонопольную службу (ФАС России) с заявлением о недобросовестной конкуренции, а также взаимодействие с таможенными органами для предотвращения ввоза контрафактной продукции.

Наконец, рассмотрим основные пути совершенствования механизма защиты прав на товарные знаки (знаки обслуживания) в современной России с учетом необходимости решения обозначенных выше проблем.

Первое направление здесь – это, разумеется, совершенствование законодательного регулирования. Исследователи подчеркивают постоянно назревающую в условиях цифровизации необходимость модернизации законодательства в сфере защиты прав на товарные знаки и в целом всего корпуса норм, регулирующего отношения интеллектуальной собственности[47]. Существующая нормативная база требует адаптации к новым экономическим реалиям и цифровым технологиям.

В частности, приоритетным направлением является разработка специальных норм, регулирующих использование товарных знаков в цифровой среде. Необходимо законодательное закрепление особенностей использования товарных знаков в доменных именах, метатегах, ключевых словах и контекстной рекламе[48]. Не меньшего внимания заслуживает и вопрос регламентации ответственности информационных посредников за нарушение прав на товарные знаки в сети Интернет. В этой части видится целесообразным установление четких критериев определения добросовестности действий провайдеров хостинга и владельцев интернет-площадок.

Второе направление – это оптимизация процедуры доказывания размера убытков при нарушении прав на товарные знаки. В частности, перспективным направлением представляется внедрение методик расчета убытков, учитывающих специфику интеллектуальных прав. Кроме того, требует совершенствования механизм проведения экспертиз по определению сходства до степени смешения. Здесь видится целесообразной разработка единых методических рекомендаций для экспертов с целью обеспечения единообразия подходов при проведении экспертиз.

Третье направление, которое уже сегодня активно применяется в отдельных зарубежных странах – это развитие института медиации как альтернативного способа разрешения споров в отношении товарных знаков и знаков обслуживания. Медиация позволяет сторонам достичь взаимовыгодного решения при минимальных временных и финансовых затратах[49]. Для повышения эффективности медиации в сфере защиты прав на товарные знаки можно предложить следующие приоритетные шаги:

- создание специализированных центров медиации в сфере интеллектуальной собственности
- подготовка квалифицированных медиаторов со специализацией в области товарных знаков
- формирование практики применения медиативных соглашений.

Четвертое направление - модернизация механизмов *таможенной защиты* прав на товарные знаки. На наш взгляд, представляется важным развивать систему информационного взаимодействия между правообладателями и таможенными органами, что пока в России не до конца осуществлено. Перспективным представляется внедрение современных технологий идентификации товаров, в том

---

[44] Постановление Суд по интеллектуальным правам от 06.05.2024 по делу №А56-65573/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

[45] Постановление Суд по интеллектуальным правам от 18.09.2017 по делу № А40-194068/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

[46] Данилов Д.Б., Порохов М.Ю. Защита товарного знака в эпоху цифровизации // Общество и право. 2021. №2 (76). С. 35.

[47] How Mediation is Revolutionizing IP Disputes [Electronic source]. URL: https://www.aarnalaw.com/insights/how-mediation-is-revolutionizing-ip-disputes (accessed: 5.11.2024)

[48] Ермакова И.В. Нарушение исключительных прав на товарный знак в условиях сетевой рекламы: типичные случаи, особенности правового регулирования и рекомендации по его изменениям // Пробелы в российском законодательстве. 2020. №3. С. 15.

[49] Панфилова Е.А., Лобанов Б.С., Лобанова Н.Б. Медиативные технологии в сфере интеллектуальной собственности // УПИРР. 2017. №5. С. 94.

числе систем прослеживаемости с использованием цифровой маркировки. Это позволит повысить эффективность выявления контрафактной продукции.

Для России данное направление тесно связано с другим – развитием механизмов международного сотрудничества в сфере защиты прав на товарные знаки и знаки обслуживания. В частности, важным направлением является гармонизация законодательства и правоприменительной практики государств-членов ЕАЭС в области цифровой маркировки. Создаваемая в рамках данного интеграционного объединения онлайн-платформа должна включать электронную базу товарных знаков, механизмы защиты информации и возможность использования блокчейн-технологий для подтверждения прав. Также необходимо разработать согласованные правовые нормы, устанавливающие единые стандарты регистрации и охраны товарных знаков между странами Союза.

Впрочем, при реализации механизмов международного сотрудничества в исследуемой сфере не следует ограничиваться пространством ЕАЭС. Возможно более широкое по охвату стран-участниц регулирование вопросов оперативного информационного обмена между правоохранительными органами разных стран для эффективного противодействия международным нарушениям прав на товарные знаки.

Наконец, важнейшим направлением реформирования процедур защиты прав на товарные знаки и знаки обслуживания является внедрение цифровых технологий в процессы защиты прав на товарные знаки открывает новые возможности для правообладателей. Перспективным направлением является создание цифровых платформ для мониторинга использования товарных знаков и выявления нарушений. Кроме того, применение технологий искусственного интеллекта может существенно повысить эффективность поиска и анализа сходных обозначений, а также автоматизировать процессы выявления нарушений в сети Интернет.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994), ст. 15.
3. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации под ред. Е.А. Павловой. М.: Статут. 2018. С. 748.
4. Hefter L.R. U.S. Courts in Quandary over Abandoned Trademarks: Is an Ex-Trademark Protected if It Remains Known and Loved by Consumers? [Электронный ресурс] URL: http://www.finnegan.com/resources/articles/articlesdetail.aspx?news=408a5bd2-a74e-4152-ba14-95e055b2ed3f (дата обращения 1.11.2024).
5. Белобородов М.В., Гряськин Д.И. Понятие и правовая природа товарного знака в современном гражданском праве // Закон и право. 2021. № 4. С. 34 - 36.
6. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие, система, задачи кодификации, сборник статей. М.: Статут. 2003. С. 54.
7. Лаврентьева О. А. Использование товарного знака сходного до степени смешения // Теория и практика современной науки. 2018. №10 (40). С. 93.
8. Бренд-рейдерство. Интервью с Президентом Союза патентных поверенных и специалистов в сфере интеллектуальной собственности, кандидатом юридических наук Алексеем Робиновым [Электронный ресурс]. URL: https://brandlawyer.ru/utrata/brend-reyderstvo/ (дата обращения: 14.10.2024)
9. Ахмедзянов Р. Р., Кидяев Н. В., Захарова А. А., Татарченко К. Р. Параллельный импорт как инструмент защиты экономических интересов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. №11-1. С. 82.
10. Товарные знаки: проблемы применения ответственности за нарушение прав: монография / Л.А. Новоселова, О.А. Рузкова, Е.С. Гринь, А.С. Ворожевич, В.В. Голофаев. М.: Проспект, 2019. С. 25.
11. Микузева Л.А. Практика определения и обоснования в суде размера убытков от неправомерного использования товарных знаков // Имущественные отношения в РФ. 2012. №3. С.12.
12. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 // СПС «КонсультантПлюс»
13. Взыскание убытков за нарушение исключительного права на товарный знак [Электронный ресурс]. URL: https://zuykov.com/about/articles/vziskanie-ubitkov-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-tovarnii-znak/ (дата обращения: 1.11.2024)
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 №15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // СПС «КонсультантПлюс»
15. Щукина Е.Н., Печерица Е.В., Григоренко М.А. Защита интеллектуальной собственности организации при помощи экспертизы товарного знака // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. №3. С. 35.
16. Товарные знаки: проблемы применения ответственности за нарушение прав: монография / Л.А. Новоселова, О.А. Рузкова, Е.С. Гринь, А.С. Ворожевич, В.В. Голофаев. М.: Проспект, 2019. С. 57.
17. Москаленко А.И. Гражданско-правовая охрана и защита товарных знаков в сети интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №1. С. 31.
18. Постановление Суд по интеллектуальным правам от 06.05.2024 по делу №А56-65573/2023 // СПС «КонсультантПлюс»
19. Постановление Суд по интеллектуальным правам от 18.09.2017 по делу № А40-194068/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

20.Данилов Д.Б., Порохов М.Ю. Защита товарного знака в эпоху цифровизации // Общество и право. 2021. №2 (76). С. 35.

21.How Mediation is Revolutionizing IP Disputes [Electronic source]. URL: https://www.aarnalaw.com/insights/how-mediation-is-revolutionizing-ip-disputes (accessed: 5.11.2024)

22.Ермакова И.В. Нарушение исключительных прав на товарный знак в условиях сетевой рекламы: типичные случаи, особенности правового регулирования и рекомендации по его изменениям // Пробелы в российском законодательстве. 2020. №3. С. 15.

23.Панфилова Е.А., Лобанов Б.С., Лобанова Н.Б. Медиативные технологии в сфере интеллектуальной собственности // УПИРР. 2017. №5. С. 94.

Trademark and Service Mark Rights: Issues of Civil Protection

Grishin A.A.
Plekhanov Russian University of Economics

This article examines current issues of civil protection of trademark and service mark rights in modern conditions. Particular attention is paid to the analysis of existing mechanisms of legal protection, identifying gaps in legislation and the practice of its application based on the most frequently discussed issues. The article also outlines promising areas for improving the system of protection of trademark and service mark rights that are adequate to the current challenges of the digital age.

Keywords: trademark, service mark, intellectual property, means of individualization, civil protection, offense, exclusive right

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 N 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 25.12.2006, N 52 (part 1), art. 5496.
2. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (Concluded in Marrakesh on 15.04.1994), art. 15.
3. Commentary to part four of the Civil Code of the Russian Federation edited by E.A. Pavlova. Moscow: Statut. 2018. P. 748.
4. Hefter L.R. U.S. Courts in Quandary over Abandoned Trademarks: Is an Ex-Trademark Protected if It Remains Known and Loved by Consumers? [Electronic resource] URL: http://www.finnegan.com/resources/articles/articlesdetail.aspx?news=408a5bd2-a74e-4152-ba14-95e055b2ed3f (date of access 1.11.2024).
5. Beloborodov M.V., Gryaskin D.I. Concept and legal nature of a trademark in modern civil law // Law and Right. 2021. No. 4. Pp. 34 - 36.
6. Dozortsev V.A. Intellectual rights: Concept, system, tasks of codification, collection of articles. Moscow: Statut. 2003. P. 54.
7. Lavrenteva O.A. Use of a trademark similar to the point of confusion // Theory and practice of modern science. 2018. No. 10 (40). P. 93.
8. Brand raiding. Interview with the President of the Union of Patent Attorneys and Intellectual Property Specialists, PhD in Law Alexey Robinov [Electronic resource]. URL: https://brandlawyer.ru/utrata/brend-reyderstvo/ (date of access: 10/14/2024)
9. Akhmedzyanov R. R., Kidyaev N. V., Zakharova A. A., Tatarchenko K. R. Parallel import as a tool for protecting the economic interests of the Russian Federation // Economy and business: theory and practice. 2022. No. 11-1. P. 82.
10. Trademarks: problems of applying liability for infringement of rights: monograph / L. A. Novoselova, O. A. Ruzkova, E. S. Grin, A. S. Vorozhevich, V. V. Golofaev. M.: Prospect, 2019. Page 25.
11. Mikuzeva L.A. Practice of Determining and Justifying in Court the Amount of Damages from Unlawful Use of Trademarks // Property Relations in the Russian Federation. 2012. No. 3. Page 12.
12. Review of Judicial Practice in Cases Related to Resolving Disputes over the Protection of Intellectual Rights. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 23, 2015 // SPS "ConsultantPlus"
13. Recovery of Damages for Violation of the Exclusive Right to a Trademark [Electronic Resource]. URL: https://zuykov.com/about/articles/vziskanie-ubitkov-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-tovarnii-znak/ (date accessed: 11/01/2024)
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06/01/2023 No. 15 "On certain issues of the adoption by courts of measures to secure a claim, interim measures and preliminary protection measures" // SPS "ConsultantPlus"
15. Shchukina E.N., Pecheritsa E.V., Grigorenko M.A. Protection of intellectual property of an organization through trademark examination // Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2020. No. 3. P. 35.
16. Trademarks: problems of applying liability for violation of rights: monograph / L.A. Novoselova, O.A. Ruzkova, E.S. Grin, A.S. Vorozhevich, V.V. Golofaev. Moscow: Prospect, 2019. Page 57.
17. Moskalenko A.I. Civil law protection and defense of trademarks on the Internet // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. Page 31.
18. Resolution of the Intellectual Property Court of 05/06/2024 in case No. A56-65573/2023 // SPS "ConsultantPlus"
19. Resolution of the Intellectual Property Court of 09/18/2017 in case No. A40-194068/2016 // SPS "ConsultantPlus"
20. Danilov D.B., Porokhov M.Yu. Trademark Protection in the Digital Age // Society and Law. 2021. No. 2 (76). P. 35.
21. How Mediation is Revolutionizing IP Disputes [Electronic source]. URL: https://www.aarnalaw.com/insights/how-mediation-is-revolutionizing-ip-disputes (accessed: 5.11.2024)
22. Ermakova I.V. Violation of exclusive rights to a trademark in the context of online advertising: typical cases, features of legal regulation and recommendations for its changes // Gaps in Russian legislation. 2020. No. 3. P. 15.
23. Panfilova E.A., Lobanov B.S., Lobanova N.B. Mediation technologies in the field of intellectual property // UPIRR. 2017. No. 5. P. 94.

Услуга как объект правового регулирования в Российской Федерации

Джанунц Сурен Вадимович
аспирант, БФУ им. И. Канта

Примак Татьяна Клавдиевна
доктор юридических наук, профессор Образовательно-научного кластера, Институт управления и территориального развития

В статье исследуются правовые аспекты регулирования услуг как объекта правоотношений в Российской Федерации, что приобретает особую актуальность в условиях ускоряющегося технологического развития и диверсификации сферы услуг. Основной целью исследования является анализ существующих нормативных актов, регулирующих отношения в сфере предоставления услуг, а также выявление и характеристика ключевых правовых проблем, возникающих в этой области. Результаты исследования подчеркивают необходимость совершенствования российского законодательства в области услуг, в частности, в части усиления правовой защиты потребителей и ответственности исполнителей за качество услуг.
Ключевые слова: правовое регулирование, услуга, потребитель, исполнитель, защита прав, Гражданский кодекс, ответственность.

Введение

Услуги занимают важное место в экономике и правовой системе современного общества, которое становится все более глобализированным и технологичным. Они охватывают разнообразные области — от повседневных и бытовых до профессиональных, образовательных, медицинских, финансовых и развлекательных. В отличие от товаров, услуга представляет собой процесс или действие, совершаемое одним лицом в интересах другого, что накладывает свои особенности на правовое регулирование данной сферы. Услуги классифицируются по различным критериям: по предмету оказания, способу предоставления и уровню потребления. Правовые нормы, регулирующие оказание услуг, играют важнейшую роль в защите прав потребителей, обеспечении прав исполнителей и создании справедливых условий на рынке услуг.

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью сферы услуг в экономике и правовой системе России на фоне глобализации и технологических изменений. Сфера услуг охватывает многочисленные области — от медицины и образования до цифровых услуг, — что требует гибкого и адаптивного подхода в правовом регулировании.

Цель исследования — провести комплексный анализ существующего законодательства, регулирующего оказание услуг, и определить направления его совершенствования для защиты прав потребителей и обеспечения справедливых условий на рынке.

Исследование, проведенное в статье, опирается на сравнительный анализ российского и европейского права, изучение терминологии правовых документов, правовых позиций Конституционного суда РФ, а также на обобщение существующих достижений и проблем в правовом регулировании здравоохранения. Для анализа использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования.

Значимость результатов состоит в том, что выводы могут способствовать разработке нормативных и правоприменительных решений, направленных на создание качественных условий для предоставления услуг в различных сферах.

Основная часть

Основные принципы, на которых базируется регулирование услуг, включают свободу договора, защиту потребителей и ответственность исполнителей. Свобода договора позволяет участникам правоотношений самостоятельно определять условия оказания услуг, что способствует развитию рыноч-

ной экономики. Однако, ввиду возможного неравенства сторон, особую значимость приобретает защита прав потребителей. Законодательство должно гарантировать потребителям право на качественные услуги и предусматривать механизмы защиты в случае их нарушения. Принцип ответственности требует, чтобы исполнители обеспечивали надлежащее качество услуг в соответствии с заявленными стандартами.

Основными актами, регулирующими отношения в сфере услуг, являются Гражданский кодекс Российской Федерации, Закон о защите прав потребителей и специализированные нормативные акты для отдельных видов услуг [1]. Гражданский кодекс устанавливает базовые правила для договоров об оказании услуг, в то время как Закон о защите прав потребителей регулирует отношения между потребителями и исполнителями. Специальные законы определяют особенности правового регулирования в таких областях, как медицина, образование и финансы, учитывая специфику каждой из них.

Тем не менее, правовое регулирование услуг сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, в законодательстве существуют пробелы и недостатки, что особенно заметно в отношении новых видов услуг, например, цифровых, которые пока недостаточно урегулированы. Это затрудняет защиту потребителей и вызывает правовую неопределенность. Во-вторых, несмотря на существующий Закон о защите прав потребителей, потребители часто сталкиваются с трудностями в реализации своих прав из-за недостаточной осведомленности и слабых механизмов защиты.

Еще одной актуальной проблемой является ответственность исполнителей. Нередко компании стремятся минимизировать или избегать ответственность за некачественные услуги, что приводит к ущемлению интересов потребителей. Существующие нормы не всегда соответствуют реальной практике, что также создает сложности. Кроме того, с развитием новых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн, появляются услуги, требующие адаптации законодательства, что происходит далеко не всегда своевременно.

Важным направлением исследований стало уточнение понятий, таких как «услуга», «договор на оказание услуги», от их точного определения зависят качество и результат оказания медицинской помощи. Например, С.И. Хватов глубоко проанализировал теоретические и практические аспекты гражданских правоотношений в медицинской сфере, уделяя внимание договорным обязательствам [4]. Е.Г. Шаблова детально исследовала частно-правовую природу медицинских отношений, в том числе влияние патерналистских традиций, характерных для России, на регулирование медицинской помощи [5]. В своих работах Е.Г. Шаблова [6] и О.В. Жевняк рассмотрели особенности оказания социально значимых услуг и проблемы, возникающие при медицинской помощи. О.В. Шумакова и её коллеги предложили систему правовых гарантий для защиты прав человека в частных отношениях [7]. Также Т.Г. Сменкова и С.А. Синицын внесли значительный вклад в изучение правовой природы и структуры обязательств по гражданско-правовым договорам на оказание услуг [3]. Ключевые аспекты правового регулирования услуг представлены в таблице 1.

Таблица 1
Ключевые аспекты правового регулирования услуг [составлено автором исследования]

Аспект	Описание	Проблемы	Примеры норм
Понятие услуги	Услуга — это действие или процесс, осуществляемый одним лицом для другого, без передачи материального объекта.	Непонимание и разночтения в определении услуги могут привести к правовым пробелам.	Гражданский кодекс (ст. 779-785) определяет общие правила оказания услуг.
Принципы регулирования	Свобода договора, защита прав потребителей, ответственность исполнителей.	Возможность злоупотребления свободой договора в ущерб потребителю.	Закон о защите прав потребителей.
Нормативная база	Состояние нормативных актов, регулирующих услуги: законы, постановления, международные соглашения.	Неполнота и устаревание законодательства, отсутствие специализированных норм для новых видов услуг.	Гражданский кодекс, Закон о защите прав потребителей, специальные законы для отдельных видов услуг.
Защита прав потребителей	Права потребителей на безопасность, информацию, выбор и судебную защиту.	Низкая информированность потребителей о своих правах и отсутствии эффективных механизмов защиты.	Международные стандарты защиты прав потребителей, закон о защите прав потребителей.
Ответственность исполнителей	Ответственность исполнителей за качество предоставляемых услуг и соответствие заявленным стандартам.	Проблемы с привлечением исполнителей к ответственности за некачественные услуги, нечеткость норм об ответственности.	Гражданский кодекс (ст. 15, 16) и Закон о защите прав потребителей.
Специфика услуг	Особенности правового регулирования различных видов услуг (медицинские, образовательные, финансовые и др.).	Недостаток гибкости законодательства для учета специфики каждого вида услуги.	Специальные законы, регулирующие определенные виды услуг (например, закон об образовании, закон о медицинских услугах).
Новые технологии	Влияние цифровых технологий на рынок услуг и необходимость адаптации законодательства к новым условиям.	Правовые пробелы из-за быстрого развития технологий, недостаток четких норм для цифровых услуг.	Закон о цифровых финансовых активах, нормативные акты о защите данных.

Таким образом, регулирование сферы услуг требует комплексного подхода, учитывающего все аспекты их предоставления и потребления. Основные

задачи в этой области включают защиту прав потребителей, обеспечение ответственности исполнителей и адаптацию к новым вызовам. Только за счет эффективных механизмов защиты и четкого законодательства можно создать справедливые и устойчивые условия для участников рынка услуг. Цель правового регулирования состоит не только в соблюдении законов, но и в создании условий, при которых услуги будут оказываться качественно и надежно, удовлетворяя потребности общества.

Заключение

Таким образом, правовое регулирование сферы услуг требует комплексного и гибкого подхода, способного адаптироваться к изменениям в обществе и технологиях. Необходимо совершенствовать нормативную базу, включая как пересмотр действующих норм, так и создание новых законодательных инициатив, направленных на защиту прав всех участников рынка услуг.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (с изм. от 08.08.2024 г.)/ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/1a582777bf875ba54a6ad6ae03ecab4a5002b6bd/#dst100098

2. Семенкова, Т. Г. Инфраструктура и сфера услуг / Т. Г. Семенкова // Мировая экономика и международные отношения. — 1971. — № 3.

3. Синицын, С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования : монография / С. А. Синицын. — Москва : Инфотропик Медиа, 2021. — 212 с.

4. Хватов, С. И. Сфера обслуживания как объект регионального планирования / С. И. Хватов // Региональные аспекты развития сферы обслуживания. — Москва : [б. и.], 1974. — С. 5-28.

5. Шаблова, Е. Г. Понятие и признаки услуги, оказываемой в электронной форме (электронной услуги) / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк, Н. В. Брири // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — №1. — С. 84—88.

6. Шаблова, Е. Г. Разработка концепции правового режима промышленного интернета вещей / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк // Право и экономика. — 2022. — № 10. — С. 24—32.

7. Шумакова, О. В. Новые транзакционные издержки в глобальной цифровизации / О. В. Шумакова, О. Н. Крюкова // The Science of Person: Humanitarian Researchers. — 2020. — Т. 14, № 3. — С. 189-197.

Service as an object of legal regulation in the russian federation

Dzhanunts S.V., Primak T.K.

I. Kant Baltic Federal University, Institute of Management and Territorial Development

Abstract: The article examines the legal aspects of regulating services as an object of legal relations in the Russian Federation, which is becoming especially relevant in the context of accelerating technological development and diversification of the service sector. The main objective of the study is to analyze existing regulations governing relations in the provision of services, as well as to identify and characterize the key legal problems arising in this area. The results of the study emphasize the need to improve Russian legislation in the field of services, in particular, in terms of strengthening the legal protection of consumers and the responsibility of providers for the quality of services.

Keywords: legal regulation, service, consumer, performer, protection of rights, Civil Code, liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on August 8, 2024)/ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/1a582777bf875ba54a6ad6ae03ecab4a5002b6bd/#dst100098

2. Semenkova, T. G. Infrastructure and services / T. G. Semenkova // World Economy and International Relations. - 1971. - No. 3.

3. Sinitsyn, S. A. Russian and Foreign Civil Law in the Context of Robotization and Digitalization. Experience of interdisciplinary and industry research: monograph / S. A. Sinitsyn. - Moscow: Infotropic Media, 2021. - 212 p.

4. Khvatov, S. I. The service sector as an object of regional planning / S. I. Khvatov // Regional aspects of the development of the service sector. - Moscow: [b. i.], 1974. - P. 5-28.

5. Shablova, E. G. Concept and characteristics of a service provided in electronic form (electronic service) / E. G. Shablova, O. V. Zhevnyak, N. V. Briri // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2024. - No. 1. - P. 84-88. 6. Shablova, E. G. Development of the concept of the legal regime of the Industrial Internet of Things / E. G. Shablova, O. V. Zhevnyak // Law and Economics. - 2022. - No. 10. - P. 24-32. 7. Shumakova, O. V. New transaction costs in global digitalization / O. V. Shumakova, O. N. Kryukova // The Science of Person: Humanitarian Researchers. - 2020. - Vol. 14, No. 3. - P. 189-197.

Проблемы ответственности медицинских организаций за причинение вреда жизни и здоровью граждан при оказании медицинских услуг

Кадушечкина Ирина Михайловна
преподаватель кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена проблемным вопросам, как теоретического, так и законодательного характера, связанным с особыми условиями привлечения к соответствующей ответственности организаций в медицинской сфере за нанесение последними вреда как жизни, так и здоровью обратившихся к ним лиц (пациентов). Ежегодно возрастающее количество судебных разбирательств (гражданских, а также уголовных), в которых принимают участие медицинские сотрудники, отсутствие в действующем нормативно-правовом регулировании дефиниций понятий «несчастный случай в медицине», «обоснованный врачебный риск» и других обуславливают актуальностью выбранной темы, а также неизбежно детерминируют возникающие в ходе анализа действий медицинских работников противоречия и неоднозначные выводы судов в Российской Федерации.
Ключевые слова: медицинская помощь, медицинский сотрудник, причинение вреда здоровью, гражданско-правовая ответственность.

Человек, а также присущие ему права и свободы на протяжении длительного времени являлись высшей ценностью практически любого государства, находящегося на международной арене. Указанное применительно к правовым положениям российского государства подтверждается ст. 2 Основного закона Российской Федерации – Конституции Российской Федерации [5]. Безусловно, в числе необходимых и первоначальных прав и свобод здоровье является бесценным достоянием не только каждого человека, но и всего общества в целом. Известные авторы на научном поприще констатируют, что здоровье обуславливает потенциал и, прежде всего, возможности конкретного субъекта быть необходимым и востребованным в соответствующем обществе не в одном, а по всем направлениям социальной жизни человека. Здоровье человека (именно физическое) выстраивает вектор, а также позволяет разрешать те личностные задачи, поставленные перед человеком, которые на протяжении длительного времени аккумулировались в обществе и разрешение которых предоставляет возможность достичь ту государственную цель, которая заключается в предоставлении достойной жизни каждому из своих граждан [9].

Здоровье граждан обеспечивается охраной государства [6], однако все чаще возникают судебные споры относительно возмещения причиненного вреда в результате некачественного оказания услуг в медицинской сфере (к этому же относят и неправильно подобранное лечение и так далее), повлекшее различные физиологические последствия, в том числе и прогрессирование различных болезней. Следует отметить, что в последнее время в Российской Федерации увеличилось количество случаев врачебных дел, которое и обусловило необходимость развития судебной защиты пациентов, обратившихся за оказанием медицинских услуг в соответствующие медицинские организации.

В медицинском праве выделяют пять видов юридической ответственности: гражданско-правовую, административную, уголовную, материальную и дисциплинарную. Сущность гражданско-правовой ответственности в данном случае состоит в том, что последняя предусматривается за нарушение каких-либо договорных обязательств, которые стороны договора установили самостоятельно, либо причинение внедоговорного имущественного или неимущественного ущерба (деликтная ответственность) [1. с. 304-305]. И в таком случае привлечь сотрудника медицинской организации к ответственности за причинение вреда здоровью пациента возможно в случае доказанности его вины в судебном порядке.

Второй вид ответственности, как правило, встречается сфере оказания медицинских услуг. Следует отметить, что обязательства деликтного характера появляются у соответствующего медицинского учреждения, а также прослеживаются в обязанности воздержаться от нарушения прав лиц, обратившихся за оказанием медицинских услуг.

Говоря о гражданско-правовой ответственности медицинских сотрудников, следует упомянуть основные нормативно-правовые акты, регулирующие данный вид ответственности, среди которых: Гражданский кодекс РФ, ФЗ № 323 от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» и другие.

Если же все-таки права и законные интересы пациента были нарушены, законодательством предусмотрен определённый механизм защиты, который обеспечивает возможность пресечения допущенных нарушений, а также восстановления первоначального в части имущественных прав статуса посредством подготовки и подачи искового заявления относительно взыскания не только убытков, но и возмещению того вреда, который был причинен здоровью граждан, обратившихся за оказанием медицинских услуг в соответствующие медицинские организации.

Следует напомнить, что исключительно при наличествовании определенных обстоятельств, которые закреплены в действующем нормативно-правовом регулировании национального законодательства, а именно: необходимых условий гражданско-правовой ответственности [7, с.39]. Наибольшую сложность представляют вопросы гражданско-паровой ответственности внедоговорного характера, нормы которой имеют значительное количество пробелов, порождающих практические проблемы, связанные с квалификацией и определением объема причиненного вреда [2, с. 129].

Среди условий, которые обязан установить суд, выделяют следующие: противоправный характер действий (бездействий) медицинского сотрудника; наличие вреда (морального, материального) у потерпевшего; а также наличие причинно-следственной связи между данными обстоятельствами.

Следует отметить, что в рамках действующего правового регулирования законодателем в лице государства не установлены базовые и основополагающие понятия, необходимые для верного и правильного применения правовых норм в анализируемой сфере (например, «несчастный случай в медицине» и другие). Указанные понятия выступают необходимыми условием и основанием для освобождения соответствующих организаций от ответственности, следовательно, различные толкования изучаемых понятий неизбежно приводят к вынесению противоречивых судебных решений различными судами в Российской Федерации.

Интересным представляется тот факт, что в настоящее время отсутствуют статистические показатели в части нарушений, которые допущены медицинскими организациями при оказании медицинской помощи.

На научном поприще наиболее известной дефиницией понятия «врачебная ошибка» является следующая: добросовестное заблуждение соответствующего врача при исполнении последним своих профессиональных обязанностей. Здесь же следует отметить, что иные дефекты врачебной деятельности от врачебной ошибки отличаются исключением субъективного элемента – умысла, что означает отсутствие небрежности или халатности в действиях врача.

Первым условием наступления гражданско-правовой ответственности, возникающей в следствие причинения вреда здоровью пациента является наличие противоправных действий со стороны сотрудника медицинского учреждения. Е.П. Шевчук дает, на наш взгляд, наиболее полное и точное определение таким противоправным действиям. Последние, в свою очередь, представляют собой осуществление таких деяний, которые полностью либо частично не соответствуют тем установкам и положениям, которые установлены законодательно установлены применительно к оказанию услуг медицинского характера соответствующими медицинскими организациями. Следовательно, противоправные действия – это наличие определенных недостатков оказываемых медицинских услуг, отображенных в несоответствии указанным стандартам в медицинской сфере (в том числе к определенным положениям заключенных договоров) [10, с. 72]. Здесь мы можем столкнуться с еще одной проблемой, которая в доктрине именуется проблемой «противоправности-правомерности» причинения вреда. В данном случае мы говорим о ситуациях, при которых сотрудник медицинской организации, оказывающий помощь пациенту в каких-либо конкретных обстоятельствах, вынужден действовать исходя из этих обстоятельств. Кроме того, нельзя расценивать согласие пациента на совершение таких действий, как критерий их правомерности. В первую очередь такие действия должны соответствовать нравственным критериям и моральным нормам, а также должны совершаться в соответствии с установленным законом порядком, что подтверждается правовыми положениями действующего законодательства, например, п. 1 ст. 37 ФЗ 323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».

Одним из высших судебных органов судебной системы Российской Федерации указывается, что в определенных исключительных случаях небрежности в медицинской сфере (в том случае, когда нарушение прав и свобод не явилось результатом намеренных действий) реализация обязательства государства в части возведения эффективной судебной системы не должно обуславливаться императивным применением крайних (уголовно-правовых) мер защиты. Отмечается, что в определенных случаях анализируемое обязательство может, а нередко и должно быть реализовано посредством предоставлением потерпевшему лицу механизма именно гражданско-правового характера, способного достичь определения ответственности соответствующих работников в сфере оказания медицинских

услуг, в том числе получения компенсации причиненного ущерба (принцип inter alia) [12].

Вторым, не менее важным условием, является наличие вреда. Данное понятие по сей день также не имеет четкой законодательной регламентации. Один из научных авторов считает, что ученые-правоведы, изучая анализируемую категорию в качестве основания гражданско-правовой ответственности, подразумевают под вредом особые неблагоприятные либо имущественные, либо неимущественные последствия для конкретного человека в рамках гражданского права [3, с. 45]. Вместе с тем дефиниция указанного понятия содержится и в правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, согласно которой вред представляет собой нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей посредством воздействия физических либо иных факторов окружающей человека среды. Следовательно, вред, которые причиняется здоровью лиц, обратившихся за оказанием медицинских услуг, обладает всесторонним спектром, включающим как физиологические проявления, так и определенные социальные (в том числе экономические) последствия, который способен вызвать понесение дополнительных расходов (например, расходы на лечение и другие) [4, с.179].

Не стоит также забывать, что во многих случаях в процессе лечения вред может быть обусловлен неизбежным возникновением побочных эффектов, которые указываются в рецептах и показаниях к применению во всех лекарственных препаратах, и о которых пациента уведомляют заранее. Такой вред необходимо отличать от вреда, причиненного противоправными действиями.

Третье условие сводится к необходимости установления причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медицинского персонала и вредом, причиненным конкретному пациенту в результате таких действий (бездействия). Указанная взаимосвязь подлежит определению посредством назначения соответствующей судебно-медицинской экспертизы в экспертном учреждении. Здесь следует отметить, что медицинская экспертиза представляет собой проводимое в определенном действующим законодательством порядке исследование, которое, прежде всего, направлено на диагностирование состояния здоровья человека. Указанная экспертиза осуществляется в определенных целях, например, для оценки возможности осуществления трудовой либо иной деятельности, а также выявления причинно-следственной связи, с одной стороны, между воздействием определенных событий, с другой стороны, состоянием здоровья человека. Следовательно, можно сделать вывод о том, что цель указанной экспертизы состоит в определении фактических обстоятельств, необходимых для рассмотрения и разрешения конкретного дела по существу.

В процессе разбирательства установить непосредственную связь между двумя событиями бывает сложно, так как оказание медицинской помощи может осуществляться на протяжении длительного времени не одним врачом, а многими сотрудниками медицинских учреждений.

Следует отметить, что в научной литературе дифференцируют причинно-следственную связь на два вида: а) прямая; б) косвенная (в этом случае определенные последствия могут наступить опосредованно при соблюдении определенных условий). Интересным представляется позиция судов Российской Федерации в части определения единственно значимой именно прямой причинно-следственной связи в ряде других обстоятельств и причин, способствующих нарушению прав и законных интересов лиц, обратившихся за медицинской помощью в организации. Указанное подтверждается изучением и анализом судебной практики, сложившейся в Российской Федерации.

Так, например, согласно судебному решению Тихорецкого городского суда Краснодарского края последний не констатировал наличие прямой причинной следственной связи в части качества оказания услуги (медицинской помощи) пациентке и наступлением смерти последнего, что послужило основанием для отказа в удовлетворении исковых требований родителям пациента. В целях установления прямой причинно-следственной связи в рамках судебного разбирательства назначена комиссионная судебно-медицинская экспертиза, результаты которой определили факт допущения дефектов (как диагностических, так и тактических), способствующих ухудшению состояния здоровья лица, обратившегося за получением медицинской помощи в медицинскую организацию.

Сущность исковых требований лиц, обратившихся в вышеуказанный суд, сводилась к тому, что именно перечисленные недостатки являлись причиной и основанием смерти пациентки (ребенка истцов), однако соответствующая комиссия экспертов установила, что в больнице наличествуют условия, необходимые и способствующие своевременному и безопасному оказанию пациентке (ребенку истцов) медицинской помощи.

Комиссия экспертов также отметила, что имеющиеся дефекты действительно ухудшили положение пациентки, но не выступили основными и решающими факторами наступления смерти последнего и возникновения прямой причинно-следственной связи между оказанием медицинской помощи и смерти пациентки [6].

Также интересным представляется позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой последняя отменила судебные решения нижестоящих судов, неправильно и некорректно истолковавших правовые положения действующего законодательства в части компенсации морального вреда.

Следует отметить, что в гражданском законодательстве Российской Федерации предусмотрена презумпция вины причинителя вреда, согласно которой лицо, которое причинило вред, подлежит освобождению от обязанности возмещения последнего в случае, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Национальным законодателем к обстоятельствам, которые освобождают причинителя вреда от ответственности, относит: а) обстоятельства непреодолимой силы (например, несоблюдение правил или нарушение обязанностей медицинским учреждением, оказывающем медицинские услуги, в силу отсутствия необходимых лекарственных препаратов); б) установленная вина самого пациента, обратившегося за оказанием медицинских услуг (в том числе нарушение им определенных правил и установок). Например, лицо, обратившееся за оказанием медицинской помощи, может быть признано виновным в случае, если пациент не соблюдал рекомендации и установки соответствующего врача.

Вместе с тем, несмотря на презумпцию вины причинителя вредя, согласно которой, как было отмечено выше, именно ответчик обязан доказать факт причинно-следственной связи, в правоприменительной практике бремя доказывания (onus probandi) возлагается на истца, а не ответчика. На указанное положение нередко акцентирует внимание один из высших судов судебной системы Российской Федерации – Верховный Суд Российской Федерации –, который признал неверным толкованием правовых положений в виде возложения на истца бремени доказывания причинно-следственной связи между ненадлежащим оказанием медицинской помощи и причинением вред жизни и здоровью лиц, обратившихся за медицинской помощью в соответствующее медицинское учреждение.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации установила, что именно медицинское учреждение доказывает законность и правомерность осуществленных действий, а потерпевшая сторона (истец) подтверждает факт получения страданий (как физических, так и нравственных) от действий медицинских сотрудников.

Наглядным примером является судебного решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому нижестоящие суды Российской Федерации, нарушив правовые положения гражданского законодательства, возложили на потерпевшую сторону бремя доказывания обстоятельств не только ненадлежащего оказания пациенту медицинской помощи, но и причинно-следственной связи между совершенными действиями и наступлением последствий причинения вреда жизни и здоровью лиц, обратившихся за оказанием медицинской помощи.

Нижестоящие суды не учли, что ответчик не предоставил какие-либо доказательства, опровергающих наличие его вины в оказании пациенту медицинской помощи ненадлежащего качества (в исследуемом случае ответчики не предоставили доказательства, подтверждающие отсутствие вины в части неверного установления диагноза, ненадлежащей оценке состояния пациента, а также ненадлежащего ухода и лечения (диагностики и тактики), которые привели к ухудшению состояния пациента и смерти последнего [11].

Необходимо указать, что подтверждение причинно-следственной связи между совершенными противоправными действиями медицинских сотрудников и причиненным вредом пациентам (физический, моральный) означает неизбежное наступление отрицательных и негативных последствий в виде страданий потерпевших лиц в результате именно ненадлежащего оказания соответствующих медицинских услуг.

Согласно судебному решению Верховного Суда Российской Федерации в нормативно-правовых актах национального законодательства отсутствуют указания на определенный вид причинно-следственной связи между совершенными действиями медицинских сотрудников и наступившими последствиями в виде причинения вреда жизни и здоровью пациентов. Следовательно, конкретно прямая причинно-следственная связь не является обязательным элементом, необходимым для возложения на причинителя вреда обязанности по возмещению вреда соответствующим лицам.

Именно поэтому можно установить, что правовое значение имеет как прямая, так и косвенная причинно-следственная связь, например, когда действия медицинских сотрудников повлекли за собой ухудшение состояния здоровья пациента, причинив страдания и лицу, обратившемуся за оказанием медицинской помощи, и его близким родственникам [11].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что для привлечения к гражданско-правовой ответственности медицинских работников за совершенные действия, повлекшие причинения вреда жизни и здоровью лиц, обратившихся за оказанием медицинской помощи, необходима совокупность изучаемых в настоящей научной статье условий и оснований.

Вместе с тем, как было установлено автором настоящей научной работы, законодателю необходимо модернизировать нормативно-правовые положения и закрепить легальные понятия в изучаемой сфере, например, «медицинской ошибки», «вреда, причиненного пациенту» и другим.

Также необходимо отметить, что в ходе исследования и анализа судебной практики установлено, что судами Российской Федерации неверно толкуются правовые положения в части причинно-следственной связи между оказанием медицинской помощи и причиненным вредом жизни и здоровью лиц, обратившихся в медицинское учреждение.

Большое количество юристов-правоведов в собственных работах выдвигают идеи относительно формирования единого реестра судебных решений по гражданским делам о возмещении вреда, причиненного медицинскими организациями. Указанное необходимо, прежде всего, для создания единообразной практики применения правовых положений в анализируемой сфере, в том числе учитывая разъяснения высших судов судебной системы Российской Федерации.

Указанные проблемные вопросы также подлежат разрешению посредством разъяснения в соответствующих обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации сложностей, возникающих в ходе толкования правовых положений в части

причинно-следственной связи между ненадлежащим оказанием медицинских услуг и последствиями в виде причинения вреда жизням и здоровью пациентов.

Резюмируя, следует также отметить, что медицинским организациями в превентивных целях необходимо разрабатывать и заключать юридически грамотные договоры на оказание медицинских услуг, которые должны содержать все необходимые условия, основания, порядок и ответственность лиц за совершение каких-либо противоправных действий. К тому же медицинские организации должны соблюдать соответствующие требования относительно получения добровольного согласия пациентов на медицинское вмешательство в силу полученной от медицинского работника полной информации не только о целях оказания медицинской помощи (в том числе связанной с риском), но и предполагаемых последствиях, являющихся результатом ее оказания.

Литература

1. Балла А. М., Баяло А. А. Права пациентов и ответственность медицинских работников за причиненный вред. СПб.: БиС, 2019. 374 с. (дата обращения: 03.07.2024).
2. Грудцына Л. Ю., Спектор А. А. Гражданское право России: учебник. М., 2008.
3. Егоров, К. В. Правомерное и неправомерное причинение вреда в сфере медицинской деятельности: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Егоров Константин Валентинович. Казань, 2006, 190 с.
4. Калугина, Н. Г. К17 Юридическая ответственность медицинских работников: учебное пособие / Н. Г. Калугина ; Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Ижевск : Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. 304 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года No 6 ФКЗ, от 30 декабря 2008 года No 7 ФКЗ, от 5 февраля 2014 года No 2 ФКЗ, от 21 июля 2014 года No 11 ФКЗ, от 14 марта 2020 года No 1 ФКЗ, от 4 октября 2022 года No 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года No 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года No 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года No 8- ФКЗ) // Российская газета. - 1993. - 25 дек.; Собрание законодательства РФ. - 2020. - No 11. - Ст. 1416.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2022 г. по делу № 18-КГ21-165-К4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2099306 (дата обращения: 10.07.2024).
7. Фарбер Е.В «Юридическая ответственность в сфере осуществления медицинской деятельности» // Медицинское право. 2019. №6. С. 39-45.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
9. Царёв, Е. А. Здоровье — главная ценность человека: методические основы обучения / Е. А. Царёв, И. Б. Крылова. Текст : непосредственный // Инновационные педагогические технологии : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). Казань : Молодой ученый, 2018. С. 11-16. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/278/14160/ (дата обращения: 03.09.2024).
10. Шевчук Е.П. Элементы обязательства по возмещению вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 69–75.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 марта 2021 г. по делу № 18-КГ20-122-К4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1988914 (дата обращения: 03.09.2024).
12. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь, утвержденное Президиумом Верховного Суда РФ (пункт 100 постановления от 16.12.2010 по делу «Ромохов против Российской Федерации»).

Problems of responsibility of medical organizations for causing harm to the life and health of citizens in the provision of medical services

Kadushechkina I.M.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to problematic issues, both theoretical and legislative in nature, related to the special conditions for bringing organizations in the medical field to appropriate responsibility for causing harm to both the life and health of the persons (patients) who applied to them. Every year, the increasing number of court proceedings (civil as well as criminal) in which medical staff participate, the absence of definitions of the concepts "accident in medicine", "reasonable medical risk" and others in the current regulatory framework determine the relevance of the chosen topic, and also inevitably determine the contradictions arising during the analysis of the actions of medical workers and the ambiguous conclusions of the courts in the Russian Federation.

Keywords: medical care, medical officer, harm to health, civil liability.

References

1. Balla A. M., Bayalo A. A. Patients' rights and liability of medical workers for harm caused. SPb.: BiS, 2019. 374 p. (date of access: 03.07.2024).
2. Grudtsyna L. Yu., Spektor A. A. Civil law of Russia: textbook. M., 2008.
3. Egorov, K. V. Lawful and unlawful harm in the field of medical activity: civil law aspect: dis. ... Cand. of Law: 12.00.03 / Egorov Konstantin Valentinovich. Kazan, 2006, 190 p.
4. Kalugina, N. G. K17 Legal liability of medical workers: textbook / N. G. Kalugina; Izhevsk Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Izhevsk: Izhevsk Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023. 304 p.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Federal Constitutional Law "On Amendments to the Constitution of the Russian Federation" of December 30, 2008 No. 6 FKZ, of December 30, 2008 No. 7 FKZ, of February 5, 2014 No. 2 FKZ, of July 21, 2014 No. 11 FKZ, of March 14, 2020 No. 1 FKZ, of October 4, 2022 No. 5-FKZ, of October 4, 2022 No. 6-FKZ, of October 4, 2022 No. 7-FKZ, of October 4, 2022 No. 8-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. - 1993. - December 25; Collection of legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 11. - Art. 1416.
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 14, 2022 in case No. 18-KG21-165-K4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2099306 (date of access: 10.07.2024).
7. Farber E.V. "Legal liability in the field of medical activities" // Medical law. 2019. No. 6. P. 39-45.
8. Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024).
9. Tsarev, EA Health is the main value of a person: methodological foundations of training / EA Tsarev, IB Krylova. Text: direct // Innovative pedagogical technologies: materials of the VIII Int. scientific conf. (Kazan, May 2018). Kazan: Young scientist, 2018. pp. 11-16. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/278/14160/ (date of access: 03.09.2024).

10. Shevchuk EP Elements of the obligation to compensate for harm caused to health in the provision of medical services // Siberian Legal Bulletin. 2015. No. 4 (71). P. 69-75.
11. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 22, 2021 in case No. 18-KG20-122-K4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1988914 (date of access: 09/03/2024).
12. Generalization of the practice and legal positions of international treaty and non-treaty bodies operating in the field of protection of human rights and freedoms, on issues of protecting the right of a person to life, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (clause 100 of the resolution of December 16, 2010 in the case of Romokhov v. Russian Federation).

Практические аспекты переквалификации гражданско-правового договора в трудовой договор

Кайнер Ольга Владленовна
старший преподаватель кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», skainer_o@mail.ru

В статье анализируются основания и критерии переквалификации гражданско-правового договора в трудовой договор, встречающиеся в судебной и правоприменительной практике. Также рассмотрены распространенные аргументы и доводы, позволяющие признать сложившиеся между сторонами отношения именно гражданско-правовыми, таким образом, избежав переквалификации договора. Автором приводится анализ сложившейся судебной практики, на основании которого делается вывод о недостаточной определенности критериев, необходимых для обособления трудового договора от смежных с ним гражданско-правовых договоров, связанных с трудом.
Ключевые слова: трудовое право, гражданско-правовой договор, трудовой договор, подмена трудовых отношений, судебная практика, переквалификация

Введение. Современному российскому законодательству известны два основных способа установления договорных отношений между субъектами правового воздействия по поводу реализации права на труд. На практике для юридического оформления таких отношений используются гражданско-правовые договоры, связанные с трудом (договор подряда или договор возмездного оказания услуг), или трудовой договор. Как подчеркивает Р.Р. Сафин, «модель договорного регулирования отношений по выполнению работ и оказанию услуг является в той или иной степени общей для двух отраслей права. При этом «каждый из этих договоров имеет свое юридическое пространство, созданное соответствующим правоотраслевым регулированием» [15, с. 181-182].

В условиях рыночной экономики работодатели все чаще стремятся снизить издержки производственной деятельности, в том числе путем уменьшения налоговой нагрузки на фонд оплаты труда. Такое поведение зачастую приводит к подмене трудовых отношений гражданско-правовыми по инициативе работодателей, что существенным образом нарушает трудовые и социальные права работников.

Л.В. Кудрявцевой указывает, что «в некоторых случаях у правоприменителя существует определённый соблазн субсидиарного применения норм российского гражданского права к отношениям, которые регулируются трудовым правом» [14, с. 100]. Как правило, такой «соблазн» обусловлен нежеланием работодателей нести налоговое бремя за работников, соблюдать все социальные гарантии, установленные для работника трудовым законодательством, а также ограниченный объём материальной ответственности работника. В этой связи происходит, по выражению Ершовой О.Г. и Карпова К.В., «необоснованная искусственная подмена одного института другим» [13, с. 80].

В настоящей статье мы проанализируем сложившуюся судебную практику переквалификации гражданско-правовых договоров, связанных с трудом, в трудовые договоры.

Основная часть. В условиях цифровизации экономики и проведения эксперимента по установления специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [2] в судебной практике всё чаще рассматриваются дела, касающиеся переквалификации отношений, сложившихся между хозяйствующими субъектами и налогоплательщиками

на профессиональный доход (далее – самозанятые).

Как отмечается некоторыми исследователями, «возможность признания трудовыми отношений, основанных на гражданско-правовом договоре, является по своей сути межотраслевой переквалификацией договоров» [16, с. 254]. Такая переквалификация требует специфического подхода к толкованию положений договора: необходимо отдавать предпочтение «не формальной стороне договора, буквальному значению слов и выражений (теория волеизъявления), а действительной воле сторон, которая реализована в фактически сложившихся между сторонами отношениях» [16, с. 255].

Согласно позиции Министерства финансов Российской Федерации «самозанятые могут оказывать услуги юридическим лицам, но при условии, что такие отношения не имеют признаков трудовых» [3].

Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее – ФНС России) при проведении мероприятий налогового контроля по налогу на профессиональный доход выделяет следующие признаки, указывающие на наличие трудовых отношений:

- фиксация в предмете договора трудовой функции (личное выполнение работником работ определенного вида, а не разового задания заказчика, либо когда его должность содержится в штатном расписании);
- отсутствие в договоре точно установленного объема работ (то есть для сторон имеет именно процесс труда, а не конечный результат);
- установление договором ежемесячной оплаты труда в твердой сумме;
- выполнение работы/оказания услуг в соответствии с договором с включением работника в производственную деятельность организации-заказчика;
- подчинение работника внутреннему трудовому распорядку, выполнение распоряжений работодателя, за неисполнение которых предусмотрена дисциплинарная ответственность;
- не разовый, а систематический характер договора, который заключается на год или до окончания календарного года;
- возложение материальной ответственности по договору на фактического исполнителя работ;
- осуществление контроля выполнения работ по договору со стороны заказчика;
- обеспечение определенных условий труда исполнителя;
- наличие в договоре условия, согласно которому исполнитель должен зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого, при этом при прекращении получения денег от заказчика исполнитель снимается с учета в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого;
- выполнение исполнителем работ по договору с использованием материалов, инструментов и оборудования заказчика или осуществление деятельности на его территории [4, 6].

Согласно другому письму ФНС России, к критериям подмены трудовых отношений гражданско-правовыми также можно отнести:

- график периодичности выплат;
- объем выплат в отношении плательщиков налога на профессиональный доход;
- доля доходов от общей массы доходов плательщиков налога на профессиональный доход;
- постоянство взаимоотношений самозанятых с организациями;
- предыдущие места работы самозанятых;
- связи текущих заказчиков плательщиков налога на профессиональный доход с их бывшими работодателями и др. [5].

Отечественная судебная практика по-своему подходит к выделению признаков трудовых отношений в гражданско-правовых. Согласно правовым позициям арбитражных судов и судов общей юрисдикции в качестве критериев разграничения могут выступать следующие обстоятельства:

- работы или услуги выполняются в условиях коллективного (совместного) труда с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка и соблюдением трудовой дисциплины [6];
- фиксированная оплата за процесс труда, а не за конечный результат, регулярные и одинаковые суммы выплат, длительные взаимоотношений с самозанятыми [7];
- поиск исполнителей осуществляется посредством размещения объявлений о работе на специальных сайтах, предназначенный для поиска работников, а не контрагентов, наличие доказательств, подтверждающих прохождение исполнителями собеседований в отделе кадров вместо взаимодействия непосредственно с заказчиком [8].

Представляется, что при работе с такой категорией дел судам необходимо обращать внимание в первую очередь, на наличие фактов, подтверждающих трудовые отношения и фактический допуск к работе. В свою очередь, истцам по таким делам необходимо доказывать факт допущения к работе и согласия работодателя на выполнение ими трудовых функций в интересах организации. Одновременно ответчикам необходимо представить суду доказательства отсутствия трудовых отношений.

Помимо этого, суды проверяют наличие формальных признаков трудовых отношений (приказа о приеме на работу, заявления о приеме на работу, заявления о предоставлении отпуска, заявления об увольнении со собственному желанию, приказа об увольнении, установления и соблюдения режима труда и отдыха и т.п.).

Судебные решения, где у работодателя получилось убедить суд в том, что договор регулирует гражданско-правовые отношения с исполнителем, чаще всего встречаются в спорах с Фондом обязательного пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее - СФР, бывший Фонд социального страхования Российской Федерации). В качестве примера можно привести дело № А33-12231/2019, рассмотренное 16.03.2020 Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа. Во-первых, ответчик по делу смог подтвердить конкретный

объем работы, при этом аргумент о том, что работы выполнялись по основному виду деятельности организации сам по себе не является достаточным. Во-вторых, оплата по договору осуществлялась единовременно после подписания акта приема-передачи работы (услуг), из которого можно было определить конкретный объем выполненных работ (оказанный услуг). В-третьих, привлечение физических лиц по договорам оказания услуг обусловлено объективной невозможностью спрогнозировать и предсказать объемы будущих работ, отсутствием коммерческой необходимости увеличения штата работников, которым организация не сможет обеспечить постоянную и полную занятость [9].

В другом примере работы (услуги), исполнявшиеся самозанятыми по гражданско-правовым договорам, не требовали подчинения правилам внутреннего распорядка и выполнения распоряжений и приказов заказчика как работодателя (Постановление АС Волго-Вятского округа от 18.03.2020 № Ф01-9383/2020 по делу № А43-31649/2019).

Предметом договоров являлся именно результат разовых работ, а не выполнение поручений и заданий работодателя в рамках трудовых функций (должностных обязанностей). Помимо этого, физическим лицам не предоставлялись ежегодные оплачиваемые отпуска и выходные дни с сохранением места работы (должности) и среднего заработка, не назначались и не выплачивались пособия по временной нетрудоспособности и в связи с несчастным случаем на производстве, они не подавали заявления о приеме на работу, приказы об их приеме в соответствии со штатным расписанием не издавались, записи в трудовые книжки не вносились, то есть не было выявлено никаких формальных подтверждений трудовых отношений [10].

Если обратиться к практике судов общей юрисдикции, то в числе доводов, которые используются при отказе в признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми, можно упомянуть:

- наличие между сторонами гражданско-правовых отношений, а не трудовых может быть подтверждено свидетельскими показаниями работников организации [11];

- не выявлено требуемых признаков трудовых отношений, таких, как, например, обязанность работника выполнять заранее определенную обусловленную трудовую функцию по определенной должности под управлением и контролем работодателя, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, обеспечение работодателем нормальных и безопасных условий труда [11, 12];

- на банковский счет самозанятого поступала оплата не только от ответчика, но и от других контрагентов, что свидетельствует о ведении предпринимательской деятельности и сохранении статуса самостоятельности, а также истец самостоятельно уплачивал страховые взносы [12].

Помимо этого, суды могут принять к сведению еще несколько аргументов, которые являются косвенными доказательствами именно гражданско-правового характера отношений:

- акты выполненных работ/ оказанных услуг подписаны после окончания работ, что свидетельствует о заинтересованности заказчика в конечном результате;

- работы по договору не связаны неразрывно с уставной (основной) деятельностью организации-заказчика и, тем самым, не предполагают включение работника в производственную деятельность;

- у организации не было ни необходимости, ни возможности содержать большой штат работников соответствующей должности, обеспечив их всех постоянной работой;

- причина заключения договоров (основание) — предпринимательская необходимость одновременно осуществлять деятельность с помощью сети «Интернет» и отсутствие (недостаточное количество) в штате работников для данного вида деятельности;

- работодатель не обозначил в договоре свою обязанность контролировать соблюдение режима рабочего времени исполнителей.

Заключение. При урегулировании споров данной категории суды учитывают не столько наличие формальных признаков заключения договора соответствующего вида, но устанавливают фактическую природу сложившихся между сторонами отношений на всем их протяжении. Также учитывается характер деятельности сторон спора до заключения спорного договора. При этом суды основывают свои выводы на толковании ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Судебная практика по таким делам довольно неоднозначна и характеризуется высокой степенью судейского усмотрения.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

2. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" от 27.11.2018 N 422-ФЗ// СПС КонсультантПлюс

3. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 24.05.2022 №03-11-11/47944 «О применении налога на профессиональный доход при оказании физическими лицами услуг юридическими лицами»// СПС КонсультантПлюс

4. Письмо Федеральной налоговой службы России от 15.04.2022 N ЕА-4-15/4674 "О направлении информации по проведению мероприятий налогового контроля по НПД"

5. Письмо Федеральной налоговой службы России от 11 ноября 2024 г. N АБ-4-20/12835@ О взаимодействии с налогоплательщиками налога на профессиональный доход в рамках осуществления предпринимательской деятельности// СПС Гарант

6. Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 №15 "О применении судами законодательства, ре-

гулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям" // СПС КонсультантПлюс

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 12.07.2021 по делу №19-КГПР21-9-К5// СПС КонсультантПлюс

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 09.11.2020 по делу №78-КГ20-27-К3// СПС КонсультантПлюс

9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.03.2020 № Ф02-768/2020 по делу № А33-12231/2019// СПС КонсультантПлюс

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.03.2020 № Ф01-9383/2020 по делу № А43-31649/2019// СПС КонсультантПлюс

11. Решение Петровского городского суда Саратовской области от 31.12.2023 по делу №2-463/2023// СПС КонсультантПлюс

12. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2021 по делу № 88-7765/2021// СПС КонсультантПлюс

13. Ершова О.Г., Карпов К.В. К дискуссии о разграничении трудового договора и договора подряда / О.Г. Ершов, К.В. Карпов // Евразийская адвокатура. - 2019. - №4. — С. 80

14. Кудрявцева Л.В. Вопросы соотношения договора подряда и трудового договора / Л.В. Кудрявцева // Актуальные проблемы современной наука. - 2017. - №l. - С. 100.

15. Сафин Р. Р. Межотраслевые связи гражданского права при осуществлении договорного регулирования отношений по выполнению работ и оказанию услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 180–185.

16. Тарусина, Н. Н. Социальные договоры в праве / Н. Н. Тарусина, А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М.: Проспект, 2017. – 480 с. – Текст: непосредственный.

Practical aspects of the re-qualification of a civil law contract into an employment contract

Kayner O.V.
Kosygin Russian State University

The article considers the grounds for the reclassification of a civil law contract into an employment contract, which are found in judicial and law enforcement practice. The main arguments that make it possible to recognize the existing relations between the parties as civil law are also considered, thus avoiding the reclassification of the contract. The author provides an analysis of established judicial practice, on the basis of which it is concluded that there is insufficient certainty of the criteria necessary to distinguish an employment contract from related civil law contracts related to labor.

Keywords**:** labor law, civil law contract, employment contract, substitution of labor relations, judicial practice, retraining

Reference

1. The Labor Code of the Russian Federation No.197-FZ dated 12/30/2001 // SPS ConsultantPlus
2. Federal Law "On conducting an experiment to establish a special tax regime "Tax on professional income" dated 11/27/2018 No. 422-FZ// SPS ConsultantPlus
3. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 05/24/2022 No.03-11-11/47944 "On the application of professional income tax in the provision of services by Individuals by legal entities"// SPS ConsultantPlus
4. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 04/15/2022 N EA-4-15/4674 "On sending information on tax control measures under the NAP"
5. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated November 11, 2024 N AB-4-20/12835@ On interaction with taxpayers of the professional income tax in the framework of entrepreneurial activity// SPS Garant
6. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/29/2018 No. 15 "On the application by courts of legislation regulating the work of employees working for employers - individuals and employers - small businesses that are classified as microenterprises" // SPS ConsultantPlus
7. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/12/2021 in case No. 19-KGPR21-9-K5// SPS ConsultantPlus
8. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/19/2020 in case No.78-KG20-27-K3// SPS ConsultantPlus
9. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 03/16/2020 No. F02-768/2020 in case No. A33-12231/2019// SPS ConsultantPlus
10. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 03/18/2020 No. F01-9383/2020 in case No. A43-31649/2019// SPS ConsultantPlus
11. The decision of the Petrovsky City Court of the Saratov region dated 12/31/2023 in case No.2-463/2023// SPS ConsultantPlus
12. The ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 04/12/2021 in case No. 88-7765/2021// SPS ConsultantPlus
13. Yershova O.G., Karpov K.V. On the discussion on the differentiation of an employment contract and a work contract / O.G. Yershov, K.V. Karpov // Eurasian advo-katura. - 2019. - №4. — C. 80
14. Kudryavtseva L.V. Questions of the relationship between the contract and the employment contract / L.V. Kudryavtseva // Actual problems of modern science. -2017. - №l. - C. 100.
15. Safin R. R. Intersectoral relations of civil law in the implementation of contractual regulation of relations for the performance of work and the provision of services // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. No. 1. pp. 180-185.
16. Tarusina, N. N. Social contracts in law / N. N. Tarusina, A.M. Lushnikov, M. V. Lushnikova. – M.: Prospekt, 2017. – 480 p. – Text: direct.

Проблемы подсудности дел в гражданском и арбитражном процессе

Катников Игорь Игоревич
магистрант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», katnikov_igor@mail.ru

В статье рассматривается институт подсудности в гражданском и арбитражном процессе как один из ключевых элементов судебной системы. Дается определение подсудности, анализируются её виды и формы, включая территориальную и родовую подсудность. Статья посвящена анализу проблем подсудности дел в гражданском и арбитражном процессе. Рассмотрена проблема неверного распределения гражданских дел между судьями, связанная с отсутствием четких критериев подсудности. Обсуждаются вопросы злоупотребления процессуальными правами и намеренного искажения подсудности, используемого для достижения преимуществ в ходе разбирательства. Отдельное внимание уделено подсудности дел, связанных с киберпреступлениями. Также поднимаются вопросы, связанные с усложнением бракоразводных процессов иностранным элементом, что обусловлено ростом числа трансграничных браков и повышением мобильности граждан. Авторы делают акцент на необходимости совершенствования правового регулирования подсудности с учетом современных социально-экономических изменений и вызовов цифровой эпохи.

Ключевые слова: подсудность, компетенция, гражданский процесс, арбитражный процесс, территориальная подсудность, киберпреступность, семейное право, мировой судья, права потребителей, злоупотребление

Актуальность изучения категории подсудности и проблем, связанных с ее реализацией в правоприменении, обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, эффективность функционирования судебной системы достижима исключительно при условии баланса компетенций каждого из ее структурных компонентов. Произвольное и бессистемное распределение судебных дел в рамках судебной системы «неминуемо приведет к тому, что одни суды будут явно недорабатывать, тогда как другие – перегружены делами» [14, с. 101].

Во-вторых, концепция подсудности имеет непосредственное отношение к конституционным правам личности. Так, ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации указывает: «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [9]. Схожий тезис зафиксирован во многочисленных международно-правовых документах. Фиксация подобных гарантий на конституционном и международно-правовом уровнях актуализирует рассмотрение механизмов и принципов определения подсудности, в т.ч. в специальном отраслевом законодательстве [13, с. 133].

В-третьих, категория подсудности является весьма динамичной, изменчивой: правила ее определения регулярно модернизируются в зависимости от текущей криминогенной, экономической, политической обстановки [14, с. 104]. Несмотря на активизацию законотворческого процесса в контексте реформирования института подсудности, на сегодняшний день без решения остались некоторые значимые с теоретической и с практической точки зрения вопросы [11, с. 177].

На сегодняшний день в научной литературе, в законодательном массиве России и стран ближнего зарубежья употребляется ряд терминов, смежных или тождественных по своему содержанию. Речь идет о таких понятиях, как «подсудность», «подведомственность», «компетенция», «применимая юрисдикция» и проч. К. В. Коршакова и Т. А. Шкурай отмечают, помимо прочего, недавние изменения терминологического аппарата, произошедшие в ходе реформы 2018 г., когда термин «подведомственность» в рамках гражданского судопроизводства исключен из положений гражданско-процессуального законодательства и заменен на термин «подсудность». В контексте арбитражного судопроизводства термин «подведомственность» был заменен на термин «компетенция» [11, с. 175]. Для упрощения научного анализа в большинстве исследований употребляется термин «подсудность» как обобщающий все вышепредставленные понятия.

Рассмотрим некоторые подходы к пониманию сущности концепции подсудности. Л. А. Пупышева указывает, что термин «подсудность» обозначает компетенцию суда и характеризует его полномочия на ведение того или иного дела, а не признаки дела или судебного спора [14, с. 102]. Во многих исследованиях представлена иная точка зрения: подсудность определяется посредством совокупности материально-правовой характеристики дела; подсудность напрямую зависит от категории преступления, места его совершения и лица, его совершившего.

М. А. Боженов определяет подсудность, во-первых, как правовой институт, функционирующий на основании совокупности юридических норм, во-вторых, как принцип, на основании которого конкретный суд рассматривает дело исходя из его субъекта, предмета и характера [5, с. 33]. Схожее умозаключение выражает Е. В. Мозина: «категоризация преступлений выступает одним из материально-правовых свойств, помогающих выбрать суд соответствующего звена судебной системы» [13, с. 133].

Л. Л. Азаматова и Т. Р. Максютов, в свою очередь, предлагают интерпретировать подсудность (1) в широком смысле: как межотраслевой институт, основанный на нормах материального и процессуального права, разграничивающий компетенцию между различными судами; (2) в узком смысле: как «институт, разграничивающий компетенцию по рассмотрению дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции» [1, с. 16].

В современной юридической науке формируются новые доктринальные подходы к типологии форм и видов подсудности в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Некоторые авторы выделяют в данном процессуальном институте два вида: внутренняя и внешняя подсудность. Внутренняя подсудности соотносится с механизмами разграничения судебной компетенции между судами системы судов общей юрисдикции. Внешняя подсудность отождествляется с разграничением судебной компетенции между судебными системами – к примеру, между государственными и негосударственными судебными органами [11, с. 177]. Согласно положениям ст. 22, 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), внешняя подсудность представляет собой категорию, разграничивающую компетенции государственных судов (судом общей юрисдикции, арбитражным судом и конституционным судом) и негосударственными судебными органами (третейским судом) [7]. Обобщив нормы арбитражного и гражданского процессуального законодательства [2; 7], можно сформулировать следующий принцип определения внешней подсудности: судам общей юрисдикции подсудны все дела, за исключением тех, которые законом отнесены к компетенции арбитражных судов [6, с. 70].

Функционирование института внутренней подсудности регламентируется положениями ст. 23-32 ГПК РФ [7]. Внутренняя подсудность состоит из двух компонентов – *территориальная и родовая* подсудность. Б. А. Аяганова определяет территориальную подсудность в качестве механизма по выбору органа суда одного и того же звена судебной системы [3, с. 130]. Гражданское законодательство фиксирует общее правило территориальной подсудности: заявление подается по месту жительства ответчика-физического лица или по месту нахождения юридического лица (адрес государственной регистрации). Ст. 29 ГПК РФ определяет случаи, когда дело может быть рассмотрено по иным основаниям по выбору истца (т.н. *альтернативная подсудность*) [7]. Предусмотрен также принцип *исключительной подсудности* – когда иск подается не по месту, определенному положениями ст. 30 ГПК РФ (к примеру, иски в отношении недвижимости рассматриваются судом по месту расположения недвижимости) [7]. Существует, кроме того, *подсудность на основании связи нескольких дел*. Иск к нескольким ответчикам, находящимся в разных местах, предъявляется в суд по месту нахождения одного из ответчиков по выбору истца, тогда как встречный иск предъявляется по месту рассмотрения первоначального иска. Таким образом, нормы о подсудности можно встретить в различных сегментах российского законодательного массива – в арбитражном, гражданском, процессуальном законодательстве.

Как отмечают многие российские исследователи-правоведы, на сегодняшний день мы сталкиваемся ***с разнородными процессуальными и непроцессуальными нормами***, выступающих базисом для идентификации суда первой инстанции, суда проверочной инстанции, суда иностранной или российской юрисдикции, суда для решения частных вопросов по делу. Концептуально все эти и многие другие нормы формируют единый институт подсудности, но фактически тексты законодательства представляют нам разрозненные правовые образования и фрагментарные нормы.

В данной связи правоведы предлагают выработать и законодательно зафиксировать единый институт подсудности. Выработка цельного массива процессуальных норм, регламентирующего данный правовой институт, позволит более наглядно и эффективно подчинить его общим принципам и методам правового регулирования. Разработка обозначенных концептуальных положений института подсудности и смежного с ним института компетенции позволит представить детальную классификацию видов и критериев подсудности, разрешить многие частные аспекты, вызывающие проблемы в правоприменительной практике. Согласимся с М. В. Самсоновой в том, что во многочисленных публикациях, судебных решениях, текстах законодательства, опубликованных после 2018 г., пока не наблюдается единства в отношении терминологии, критериев, классификации видов, критериев и механизмов реализации подсудности [15, с. 88].

Безусловно, рассматривая современные проблемы, связанные с подсудностью, необходимо учитывать не только терминологические или классификационные новеллы, но и конкретные прикладные аспекты реализации данного процессуального института.

Прежде всего, следует отметить ***проблему неверного распределения гражданских дел между***

мировыми судьями и районными судами по причине отсутствия четких критериев подсудности. В практике, как правило, применяются критерии, представленные в тексте ст. 23 ГПК РФ [7], однако данные критерии едва ли можно считать универсальными. В качестве примера А. А. Эмеров называет имущественный критерий, который интерпретируется в правоприменительной практике поразному. Ошибки, затрагивающие определение подсудности имущественных дел, часто допускаются судьями в связи с неверным пониманием цены иска [17, с. 622].

Согласимся с Е. Н. Лысенковой в том, что сама по себе ошибка суда при определении компетенции на разрешение дела не влечет за собой таких деструктивных последствий, как намеренное искажение подсудности дела. В правоприменительной практике уже давно существует ***проблема порочности в выборе суда и злоупотребления процессуальными правами*** [12, с. 227].

Целью намеренного искажения подсудности выступает достижение такого исхода дела, который был бы невозможен при добросовестной реализации процессуальных прав. Анализ судебной практики позволяет выделить следующие способы злоупотребления процессуальными правами в контексте подсудности: (1) смена адреса местонахождения (регистрации) стороной судебного разбирательства непосредственно перед его началом; (2) т.н. «банкротный туризм» – практика, при которой должники намеренно меняют территориальную подсудность дел о банкротстве с целью получить более благоприятные условия рассмотрения дела – в таком суде, где разбирательство будет более предсказуемым или выгодным для должника; (3) привлечение фиктивного ответчика, в т. ч. посредством заключения договоров поручительства; (4) заключение соглашений об уступке прав требования; (5) заключение отдельных соглашений об изменении подсудности; (6) объединение требований в одно производство; (5) выбор суда, потенциально лояльного для стороны разбирательства (суд с благоприятной судебной практикой по аналогичным делам).

Для разрешения данной проблемы специалисты предлагают, во-первых, законодательно зафиксировать категорию «злоупотребление процессуальными правами», а во-вторых, определить критерии квалификации злоупотреблений, в-третьих, обозначить санкционные меры, применяемые в ситуации идентификации факта злоупотребления. Среди механизмов по нейтрализации рисков манипулирования подсудностью Е. Н. Лысенкова называет следующие: (1) совершенствование института процессуальной ответственности за злоупотребление процессуальными правами; (2) разработка судами стандарта доказывания в вопросах злоупотребление подсудностью; (3) расширение полномочий органа суда в контексте санкционного воздействия на лица, злоупотребившие процессуальными правами [12, с. 227].

Третьей проблемой, характерной для рассматриваемой нами прикладной области, выступает ***проблема подсудности дел о т. н. киберпреступлениях***. По мере цифровизации и увеличения доли трансграничных процессов в ведении хозяйственной, производственной, сбытовой и иной деятельности, число киберпреступлений неуклонно растет.

Ключевым свойством киберпреступности выступает ее дистанционный характер. Под *дистанционными преступлениями* в широком смысле Д. С. Корешников понимает преступления, при которых место нахождения преступника при совершении преступления не совпадает с местом совершения общественно-опасного деяния; в узком смысле дистанционное преступление обозначает преступление, совершенное посредством компьютерных технологий и сети Интернет [10, с. 163].

Проблема определения подсудности в делах, затрагивающих киберпреступность, заключается в том, что преступные действия могут быть совершены, к примеру, в одной юрисдикции, повлиять на правоотношения в другой и затронуть потерпевших в третьей.

Кибератаки часто проводятся из одной страны с использованием серверов, расположенных в другой стране, а их последствия ощущаются в любой из юрисдикций. Данное обстоятельство создает правовую неопределенность относительно того, какой суд имеет полномочия для рассмотрения дела. Кроме того, имеют место существенные различия в национальных законодательствах – к примеру, действия, являющиеся преступными в одной стране, могут не быть уголовно наказуемыми в другой. Данное обстоятельство создаёт почву для рассмотренной выше проблемы манипулирования подсудностью – выбора наиболее «лояльной» юрисдикции.

Таким образом, в киберпространстве достаточно сложно локализовать место преступления, так как действия совершаются в виртуальном пространстве. Это приводит к дискуссиям о том, считать ли местом преступления: (а) место нахождения преступника, (б) место размещения серверов, (в) место наступления последствий киберпреступления и место нахождения истца/пострадавшей стороны.

Множество проблем, связанных с определением подсудности, возникает в области семейного права. Д. А. Чупилин приводит к пример ситуации возникновения процессуальных проблем в делах о несогласии либо уклонении от дачи согласия родителя на выезд несовершеннолетнего из страны. Данные проблемы часто связаны с тем, что один из родителей проживает в другой местности, что может повлечь за собой неоправданные сложности с получением судебной защиты и проблемы идентификации территориальной подсудности в целом [16, с. 124].

Повышение мобильности граждан еще больше обостряет проблему подсудности. Речь идет о ***нарастающем количестве трансграничных браков и, соответственно, бракоразводных процессов, осложненных иностранным элементом***. Подобные дела нуждаются в специальном правовом регулировании – в первую очередь по причине их международного характера и выхода отношений за рамки юрисдикции одного государства.

Российский законодатель, в свою очередь, предписывает регулировать отдельные виды семейных отношений, осложненных иностранным элементом, исключительно нормами отечественного законодательства.

В данном сегменте общественных отношений применяются положения о международной подсудности, представленные в гл. 44 ГПК РФ. Тест ст. 44 определяет подсудность дел с участием иностранных лиц. Кроме того, применяются положения о внутренней подсудности (гл. 3 ГПК РФ), в т.ч. родовой и территориальной подсудности конкретных судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел [7]. Семейный Кодекс Российской Федерации (п. 2 ст. 160) гласит: российские суды имеют полномочия по рассмотрению дел о расторжении брака, если один из супругов является российским гражданином, независимо от места проживания, а также, если супруг – истец, независимо от гражданства имеет место жительства в России (п. 8 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ) [4, с. 101].

В ситуации, когда супруги – российский и иностранный гражданин – имеют место жительства на территории России, судебные разбирательства не представляют каких-либо трудностей с точки зрения подсудности. Однако ситуация существенно осложняется в случае, если супруг-иностранец проживает за пределами территории страны. Несмотря на множество научных исследований, посвященных проблеме определения территориальной подсудности в подобных спорах, данный вопрос законодательно не решен.

Безусловно, перечень проблем определения подсудности не исчерпывается перечисленными выше примерами. В современной научной литературе широко обсуждаются вопросы (1) пересечения юрисдикций региональных и федеральных судов, судов общей юрисдикции, арбитражных судов и специализированных судов; (2) проблемы, обусловленные потребностью в сокращении дел, подсудным мировым судьям; проблема лишения возможности разрешения сложных дел мировыми судьями из-за представлений об их невысокой компетенции, что приводит к (3) проблеме неравномерной нагрузки на суды и судей; выделим также (4) проблемы определения подсудности в области защиты прав потребителей (подсудность по месту нахождения организации, чьим клиентом является потребитель, подсудность по месту исполнения договора, по месту пребывания потребителя и т. п.); (5) трансформацию механизмов определения подсудности в связи с формированием нового института коллективных исков [8, с. 52]; (6) проблему неэкономичности судебных ресурсов в ситуации повторного определения подсудности или ее изменения в процессе разбирательства [17, с. 624] и проч.

Таким образом, эти и другие проблемы подчеркивают необходимость комплексного реформирования института подсудности, включая меры по совершенствованию законодательных норм, «выравниванию» нагрузки на суды и внедрению новых механизмов правоприменения.

В заключение отметим следующее. Подсудность является обобщающим термином, обозначающим компетенцию суда, и характеризует его полномочия на ведение дела, что, в свою очередь, определяется посредством совокупности материально-правовой характеристики дела; категорией преступления, местом его совершения и лицом, его совершившего. Также подсудность можно определить как правовой институт, функционирующий на основании совокупности юридических норм. Функционирование института подсудности сопряжено с рядом проблем: (1) отсутствие цельного массива процессуальных норм, регламентирующего единый правовой институт подсудности; (2) неверное распределение дел между мировыми судьями и районными судами по причине отсутствия четких критериев подсудности; (3) порочность в выборе суда и злоупотребление процессуальными правами; (4) увеличение доли трансграничных процессов и рост числа киберпреступлений, представляющих трудность в точки зрения подсудности; (6) увеличение числа семейно-брачных отношений, осложненных иностранным элементом и др.

Литература

1. Азаматова, Л. Л. О проблеме подсудности дел арбитражным судам / Л. Л. Азаматова, Т. Р. Максютов // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №1. – С. 16–22.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс – 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Дата доступа: 16.12.2024.
3. Аяганова, Б. А. К вопросу о видах подсудности в России / Б. А. Аяганова // Вестник магистратуры. – 2020. – №1-5 (100). – С. 130–131.
4. Баринов, А. В. Проблемы определения территориальной подсудности дел о расторжении брака между российским и иностранным гражданином / А. В. Баринов, Н. В. Кузнецова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – №2. – С. 100–104.
5. Боженов, М. А. Институт подсудности в административном судопроизводстве РФ / М. А. Боженов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №12-1. – С. 33–37.
6. Гаджиалиева, Н. Ш. Новеллизация института подсудности в гражданском процессе / Н. Ш. Гаджиалиева, З. З. Алиева // Государственная служба и кадры. – 2020. – №5. – С. 69–71.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // КонсультантПлюс – 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. – Дата доступа: 16.12.2024.
8. Змиевский, Д. В. Актуальные проблемы определения подсудности потребительских споров / Д. В. Змиевский // Oeconomia et Jus. – 2022. – №4. – С. 51–56.

9. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constitution.ru/. – Дата доступа: 16.12.2024.

10.Корешников, Д. С. Проблемы определения территориальных подследственности и подсудности «дистанционных» преступлений / Д. С. Корешников // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – №3 (42). – С. 162–166.

11.Коршакова, К. В. Институт подсудности гражданских дел: современное состояние и проблемы / К. В. Коршакова, Т. А. Шкурай // Право и практика. – 2021. – №2. – С. 175–178.

12.Лысенкова, Е. Н. О злоупотреблении процессуальными правами при определении подсудности дел / Е. Н. Лысенкова // Образование и право. – 2022. – №5. – С. 226–230.

13.Мозина, Е. В. Значение категоризации преступлений для институтов подследственности и подсудности / Е. В. Мозина // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №5 (162). – С. 129–136.

14.Пупышева, Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования / Л. А. Пупышева // Философия права. – 2021. – №1 (96). – С. 100–108.

15.Самсонова, М. В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел / М. В. Самсонова // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №2 (159). – С. 80–89.

16.Чупилин, Д. А. Альтернативная подсудность споров, вытекающих из семейных правоотношений: проблемы и предложения / Д. А. Чупилин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – №4. – С. 122–129.

17.Эмеров, А. А. Соблюдение правил о подсудности как одно из условий реализации права на обращение в суд / А. А. Эмеров // Вестник науки. – 2023. – №12 (69). – С. 621–628.

Problems of jurisdiction of cases in civil and arbitration proceedings

Katnikov I.I.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",

The article analyses the institution of jurisdiction in civil and arbitration proceedings as one of the key elements of the judicial system. A definition of jurisdiction is given, its types and forms are analyzed, including territorial and generic jurisdiction. The article is devoted to the analysis of the problems of jurisdiction of cases in civil and arbitration proceedings that arise in practice. The problem of incorrect distribution of civil cases between judges is considered, associated with the lack of clear criteria of jurisdiction. The issues of abuse of procedural rights and intentional distortion of jurisdiction used to achieve advantages during the proceedings are discussed. Special attention is paid to the jurisdiction of cases related to cybercrimes. Issues related to the complication of divorce proceedings by a foreign element, which is due to the growing number of cross-border marriages and the increased mobility of citizens, are also raised. The authors emphasize the need to improve the legal regulation of jurisdiction, taking into account modern socio-economic changes and the challenges of the digital age

Keywords: jurisdiction, competence, civil proceedings, arbitration proceedings, territorial jurisdiction, cybercrime, family law, justice of the peace, consumer rights, abuse

References

1. Azamatova, L. L. On the problem of jurisdiction of cases by arbitration courts / L. L. Azamatova, T. R. Maksyutov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 1. - P. 16-22.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on August 8, 2024) // ConsultantPlus - 2024. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. - Access date: 12/16/2024.
3. Ayaganova, B. A. On the issue of types of jurisdiction in Russia / B. A. Ayaganova // Bulletin of the Magistracy. – 2020. – No. 1-5 (100). – P. 130–131.
4. Barinov, A. V. Problems of Determining Territorial Jurisdiction of Cases of Divorce between a Russian and a Foreign Citizen / A. V. Barinov, N. V. Kuznetsova // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. – 2023. – No. 2. – P. 100–104.
5. Bozhenov, M. A. Institute of Jurisdiction in Administrative Proceedings of the Russian Federation / M. A. Bozhenov // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2022. – No. 12-1. – P. 33–37.
6. Gadzhialieva, N. Sh. Novelization of the Institute of Jurisdiction in Civil Procedure / N. Sh. Gadzhialieva, Z. Z. Aliyeva // Civil Service and Personnel. – 2020. – No. 5. – P. 69–71.
7. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 N 138-FZ (as amended on 10/26/2024) // ConsultantPlus – 2024. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. – Access date: 12/16/2024.
8. Zmievsky, D. V. Actual problems of determining jurisdiction of consumer disputes / D. V. Zmievsky // Oeconomia et Jus. – 2022. – No. 4. – P. 51–56.
9. Constitution of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.constitution.ru/. – Date of access: 16.12.2024.
10. Koreshnikov, D. S. Problems of determining territorial jurisdiction and competence over “remote” crimes / D. S. Koreshnikov // Law and order: history, theory, practice. – 2024. – No. 3 (42). – P. 162–166.
11. Korshakova, K. V. Institute of jurisdiction of civil cases: current state and problems / K. V. Korshakova, T. A. Shkurai // Law and Practice. – 2021. – No. 2. – P. 175–178.
12. Lysenkova, E. N. On the abuse of procedural rights in determining the jurisdiction of cases / E. N. Lysenkova // Education and Law. – 2022. – No. 5. – P. 226–230.
13. Mozina, E. V. The Importance of Categorization of Crimes for the Institutions of Investigative Jurisdiction and Competence / E. V. Mozina // Actual Problems of Russian Law. - 2024. - No. 5 (162). - P. 129-136.
14. Pupysheva, L. A. The Phenomenon of Jurisdiction in Russian Criminal Procedure: Problems of Theory and Legislative Regulation / L. A. Pupysheva // Philosophy of Law. - 2021. - No. 1 (96). - P. 100-108.
15. Samsonova, M. V. Problems of Improving the Institute of Jurisdiction of Civil Cases / M. V. Samsonova // Actual Problems of Russian Law. - 2024. - No. 2 (159). - P. 80-89. 16. Chupilin, D. A. Alternative jurisdiction of disputes arising from family legal relations: problems and proposals / D. A. Chupilin // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. - 2022. - No. 4. - P. 122-129.
17. Emerov, A. A. Compliance with the rules on jurisdiction as one of the conditions for the exercise of the right to apply to court / A. A. Emerov // Bulletin of Science. - 2023. - No. 12 (69). - P. 621-628.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в национальном и международном измерении

Романов Георгий Евгеньевич
студент, Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина, romanovg372@gmail.com

В статье рассматриваются ключевые правовые аспекты регулирования использования искусственного интеллекта (ИИ) на национальном и международном уровнях. Особое внимание уделено вопросам правового статуса ИИ, распределения ответственности за действия автономных систем, защиты персональных данных и этическим аспектам разработки и применения технологий. Выявлены основные пробелы в российском законодательстве, предложены рекомендации по их устранению. Проведен сравнительный анализ подходов к регулированию ИИ в Европейском союзе, США и Китае. Подчеркивается необходимость унификации международных стандартов и разработки комплексных правовых механизмов, обеспечивающих баланс между инновациями и защитой прав человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, правовой статус, ответственность, персональные данные, этика, Европейский союз, США, Китай, унификация стандартов.

Введение

Современный этап технологического прогресса характеризуется стремительным развитием искусственного интеллекта (ИИ), который внедряется практически во все сферы общественной жизни: от медицины и транспорта до юриспруденции и финансов. Широкое применение ИИ предоставляет уникальные возможности для повышения эффективности процессов, но одновременно создает многочисленные правовые вызовы, связанные с ответственностью, этичностью, конфиденциальностью и безопасностью использования технологий. В условиях отсутствия унифицированных подходов к правовому регулированию ИИ и стремительного изменения технических реалий существует насущная необходимость разработки правовых механизмов, способных адекватно реагировать на вызовы, порождаемые данной технологией. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между стимулированием инноваций и защитой интересов общества и личности в условиях цифровизации.

Целью настоящей работы является анализ ключевых юридических вопросов, связанных с использованием технологий ИИ, а также формулирование рекомендаций по совершенствованию правового регулирования ИИ на национальном и международном уровнях. Особое внимание уделяется вопросам правового статуса ИИ, распределения ответственности за действия автономных систем, а также защите персональных данных в условиях использования технологий машинного обучения.

Для достижения поставленной цели используются следующие методы научного исследования:

- Компаративный анализ – сравнение правового регулирования ИИ в различных юрисдикциях, таких как Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Китай и Россия, с целью выявления лучших практик и оценивания их применимости в российских условиях.
- Анализ международных правовых норм и стандартов – изучение рекомендаций специализированных организаций (например, ЮНЕСКО и ОЭСР), а также проектов законодательных актов, таких как Европейский акт об ИИ [1 – 4].
- Доктринальный подход – исследование существующих теоретических подходов к определению правового статуса ИИ, анализ доктринальных дебатов по вопросам ответственности за действия автономных систем и соблюдения принципов этики.
- Интерпретационный анализ нормативных правовых актов – изучение действующего российского законодательства для выявления пробелов в правовом регулировании использования ИИ.

Искусственный интеллект как объект права

ИИ представляет собой технологию, которая воспроизводит человеческие когнитивные функции, включая анализ, принятие решений и обучение. Его правовая классификация базируется на уровне автономности и функциональности. Узкий (или слабый) ИИ ограничивается выполнением специфических задач, таких как обработка изображений или управление голосовыми ассистентами. Общий (или сильный) ИИ, существующий пока лишь в теории, предполагает универсальные способности к решению различных задач, как у человека. Концепция сверхразумного ИИ предполагает создание систем, превосходящих человеческий интеллект во всех областях. Такая классификация имеет ключевое значение для правового регулирования, поскольку определяет степень ответственности и подходы к регулированию различных видов технологий.

Таблица 1
Классификация ИИ по уровню автономности

Тип ИИ	Описание	Пример
Узкий (слабый) ИИ	Решение конкретных задач в пределах узкой специализации	Голосовые помощники (Алиса, Siri и другие)
Общий (сильный) ИИ	Решение широкого спектра задач, близкое к человеческому	В настоящее время не существует
Сверхразумный ИИ	Превосходство над человеческим интеллектом	Гипотетический сценарий будущего

На сегодняшний день ИИ преимущественно рассматривается как объект права, что соответствует его природе как инструмента, разработанного и управляемого человеком. Тем не менее, с развитием технологий, обеспечивающих автономность, встает вопрос о возможности изменения подхода к правовому статусу ИИ. В юридической доктрине обсуждается гипотетическая возможность признания его субъектом права, что предполагает предоставление ИИ ограниченных прав и обязанностей, аналогичных юридическим лицам. Однако признание ИИ субъектом права требует решения множества теоретических и практических вопросов, включая морально-этические аспекты и возможность контроля за его действиями.

Современные подходы включают и промежуточное решение – признание ИИ автономным агентом, не являющимся полноценным субъектом права, но обладающим специфическими характеристиками, которые требуют особых юридических механизмов регулирования. Такой подход позволяет учитывать автономность ИИ, сохраняя при этом возможность контроля со стороны разработчиков и пользователей.

Существующая правовая система опирается на понятие субъектности как характеристики, связанной с наличием сознания и свободы воли. ИИ, несмотря на его сложность и способность к самостоятельным решениям, лишен этих качеств, что делает его признание субъектом права спорным. При этом автономность современных систем вызывает вопросы о том, кто должен нести ответственность за ущерб, причиненный ИИ. В текущей модели ответственности основная роль отводится разработчикам и владельцам технологий. Однако с ростом сложности и самостоятельности решений, принимаемых системами ИИ, этот подход может стать недостаточным.

Правовые вызовы использования ИИ

Правовые аспекты внедрения ИИ связаны с рядом вызовов, возникающих на фоне его автономности и способности влиять на значимые процессы. Одной из наиболее сложных проблем является распределение ответственности за ущерб, причиненный действиями ИИ. Современные технологии становятся настолько сложными, что прямое определение виновного лица в случае негативных последствий оказывается затруднительным. Например, если автономный автомобиль попадает в аварию, становится неясным, кто должен нести ответственность – разработчик алгоритма, производитель техники, ее владелец или пользователь. Юридическая теория склоняется к признанию коллективной ответственности или созданию страховых фондов для покрытия подобных рисков, однако такие подходы пока не получили достаточного правоприменительного закрепления.

Рисунок 1. Модели распределения ответственности за действия ИИ

На рисунке 1 представлена диаграмма, иллюстрирующая условное распределение ответственности за действия ИИ между разработчиком, пользователем, владельцем и компанией-оператором. Она показывает, как может распределяться ответственность в зависимости от роли каждой из сторон.

Конфиденциальность и защита персональных данных представляют еще одну острую проблему. ИИ-системы для своей работы требуют значительных объемов информации, включая персональные данные пользователей. Это приводит к многочисленным рискам утечек данных, нарушения принципов приватности и злоупотреблений. Нередко алго-

ритмы обучаются на больших массивах данных, источники которых пользователям неизвестны, что подрывает доверие к технологиям. Дополнительно сложность алгоритмов, так называемые «черные ящики», делает их работу непрозрачной, что затрудняет соблюдение таких нормативных требований, как принципы минимизации данных и право быть забытым. Регулирование на уровне GDPR или российских законов о персональных данных все еще не успевает за развитием технологий, оставляя значительные пробелы [5 – 10].

Таблица 2
Основные проблемы конфиденциальности данных в ИИ

Проблема	Описание	Решения
Сбор избыточных данных	Обработка данных, которые не требуются для выполнения задач	Минимизация данных, ограничение доступа
Отсутствие прозрачности алгоритмов	Непонятные механизмы принятия решений ИИ	Введение стандартов прозрачности, пояснительные модели
Нарушение прав на приватность	Утечки данных, невозможность выполнения права на удаление	Технологии конфиденциального обучения, строгие стандарты хранения

Еще одной значительной угрозой становится риск дискриминации. Алгоритмы, основанные на анализе больших данных, не способны полностью исключить предвзятость, заложенную в исходных данных. Это может приводить к серьезным последствиям в таких сферах, как трудоустройство, кредитование или здравоохранение. Например, системы подбора персонала могут воспроизводить гендерную или этническую предвзятость, если такие модели присутствовали в исторических данных. Аналогичная проблема возникает в финансовой сфере, где алгоритмы на основании социальных и экономических данных могут необоснованно ограничивать доступ отдельных групп населения к кредитным продуктам. Для минимизации таких рисков необходимо не только улучшение технологий, но и регулярная проверка их результатов на соответствие принципам справедливости и недопущения дискриминации.

Регулирование ИИ на международном уровне

Международное регулирование ИИ представляет собой сложную задачу, требующую согласования множества подходов и стандартов. Развитие технологий ИИ вызывает глобальные проблемы, такие как этическая справедливость, защита данных, ответственность за автономные системы, что требует межгосударственного взаимодействия и унификации подходов. На данный момент разработка международных стандартов ведется различными организациями и странами, однако полная согласованность пока отсутствует.

Одной из ведущих международных организаций, активно занимающихся вопросами этики и регулирования ИИ, является ЮНЕСКО. В 2021 году организация приняла Рекомендацию по этике ИИ, которая стала первым глобальным нормативным документом, охватывающим эти аспекты. Документ акцентирует внимание на необходимости защиты прав человека, недопущении дискриминации, обеспечении прозрачности алгоритмов и сохранении экологического баланса. Хотя рекомендации ЮНЕСКО не являются юридически обязательными, они задают важный ориентир для национальных стратегий в области ИИ. [1]

Европейский Союз (ЕС) занимает лидирующую позицию в разработке комплексного подхода к регулированию ИИ. Проект Акт об искусственном интеллекте (AI Act), разработанный Европейской комиссией, предлагает классификацию ИИ по уровням риска: от минимального до неприемлемого. Системы с высоким риском, такие как ИИ в здравоохранении, транспорте и правоохранительных органах, подлежат строгому регулированию. ЕС также предлагает введение обязательной сертификации и прозрачности алгоритмов для систем ИИ, используемых в критических областях. Подобные инициативы демонстрируют стремление Евросоюза не только контролировать технологии, но и устанавливать глобальные стандарты. [2]

В то же время подходы США и Китая значительно отличаются от европейских. В Соединенных Штатах регулирование ИИ осуществляется преимущественно на уровне частного сектора и отраслевых стандартов. Внимание уделяется созданию гибких рамок, которые не препятствуют инновациям. Например, Национальный институт стандартов и технологий (NIST) опубликовал Руководство по управлению рисками в ИИ, которое фокусируется на оценке рисков и обеспечении надежности алгоритмов. Однако на федеральном уровне законодательство в области ИИ остается фрагментированным, что создает правовые пробелы.

Китай, напротив, продвигает централизованный подход к регулированию. Страна активно развивает национальную стратегию по ИИ, в которой особое внимание уделяется вопросам государственной безопасности и контроля. Регулирование включает требования к прозрачности алгоритмов и ограничение потенциального вреда для пользователей. В то же время Китай сталкивается с критикой за использование ИИ для усиления государственного контроля, включая системы массового наблюдения.

Проблема трансграничного регулирования ИИ усугубляется тем, что каждая страна исходит из своих экономических, культурных и политических особенностей. Например, разница в подходах ЕС и США затрудняет унификацию стандартов между этими регионами. Если в ЕС основной акцент делается на защите прав человека и строгом регулировании, то в США предпочтение отдают стимулированию инноваций. Китай, в свою очередь, продвигает национальные интересы, что еще более усложняет международное взаимодействие. Отсутствие согласованного подхода создает риски для трансграничной торговли, безопасности и сотрудничества в сфере технологий.

На рисунке 3 показан график сравнительных приоритетов ЕС, США и Китая в таких областях, как защита прав человека, стимулирование инноваций и государственный контроль.

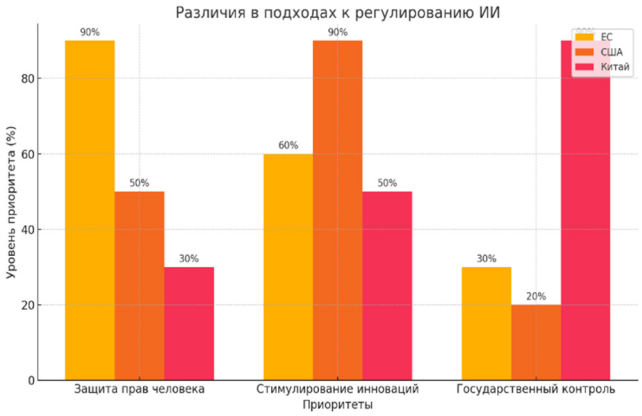

Рисунок 3. Различия в подходах к регулированию ИИ

Таблица 4
Сравнение подходов к регулированию ИИ в ЕС, США и Китае

Параметр	ЕС	США	Китай
Основной акцент	Защита прав человека, прозрачность	Инновации, управление рисками	Государственная безопасность, контроль
Уровень регулирования	Строгое, детализированное	Гибкое, отраслевое	Централизованное
Примеры инициатив	AI Act, GDPR	NIST Risk Management Framework	Национальная стратегия по ИИ
Подход к этике	Сильный акцент на этические нормы	Этика определяется частным сектором	Контроль над социальными последствиями
Позиция на международной арене	Активное продвижение глобальных стандартов	Фрагментарное участие	Ограниченный экспорт стандартов
Фокус на защите данных	Высокий приоритет, защищенный GDPR	Ориентировано на частный сектор	Средний приоритет, контроль правительства
Инвестиции в исследования	Частично централизованное финансирование	Сильное частное финансирование	Массированные государственные инвестиции

Для решения этих проблем требуется создание глобального форума или платформы, где страны могли бы согласовать базовые стандарты и принципы регулирования ИИ. Такие инициативы уже начали разрабатываться в рамках ОЭСР, которая предложила набор принципов, направленных на содействие ответственному использованию ИИ. Однако на данный момент эти инициативы остаются недостаточно реализованными, а различия в правовых и этических подходах между странами продолжают тормозить процесс.

Российское законодательство в сфере ИИ

Правовое регулирование ИИ в России находится на стадии формирования. Несмотря на стратегическую важность развития ИИ, существующая нормативно-правовая база носит фрагментарный характер и не покрывает всех аспектов применения и внедрения технологий ИИ. При этом ключевую роль в формировании подходов играет Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденная указом Президента РФ в 2019 году [11].

Одним из основных документов, регулирующих сферу ИИ в России, является Федеральный закон «О персональных данных» (ФЗ-152) [12], который определяет правила сбора, хранения и обработки персональной информации. Однако этот закон не учитывает специфики обработки данных с использованием технологий ИИ, что порождает риски. Например, работа алгоритмов машинного обучения требует больших массивов данных, и текущие нормы не всегда ясно регулируют, как такие данные могут быть обработаны, особенно если они являются анонимизированными или получены из открытых источников.

Законодательство также фокусируется на защите интеллектуальной собственности, что особенно важно в контексте ИИ, способного генерировать контент. Вопрос о праве собственности на результаты работы ИИ остается открытым. Российское авторское право не предусматривает механизмов защиты для произведений, созданных полностью без участия человека, что создает правовые пробелы в данной области.

Среди ключевых законодательных пробелов можно выделить:

- Отсутствие четкого определения ИИ в правовых актах. Это затрудняет идентификацию систем, которые подлежат регулированию.
- Недостаточная защита пользователей ИИ от рисков дискриминации и ошибок в принятии решений.
- Отсутствие механизмов распределения ответственности за действия автономных систем.
- Слабая защита этических аспектов разработки и применения ИИ, включая вопросы прозрачности алгоритмов.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта стала важным шагом для комплексного регулирования этой области [11]. Документ определяет основные направления развития ИИ, включая поддержку исследований, внедрение технологий в экономику и социальную сферу, а также развитие нормативно-правовой базы. Однако стратегия имеет общий характер и не решает всех конкретных проблем. Например, в стратегии обозначена необходимость разработки стандартов прозрачности ИИ и механизмов ответственности, но конкретные правовые акты на ее основе до сих пор не приняты.

Одной из практических инициатив, вытекающих из стратегии, стало внедрение регуляторных песочниц. Эти механизмы позволяют тестировать технологии ИИ в условиях ослабленного регулирования. Например, такие пилотные проекты реализуются в сфере транспорта и финансовых технологий. Однако их масштаб пока ограничен, а нормативные акты, регулирующие работу песочниц, не всегда обеспечивают правовую защиту участников.

Для устранения законодательных пробелов предлагаются следующие меры:

- Разработка отдельного федерального закона об искусственном интеллекте, который бы охватывал вопросы ответственности, прозрачности алгоритмов и этики.

- Введение норм об ответственности разработчиков, владельцев и пользователей ИИ в зависимости от уровня автономности системы.
- Создание системы сертификации ИИ для оценки соответствия систем установленным стандартам.
- Усиление защиты персональных данных, обрабатываемых ИИ, с учетом специфики технологий машинного обучения.
- Интеграция вопросов этики ИИ в обязательные нормы, регулирующие разработку и использование технологий.

Этические аспекты и их влияние на правовые нормы

Развитие и внедрение технологий ИИ сопровождается многочисленными этическими вызовами, которые становятся неотъемлемой частью дискуссии о правовом регулировании. Этика ИИ предполагает анализ его воздействия на общество, права человека и социальные институты. Вопросы прозрачности, справедливости, безопасности и ответственности занимают центральное место в современных дебатах, поскольку их игнорирование может привести к серьезным социальным и правовым последствиям.

Этические аспекты ИИ связаны с тремя ключевыми областями: процесс разработки, практическое использование технологий и их долгосрочные последствия для общества. В процессе разработки разработчики обязаны учитывать не только технические характеристики систем, но и их потенциальное воздействие на пользователей и общество в целом. Например, алгоритмы, принимающие решения, должны быть свободны от дискриминации, а также учитывать культурные и социальные особенности среды, в которой они применяются.

Использование ИИ в таких сферах, как здравоохранение, уголовное правосудие и трудоустройство, порождает этические проблемы. Например, системы анализа больших данных в медицинской сфере могут приводить к предвзятым решениям при недостатке информации о пациентах из определенных социальных или этнических групп. В правоохранительных органах использование систем распознавания лиц может нарушать право на приватность, а в сфере трудоустройства – усиливать дискриминацию определенных категорий граждан. Эти вызовы требуют разработки этических стандартов, которые могут быть использованы для оценки и контроля решений, принимаемых ИИ.

На сегодняшний день многие страны и международные организации разрабатывают этические принципы, которые могут быть интегрированы в правовые нормы. Например, рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ включают такие принципы, как уважение к человеческому достоинству, равенство и недискриминация, которые могут служить основой для национальных законодательных актов. Европейский Союз предлагает включить этические принципы в рамочные законы об искусственном интеллекте, обеспечивая обязательность соблюдения таких стандартов разработчиками и пользователями.

Российское законодательство в этом отношении находится на начальном этапе. Например, Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года декларирует необходимость этических стандартов, но их внедрение остается преимущественно добровольным и фрагментарным. Включение этических принципов в обязательные нормы законодательства могло бы усилить защиту прав граждан и повысить доверие к технологиям. Среди возможных мер:

- Установление стандартов прозрачности для высокорисковых систем, чтобы объяснить пользователям логику принятия решений.
- Введение обязательного тестирования алгоритмов на этическую справедливость перед их коммерческим использованием.
- Создание комитетов по этике ИИ, которые будут оценивать разработку и внедрение технологий на соответствие этическим стандартам.

Таблица 5

Этические принципы и их правовое отражение

Этический принцип	Описание	Правовое отражение
Прозрачность	Объяснимость решений, принимаемых ИИ	Закрепление стандартов объяснимости алгоритмов
Справедливость	Отсутствие дискриминации по полу, возрасту, этнической принадлежности	Введение обязательного тестирования алгоритмов на справедливость
Ответственность	Установление ответственности разработчиков, владельцев и пользователей	Разработка новых норм о распределении ответственности
Безопасность	Минимизация рисков вреда для общества и личности	Создание стандартов для тестирования систем перед запуском
Уважение к приватности	Сохранение конфиденциальности данных пользователей	Ужесточение норм защиты персональных данных

Заключение

Искусственный интеллект (ИИ) оказывает значительное влияние на развитие общества, порождая новые возможности и правовые вызовы. Проведенное исследование показало, что существующее законодательство в России и за рубежом требует доработки для адекватного реагирования на технологические изменения.

Необходимыми мерами являются разработка федерального закона об ИИ, внедрение стандартов прозрачности и механизмов распределения ответственности, а также усиление защиты персональных данных. Особое внимание следует уделить этическим аспектам, включая недопущение дискриминации и обеспечение объяснимости решений.

На международном уровне важно продолжить работу над унификацией подходов к регулированию ИИ, чтобы создать баланс между развитием технологий и защитой прав человека. Комплексное правовое регулирование станет ключом к безопасному и справедливому использованию ИИ в интересах общества.

Литература

1. Этические аспекты искусственного интеллекта // unesco.org URL: unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics? (дата обращения: 15.12.2024).

2. ИИ переходит под госуправление: как будут регулировать технологию в ЕС, США и Китае // adpass.ru URL: adpass.ru/ii-perehodit-pod-gosupravlenie-kak-budut-regulirovat-tehnologiyu-v-es-ssha-i-kitae/? (дата обращения: 15.12.2024).

3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // a-ai.ru URL: a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%B2_%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%98%D0%98_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf? (дата обращения: 15.12.2024).

4. Comparing EU and US AI legislation: déjà vu to 2020 // reuters.com URL: reuters.com/legal/legalindustry/comparing-eu-us-ai-legislation-dj-vu-2020-2024-10-21/? (дата обращения: 15.12.2024).

5. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями на основании Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 №124).

6. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 02.07.2021 №331-ФЗ).

8. Приказ Росстандарта от 25 июля 2019 г. №1732 «О создании технического комитета по стандартизации «Искусственный интеллект» (с изменениями приказом Росстандарта от 16 января 2023 года №50).

9. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

10.Федеральный закон от 02.07.2021 №331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

11.Указ №124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом».

12.Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024).

Legal regulation of artificial intelligence in national and international dimensions

Romanov G.E.
Kutafin Moscow State Law University

The article examines key legal aspects of regulating the use of artificial intelligence (AI) at national and international levels. Special attention is given to issues of AI's legal status, responsibility for the actions of autonomous systems, personal data protection, and ethical aspects of technology development and application. Major gaps in Russian legislation are identified, and recommendations for addressing them are proposed. A comparative analysis of approaches to AI regulation in the European Union, the United States, and China is conducted. The paper emphasizes the need for the unification of international standards and the development of comprehensive legal mechanisms to balance innovation and human rights protection.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, legal status, responsibility, personal data, ethics, European Union, USA, China, standard unification.

References

1. Ethical aspects of artificial intelligence // unesco.org URL: unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics? (date of access: 15.12.2024).
2. AI is coming under state control: how will the technology be regulated in the EU, USA and China // adpass.ru URL: adpass.ru/ii-perehodit-pod-gosupravlenie-kak-budut-regulirovat-tehnologiyu-v-es-ssha-i-kitae/? (date of access: 15.12.2024).
3. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence // a-ai.ru URL: a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%B2_%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%98%D0%98_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf? (accessed: 12/15/2024). 4. Comparing EU and US AI legislation: déjà vu to 2020 // reuters.com URL: reuters.com/legal/legalindustry/comparing-eu-us-ai-legislation-dj-vu-2020-2024-10-21/? (date of access: 15.12.2024).
5. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (as amended based on the Decree of the President of the Russian Federation of 15.02.2024 No. 124).
6. Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On personal data".
7. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation" (as amended by Federal Law of 02.07.2021 No. 331-FZ).
8. Order of Rosstandart of July 25, 2019 No. 1732 "On the establishment of a technical committee for standardization "Artificial Intelligence" (as amended by the order of Rosstandart of January 16, 2023 No. 50).
9. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030".
10. Federal Law of July 2, 2021 No. 331-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation".
11. Decree No. 124 "On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" and the National Strategy Approved by This Decree".
12. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" (as amended on August 8, 2024).

Правовая защита и рациональное использование геологического наследия на примере геопарка Торатау

Шафеева Элина Ильгизовна
доцент кафедры кадастра недвижимости и геодезии, Башкирский государственный аграрный университет

Мифтахов Ильнур Ринатович
младший научный сотрудник НОЦ, Башкирский государственный аграрный университет

Статья рассматривает вопросы правовой защиты и рационального использования геологического наследия на примере геопарка «Торатау» в Республике Башкортостан. Геологическое наследие региона, представленное древними рифовыми образованиями, требует комплексного подхода к сохранению, который объединяет правовые, экологические и экономические аспекты. В исследовании акцентируется необходимость разработки правовых механизмов, обеспечивающих долгосрочную охрану геологических объектов и одновременно позволяющих использовать их потенциал для социально-экономического роста. Примененные методы включают сравнительный правовой анализ, экономико-статистическую оценку и социологические опросы для анализа социально-экономического влияния геопарка на местное сообщество. Результаты исследования показывают, что внедрение правовых структур, экологических принципов сохранения и экономически устойчивого туризма способствует эффективной охране геологического наследия, принося при этом значительные выгоды для регионального развития. Опыт геопарка «Торатау» подчеркивает важность согласования местного управления с международными стандартами ЮНЕСКО для эффективного управления геопарками, способствуя устойчивому развитию туризма и сохранению природного наследия.
Ключевые слова. геологическое наследие, геопарк «Торатау», правовая защита, устойчивое развитие, экономическое воздействие, социально-экономическое развитие, охрана природы, ЮНЕСКО, экологический туризм, правовые механизмы.

Введение

Геологическое наследие является важнейшей частью природного и культурного наследия человечества. Особую значимость оно приобретает в местах с уникальными геологическими формациями, такими как шиханы Башкортостана — древние рифовые образования возрастом более 230 миллионов лет. Сохранение таких объектов требует не только усилий со стороны государства, но и эффективного правового регулирования, чтобы «обеспечить долгосрочную сохранность и одновременно позволить их рациональное использование для нужд общества» [1].

Геопарк «Торатау» в Республике Башкортостан был официально образован в 2018 году [2]. Его создание представляет собой попытку найти баланс между охраной уникальных природных объектов и их использованием для устойчивого социально-экономического развития. Это требует изучения правовых, экономических и социальных аспектов управления геопарками.

Основная проблема, затронутая в статье, заключается в необходимости разработки правовых и управленческих механизмов, способствующих защите уникальных геологических объектов и их рациональному использованию. Как отмечает Раев (2022), что без четко структурированных правовых и управленческих механизмов охраны геологических объектов существует значительный риск утраты их научной, культурной и туристической ценности. Для обеспечения устойчивого управления такими объектами необходимо создание правовой базы, регулирующей их охрану и использование, а также внедрение механизмов, способствующих мониторингу и контролю их состояния [3]. Геопарк «Торатау» может служить моделью для устойчивого взаимодействия правовых и экономических инструментов, направленных на сохранение природного наследия.

Материалы и методы исследования

В исследовании применялись методы сравнительного правового анализа, анализа статистических данных, социологического опроса и методов оценки социально-экономического воздействия. Для анализа нормативно-правовой базы были изучены законодательные акты, регулирующие создание и функционирование геопарков как в России, так и за рубежом. Изучение практики управления геопарками осуществлялось путем анализа отечественных и международных публикаций, а также рекомендаций ЮНЕСКО [4].

Исследование основывалось на данных, полученных из отчетов Министерства предпринимательства и туризма Республики Башкортостан, а также на результатах опросов местного населения, работников туристической сферы и администрации геопарка «Торатау». Данные о числе туристов, посещавших геопарк в период с 2018 по 2023 годы, были использованы для анализа динамики посещаемости. Применение экономико-статистического анализа позволило оценить доходы от туризма и их влияние на местное сообщество [4].

Для наглядного представления роста числа посетителей использовались методы графической визуализации данных. На основе полученных данных о посещаемости геопарка была построена временная диаграмма, отображающая увеличение числа туристов в геопарке «Торатау» с 2018 по 2023 годы (рисунок 1). Для создания диаграммы использовалось программное обеспечение Python с библиотеками matplotlib и pandas.

Результаты и их обсуждение.

Для эффективной защиты и рационального использования геологического наследия были сформулированы следующие требования:

1. Юридическая защита. Геопарки требуют формирования правового статуса, исключающего промышленную эксплуатацию территорий геологического наследия. По оценке, «правовой статус геопарков является основой их существования и гарантирует защиту от негативных воздействий» [5]. В рамках геопарка «Торатау» эта защита достигнута через указ главы Республики Башкортостан.

2. Экологический баланс. Необходимо минимизировать воздействие на экосистему. Научные исследования показывают, что возраст шиханов превышает 230 млн лет, и их экосистема является крайне уязвимой [6]. По словам Иванова, «экологическая устойчивость должна стать приоритетом в управлении геологическими объектами, чтобы предотвратить их деградацию».

3. Экономическая устойчивость. Для обеспечения долгосрочной охраны геопарка требуется развивать экономические механизмы, такие как экотуризм и образовательные проекты. «Экономическая устойчивость необходима для того, чтобы геопарки могли обеспечивать собственное финансирование и привлекать инвестиции» [7].

4. Международное признание. Интеграция геопарка в глобальные сети, такие как ЮНЕСКО, позволяет привлечь внимание к объекту и улучшить финансирование и управление. Исследования показывают, что «включение в международные сети способствует развитию геопарков, привлекая туристов и инвестиции» [8].

Для создания правовой базы и разработки управленческих механизмов, направленных на защиту геологических объектов, предложены многочисленные подходы. В статье Владимирова И.А. и Иксанова Р.А. (2022) отмечается, что правовое обеспечение сохранения геологического разнообразия в геопарках Российской Федерации сталкивается с рядом трудностей. Авторы подчеркивают, что богатое геологическое наследие страны требует выработки специфических критериев для охраны уникальных геологических объектов и привлечения местного населения к их сохранению. Исследование также указывает на недостаточность существующих правовых и административных инструментов для комплексного управления геопарками. В работе предлагается усиление законодательной базы и внедрение механизмов, способствующих не только защите геологического наследия, но и его рациональному использованию, что будет способствовать развитию геотуризма и экономическому росту в регионах [9].

Тем не менее, большинство подходов не охватывают полностью аспект экологического баланса и сохранности геологических объектов, требующий комплексного подхода [10]. Научная новизна предлагаемого метода состоит в интеграции правовой защиты и концепции устойчивого использования геологического наследия в рамках единого управленческого подхода. «Существующие методы защиты природных объектов нуждаются в улучшении, чтобы включить элементы, поддерживающие устойчивое развитие и долгосрочную охрану» [11].

Геопарк «Торатау» получил правовую защиту в 2018 году указом главы Республики Башкортостан (рисунок 1).

Анализ законодательства показал, что включение объекта в список культурного наследия повысит уровень защиты, обеспечив доступ к дополнительным финансам на охрану территории.

Экологический туризм и образование. Геопарк активно развивает экологический туризм и образовательные программы. Число экскурсий и количество туристов растет с каждым годом. На диаграмме ниже показано увеличение числа посетителей геопарка «Торатау» за период с 2018 по 2023 год. Особенно заметен резкий рост в 2023 году, когда геопарк посетили свыше 600 тысяч туристов, что свидетельствует о растущем интересе к его природным и культурным объектам (см. рисунок 1).

Егорышев С.В. (2020) подчеркивает, что экономическая устойчивость и развитие регионов во многом зависят от активного включения местного населения в процессы, поддерживающие социальную и экономическую стабильность. Рост доходов от туризма, как это видно из примера 2022 года с доходами в размере 12 млн рублей и созданием 35 рабочих мест, способствует укреплению местной экономики и социальной интеграции. Экономическая деятельность, ориентированная на развитие туризма и защиту природного и культурного наследия, способствует не только финансовому благополучию, но и формированию устойчивых социальных связей, что, как отмечает Егорышев, является важным аспектом социализации экономики региона [12].

Включение геопарка «Торатау» в сеть ЮНЕСКО планируется в 2025 году, что позволит привлечь

международное внимание и дополнительно 2-3 млн рублей грантовых средств [13].

В 2023 году геопарк «Торатау» провел мероприятия для развития туризма и вовлечения местных жителей. В рамках этих мероприятий Министерство предпринимательства и туризма Республики Башкортостан зафиксировало увеличение числа туристов до 600 тысяч, что стало результатом активной работы по популяризации объекта. Эксперты ЮНЕСКО провели встречи с местным населением для обсуждения перспектив развития геопарка и подготовки к международному статусу.

Указ Главы Республики Башкортостан от 12 декабря 2018 г. N УГ-308 "О геопарке "Торатау"

Принимая во внимание Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, в целях сохранения геологического, биологического и историко-культурного наследия Республики Башкортостан, а также для развития туризма постановляю:

1. Поручить Правительству Республики Башкортостан:

создать на территории Ишимбайского и Стерлитамакского районов Республики Башкортостан геопарк "Торатау" с включением в его состав памятников природы республиканского значения "Гора Тратау", "Гора Юрактау" и иных объектов, представляющих геологическую, биологическую и историко-культурную ценность;

разработать во взаимодействии с Академией наук Республики Башкортостан, Уфимским федеральным исследовательским центром Российской академии наук и утвердить план мероприятий по включению геопарка "Торатау" в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО;

принять решение о переименовании государственного бюджетного учреждения Республики Башкортостан "Конгресс-холл" в государственное бюджетное учреждение Республики Башкортостан "Конгресс-холл Торатау";

определить объем и источники финансирования расходов, связанных с реализацией настоящего Указа.

2. Контроль за исполнением настоящего Указа оставляю за собой.

3. Указ вступает в силу со дня его подписания.

Временно исполняющий обязанности
Главы Республики Башкортостан Р. Хабиров

Рисунок 1 – Указ главы Республики Башкортостан

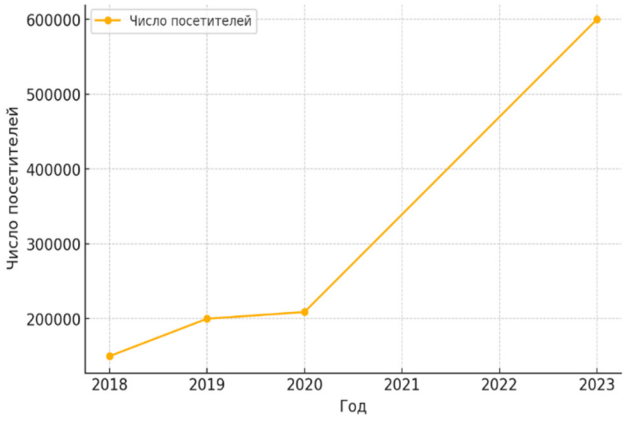

Рисунок 1 – Количество посетителей геопарка Торатау (2018-2023)

Выводы

Исследование демонстрирует необходимость интеграции правовой защиты, экологической устойчивости и экономического развития для эффективного управления геопарками. Такой комплексный подход позволяет не только сохранить уникальные природные объекты, но и обеспечить социально-экономическую выгоду для региона.

Получение геопарком «Торатау» охраняемого статуса в 2018 году закрепило правовые основы его защиты. Включение в реестр объектов культурного наследия может повысить юридическую значимость и открыть доступ к дополнительным ресурсам для реализации природоохранных мероприятий.

Рост посещаемости геопарка подчеркивает его потенциал как экономического ресурса, способствующего созданию рабочих мест и развитию инфраструктуры региона. Экотуризм, внедренный в управленческую стратегию, позволяет геопарку функционировать как устойчивый экономический объект.

Включение геопарка «Торатау» в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО предоставит дополнительный уровень охраны и доступ к международным ресурсам, что укрепит его роль в глобальном экологическом туризме и поддержит долгосрочное развитие.

Геопарк способствует распространению геологических знаний и формированию экологического сознания среди туристов и местных сообществ, что усиливает его долгосрочную роль в охране природного наследия.

Таким образом, геопарк «Торатау» демонстрирует модель устойчивого сочетания правовой охраны и рационального использования природного наследия, создавая основу для успешного развития аналогичных проектов на

Литература

1. Путрик Ю. С., Тюрина Е. В. Пути актуализации объектов культурного наследия средствами туризма и социокультурного проектирования //Журнал института наследия. – 2023. – №. 4 (35). – С. 8-12.

2. Шагапова Р. А. Становление и развитие правовых основ геопарков //Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – №. 10 (265). – С. 65-74.

3. Раев Ю. В. Стратегический документ территориального планирования: содержание и основы разработки //Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и

строительной отрасли Российской Федерации в 2021 году. – 2022. – С. 286-295.

4. Котова Т. П., Хамадеева З. А. О туристском потенциале геопарков Башкортостана //Восточно-европейский научный журнал. – 2021. – №. 12-1 (76). – С. 17-23.

5. Злотникова Т. В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства //Правовое государство: теория и практика. – 2021. – №. 4 (66). – С. 28-46.

6. Чукова, Е. И. Характеристика текстурно-структурных особенностей и коллекторских свойств пород Шихана Торатау / Е. И. Чукова, А. С. Рахматуллина // Пустоваловские чтения 2022 : материалы традиционной конференции, посвященной 120-летию Леонида Васильевича Пустовалова, Москва, 20–23 декабря 2022 года. – Москва: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2022. – С. 157-159. – EDN UBPTVG.

7. Рубан Д. А. Государственное управление геонаследием //Ростов-на-Дону: ДГТУ-Принт. – 2022.

8. Кочеева, Н. А. Возможности использования зарубежного опыта работы с брендом для территории геопарка Алтай / Н. А. Кочеева, А. А. Кузуков // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Том 15. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2020. – С. 34-41. – EDN GPOOUO.

9. Владимиров, И. А. Проблемы правового обеспечения развития геологического разнообразия в геопарках / И. А. Владимиров, Р. А. Иксанов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2022. – № 3(56). – С. 78-81. – DOI 10.47598/2078-9025-2022-3-56-78-81. – EDN JHFGAJ.

10.Лунева, Е. В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима / Е. В. Лунева // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 9(178). – С. 32-43. – DOI 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043. – EDN JQMKUX.

11.Кинёва А. С. и др. Фортификационный комплекс середины XIX века в Калининградской области как перспективный объект ЮНЕСКО //Современные проблемы сервиса и туризма. – 2023. – Т. 17. – №. 1. – С. 122-131.

12.Егорышев С. В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ //«Стратегические приоритеты социально-экономического развития региона в условиях цифровой трансформации» Сборник. – 2020. – С. 85.

13.Голубчиков, Ю. Н. Значение геотуризма в сохранении геонаследия / Ю. Н. Голубчиков, В. И. Кружалин // LXXVI Герценовские чтения. География: развитие науки и образования : Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2023 года / Отв. редакторы Д. А. Субетто, А. Н. Паранина. Том I. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023. – С. 24-30. – EDN EEXZMS.

Legal Protection and Rational Use of Geological Heritage on the Example of the Toratau Geopark

Shafeeva E.I., **Miftakhov I.R.**
Bashkir State Agrarian University

The article examines the issues of legal protection and rational use of geological heritage on the example of the Toratau Geopark in the Republic of Bashkortostan. The geological heritage of the region, represented by ancient reef formations, requires an integrated approach to conservation that combines legal, environmental and economic aspects. The study emphasizes the need to develop legal mechanisms that ensure long-term protection of geological sites and at the same time allow using their potential for socio-economic growth. The methods used include comparative legal analysis, economic and statistical assessment and sociological surveys to analyze the socio-economic impact of the geopark on the local community. The results of the study show that the implementation of legal frameworks, ecological conservation principles and economically sustainable tourism contribute to the effective protection of geological heritage, while bringing significant benefits to regional development. The experience of the Toratau Geopark highlights the importance of aligning local governance with UNESCO international standards for the effective management of Geoparks, promoting sustainable tourism and the conservation of natural heritage.

Keywords: geological heritage, Toratau Geopark, legal protection, sustainable development, economic impact, socio-economic development, nature conservation, UNESCO, ecotourism, legal mechanisms.

References

1. Putrik Yu. S., Tyurina E. V. Ways to update cultural heritage sites by means of tourism and socio-cultural design // Journal of the Heritage Institute. - 2023. - No. 4 (35). - P. 8-12.
2. Shagapova R. A. Formation and development of the legal basis for geoparks // Property relations in the Russian Federation. - 2023. - No. 10 (265). - P. 65-74.
3. Raev Yu. V. Strategic document of territorial planning: content and principles of development // Fundamental, exploratory and applied research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2021. - 2022. - P. 286-295.
4. Kotova T. P., Khamadeeva Z. A. On the tourist potential of Bashkortostan geoparks // East European scientific journal. - 2021. - No. 12-1 (76). - P. 17-23.
5. Zlotnikova T. V. International and regional experience in the development of geoparks as a legal basis for changing environmental legislation // Rule of law: theory and practice. - 2021. - No. 4 (66). - P. 28-46.
6. Chukova, E. I. Characteristics of textural and structural features and reservoir properties of rocks of Shikhan Toratau / E. I. Chukova, A. S. Rakhmatullina // Pustovalov readings 2022: materials of the traditional conference dedicated to the 120th anniversary of Leonid Vasilyevich Pustovalov, Moscow, December 20-23, 2022. – Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), 2022. – P. 157-159. – EDN UBPTVG.
7. Ruban D. A. State management of geoheritage // Rostov-on-Don: DSTU-Print. – 2022.
8. Kocheeva, N. A. Possibilities of using foreign experience in working with a brand for the territory of the Altai Geopark / N. A. Kocheeva, A. A. Kuzukov // Scientific Bulletin of the Gorno-Altai State University. Volume 15. – Gorno-Altaisk: Gorno-Altai State University, 2020. – P. 34-41. – EDN GPOOUO.
9. Vladimirov, I. A. Problems of legal support for the development of geological diversity in geoparks / I. A. Vladimirov, R. A. Iksanov // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). - 2022. - No. 3 (56). - P. 78-81. - DOI 10.47598 / 2078-9025-2022-3-56-78-81. - EDN JHFGAJ. 10. Luneva, E. V. Organization of geoparks in Russia and features of their legal regime / E. V. Luneva // Lex Russica (Russian law). - 2021. - Vol. 74, No. 9 (178). - P. 32-43. – DOI 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043. – EDN JQMKUX.
11. Kinyova A. S. et al. Fortification complex of the mid-19th century in the Kaliningrad region as a promising UNESCO site // Modern problems of service and tourism. - 2023. - Vol. 17. - No. 1. - P. 122-131.
12. Egoryshev S. V. ECONOMIC CRIME AND THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF THE ECONOMY // “Strategic priorities of the socio-economic development of the region in the context of digital transformation” Collection. – 2020. – P. 85.
13. Golubchikov, Yu. N. The Importance of Geotourism in Preserving Geoheritage / Yu. N. Golubchikov, V. I. Kruzhalin // LXXVI Herzen Readings. Geography: Development of Science and Education: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 19–21, 2023 / Editors D. A. Subetto, A. N. Paranina. Volume I. – St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 2023. – P. 24–30. – EDN EEXZMS.

Проблемы процедуры банкротства кредитных организаций

Сейфуллаев Руслан Саявуш оглы
ведущий юрист, ООО «Алирус-плюс»

В статье рассмотрены проблемы процедуры банкротства кредитных организаций. Практически все взрослое население Российской Федерации, так или иначе, вовлечено во взаимодействие с организациями данного вида. Широта такого рода взаимосвязей вызывает вопрос о необходимости защиты всех участников кредитных отношений: как юридических лиц, так и физических. Особенно важным это представляется в связи с тем, что банкротство кредитных организаций не является исключительным явлением. Объект исследования в данной статье – проблемные аспекты и взаимоотношения, связанные с возникновением неплатежеспособности кредитных организаций. Предметом исследования являются проблемы процедуры банкротства кредитных организаций, регулируемой современным законодательством Российской Федерации. Целью исследования является изучение теории и практики применения законодательства в процессе банкротства кредитных организаций с применением разъяснений, предлагаемых в судебных актах. Задачей исследования является выявление некоторых особо важных, с точки зрения автора, вопросов, их анализ. Изучение проблемы банкротства кредитных организаций, развитие существующего законодательства способствуют созданию такой системы защиты всех сторон взаимоотношений, которая была бы стабильной, надежной, соответствовала бы запросам современного российского общества.
Ключевые слова: банкротство, кредиторы, ликвидность, вкладчики, временная администрация, судебная практика, страхование вкладов, ликвидация, банковская деятельность.

Одной из примет сегодняшнего дня является наличие определенных негативных явлений в национальной экономике. К ним, частности, можно отнести убыточность, потерю ликвидности и банкротство некоторых кредитных организаций. Важность связанных с этим проблем особо подчеркивается тем обстоятельством, что количество вкладчиков и кредиторов является значительным, в связи с чем действуют специальные нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу деятельности, позволяющие разрешать возникающие на всех, без исключения, этапах банкротства споры между сторонами процесса.

По данным, опубликованным на сайте Banki.ru, количество **банков, у которых были отозваны лицензии или которые были ликвидированы, за 30 с лишним лет (начиная с 1991 и по сегодняшний день)** достигает почти 3000 [12].

Хотя дела о банкротстве банков носят ярко выраженный публичный характер, нельзя не отметить тот факт, что тема банкротства в научной литературе не является изученной в полной мере. Имеются отдельные исследования, но комплексный подход не выработан.

В большинстве своем в научных публикациях о банкротстве исследуются его материально-правовые аспекты. При этом процессуальные вопросы остаются несколько в тени, в рамках темы банкротства они не всегда получают достаточное освещение со стороны профессиональных юристов. Это, как представляется, со всей ясностью показывает, что тема актуальна, поставленная научная задача имеет значимость как теоретическую, так и практическую.

Предлагаемое исследование с точки зрения методологии основано на ряде методов общенаучного познания, к которым относятся аналогия, обобщение, анализ, синтез. Их применение позволяет осветить проблему объективно, всесторонне, с учетом различных взаимосвязей и элементов е ее проявления.

Переходя к сути проблемы, следует отметить, что процедуре банкротства кредитных организаций присущи свои особенности, возникновение большого количества спорных вопросов. Правовую базу процедуры банкротства образуют Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2], Федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [1] и другие нормативные правовые акты.

Определяя понятие банкротства кредитной организации, необходимо в качестве основного признака назвать ее экономическую неспособность удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, что признано арбитражным судом [5, с. 45].

Также следует отметить особый круг субъектов, которые задействованы в процедуре банкротства, еще одна отличительная черта – удовлетворение требований, предъявляемых к кредитной организации, в порядке определенной очередности.

Анализ действующего законодательства и практической деятельности позволил обозначить некоторые проблемы, проявляющиеся в ходе процедуры банкротства кредитных организаций.

1. Затянутость процедуры банкротства.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» называет в качестве обязательного условия для подачи кредиторами заявления в арбитражный суд отзыв у кредитной организации лицензии Банка России на осуществление банковских операций. В случае, если Банк России не отозвал лицензию у кредитной организации самостоятельно, кредиторы вынуждены перед подачей заявления в арбитражный суд обращаться с ходатайством в Банк России об отзыве у кредитной организации лицензии. По современному законодательству право подачи заявления у кредиторов возникает только после получения ответа от Банка России или после истечения двух месяцев в случае его непредоставления. Необходимость совершения кредиторами указанных действий увеличивает продолжительность процедуры признания кредитной организации банкротом, а также создает риск в образовании у кредитной организации ещё большей задолженности [7, с. 64].

Представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части того, чтобы кредиторы наделялись правом подачи заявления в арбитражный суд, не дожидаясь при этом ответа Банка России. При подаче заявления в арбитражный суд кредиторам необходимо приложить к нему копию заявления, направленного в Банк России, об отзыве у кредитной организации лицензии, а также копии документов, подтверждающие наличие у кредитной организации признаков банкротства. Данный порядок подачи заявления в арбитражный суд поможет ускорить процедуру признания кредитной организации банкротом, а также поможет предотвратить риск образования большей задолженности и увеличения числа кредиторов.

2. Отсутствие законодательной регламентации порядка обжалования действий (бездействия) временной администрации.

Назначение временной администрации происходит на основе полномочий, которыми наделен Банк России. Целью деятельности временной администрации является осуществление функций, имеющих публично-властный характер, что обусловлено широким спектром решаемых задач: это, в частности, защита интересов частных лиц, а также превенция, в рамках которой происходит анализ финансового положения кредитной организации с тем, чтобы разработать перечень действий, позволяющих, если это возможно, восстановить способность организации выполнять свои финансовые обязательства [8, с. 103].

К полномочиям временной администрации относятся, в частности, выявление оснований для того, чтобы отозвать ранее выданную лицензию на банковскую деятельность; разработка конкретных мер, которые позволили бы провести финансовое оздоровление, а также контроль за тем, как эти меры реализуются на практике. Кроме того, в процессе своей деятельности временная администрация осуществляет контроль за порядком распоряжения имуществом соответствующей кредитной структуры. Осуществление процедуры банкротства подразумевает также получение согласия временной администрации на совершение сделок организацией, происходит глубокий анализ того, не было ли банкротство преднамеренным, организованным.

Специалисты отмечают, что полномочия временной администрации, безусловно, достаточно широки как в отношении публичном, так и в частном, но при этом действующее законодательство не регламентирует, каким образом, в каком процедурном порядке могут быть обжалованы действия столь полновластного органа, как временная администрация [11, с. 223]. Как представляется, это недостаток законодательства, требующий доработки, поскольку невозможно признать регулирование деятельности временной администрации полным в процедуре банкротства, пока на уровне федеральных нормативно-правовых актов не обозначены меры обжалования ее действий такие же, как, например, действия, касающиеся деятельности конкурсного управляющего.

Представляется также критически необходимым при проведении восстановительных процедур соблюдение законных интересов и прав в отношении всех сторон, для чего следует в законодательстве предусмотреть механизм защиты от неправомерных действий управляющего в ходе судебного разбирательства. Временные управляющие, вместе с тем, в ныне действующем законодательстве не обозначены в качестве участников рассмотрения дел о банкротстве, поэтому невозможным является подать иск на действия (бездействие) кредитных организаций.

Также следует отметить тот факт, что деятельность временной администрации по времени осуществляется до того, как кредитная организация признается несостоятельной. Деятельность временной администрации на этом этапе не оценивается при рассмотрении дела о банкротстве, с производством в суде она не связана.

Если даже признать, что участники банка могут обжаловать временный запретительный приказ, остается не урегулированным законодательно тот момент, может ли подать соответствующее заявление каждый из участников, поскольку их количество может быть достаточно велико, в том числе – и более десятка. Одним из возможных решений видится предоставление такого права по аналогии со статьей 189 (37) части II Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» тем учредителям (акционерам), которые имеют в уставном капитале кредитной организации более 1%. Другой вариант решения – возможность подачи коллективного иска.

3. Неопределенность условий оспаривания сделок должника.

Исходя из п. 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) под сделкой понимаются не только сделки в смысле категории гражданского права, но и в целом любые действия, которые, так или иначе, оказывают влияние на законные интересы кредиторов [4]. В этой связи при банкротстве кредитной организации расчетные операции также признаются сделками. Любой из вкладчиков может выступать кредитором банка, гарантии по имеющимся обязательствам для некоторых лиц обеспечивает Агентство по страхованию вкладов, которое, кроме того, является и конкурсным управляющим и может, соответственно, оспаривать некоторые банковские операции, а не только сделки. В данном случае имеется разница для банковских операций «обычного» характера, которые определяют содержание всей кредитно-банковской деятельности. Данные операции зачастую осуществляется в соответствии с распоряжением вкладчиков, что позволяет видеть отсутствие какой-либо заинтересованности со стороны банка в предпочтении к той или иной операции (сделки с предпочтением). Данная сделка может оказаться возможной в связи с тем, что происходит непосредственное выбытие банковских активов [14, с. 553].

В процессе банкротства оспаривание сделок должника сопряжено с проблемой неопределенности, поскольку нет четкого регулирования того, что следует признавать недействительной сделкой в ситуации, когда фактический ущерб экономическим интересам отсутствует. Данная проблема особо актуальна, прежде всего, для сделок с предпочтением, но необходимо признать более общий ее характер в связи с тем, что банковские операции проводятся в ходе «обычной» деятельности кредитной организации, которая никоим образом не противоречит текущей финансовой деятельности и при отсутствии реального ущерба сделка не может быть квалифицирована как недействительная [13, с. 10]. Представляется необходимым применять такое дополнительное условие, как причинение ущерба кредиторам или банку, что позволило бы определять недействительность банковских операций. Банковская деятельность обладает своими особенностями, что необходимо учитывать и признавать, исходя из этого, признавать сделки с предпочтением недействительными тогда, когда имеют место либо сокращение объема банковских ресурсов, либо уменьшение прав требования банка.

4. Злоупотребление правом.

Государство стремится защитить интересы вкладчиков, постоянно совершенствуя законодательство. Так, в 2014 году в ФЗ № 177-ФЗ за 2003 г. «О страховании вкладов в банках РФ» [3] внесены поправки, которые гарантируют вкладчикам-физическим лицам страховое возмещение вкладов до 1 400 000 рублей. Позже, в 2020 году, были приняты новые поправки, исходя из которых возможны страховые выплаты в размере до десяти миллионов рублей в некоторых случаях. Это может быть, например, наличие на счете временно высокого остатка, появившегося после поступления денег в силу получения наследства или продажи жилой недвижимости в рамках трех месяцев до наступления страхового случая.

С одной стороны, повышается защищенность вкладчиков-физических лиц, но с другой – возникает риск злоупотребления правом, применение схем, которые могут быть отнесены к мошенническим. Например, один из таких вариантов – переоформление на физических лиц вкладов лиц юридических. Также вклады физических лиц, если они являются превышающими указанные в нормах права, могут разделяться на несколько более мелких вкладов. В итоге нарушается очередность страховых выплат, не соблюдается равенство всех перед законом [9, с. 188].

Можно выделить и проблему, когда вкладчик-физическое лицо получает страховую выплату, так как сумма обязательств это позволяет, но у банка есть встречные требования к вкладчику, и происходит вычет суммы соответствующих требований. Не будучи проинформирован об этом, вкладчик остается доложен по кредитному договору, который свое действие не прекратил. Штрафы за просрочку продолжают начисляться, хотя обязательства должны уже, казалось бы, признаваться исполненными физическим лицом. Порой кредитная организация уже долгое время находится в конкурсном производстве, а физическому лицу продолжают приходить требования об уплате задолженности, имевшейся на момент страховой выплаты. Граждане ожидаемо во многих случаях не реагируют на эти претензии, после чего происходит обращение в суд кредитной организации через конкурсного управляющего ГК АСВ с требованием возместить средства либо применить санкции по кредитному договору, который еще, якобы, действует.

Рассматривая подобные дела, судебные органы не принимают во внимание то обстоятельство, что вкладчику далеко не всегда разъясняется или разъясняется недостаточно ясно, каков порядок погашения обязательства перед кредитной организацией. Также не учитывается, что не всегда имеются документы, подтверждающие разъяснение, то могло бы быть аргументом в пользу признания лица добросовестным заемщиком. В действующем законодательстве, в частности – в Федеральном законе «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» и других актах, которые касаются процедуры страхового возмещения гражданам, вообще нет нормы, которая обязывала бы кредитную организацию разъяснять вкладчику-физическому лицу порядок исполнения обязательств.

Неоднозначный ответ вызывает также вопрос о том, насколько целесообразно удерживать часть страхового возмещения физическом лицам в счет встречных требований к ним со стороны кредитной организации. При удержании части страхового возмещения получается, что физическое лицо обязано уплатить сумму, равную обязательству, чтобы получить возможность доступа к своему вкладу, которые по своему размеру может в несколько раз превышать сумму обязательства. В такой ситуации по

факту конкурсный управляющий кредитной организации злоупотребляет правом, извлекая выгоду из того правового положения, которое ему предоставлено. Появляется способ «залатать дыры» за счет вкладчика-физического лица в процессе в конкурсного производства. Вкладчик должен не только погасить основной долг по кредиту, но и оплатить не ожидаемые им штрафные санкции, которые по сумме могут быть достаточно внушительными к моменту подачи искового заявления конкурсным управляющим [6, с. 161].

5. Неурегулированность правового положения Агентства по страхованию вкладов.

Несколько слов необходимо сказать о проблеме положения Агентства по страхованию вкладов, которое не вполне урегулировано на законодательном уровне. Данная госкорпорация не имеет четко регламентированного положения в общей системе участвующих в процедуре банкротства кредитной организации лиц на стадии арбитражного процесса. Когда обанкротившаяся кредитная организация не имела лицензии, которая позволяет привлекать денежные средств физических лиц, конкурсным управляющим становится, по общему правилу не госкорпорация «Агентство по страхованию вкладов», а физическое лицо. То есть последнее в арбитражном процессе не участвует ни как лицо в деле о банкротстве, ни как участник арбитражного процесса [10, с. 35]. Представляется необходимым включить «Агентство по страхованию вкладов» с учетом значимости его функций в состав лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций (ст. 189.60 Закона о банкротстве).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо отметить следующее. Тема процедуры банкротства кредитных организаций в научной литературе не является изученной в полной мере. Анализ действующего законодательства и практической деятельности позволил обозначить некоторые проблемы, проявляющиеся в ходе процедуры банкротства кредитных организаций, а именно: затянутость процедуры банкротства; отсутствие законодательной регламентации порядка обжалования действий (бездействия) временной администрации; неопределенность условий оспаривания сделок должника; злоупотребление правом; недостаточная урегулированность правового положения Агентства по страхованию вкладов. Существуют и другие проблемы, изучение которых востребовано как теорией, так и юридической практикой.

Литература

1. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 04.08.2023) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2023, N 32 (Часть I), ст. 6149.

2. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2023, N 32 (Часть I), ст. 6206.

3. Федеральный закон от 23.12.2003 N 177-ФЗ (ред. от 18.03.2023) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.03.2023, N 12, ст. 1896.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2022.

5. Алеев О.Н. Процессуальные особенности банкротства кредитных организаций // Культура. Наука. Образование. 2022. № 3 (64). С. 45-49.

6. Анохин Н.А. Проблемы бывших вкладчиков при банкротстве кредитной организации // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. XI Международная научно-практическая конференция. 2021. С. 161-169.

7. Афанасьева О.Н., Часовских П.М., Рунова Е.Г. Ранняя диагностика, финансовое оздоровление и банкротство кредитных организаций: особенности и проблемы российской и зарубежной практики. М.: Русайнс, 2021. 264 с.

8. Денисова В.А. Особенности банкротства кредитных организаций // Трибуна ученого. 2023. № 3. С. 103-110.

9. Дмитровская А.Ю. Перспективы развития и совершенствования законодательства, регулирующего банкротство кредитных организаций в современной России // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 11 (68). С. 188-194.

10.Кузнецова Е.А. Проблемные вопросы процедуры банкротства кредитных организаций в Российской Федерации и пути их решения // Актуальные исследования. 2023. № 2-2 (132). С. 35-38.

11.Назаров Д.В. Проблемы процедуры банкротства кредитных организаций // Молодой ученый. 2022. № 17 (412). С. 223-225.

12.Прекратившие существование кредитные организации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/banks/memory/ (дата обращения: 16.11.2023)

13.Федорова Н.В. Проблемы оспаривания сделок должника при банкротстве кредитной организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-4 (73). С. 10-13.

14.Шухарева А.В. Некоторые проблемы оспаривания сделок при банкротстве кредитных организаций // Наукосфера. 2023. № 5-2. С. 553-556.

Problems of bankruptcy procedure of credit institutions

Seyfullaev R.S.
Alirus-plus LLC

The article examines the problems of the bankruptcy procedure of credit institutions. Almost the entire adult population of the Russian Federation, one way or another, is involved in interaction with organizations of this type. The breadth of such relationships raises the question of the need to protect all participants in credit relations: both legal entities and individuals. This is especially important due to the fact that bankruptcy of credit institutions is not an exceptional phenomenon. The object of research in this article is the problematic aspects and relationships associated with the emergence of insolvency of credit institutions. The subject of the study is the problems of the bankruptcy procedure of credit institutions, regulated by the modern legislation of the Russian Federation. The purpose of the study is to study the theory and practice of applying legislation in the bankruptcy process of credit institutions using the explanations offered in judicial acts. The objective of the study is to identify some particularly important, from the author's point of view, issues, their analysis. The study of the problem of bankruptcy of credit institutions, the development of existing legislation contribute to the creation of such a system of protection of all parties to the

relationship, which would be stable, reliable, and would meet the needs of modern Russian society.

Keywords: bankruptcy, creditors, liquidity, depositors, temporary administration, judicial practice, deposit insurance, liquidation, banking.

References

1. Federal Law of 02.12.1990 N 395-1 (as amended on 04.08.2023) "On banks and banking activities" // Collected Legislation of the Russian Federation, 07.08.2023, N 32 (Part I), Art. 6149.
2. Federal Law of 26.10.2002 N 127-FZ (as amended on 04.08.2023) "On insolvency (bankruptcy)" // Collected Legislation of the Russian Federation, 07.08.2023, N 32 (Part I), Art. 6206.
3. Federal Law of 23.12.2003 N 177-FZ (as amended on 18.03.2023) "On Insurance of Deposits in Banks of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 20.03.2023, N 12, Art. 1896.
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.11.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 1. 2022.
5. Aleev O.N. Procedural Features of Bankruptcy of Credit Institutions // Culture. Science. Education. 2022. No. 3 (64). P. 45-49.
6. Anokhin N.A. Problems of former depositors in case of bankruptcy of a credit institution // New impulses of development: issues of scientific research. XI International scientific and practical conference. 2021. Pp. 161-169.
7. Afanasyeva O.N., Chasovskikh P.M., Runova E.G. Early diagnostics, financial recovery and bankruptcy of credit institutions: features and problems of Russian and foreign practice. Moscow: Rusains, 2021. 264 p.
8. Denisova V.A. Features of bankruptcy of credit institutions // Tribune of the scientist. 2023. No. 3. Pp. 103-110.
9. Dmitrovskaya A.Yu. Prospects for the development and improvement of legislation regulating the bankruptcy of credit institutions in modern Russia // Bulletin of Science. 2023. Vol. 2. No. 11 (68). P. 188-194.
10. Kuznetsova E.A. Problematic issues of the bankruptcy procedure of credit institutions in the Russian Federation and ways to solve them // Current research. 2023. No. 2-2 (132). P. 35-38.
11. Nazarov D.V. Problems of the bankruptcy procedure of credit institutions // Young scientist. 2022. No. 17 (412). P. 223-225.
12. Credit institutions that have ceased to exist. [Electronic resource]. URL: https://www.banki.ru/banks/memory/ (date of access: 11/16/2023)
13. Fedorova N.V. Problems of challenging the debtor's transactions in the bankruptcy of a credit institution // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 10-4 (73). P. 10-13.
14. Shukhareva A.V. Some problems of challenging transactions in bankruptcy of credit institutions // Naukosphere. 2023. No. 5-2. P. 553-556.

Алгоритм выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения

Чураков Павел Александрович
аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», pchurakov@mail.ru

Актуальность и практическая значимость работы: присутствует необходимость в рассмотрении вопросов, связанных с правовыми средствами защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности. **Цель работы** – представить алгоритм выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения. Для достижения данной цели были представлены характеристика правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности; характеристика актуальных проблем исполнения судебного акта в рамках субсидиарной ответственности руководителя организации-должника при банкротстве; алгоритма выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения. **Методы исследования**: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, анализ правоприменительной практики, формально-юридический метод. **Выводы:** анализ положений, характеризующих правовые средства защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности, а также актуальных проблем исполнения судебного акта по субсидиарной ответственности руководителя организации-должника при банкротстве, позволил в данном исследовании сформировать алгоритм выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения.
Ключевые слова: субсидиарная ответственность; руководитель организации-должника; кредиторы; банкротство; правоприменительная практика; актуальные проблемы; правовые средства.

В ходе изучения специфических характеристик субсидиарной ответственности руководителя организации-должника (КДЛ) нужно чётко выявить субъектный состав гражданских правоотношений, а также нормативные характеристики статуса КДЛ.

Исходя из ст. 61.10 ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)» [1], законодательно закреплена дефиниция термина «КДЛ». Стоит отметить, что отмечается темпоральный критерий совершенствования дефиниции рассматриваемого термина. В частности, до 2017 года период непосредственного воздействия составлял два года, что способствовало КДЛ в определенной степени избегать гражданско-правовой ответственности посредством замедления судебного разбирательства. В нескольких академических исследованиях ошибочно указано на ретроспективное действие нормативных положений, изложенных в ФЗ № 222-ФЗ [2], на основе которых был расширен период непосредственного воздействия до трёх лет. Тем не менее, в научно-исследовательском сообществе дискуссия по данному вопросу была недолгой. Вместе с тем Письмом ФНС России [3] был принят запрет ретроспективного действия нормативных положений, изложенных в указанном выше федеральном законодательстве. Повышение периода непосредственного воздействия на один год, а также изменение момента исчисления нормативного контроля (наступление объективной финансовой несостоятельности, до этого – момент подачи заявления, обозначающего наступление финансовой несостоятельности) способствуют пресечению мер, применяемых КДЛ, с целью ухода от субсидиарной ответственности.

Для того чтобы субъект был наделен правовым статусом КДЛ, нужно наличие возможности выявления совершаемых организацией-должником действий. Данный правовой способ наделения КДЛ субсидиарной ответственностью законодательно зафиксирован, вместе с тем перечень таких механизмов остаётся открытым. Рассматриваемый вопрос был обозначен в Постановлении Пленума ВС РФ № 53 [4]. В соответствии с содержанием данного документа выявление совершаемых организацией-должником действий сформулировано так: если совершенная сделка в деятельности организации-должника изменила правовую и экономическую основу бизнеса, заключена посредством управленческих действий субъекта, который определил условия совершения этих сделок в деятельности организации-должника, данный субъект признаётся КДЛ.

Следовательно, для того чтобы признать субъекта КДЛ нужны такие аспекты, так:

- индикатор времени непосредственного воздействия КДЛ на организацию-должника;
- выявление управленческих действий в отношении организации-должника;
- наличие вины;
- существование логической взаимосвязи между финансовой несостоятельностью организации-должника и совершаемыми КДЛ управленческими действиями.

В целях упрощения судебной процедуры обоснования правового статуса КДЛ содержание ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)» было дополнено презумпцией признания правового статуса КДЛ. Опровержение правового статуса КДЛ осуществляется ответчиком (субъектом, которое было заявлено в требованиях в роли КДЛ). Например, в ст. 61.10 ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)» отражены презумпции контроля и распоряжения, которые в целом нужно доказывать, а иначе суд не удовлетворит исковые требования по признанию субъекта в качестве КДЛ.

Презумпции контроля и распоряжения раскрываются через призму перечисленных ниже аспектов:

- субъект признаётся КДЛ, если он был непосредственным руководителем организации-должника либо управляющей компании организации-должника, её ликвидатором либо членом исполнительного органа или ликвидационной комиссии;
- субъект может совместно со стейкхолдерами или самостоятельно распоряжаться контрольным пакетом акций, свыше 50% уставного капитала, голосов в общем собрании организации-должника;
- может избирать либо назначать руководство организации-должника;
- лицо может извлекать экономическую выгоду от недобросовестных либо неразумных управленческих действий иных субъектов, которые, исходя из действующего российского законодательства, могут выполнять функции КДЛ, в частности, члены коллегиальных органов, правления, наблюдательного совета.

В научно-исследовательских работах можно найти мнение о том, что обозначенная презумпция подразделяется на фактический и номинальный контроль. Номинальный контроль, полное отсутствие контроля у субъекта регламентируется ст. 61.10 ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)».

Фактический контроль предполагает, что у определенного субъекта имеется фактическая власть над действиями иных лиц. Фактически субъект, который контролирует определенный процесс, подавляет волю иных лиц. Вместе с тем номинальный КДЛ также обладает подобным правовым статусом, соответственно, может наступить субсидиарная ответственность, так как рассматриваемое поведение не обозначает, что номинальный директор утрачивает возможность воздействия на процессы, происходящие в организации-должнике [5]. Данное умозаключение подтверждается существующей правоприменительной практикой [6]. Действие рассматриваемых презумпций в правоприменительной практике ярко наблюдается в судебном разбирательстве о привлечении гражданина к субсидиарной ответственности в связи с финансовыми обязательствами АО «Международный Промышленный Банк». Существование у привлекаемого лица фактического контроля в организации-должнике было подтверждено фактическими обстоятельствами, в том числе наличие у гражданина права на окончательное принятие управленческого решения с учётом работы системы координации и согласования управленческих мер. Кроме того, данное лицо проводило собеседования с кандидатами на вакантную должность при трудоустройстве, согласовывал размер материального вознаграждения сотрудников банковской организации, активно участвовал в переговорах и рабочих совещаниях, напрямую давал указания работникам на подписание контрактов. В офисе банковской организации у субъекта был собственный кабинет [7].

Для того чтобы установить правовой статус КДЛ, нужно обосновать получение им экономической выгоды. Презумпция выгоды подразделяется на несколько аспектов:

- КДЛ должен извлечь экономическую выгоду, значительную, исходя из масштабов бизнеса, осуществляемого организацией-должником;
- экономическая выгода, обусловленная повышением объёма активов, возникла на фоне действий, совершенных КДЛ, которые противоречили действующему российскому законодательству, включая несоответствие принципу добросовестности и разумности предпринятых шагов [8].

Правовой статус КДЛ был обнаружен в судебном процессе банкротства АКБ «Инвестторг-Банк». В частности, В.В. Гудков фактически был КДЛ банковской организации-должника, поскольку он участвовал в интервью различных СМИ и финансовых онлайн-порталов (Banki.ru, Ведомости, Фин-маркет) и раскрывал значимую информацию об организационно-хозяйственной деятельности, перспективных направлениях и проблемах данной банковской организации [9].

Традиционными вариантами получения экономической и организационной выгоды выступают следующие:

- осуществление фиктивного документооборота;
- разделение общей организационно-хозяйственной деятельности по процессному подходу на центры финансовой ответственности (рисковые и безрисковые) [10];
- аккумулирование значительной долговой нагрузки на одной организации в корпоративной структуре [11].

Вместе с тем презумпция выгоды может быть использована по отношению к близким родственникам КДЛ, включая совершеннолетних детей. Например, в одном из судебных разбирательств истцу было отказано в удовлетворении искового заявления, в рамках которого к субсидиарной ответственности должно было быть привлечено несовершеннолетнее лицо. Суд аргументировал своё решение тем,

что презумпция выгоды неприменима к несовершеннолетним гражданам по причине объективных особенностей взаимоотношений между родителями и детьми. Им, как правило, присущи достаточно высокий уровень доверия несовершеннолетних детей к своим родителям, а также стремление последних оградить малолетних детей от негативно окрашенной информации. Одновременно с этим данный вывод суда не исключает возможность применения КДЛ, выступающих в роли родителей, юридической личности малолетних детей в целях сокрытия имеющегося у КДЛ актива, которое может быть обращено в качестве компенсации материального вреда, который был причинён различным группам кредиторов [12].

При этом обозначенное выше не является правовым основанием для оспаривания совершенной сделки организацией-должником, исходя из общих нормативных положений ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)». Однако использование в полном объёме правового механизма привлечения КДЛ организации-должника к субсидиарной ответственности не представляется возможным, что также может трактоваться в пользу КДЛ.

Таким образом, правовыми средствами защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности являются срок контроля за действиями КДЛ (при субсидиарной ответственности он ограничивается трёхлетним временным периодом); объём субсидиарной ответственности КДЛ, который определяется в соответствии с суммой денежной задолженности на момент обращения о возбуждении дела по банкротству; при выборе кредиторами ненадлежащего правового средства защиты в судебном разбирательстве в определении суд обозначит правильный правовой механизм защиты кредиторов, а возникший спор будет разрешен в пользу КДЛ в соответствии с собранной и предоставленной фактологической информационной базой; презумпция выгоды КДЛ неприменима к несовершеннолетним гражданам по причине объективных особенностей взаимоотношений между родителями и детьми (использование в полном объёме правового механизма привлечения КДЛ организации-должника к субсидиарной ответственности не представляется возможным, что также может трактоваться в пользу КДЛ); нечёткая аргументация истцом характеристик осуществления ответчиком функций контроля (фактический и номинальный руководитель).

Проблемы исполнения судебного акта в рамках субсидиарной ответственности КДЛ организации-должника при банкротстве подразумевают практическое использование комплексного подхода и совершенствования действующей законодательной базы на основе системных мер. Нужно чётко и понятно изложить нормативные положения, касающиеся банкротной субсидиарной ответственности КДЛ, что способствует обеспечению справедливости и результативности процесса выполнения судебных актов. Кроме того, это даст возможность минимизировать пробелы в правовом поле, а также обеспечить стабильную работу нормативного механизма по привлечению КДЛ к субсидиарной ответственности при банкротстве.

Проблемы исполнения судебного акта в рамках субсидиарной ответственности КДЛ организации-должника при банкротстве взаимосвязаны с аспектами практической реализации нормативных положений, характеризующих гражданско-правовую ответственность КДЛ при причинении организации-должнику отрицательных последствий в качестве корпоративных убытков либо наступления финансовой несостоятельности. В настоящее время в существенной мере проблема финансовой несостоятельности актуализируется на фоне экономических кризисных явлений, обусловленных усилением международного давления на российские рынки. При этом отмечается тенденция повышения числа конфликтов интересов между собственниками и руководителями коммерческих организаций, неправильного понимания КДЛ интересов организации в отраслевом секторе.

Исходя из ст. 61.11 ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)», отсутствует прямое требование об установлении логической взаимосвязи между противоправным поведением КДЛ и доведением организации-должника до наступления банкротства. При этом в одном из судебных Определений [13] обозначено, что существуют конкретные критерии логической взаимосвязи между противоправным поведением КДЛ и доведением организации-должника до состояния финансовой несостоятельности.

Было представлено три критерия логической взаимосвязи между противоправным поведением КДЛ и доведением организации-должника до состояния финансовой несостоятельности:

1. Существование у ответчика возможности в значительной мере воздействовать на организационно-хозяйственную деятельность компании. Это безусловная предпосылка к привлечению к субсидиарной ответственности при банкротстве, тем не менее, она не соотносится с противоправным поведением КДЛ.

2. Обусловленность отрицательных последствий для организации-должника практическим осуществлением полномочий ответчиком. Вместе с тем основополагающую роль играет масштабность отрицательных последствий, КДЛ должны иметь потенциал к значительной корректировке структуры активов, чтобы было достигнуто состояние финансовой несостоятельности. Одновременно с этим в судебном Определении [13] указано, что совершение экономически нерентабельной сделки, в которой участвовал КДЛ, не может обозначать правовое действие рассматриваемого критерия, поскольку экономически нерентабельные сделки незначительны по своему масштабу для организации, обладающей долговой нагрузкой. Актуальность второй критерий логической взаимосвязи приобретает при привлечении субъекта – КДЛ к банкротной субсидиарной ответственности. Если предметом судебного спора выступает экономическое требование по компенсации денежных убытков, то, безусловно, что второй критерий не может быть применим. Стоит отметить, что

широкое внедрение в правоприменительную практику критерия обусловленности отрицательных последствий для организации-должника практическим осуществлением полномочий ответчиком является прогрессивной мерой, так как с его помощью можно разграничить управленческие действия КДЛ в зависимости от масштабности организационных последствий. Другие управленческие действия КДЛ, которые способствовали экономическому убытку, в реальности могут не быть причиной наступления финансовой несостоятельности. При этом акцента на вышеизложенном в работе материале в содержании действующего российского законодательства на данный момент нет, что, в свою очередь, представляется пробелом в регламентации. Часто в правоприменительной практике встречаются случаи, когда в целом различные судебные инстанции выносят решение, выводы в котором не базируются на сопоставлении возникших последствий от совершения сделки с масштабностью хозяйственно-экономической деятельности [14].

Наблюдается возможность практического применения в правоприменительной практике идеи обособления крупных экономических сделок в зависимости от степени масштабности, а также возможности существенного изменения сложившейся ситуации в организации [15]. Стоит отметить, что состояние финансовой несостоятельности организации-должника является экстраординарным событием, соответственно, оценку управленческих действий КДЛ по степени масштабности в соответствии с принципами совершения крупных сделок можно считать оправданной. Эта позиция была воплощена в судебной практике 2023 года [16].

Вместе с тем, на взгляд суда, выявлению существования второго рассматриваемого критерия способствуют презумпции, регламентированные ФЗ «О финансовой несостоятельности (банкротстве)». Такой презумпцией выступает осуществление убыточной сделки с активным участием КДЛ, которая способствовала нарушению материального положения различных групп кредиторов, исходя из ст. 61.11 обозначенного выше ФЗ. Однако в обозначенной позиции отмечается смешение нескольких критериев, так как указанные в действующем российском законодательстве презумпции практически не позволяют установить степень масштабности отрицательных последствий, которые произошли на фоне управленческих действий КДЛ. Презумпция, на которую ссылается суд в Определении [16], характеризует убыточность совершенной сделки, которая повлекла нарушение материального положения различных групп кредиторов, однако не существенные изменения масштаба предпринимательской деятельности организации-должника. Соответственно, логическая взаимосвязь неочевидна. Кроме того, описание рассматриваемой презумпции в действующем российском законодательстве напрямую не указывает на потенциальную убыточность совершенной сделки, следовательно, противоправное поведение КДЛ в данном случае не учитывается.

3. Ответчик судебного процесса должен быть стороной, инициирующей противоправное поведение либо быть потенциальным выгодоприобретателем появившихся по этой причине отрицательных последствий. Целесообразно отметить, что при принятии судебного акта [16] оценивался спор, обусловленный привлечением нескольких ответчиков к банкротной субсидиарной ответственности. Это были члены Совета директоров корпорации. Актуальность третьего рассматриваемого критерия достаточно высокая на фоне возрастающей юридической неопределенности возможности привлечения нескольких субъектов к банкротной субсидиарной ответственности. В соответствии со ст. 53 ГК РФ и Постановлением Пленума ВАС РФ № 62 [17] от банкротной субсидиарной ответственности освобождается лицо, которое добросовестно не участвовало в голосовании управленческого решения.

В доктринальной науке акцентировалось внимание на том, что присутствует возможность оценки роли каждого субъекта организации-должника, входящего в коллегиальный орган, по уровню воздействия на принятие управленческого решения. Однако возможность привлечения лица коллегиального органа организации-должника к банкротной субсидиарной ответственности за бездействие отмечается только в теории. В судебной практике доказать, что субъект коллегиального органа должника обладал ценными информационными сведениями, при этом не сообщив их другим лицам, маловозможно в современных условиях.

Резюмируя анализ положений, характеризующих правовые средства защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности, а также актуальных проблем исполнения судебного акта по субсидиарной ответственности руководителя организации-должника при банкротстве, был сформирован алгоритм выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения:

1. Выявление статуса КДЛ.

В данном случае ответчику целесообразно в судебном порядке опровергнуть утверждение кредитора (истца) о том, что он обладает статусом КДЛ.

2. Установление аспектов банкротства (финансовой несостоятельности) организации-должника.

Нужно обратить внимание суда на то, что финансовая несостоятельность организации-должника вызвана неконтролируемыми факторами внешней предпринимательской среды, а именно: воздействием на российскую экономику кризисных явлений (в частности, последствий пандемии коронавирусной инфекции, усилением международных экономических ограничений в отношении РФ), наличие рыночной волатильности (на валютном рынке, фондовой бирже).

3. Сбор и предоставление субъектом фактологической информационной базы для судебного разбирательства.

Для правовой защиты присутствует необходимость сбора локальной документации организации-

должника, данных о совершенных сделках, уведомлений, распоряжений либо приказов, обусловливающих непричастность ответчика к достижению финансовой несостоятельности организации-должника.

4. Передача собранной фактологической информационной базы назначенному арбитражному управляющему.

Если фактологической информационной базы недостаточно, то по требованию арбитражного управляющего нужно попытаться восстановить документы, которых не хватает.

5. Правовая защита совершенных сделок организацией-должником.

При оспаривании в судебном разбирательстве совершенных сделок со стороны конкурсного управляющего либо кредитора ответчик должен обосновать целесообразность (экономическую, организационную) их реализации на протяжении конкретного временного периода.

6. Ответчик в роли третьего лица в деле о банкротстве.

Несмотря на то, что судебное решение уже вынесено, целесообразно его обжаловать на более высоком уровне судебной системы: кассационном либо апелляционном.

Таким образом, анализ положений, характеризующих правовые средства защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности, а также актуальных проблем исполнения судебного акта по субсидиарной ответственности руководителя организации-должника при банкротстве, позволил в данном исследовании сформировать алгоритм выбора и практического использования правовых средств защиты руководителя организации-должника от субсидиарной ответственности с учетом правоприменительных проблем исполнения судебного решения.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2016 N 222-ФЗ (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200006/ (дата обращения: 14.12.2024).

3. Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_227069/ (дата обращения: 14.12.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 14.12.2024).

5. Середа И. М., Середа А. Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. 110 с.

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/OLpQmLjlFh5L/ (дата обращения: 14.12.2024).

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 № 09АП-24715/2015, 09АП-22993/2015, 09АП-22353/2015 по делу № А40-119763/10 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/60783691/ (дата обращения: 14.12.2024).

8. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А. Б. Баранова, А. З. Бобылева, В. А. Вайпан [и др.]; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 230 с.

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.12.2016 №Ф05-19470/2016 по делу №А40-56167/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=259537#ccguxWUEJiUyWpRD2 (дата обращения: 14.12.2024).

10. Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 №310-ЭС20-6760 по делу №А14-7544/2014 [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082020-n-310-es20-6760-po-delu-n-a14-75442014/ (дата обращения: 14.12.2024).

11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.07.2021 №Ф01-1535/2021 по делу №А29-10924/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/nWfRTdBBXeJ/ (дата обращения: 14.12.2024).

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 №305-ЭС19-13326 по делу №А40-131425/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-23122019-n-305-es19-13326-po-delu-n-a40-1314252016/ (дата обращения: 14.12.2024).

13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354704/ (дата обращения: 14.12.2024).

14. Борисенко Д. Р., Терещенко Т. А. Трехступенчатый тест для оценки обоснованности привлечения к субсидиарной ответственности в банкротном споре // Арбитражные споры. 2022. №. 1. С. 67-76.

15. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» //

Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4276.

16.Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.05.2023 № Ф04-2273/2019 по делу № А81-3284/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3csy8sUVpM1b/ (дата обращения: 14.12.2024).

17.Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150888/ (дата обращения: 14.12.2024).

Algorithm for the selection and practical use of legal means of protecting the head of a debtor organization from subsidiary liability, taking into account the law enforcement problems of executing a court decision

Churakov P.A.
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Relevance and practical significance of the work: there is a need to consider issues related to legal means of protecting the head of the debtor organization from subsidiary liability. The purpose of the work is to present an algorithm for choosing and practically using legal means of protecting the head of the debtor organization from subsidiary liability, taking into account the law enforcement problems of executing a court decision. To achieve this goal, the following were presented: characteristics of legal means of protecting the head of the debtor organization from subsidiary liability; characteristics of current problems of executing a judicial act within the framework of subsidiary liability of the head of the debtor organization in bankruptcy; an algorithm for choosing and practically using legal means of protecting the head of the debtor organization from subsidiary liability, taking into account the law enforcement problems of executing a court decision. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, analysis of law enforcement practice, formal legal method. Conclusions: the analysis of provisions characterizing the legal means of protecting the head of the debtor organization from subsidiary liability, as well as current problems of executing a judicial act on subsidiary liability of the head of the debtor organization in bankruptcy, allowed this study to formulate an algorithm for the selection and practical use of legal means of protecting the head of the debtor organization from subsidiary liability, taking into account the law enforcement problems of executing a court decision.

Keywords: subsidiary liability; head of the debtor organization; creditors; bankruptcy; law enforcement practice; current issues; legal means.

References

1. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 25.12.2023) "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.
2. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 23.06.2016 N 222-FZ (as amended on 28.12.2017) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200006/ (date of access: 14.12.2024).
3. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 16.08.2017 N SA-4-18/16148@ "On the Application by Tax Authorities of the Provisions of Chapter III.2 of the Federal Law of 26.10.2002 N 127-FZ" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_227069/ (date of access: 14.12.2024).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.12.2017 N 53 "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (date of access: 14.12.2024).
5. Sereda I. M., Sereda A. G. The mechanism of legal regulation of relations arising in connection with bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy: monograph. M.: Statut, 2020. 110 p.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated July 26, 2018 No. F09-3499/18 in case No. A76-23547/2013 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/OLpQmLjlFh5L/ (date of access: 14.12.2024).
7. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 24.06.2015 No. 09AP-24715/2015, 09AP-22993/2015, 09AP-22353/2015 in case No. A40-119763/10 [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/60783691/ (date of access: 14.12.2024).
8. The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement: monograph / A. B. Baranova, A. Z. Bobyleva, V. A. Vaypan [et al.]; ed. S. A. Karelina, I. V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2020. 230 p.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 26.12.2016 No. F05-19470/2016 in case No. A40-56167/2016 [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=259537#ccguxWUEJiUyWpRD2 (date of access: 14.12.2024).
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.08.2020 No. 310-ES20-6760 in case No. A14-7544/2014 [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082020-n-310-es20-6760-po-delu-n-a14-75442014/ (date of access: 14.12.2024).
11. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 07/21/2021 No. F01-1535/2021 in case No. A29-10924/2019 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/nWfRTdBBXeJ/ (date of access: 14.12.2024).
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.12.2019 No. 305-ES19-13326 in case No. A40-131425/2016 [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-23122019-n-305-es19-13326-po-delu-n-a40-1314252016/ (date of access: 14.12.2024).
13. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.06.2020) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354704/ (date of access: 14.12.2024).
14. Borisenko D. R., Tereshchenko T. A. Three-stage test for assessing the validity of bringing to subsidiary liability in a bankruptcy dispute // Arbitration disputes. 2022. No. 1. P. 67-76.
15. Federal Law of 03.07.2016 No. 343-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Joint-Stock Companies" and the Federal Law "On Limited Liability Companies" in Terms of Regulation of Major Transactions and Interested Party Transactions" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (Part II). Art. 4276.
16. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 26.05.2023 No. F04-2273/2019 in Case No. A81-3284/2018 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3csy8sUVpM1b/ (date of access: 14.12.2024).
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62 "On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Who Are Members of the Bodies of a Legal Entity" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150888/ (date of access: 14.12.2024).

Особенности современного сербско-российского экономического сотрудничества

Жариков Андрей Анатольевич
канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), mgua35jar@mail.ru

Выбравшая перспективу европейского пути Республика Сербия, испытывая мощное воздействие со стороны Запада, принципиально не участвует в антироссийских санкциях, продолжая успешное внешнее торгово-экономическое сотрудничество с Российской Федерацией. Цель настоящего исследования – провести анализ современного сербско-российского экономического сотрудничества, и выявить его характерные особенности. Указанная цель подразумевает выполнение следующих задач: 1. Выявление эволюции становления сербско-российского экономического сотрудничества после распада Югославии в правовых документах и практике международных частноправовых отношений. 2. Изучение теоретических и практических подходов к условиям современного сербско-российского экономического сотрудничества и его правовому оформлению. 3. Исследование потенциала расширения сербско-российского экономического сотрудничества. Предмет исследования – нормативные и иные документы, регламентирующие вопросы правового регулирования современного сербско-российского экономического сотрудничества, а также академические публикации по исследуемой проблематике. Объектом исследования служат правовые отношения, возникающие в процессе современного сербско-экономического сотрудничества. Методология работы представлена использованием комплекса современных философских, общенаучных, специально-научных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический) и др. Автор полагает, что Сербия защищает свою экономику от возможных при введении антироссийских санкций негативных последствий для своей энергетической безопасности, так как поступающий через Турцию российский газ дает возможность преодолевать трудности разразившегося в Европе газового кризиса. Немаловажно и то, что российский газ поступает в Сербию по наиболее выгодной в Европе цене. Но сербско-российские экономические отношения не ограничены только энергетикой. На повестке дня стоит сотрудничество в мирном освоении космоса, использовании термоядерных технологий, развитии железнодорожной инфраструктуры. Цифровые технологии и банкинг также предполагают взаимовыгодное сотрудничество.

Ключевые слова: Республика Сербия, Российская Федерация, санкции, экономическое сотрудничество, соглашение о свободной торговле, международное частное право, внешнеторговая деятельность.

Введение.

Современное разделение зарубежных стран на дружественные и недружественные по отношению к России коснулось не только Запада, но и всего мира. Исторически европейское отношение к Сербии сложилось как к «иному» и не до конца понятному государству, связанному с Востоком, но не отрицающем и европейских традиций. Именно в Сербии сохраняются основы христианской культуры, породившей традиционные европейские ценности Нового времени. Несмотря на «инаковость» Сербии, западные страны стремятся усилить свое влияние за счет ее отрыва от единых с Россией корней [5, С. 9].

Выбравшая перспективу европейского пути Сербия, испытывающая мощное воздействие со стороны Запада, принципиально не участвует в антироссийских санкциях, продолжая успешное внешнее торгово-экономическое сотрудничество с Российской Федерацией в первую очередь в сфере энергетической безопасности [12, С. 494].

Материалы и методы.

Цель настоящего исследования – провести анализ современного сербско-российского экономического сотрудничества, и выявить его характерные особенности. Указанная цель подразумевает выполнение следующих задач: 1. Выявление эволюции становления сербско-российского экономического сотрудничества после распада Югославии в правовых документах и практике международных частноправовых отношений. 2. Изучение теоретических и практических подходов к условиям современного сербско-российского экономического сотрудничества и его правовому оформлению. 3. Исследование потенциала расширения сербско-российского экономического сотрудничества.

Предмет исследования – нормативные и иные документы, регламентирующие вопросы правового регулирования современного сербско-российского экономического сотрудничества, а также академические публикации по исследуемой проблематике.

Объектом исследования служат правовые отношения, возникающие в процессе современного сербско-экономического сотрудничества.

Методология работы представлена использованием комплекса современных философских, общенаучных, специально-научных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический) и др.

Литературный обзор.

Россия стабильно занимает 8 % в совокупном объеме внешней торговли Сербии, но это на порядок меньше сербского торгового оборота с государствами ЕС [11, С. 533]. При этом насущна потребность в увеличении взаимовыгодных российско-сербских экономических отношений в различных сферах. Россию и Сербию связывают многовековые духовные и культурные отношения, и сегодня в XXI веке Сербия не на словах, а на деле выступает как надежный друг и экономический партнер РФ. В настоящее время действует порядка 20 российско-сербских межправительственных договоров. Особое место занимает в области экономических отношений Соглашение о зоне свободной торговли, подписанное 28 августа 2000 г. с Протоколом об изъятиях из режима свободной торговли и правилах определения страны происхождения товаров 22 июля 2011 г. [7]. Межправительственное соглашение о свободной торговле между Россией и Сербией (Союзной Республикой Югославией) это первый договор России о либерализации режима внешней торговли за рамками СНГ, им установлено освобождение от таможенных пошлин около 95% российских и сербских товаров [9]. Сочинская Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией 2013 года провозгласила экономическое партнерство и расширение сотрудничества в торгово-экономической сфере [3]. Российско-сербская Декларация о сотрудничестве в области модернизации экономик 2017 года зафиксировала стремление улучшать экономическое сотрудничество в различных областях [8].

Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Республикой Сербией 2021 года [10] реализуется в соответствии с режимом свободной торговли Республики Сербии с Российской Федерацией, Республикой Казахстан и Республикой Беларусь. Очевидно, что данный договор о свободной торговле имеет для Сербии особо важное значение, поскольку на рынки ЕАЭС 99% сербских товаров экспортируются без уплаты таможенных сборов. На рынке России реализуется 9/10 льготного оборота сербских товаров на рынке ЕАЭС.

Россия после масштабного сербского экономического кризиса, вызванного авианалетами НАТО и западными санкциями, оказала реальную помощь Сербии в подъеме ее экономики, в первую очередь в реконструкции нефтегазовой отрасли, тем самым восстанавливая и свой авторитет на Западных Балканах [12, С. 501].

В то же время отмечается усиление позиций Китая на Балканах в контексте широкого подхода к мирному достижению в будущем доминирующего положения в международной сфере. Экономика становится надежным инструментом китайского доминирования. Международные банковские аналитики прогнозируют в скором будущем глубокую зависимость балканских стран от китайских кредитов. В первую очередь китайский бизнес интересует проникновение в Сербию. В случае даже частичного ухода России с сербского направления освободившееся место неминуемо займет Китай [4, С. 292].

Результаты.

В настоящее время в условиях формирования многополярного мира, когда имеет место прямая конфронтация между Российской Федерацией и недружественными странами, суверенная Сербия, легально провозгласившая путь в Европу, практически в одиночку в западном мире отказалась поддержать антироссийские санкции, выдерживая серьезное воздействие коллективного Запада, и отстаивает собственные интересы национальной внешней политики.

Таким образом Сербия защищает свою экономику от возможных при введении санкций негативных последствий для энергетической безопасности. Поступающий через Турцию российский газ дает возможность преодолевать трудности разразившегося в Европе газового кризиса. Немаловажно и то, что российский газ поступает в Сербию по наиболее выгодной в Европе цене. Следует отметить, что стойкость Сербии в вопросе об антироссийских санкциях обусловлена «закалкой», которую приобрела эта братская нам страна в период собственного противостояния западным санкциям.

Конечно же официальный Белград учитывает и поддержу сербским народом России: социологические опросы свидетельствуют о том, что против присоединения к антироссийским санкциям выступают примерно 80% сербов, вступление в ЕАЭС одобряют более 53%, а вступление в Евросоюз всего 46%.

Очень важным обстоятельством, определяющим отказ Сербии от антироссийских санкций, служит проблема Косово и роль России при ее рассмотрении в Совете Безопасности ООН.

Шантаж сербских властей с требованием присоединиться к санкциям нарастает, и Сербия вынуждена делать определенные уступки, например, по неприятию результатов референдумов о присоединении новых территорий к России. Такое поведение Белграда отражает нерешенность собственного территориального вопроса с Косово. Двадцать лет продолжаются переговоры по этому вопросу на которых ЕС добивается от Сербии признания полной независимости Косово и Метохии. Все государственное сербское имущество переоформлено косовским правительством на «Республику Косово», а затем это имуществ было приватизировано. Нормы международного права применялись до 2008 года. Косовское правовое регулирование в этот период базировалось на указах Миссии ООН и резолюции 1244 Совета Безопасности ООН. После одностороннего провозглашения независимости в 2008 года, вступает в действие не признанный Советом Безопасности план Ахтисаари. Этот акт становится основой для формирования косовского права. Приватизация в Косово сопровождалась учреждением Косовского трастового агентства и Торгово-промышленной палаты Косова, а также назначением омбудсмена. К сожалению, Сербия недостаточно

защищала интересы своих физических лиц, юридических лиц и кредиторов, которым течение долгого времени погашала долги. Сейчас выдвигается сербское требование о пересмотре такой приватизации [2, С. 237-240]. Принципиально сопротивляясь идее глобального управления из одного центра Сербия фактически не полностью осознает это.

Республика Сербия, не отрицая своего курса на евроинтеграцию, стремится поддерживать экономическое сотрудничество с Россией и евразийским экономическим интеграционным объединением. Как уже отмечено, в масштабе ЕАЭС Россия занимает основную часть оборота внешней торговли Сербии (свыше 90%). Очевидно, что традиционная дружба двух народов, относительно развитые деловые связи, культурное и языковое сходство являются факторами, способствующие укреплению экономической связи двух стран.

Ведущими инвесторами на рынке Сербии много лет выступают «Газпром» и «Лукойл», благодаря чему Россия занимает третье место по объему инвестиций после Европейского Союза и Китая. Безусловно велика зависимость от Сербии российских нефтегазопродуктов, но она импортирует из России также большое количество минеральных удобрений. Кроме прямых российских инвестиций, следует отметить и российское кредитование развития инфраструктуры железных дорог в Сербии. Взамен в Россию поставляются сельскохозяйственные продукты и сырье, химическая продукция, машиностроительные станки, инструменты и оборудование, обувь и текстильные товары [11, С. 502-506].

Руководитель Республики Сербия Александр Вучич утверждает, что сербский ВВП при отсутствии форс-мажорных обстоятельств превысит отметку в 90 млрд евро – это следует из представленного им проекта развития "Сербия 2027 – скачок в будущее", планируется бурный рост экономики, а также организация и проведение всемирно значимой выставки Expo-2027. Хотя в конце 2012 г. сербский ВВП составлял 33 млрд евро, но к 2027 году как полагают эксперты Международного валютного фонда ВВП Сербии достигнет почти 93 млрд евро, а при идеальных социально-политических условиях и больших инвестициях 100 млрд. То есть трехкратное увеличение ВВП за пятнадцатилетний период при его ежегодном росте на 3,5 %, а на перспективу ежегодно на 4 % [1].

Обсуждение.

Как отметил глава постоянной делегации ЕС Э. Жоффре – фактически Сербия достигла самых больших успехов в экономике среди балканских стран. В то же время был отмечен значительный отрыв экономики ЕС от государств Западных Балкан. Несмотря на очевидные успехи национальной экономики Сербии, ее средний ВВП на душу населения достиг только 45% от среднего показателя по ЕС. Вследствие чего объединенная Европа намерена продолжить финансовую поддержку Балкан и Сербии, в ближайшие годы на долю Сербии придется порядка 1,5 миллиардов евро [6]. Только неблагоприятные для сельскохозяйственной деятельности погодные условия, низкие темпы снижения инфляции в целом, увеличение стоимости энергетических ресурсов и расширение общеевропейского кризиса могут стать существенными преградами для роста экономики Сербии.

Заключение.

Экономическое влияние России на Балканах трудно назвать стабильно сильным. Ситуация осложняется коррекцией внешнеполитического курса и ограничением материальных возможностей, предполагаемых к использованию в данном регионе. Но возможности России на данном направлении не исчерпаны, причем международные экономические отношения не связаны только с энергетикой. На повестке дня стоит сотрудничество в мирном освоении космоса, использовании термоядерных технологий, развитии железнодорожной инфраструктуры. Цифровые технологии и банкинг также не исключают взаимовыгодного сотрудничества [5, С. 292-293]. Положительным обстоятельством в укреплении сербско-российских экономических отношений стали меры сербской стороны [10, С. 533-534], которые, не отрицая стойкого европейского выбора Сербии, свидетельствуют о сохранении приверженности к сотрудничеству с Российской Федерацией в качестве основного союзника и партнера: однозначный отказ поддержать санкции Европейского союза против России; договор о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом и приобретение на постоянной основе российского оружия и военной техники.

Литература

1. Вучич заверил, что Сербия совершит "скачок в будущее" к 2027 году // – URL: https://ria.ru/20240120/vuchich-1922554017.html (дата обращения: 01.12.2024).

2. Давидович С. Приватизация общественных предприятий как часть международного процесса строительства государства в Косово и Метохии: как была узурпирована сербская собственность // Косовская вертикаль или неоколониальная горизонталь? Демографические, экономические, социальные, правовые, геополитические и экологические аспекты косовско-метохийской проблемы: сборник статей. СПб.: Владимир Даль, 2022. 479 с.

3. Декларация о стратегическом партнерстве партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией // Официальный сайт Президента России. 2013. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/1461 (дата обращения: 01.12.2024).

4. Ковальчук Ю. Запад боится китайских инвестиций в экономику Сербии // Балканист. 2019. – URL: https://balkanist.ru/ zapad-boitsya-kitajskih-investitsij-v-ekonomiku-serbii/ (дата обращения: 01.12.2024).

5. Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры : монография. Москва : Проспект, 2025.

6. Представитель ЕС заявил, что у Сербии самая сильная экономика в регионе // – URL: https://rossaprimavera.ru/news/d31ecc54 (дата обращения: 01.12.2024).

7. Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии об изъятиях из режима свободной торговли и Правилах определения страны происхождения товаров к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле между Российской Федерацией и Союзной Республикой Югославией от 28 августа 2000 г. // Федеральная таможенная служба. 2000. – URL: https://customs.gov.ru/informacziya-o-klassifikaczii-i-proisxozhdenii-tovara/ zony-svobodnoj-torgovli/serbiya (дата обращения: 01.12.2024).

8. Россия и Сербия подписали декларацию о сотрудничестве в области модернизации экономик // Министерство экономического развития РФ. 2017. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_serbiya.html (дата обращения: 01.12.2024).

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле между Российской Федерацией и Союзной Республикой Югославией// Посольство РФ в Сербии // МИД РФ. 2000. – URL: https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20(ei)/docs/2000_torgovlia.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

10.Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны. 2021. // – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/702/EAEU-Serbia-FTA-_rus_1_.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

11.Энтина Е.Г. Незападные Балканы: Научная монография / Е.Г. Энтина ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. М.: ИЕ РАН, Галактика, Издательский дом «Зебра Е», 2022. С. 533-534.

12.Эчимович М. Особенности торгово-экономических отношений Российской Федерации и Республики Сербии на современном этапе // ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: вопросы международных отношений. Выпуск 6(46). Том 11. 2022. С. 494-506.

Features of modern serbian-russian economic cooperation

Zharikov A.A.
North-West Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL)

Having chosen the prospect of the European path, the Republic of Serbia, experiencing powerful influence from the West, fundamentally does not participate in anti-Russian sanctions, continuing successful foreign trade and economic cooperation with the Russian Federation. The purpose of this study is to analyze the current Serbian-Russian economic cooperation and identify its characteristic features. This goal implies the fulfillment of the following tasks: 1. Identification of the evolution of the formation of Serbian-Russian economic cooperation after the collapse of Yugoslavia in legal documents and the practice of international private law relations. 2. Study of theoretical and practical approaches to the conditions of modern Serbian-Russian economic cooperation and its legal registration. 3. Study of the potential for expanding Serbian-Russian economic cooperation. The subject of the study is regulatory and other documents governing the issues of legal regulation of modern Serbian-Russian economic cooperation, as well as academic publications on the issue under study. The object of the study is the legal relations arising in the process of modern Serbian-economic cooperation. The methodology of the work is presented by the use of a complex of modern philosophical, general scientific, special scientific methods of cognition, including dialectical, systemic, structural-functional, hermeneutic, comparative-legal, formal-legal (dogmatic), etc. The author believes that Serbia protects its economy from possible negative consequences for its energy security when introducing anti-Russian sanctions, since Russian gas supplied through Turkey makes it possible to overcome the difficulties of the gas crisis that has broken out in Europe. It is also important that Russian gas is supplied to Serbia at the most favorable price in Europe. However, Serbian-Russian economic relations are not limited to energy alone. The agenda includes cooperation in peaceful exploration of outer space, the use of thermonuclear technologies, and the development of railway infrastructure. Digital technologies and banking also imply mutually beneficial cooperation.

Keywords: Republic of Serbia, Russian Federation, sanctions, economic cooperation, free trade agreement, international private law, foreign trade activities.

References

1. Vučić assured that Serbia will make a "leap into the future" by 2027 // – URL: https://ria.ru/20240120/vuchich-1922554017.html (date of access: 01.12.2024).
2. Davidović S. Privatization of public enterprises as part of the international process of state building in Kosovo and Metohija: how Serbian property was usurped // Kosovo vertical or neocolonial horizontal? Demographic, economic, social, legal, geopolitical and environmental aspects of the Kosovo-Metohija problem: a collection of articles. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. 479 p.
3. Declaration on strategic partnership between the Russian Federation and the Republic of Serbia // Official website of the President of Russia. 2013. - URL: http://www.kremlin.ru/supplement/1461 (date of access: 01.12.2024).
4. Kovalchuk Yu. The West is afraid of Chinese investments in the economy of Serbia // Balkanist. 2019. - URL: https://balkanist.ru/zapad-boitsya-kitajskih-investitsij-v-ekonomiku-serbii/ (date of access: 01.12.2024).
5. Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. Western Balkans on the eve of and during the current crisis: players and figures: monograph. Moscow: Prospect, 2025.
6. EU representative said that Serbia has the strongest economy in the region // – URL: https://rossaprimavera.ru/news/d31ecc54 (date of access: 01.12.2024).
7. Protocol between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Serbia on exemptions from the free trade regime and the Rules for determining the country of origin of goods to the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Federal Government of the Federal Republic of Yugoslavia on free trade between the Russian Federation and the Federal Republic of Yugoslavia of August 28, 2000 // Federal Customs Service. 2000. – URL: https://customs.gov.ru/informacziya-o-klassifikaczii-i-proisxozhdenii-tovara/zony-svobodnoj-torgovli/serbiya (date of access: 01.12.2024).
8. Russia and Serbia signed a declaration on cooperation in the field of economic modernization // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 2017. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_serbiya.html (date of access: 01.12.2024).
9. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Federal Government of the Federal Republic of Yugoslavia on free trade between the Russian Federation and the Federal Republic of Yugoslavia // Embassy of the Russian Federation in Serbia // MFA of the Russian Federation. 2000. – URL: https://serbia.mid.ru/Files%20for%20filling%20the%20content/Content%20files%20of%20the%20Embassy%20in%20Serbia%20website%20(ei)/docs/2000_torgovlia.pdf (accessed: 01.12.2024).
10. Agreement on a free trade area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Serbia, of the other part. 2021. // – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/702/EAEU-Serbia-FTA-_rus_1_.pdf (date of access: 01.12.2024).
11. Entina E.G. Non-Western Balkans: Scientific monograph / E.G. Entina; Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Economics RAS, Galaxy, Publishing House "Zebra E", 2022. Pp. 533-534.
12. Ečimović M. Features of trade and economic relations between the Russian Federation and the Republic of Serbia at the present stage // THE EURASIAN UNION: issues of international relations. Issue 6 (46). Volume 11. 2022. P. 494-506.

Учреждение трастов, частных и личных фондов: сравнительно-правовой анализ права Англии, ФРГ и Российской Федерации

Пышкин Антон Юрьевич
аспирант кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин, РУАН имени Г.Б.Мирзоева, ajp-land@mail.ru

В современной экономике создание трастов и частных/личных фондов является важным инструментом в системе управления активами и обеспечения финансовой безопасности как для физических, так и для юридических лиц – в особенности это характерно для наследственных отношений. В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности и проблемы правового регулирования начального этапа этого процесса - учреждения данных правовых институтов в выбранных для исследования правопорядках. В частности, проводится анализ процедуры создания трастов в Англии, частных фондов в Германии, а также личных фондов в России. Понимание отправной точки формирования трастов и фондов в различных правовых системах требуется для более четкого понимания того, каким образом могут быть восполнены недостатки действующего в России регулирования личных фондов с целью более эффективного управления капиталом.
В результате исследования выявлены ключевые различия в подходах к созданию данных институтов в странах общего и континентального прав; проанализирована недавняя реформа законодательства о фондах в Германии (вступила в силу с 1 января 2023 года), направленная на унификацию и систематизацию правового регулирования на федеральном уровне; исследованы особенности российского законодательства о личных фондах, выявлены проблемы в регулировании процедуры создания наследственных фондов. На основе сравнительного анализа предложены возможные пути совершенствования российского законодательства. В частности, рекомендовано рассмотреть возможность включения решения об учреждении наследственного фонда непосредственно в текст завещания, что может повысить востребованность данного института у граждан России. Выявлена общая тенденция к совершенствованию законодательства о трастах и фондах в различных правовых системах с целью повышения их эффективности как инструментов управления имуществом и обеспечения финансовой безопасности.
Ключевые слова: личные фонды, частные фонды, трасты, учреждение, юридические лица, наследственные фонды, наследственные отношения, управление активами

В странах общего права, классическим примером которых является Великобитания, процедура создания траста наименее формализована, поскольку траст не является юридическим лицом, но конструктом сделочной природы, правоотношением между сторонами, порожденным в английском праве еще в средневековый период. Здесь существует три основных способа учреждения траста. Во-первых, это учреждение посредством одностороннего акта учредителя; во-вторых, это договор учредителя с трастодержателем; в-третьих, это учреждение траста в силу прямого указания закона.

В силу того, что классический траст не является юридическим лицом, его учреждение отличается от учреждения компании, и почти вся специфика здесь состоит в повышенной степени гибкости и вариативности действий всех сторон исследуемых отношений при оформлении их договорных отношений по управлению переданным имуществом. Сам факт учреждения траста, как правило, юридически не регистрируется, - для его создания достаточно специального трастового соглашения. Однако, если это предусмотрено самим трастовым договором, он может быть зарегистрирован в добровольном порядке. Нотариальное удостоверение данного акта зависит от юрисдикции, но чаще всего является добровольным. Английская судебная практика показывает, что даже устная форма заключения трастового договора допускалась в отдельных случаях для защиты интересов выгодоприобретателей [1, с. 35].

Основанием учреждения первого вида траста является односторонний акт учредителя. Это может быть, например, завещание, по условию которого назначается исполнитель. В этом случае именно исполнитель будет являться трастодержателем наследства учредителя. При этом, помимо исполнителя, трастодержателем может быть управляющий наследством (ликвидатор наследства). Однако, управляющий получает траст лишь по исполнению соответствующих функций. То есть, как ликвидатор он вначале распределяет имущество, передает его в траст в пользу наследников, а затем иные лица становятся трастодержателями [2, с. 14].

Важно знать, что односторонний акт учредителя может быть применен не только в случае наследования, но и в целях установления траста, например, в интересах несовершеннолетнего лица. В таком случае наименование одностороннего акта в обязательном порядке должно указывать на конкретного выгодоприобретателя («John Smith's Children's Settlement" - родительский акт установления траста,

выгодоприобретатели которого - дети Джона Смита») [3, с. 42].

Однако для возникновения у трастодержателя соответствующих прав и обязанностей наличие одного лишь учредительного акта недостаточно, так как траст является добровольно принятым обязательством, следовательно, потенциальный трастодержатель должен дать согласие стать таковым. Это принципиально отличает конструкцию траста от фонда, который еще не существует в момент, когда учредитель принимает решение о его учреждении.

Второе основание - договор учредителя с трастодержателем – имеет свою специфику: в классических юрисдикциях общего права (в первую очередь, в Великобритании) такой способ учреждения траста встречается довольно редко; в случаях же международных офшорных трастов – это единственный способ его установления.

Следует обратить внимание на то, что трастовый договор имеет форму *deed* (формального документа), что определяется особенностями английского права, в рамках которого договор можно заключить только при наличии в нем встречного удовлетворения, которого при создании траста не возникает. Соответственно, на формальные документы данное правило не распространяется, и договор в форме *deed* является действительным даже без наличия встречного удовлетворения.

При третьем из указанных выше способов трасты или устанавливаются по решению суда, или в силу презумпции. Следовательно, трасты в силу закона носят преимущественно недобровольный характер.

Самым наглядным примером исключения из общего правила свободной сделки служит акт об учреждении завещательного траста. Такая сделка юридически значимой может быть признана только при соблюдении такой формы, которая облегчает доказывание как учреждения траста, так и его условия. Об обязательности данного условия говорит тот факт, что несоблюдение формы сделки в рамках англо-американского права предусматривает процессуально-правовые последствия. Такая форма судом не восстанавливается, соответственно, будет невозможно и привлечь свидетелей для ее восполнения.

Английское право предусматривает обязательность условия перехода имущественных прав - передача имущества в натуре (включая дарение). Следует отметить, что относительно дарения многие законы английского права применяются к трастам, в тоже время прижизненный траст различается с иными дарами: в случае, когда учредитель назначает трастодержателем самого себя, траст создается без обязательного условия формальной передачи имущества. Действительно: если учредитель как трастодержатель уже управляет имуществом в пользу выгодоприобретателя, то явно неправомерно требовать от него передачи имущества.

Примечательна крайняя строгость требований английского права в отношении завещательного траста. В этом случае особо обращается внимание на форму акта о его учреждении, поскольку соответствующие условия дают возможность избежать судебного требования об установлении действительных намерений завещателя. Суть здесь в том, что составленный в письменной форме акт предоставляет более гарантий, чем устное заявление. Иными словами, форма акта об учреждении такого вида траста может выполнять функцию гарантии [2, с. 19].

Письменная форма завещания недвижимости была установлена обязательной Английским законом о завещаниях 1540 года (отметим сразу, что, хотя английское трастовое право начало формироваться с XVI века, однако дата рецепции в разных его юрисдикциях неодинакова). Со временем английский законодатель расширил соответствующие условия. Так, например, до настоящего времени имеющий силу в Англии и в ряде штатов США Английский закон о мошенничестве 1677 года содержит нормы, в соответствии с которыми к формам ряда соответствующих сделок предъявляются обязательные требования. Целью введения данной новеллы было пресечение возможности участникам процесса совершить какие-либо махинации. Например, завещание подлежало обязательному засвидетельствованию и подписи не менее чем тремя свидетелями.

Отметим, что трастовое право «классических» англосаксонских правопорядков (Англии и США) активно развивалось и в других странах, которые раньше в силу колониального прошлого испытали на себе влияние гражданско-правовых институтов метрополий. Например, среди стран БРИКС показателен пример ЮАР. Система трастов в этой стране представляет собой уникальное сочетание английского общего права и римско-голландской правовой традиции. Так, южноафриканское законодательство предусматривает две основные формы трастов: прижизненный (inter vivos trust) и завещательный (testamentary trust). Прижизненный траст создается при жизни учредителя, может быть им изменен или отменен; он отличается большей гибкостью в управлении. Завещательный же траст формируется на основании завещания, вступает в силу после смерти учредителя и характеризуется более строгим судебным контролем.

Процесс создания траста начинается с подготовки трастовой сделки (trust deed) – договора, в котором определяются ключевые параметры (имущество траста, права и обязанности доверительных собственников, порядок их назначения, правила распределения доходов и срок действия траста). Документ также может содержать механизмы разрешения споров, порядок изменения условий и инвестиционные ограничения. После подготовки документов происходит регистрация в *Master of the High Court*, где доверительные управляющие получают специальный документ, подтверждающий их полномочия – в том числе, для совершения сделок с третьими лицами в качестве номинальных собственников переданного в управление имущества.

Для континентально-европейского права подходы к учреждению траста, разумеется, нехарактерны. Социально-экономические цели управления

имуществом здесь осуществляются путем создания частных фондов. Рассмотрим этот порядок на примере законодательства Германии.

Для этой страны традиция создания частных фондов идет еще с периода Средних веков, что определяет, в том числе, широкую практическую востребованность различных общественно-полезных и частных фондов. 1 января 2023 г. вступила в силу новая, расширенная редакция главы Германского гражданского уложения (далее – BGB) о фондах. Главная цель реформы законодательства о фондах, которая готовилась на протяжении десятилетия – стандартизация и систематизация. До этого момента соответствующие отношения регулировались довольно короткими и малочисленными нормами BGB (§ 80-87) и региональным законодательством, т.е. актами федеральных земель ФРГ. Это «лоскутное одеяло» из разнородных государственных нормативных актов приводило к многочисленным спорам и правовым неопределенностям - в том числе из-за различных традиций толкования, - которые, разумеется, усложняли практику и не способствовали популярности фондов как организационно-правовой формы юридических лиц [4, p. 31]. Однако в результате реформы на сегодняшний день законодательство о фондах полностью переведено на федеральный уровень, ему посвящено 36 статей (§§ 80-87d BGB), что является довольно развернутым регулированием.

Прижизненные или наследственные фонды в ФРГ уже при их учреждении приобретают различные характеристики за счет самой сделки, лежащей в основе их учреждения (далее – учредительная сделка) совершаемой, соответственно, либо *mortis causa*, либо *inter vivos*. Основное различие данных видов сделок состоит в их правовой природе, которая определяет более частные особенности. Данное различие, в свою очередь, определяет вид частного фонда – прижизненный или наследственный.

Учредительная сделка в Германии – это волеизъявление учредителя в отношении посвящения конкретного имущества определенной им цели. Посредством данной цели воля учредителя получает требуемую объективацию в учредительных документах [4, p. 33].

Помимо учредительной сделки, в сложный юридический состав учреждения частного фонда в ФРГ также входит и другой юридический факт – государственная регистрация («признание») фонда уполномоченным органом той земли, на территории которой фонд будет осуществлять свою деятельность. Отметим, что, в отличие от российского законодательства о личных фондах, а также в отличие от трастового законодательства стран общего права, в Германии уполномоченный орган имеет довольно широкие возможности по отказу в «признании», т.е. регистрации фонда. Так, в §82 BGB прямо говорится, что фонд регистрируется не только при соответствии его устава требованиям п. 1–3 §81 (формальный критерий), но также при условии, что регистрирующему органу «кажется гарантированным» постоянное и устойчивое выполнение целей фонда. Безусловным основанием для отказа в регистрации выступают случаи, когда фонд ставит под угрозу общее благо.

Нормативно-правовое регулирование учредительной сделки на случай смерти осуществляется как наследственным правом, так и нормами института фонда. Таким образом, принцип свободы учредителя (Stifterfreiheit), наряду со свободой договора, дополняется правовыми гарантиями свободы завещания (Testierfreiheit), что имеет существенное значение. Благодаря этому сочетанию, толкование содержания сделки направлено на обнаружение подлинной воли учредителя.

В Германии, с целью того, чтобы юридически «продолжить» существование прежнего собственника даже после его смерти (т.н. «правило мертвой руки») внесение изменений в устав после смерти учредителя частного фонда возможны лишь в самых крайних случаях и лишь на основании судебного решения. В остальном же выраженная единожды воля на создание фонда и определение условий его деятельности «кристаллизуется» в принятых учредительных документах и не подлежит изменению даже самим учредителем в случае, если он все еще жив [5, с. 17].

Далее, в отношении учредительной сделки на случай смерти установлен специфический порядок передачи имущества, которая осуществляется с использованием различных наследственно-правовых механизмов. Например, учредитель может указать в завещании или в наследственном договоре, что фонд выступает в качестве наследника. Это предполагает приобретение имущества фондом по универсальному правопреемству. Таким образом, фонд приобретает не только имущество и права на него, но в составе наследства к нему переходят и обязательства/долги.

Простота создания личного фонда в Германии заключается в том, что если устав создаваемого личного фонда не соответствует требованиям немецкого законодательства (либо он вообще не был составлен), компетентный орган должен потребовать до признания фонда правоспособным дополнения неполного устава или предъявления нового устава (§ 83 BGB). А если исполнитель завещания или наследник не потребуют признания наследственного фонда после смерти учредителя, то обязанность обратиться с соответствующим требованием в компетентный орган власти возлагается на суд по наследственным делам (§ 83 BGB). Таким образом, законодательство Германии отличается простотой создания личного фонда, поэтому случаи невозможности создания личного фонда в силу каких-либо формальных причин минимизируются.

Как следует из §81 BGB, в Уставе фонда учредитель обязан указать на цель создания фонда, упомянуть его название и юридический адрес («штаб-квартиру»), определить порядок формирования совета директоров фонда, а также выделить активы, которые перейдут фонду на праве собственности в качестве имущественной основы для его уставной деятельности. Если речь идет о фондах, созданных на определенный срок, в Уставе также должен быть

указан этот срок (не менее 10 лет). Наконец, учредитель должен определить и порядок использования имущества фонда таким образом, чтобы это обеспечивало «устойчивое выполнение цели фонда и полное исчерпание имущества фонда в течение срока, на который он создается» [6].

Отметим, что немецкая модель выступает ориентиром для многих правопорядков, следующих в фарватере континентальной традиции. Это касается и стран БРИКС, чья экономика, а, следовательно, и гражданское право, стремительно развиваются в последние годы. Например, в Бразилии управление наследственным капиталом регулируется Гражданским кодексом и специальными законами, и основными инструментами для управления активами (в том числе, наследственными) являются модифицированный институт римского частного права фидеикомисс (fideicomisso), а также разработанные на основе немецкого опыта частные фонды (fundação privada).

Фидеикомисс в бразильском праве в принципе является классическим институтом иберoамериканских стран - это особая форма наследственного распоряжения, при которой наследодатель (fideicomitente) передает имущество доверенному лицу (fiduciário) с обязательством в определенный момент или при наступлении условия передать его конечному бенефициару (fideicomissário). Этот инструмент ограничен двумя поколениями - первоначальный получатель и конечный бенефициар должны быть живы на момент создания фидеикомисса.

Частные фонды (fundação privada) - более современный и гибкий инструмент. Они создаются путем регистрации в государственном реестре и должны иметь четко определенную социально-значимую цель. Однако, как и в Германии, оценочный термин «социальная значимость» трактуется достаточно широко и может включать в себя, помимо образовательных или благотворительных целей также расходы на содержание семьи (потомков).

Ключевыми критериями для учреждения частного фонда в Бразилии являются: обязательное наличие устава с четко прописанными целями; регистрация частных фондов как юридических лиц в органах прокуратуры, которые также осуществляют надзор за их уставной деятельностью (Ministério Público). Как и в Германии, минимальный размер капитала частного фонда в Бразилии не установлен, но он должен быть достаточным для реализации заявленных целей. Частные фонды, разумеется, создаются как при жизни их учредителя, так и на случай его смерти (по завещанию).

Впрочем, в отличие от Германии, законодательство Бразилии о частных фондах после реформы 2021 г. частично заимствует элементы трастовой модели. В частности, для защиты интересов бенефициаров предусмотрены гибкие механизмы контроля, как то: ежегодная отчетность перед надзорными органами; обязательный аудит при крупном размере активов; возможность судебного оспаривания решений управляющих; персональная ответственность директоров за убытки.

Далее рассмотрим российское регулирование. Вопросы создания личных фондов в России регулируются положениями ГК РФ о юридических лицах в целом, о некоммерческих организациях, а также собственно правилами о личных прижизненных и наследственных фондах. При этом, регламентация вопросов учреждения наследственных фондов (в силу того, что соответствующие нормы появились раньше) осуществляется более подробно – в ст. 123.20-8 ГК РФ.

Для начала рассмотрим правила, применимые к прижизненному личному фонду, в дальнейшем остановимся на специфике создания наследственных фондов. Учредителем личного фонда по российскому законодательству может быть исключительно физическое лицо, причем множественность лиц на стороне учредителя фонда допускается лишь в случае, если речь идет о супругах, передающим фонду свое общее имущество или его часть. Замена учредителя законом не допускается. Подобные правила, как указывается авторами законопроекта, были предусмотрены для того, чтобы конструкция личного фонда не использовалась для злоупотреблений (прикрытия коммерческой деятельности).

Согласно ч. 2 ст. 123.20-4 личный фонд создается на основании соответствующего решения учредителя. По сути, здесь повторяется рассмотренная выше конструкция учредительной сделки, присущая германскому правопорядку. Этот документ подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Тем не менее, учредительным документом фонда (поскольку он относится к числу юридическим лицам) в силу закона является его устав. В уставе указывается наименование личного фонда, причем в обязательном порядке должны содержаться слова «личный фонд» или «наследственный фонд». Примечательно, что фонд позволяет его учредителям оставаться анонимными (равно как и персональные данные бенефициаров не подлежат раскрытию), однако начавшаяся формироваться практика создания прижизненных личных фондов в России показывает, что некоторые учредители деанонимизируют себя, указывая свое имя в наименовании личного фонда (так, уже известны фонды IT-предпринимателя Хачатура Арушанова, а также татарского бизнесмена Ф. Комарова) [7].

Также в уставе может быть предусмотрено, что личный фонд продолжит действовать и после смерти учредителя: в этом случае его ликвидация по решению органов управления не допускается. Таким образом, фактически из текста ГК РФ можно вывести, что наследственный фонд может быть создан не только нотариусом на основе завещания и приложенных к нему документов, но и путем продолжения деятельности прижизненно созданного личного фонда. Законодатель не указывает, необходимо ли в данном случае переименование юридического лица (в «наследственный фонд» вместо «личного фонда»), однако можно предположить, что подобное переименование потребуется.

Устав, будучи однажды принятым, по общему правилу не должен меняться, однако по российскому законодательству в случае, если речь идет о прижизненном фонде, определенные изменения могут быть произведены самим учредителем, если такое право прямо предусмотрено в тексте устава. На наш взгляд, это довольно спорное положение, которое справедливо критикуется в европейской доктрине. Дело в том, что сама унитарная конструкция фонда не предусматривает, что учредитель в той или иной форме продолжает контролировать использование переданного в фонд имущества (чаще всего – работающего бизнеса). Именно поэтому на такое имущество не обращается взыскание по долгам учредителя. Представляется, что законодатель должен установить пределы правомочий по изменению устава, ограничив их исключительными случаями (например, в части изменения состава бенефициаров). Подобная логика в полной мере отвечает императивной норме ГК РФ, указывающей, что ни учредитель, ни бенефициары не могут входить в органы управления личными фондом (ни единоличные, ни коллегиальные).

Кроме того, учредитель вправе принять дополнительный документ – условия управления личным фондом. Как устав, так и условия управления тоже подлежат нотариальному удостоверению. Также учредителем могут быть приняты иные внутренние документы личного фонда, на основании которых будут обязаны действовать его органы управления.

Если же учредитель предусматривает создание личного фонда после своей смерти (т.е. речь идет о выраженном в завещании поручении создать наследственный фонд), к завещанию также должны быть приложены устав и условия управления таким фондом. По поводу последнего документа примечательно, что при жизни учредитель *имеет право* его принять, однако в случае учреждения фонда *mortis causa* условия управления в *обязательном* порядке должны присутствовать в комплекте документов. Более того, содержание этих документов не может быть изменено для точного следования воле умершего: исключение составляет изменение по решению суда, если возникли обстоятельства, в силу которых деятельность фонда на установленных при жизни учредителя условиях невозможна.

Представляется, что на практике могут возникать сложные ситуации: в завещании может быть указана воля умершего на создание наследственного фонда, однако приложенные документы могут не отвечать установленным требованиям или же их комплект может быть неполным с точки зрения описанного выше «жесткого» перечня. Учитывая, что действия по учреждению наследственного фонда фактически осуществляет нотариус, думается, что именно он должен составлять заявление об учреждении наследственного фонда, обращаясь в территориальный орган Министерства юстиции, отвечающий за регистрацию НКО. Здесь следует согласиться с позицией К.Я. Ананьевой и А.Г. Ананьева о том, что законодателю следует прояснить вопрос о том, кто имеет право заниматься исправлениями документов, которые не устраивают регистрирующий орган [8, с. 126]. К сожалению, указанные авторы не указывают на круг субъектов, которые могут быть уполномочены принимать такие решения. На наш взгляд, это может быть нотариус, исполнитель завещания (душеприказчик) или суд. В данном вопросе может быть воспринят положительный опыт регулирования, действующего в ФРГ. Так, можно обозначить в законе принципиальную возможность включения решения завещателя об учреждении наследственного фонда непосредственно в тест завещания. Принцип тайны завещания является менее приоритетным по сравнению с потенциальной невозможностью создания наследственного фонда ввиду недостатков учредительных документов (тем более, что с самим завещанием также происходят информационные операции в ЕИС) [8, с. 22].

Законодательство устанавливает довольно короткий срок (три дня) после открытия наследственного дела для того, чтобы нотариус обратился к государственному регистратору. Подобные сроки введены для того, чтобы избежать ситуации, когда требующее управления имущество наследодателя (переданное фонду) будет продолжительное время находиться в статусе «лежачего наследства», что, разумеется, не отвечает требованиям экономической эффективности [10, с. 39]. Если нотариус в процессе учреждения фонда отклоняется от воли наследодателя или бездействует, такие действия могут быть оспорены указанными в завещании выгодоприобретателями, наследниками или же органами наследственного фонда.

После того, как наследственный фонд регистрируется, он, действуя уже как самостоятельный субъект права, обращается к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Не позднее шести месяцев со дня открытия наследства нотариус должен выдать наследственному фонду свидетельство о праве собственности на то имущество наследодателя, который он распорядился передать фонду [11, с. 35]. Этим юридическим фактом завершается сложный юридический состав образования наследственного фонда.

Выводы

Несмотря на схожесть социально-экономических целей исследованных в настоящей статье институтов траста, частного и личного фонда, их правовое регулирование заметно различается в зависимости от правовой традиции конкретной страны.

Было установлено, что в странах общего права (в частности, в Великобритании) процедура создания траста отличается наибольшей гибкостью и наименьшей формализацией. Это обусловлено историческим развитием института траста в русле «права справедливости» (*law of equity*) и его сделочной природой. Отсутствие требования об обязательной регистрации и возможность создания траста даже в устной форме (в исключительных случаях) демонстрируют приоритет воли учредителя над формальными процедурами.

Напротив, в странах континентального права, к которым относятся Германия и Россия, создание

частных и личных фондов характеризуется более высокой степенью формализации и необходимостью государственной регистрации (или, как в ФРГ, «подтверждения» на уровне уполномоченных органов земель). Это связано с восприятием фонда как самостоятельного юридического лица, а не как особого правоотношения между сторонами.

В основе создания частных фондов в ФРГ лежит сложный юридический состав, состоящий из двух ключевых юридических фактов: учредительной сделки (с передачей конкретного имущества фонду и установлением условий управления им) и государственной регистрации (признания), где у уполномоченных органов имеется высокая по сравнению с Россией степень усмотрения (дискреции).

Констатировано, что опыт Германии может быть полезен для совершенствования некоторых аспектов российского законодательства о личных фондах. В частности, *de lege lata* установлены риски неясности в процедуре исправления недостатков в учредительных документах наследственного фонда после смерти учредителя. Представляется целесообразным воспринять некоторые элементы немецкого подхода, например, возможность включения решения об учреждении наследственного фонда непосредственно в текст завещания, дабы устранить риски игнорирования воли наследодателя по формальным основаниям.

Литература

1. Канашевский В.А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. №10 (250).
2. Паничкин В.Б. Англо-американское трастовое право. М.: Проспект, 2020.
3. Практическое руководство по трасту: Пер. с англ. / Куперс и Лайбрэнд. М.: ИНФРА-М, 1995.
4. Richter A., Gollan A. Germany: Foundation law in Germany after its fundamental reform // Trusts & Trustees. 2024. №6 (30).
5. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2021.
6. Bürgerliches Gesetzbuch [Electronic source]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE007205360 (дата обращения: 1.08.2024)
7. Личные фонды: первые итоги [Электронный ресурс]. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/lichnye-fondy-pervye-itogi-2305 (дата обращения: 14.09.2024)
8. Ананьева К.Я., Ананьев А.Г. Ограничения конструкции «наследственный фонд» // Вопросы российского и международного права. 2019. №10-1.
9. Капустин А.Н. Сопоставление правовых конструкций регулирования российских личных и европейских частных фондов // Юридическая наука. 2022. №7.
10. Нестерова Т.И., Живаева А.Ю. Правовое регулирование личных фондов в Российской Федерации // Имущественные отношения в РФ. 2023. №2 (257).
11. Ягунова Е.Е. Проблемные вопросы правового регулирования личных фондов в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и бухгалтерского учета. Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции: в 2 томах. Нижний Новгород, 2024.

Establishment of trusts, private and personal funds: comparative legal analysis of the law of England, Germany and the Russian Federation

Pyshkin A.Yu.
RUAS named after G.B. Mirzoev

In the modern economy, the creation of trusts and private/personal funds is an important tool in the system of asset management and financial security for both individuals and legal entities - this is especially true for inheritance relations. This article examines the features and problems of legal regulation of the initial stage of this process - the establishment of these legal institutions in the legal systems selected for the study. In particular, an analysis is made of the procedure for creating trusts in England, private funds in Germany, and personal funds in Russia. Understanding the starting point for the formation of trusts and funds in various legal systems is required for a clearer understanding of how the shortcomings of the current regulation of personal funds in Russia can be compensated for in order to more effectively manage capital.

The study identified key differences in approaches to creating these institutions in common law and continental law countries; analyzed the recent reform of the foundation legislation in Germany (came into force on January 1, 2023), aimed at unifying and systematizing legal regulation at the federal level; studied the features of Russian legislation on personal foundations, identified problems in regulating the procedure for creating hereditary foundations. Based on the comparative analysis, possible ways to improve Russian legislation are proposed. In particular, it is recommended to consider the possibility of including the decision to establish a hereditary foundation directly in the text of the will, which can increase the demand for this institution among Russian citizens. A general trend towards improving the legislation on trusts and foundations in various legal systems has been identified in order to increase their effectiveness as tools for managing property and ensuring financial security.

Keywords: personal foundations, private foundations, trusts, institution, legal entities, hereditary foundations, inheritance relations, asset management

References

1. Kanashevsky V.A. Relationships between trust participants in relation to the property transferred to the trust // Journal of Russian Law. 2017. No. 10 (250).
2. Panichkin V.B. Anglo-American trust law. Moscow: Prospect, 2020.
3. Practical guide to trust: Trans. from English / Coopers and Librebrand. Moscow: INFRA-M, 1995.
4. Richter A., Gollan A. Germany: Foundation law in Germany after its fundamental reform // Trusts & Trustees. 2024. No. 6 (30).
5. Zaikin D.P. Civil-legal status of the foundation in the Russian Federation. Diss. Cand. of Law. Moscow, 2021.
6. Bürgerliches Gesetzbuch [Electronic source]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE007205360 (date of access: 08/01/2024)
7. Personal funds: first results [Electronic resource]. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/lichnye-fondy-pervye-itogi-2305 (date of access: 09/14/2024)
8. Ananyeva K. Ya., Ananyev A.G. Limitations of the “hereditary fund” design // Issues of Russian and international law. 2019. No. 10-1.
9. Kapustin A.N. Comparison of legal structures regulating Russian personal and European private funds // Legal science. 2022. No. 7.
10. Nesterova T.I., Zhivaeva A.Yu. Legal regulation of personal funds in the Russian Federation // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 2 (257).
11. Yagunova E.E. Problematic issues of legal regulation of personal funds in the Russian Federation // Actual problems of economics and accounting. Collection of scientific articles based on the materials of the VI All-Russian scientific and practical conference: in 2 volumes. Nizhny Novgorod, 2024.

Основания классификации противоправной информации

Азаров Михаил Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Azarov.MS@rea.ru

В настоящей статье рассматриваются два основания классификации так называемой противоправной информации (в зависимости от среды ее распространения и в зависимости от возраста тех, кто ее воспринимает и в отношении кого ее воздействие оказывается наиболее деструктивным). Показано, что выявление оснований классификации противоправной или вредной информации является оптимальным путем для уяснения сущности этого комплексного явления в противовес выявлению признаков противоправной информации и анализу только тех видов информации, распространение которых запрещено или ограничено с точки зрения действующего законодательства.
Автором в статье обозначены проблемы привлечения к юридической ответственности реальных распространителей противоправного контента, вопросы цензуры сетевой информации и порождаемые ими проблемы, подчеркивается актуальность борьбы с противоправной информацией, которая размещается в российских социальных сетях под видом «антипропаганды».
Большое внимание уделяется информационной безопасности детей, использующих ресурсы сети Интернет. Обосновано несовершенство предусмотренного российским законодательством механизма защиты детей от запрещенной информации.
Ключевые слова: противоправная информация; вредная информация; деструктивный контент; сеть Интернет; цензура; пропаганда противоправной информации; Даркнет; информационная безопасность детей; социальные сети.

Существуют разнообразные подходы к определению сущности того или иного явления. Так, например, можно определить его сущность выявив соответствующие признаки, которые нередко включаются в содержание конкретного понятия. Впоследствии, исследователь может проанализировать по отдельности каждый из этих признаков в соотношении с целым, то есть понятием, и друг с другом.

Другим подходом является выявление, первоначально предопределенное необходимостью постановки соответствующей гипотезы, разнообразных сущностей, являющихся по мнению исследователя разновидностью или частным случаем того или иного понятия.

Применительно к так называемой противоправной информации, целесообразным видится применение третьего подхода, обусловленного задачей выявления соответствующих оснований классификации подобной информации. Автором настоящей статьи уже предпринималась попытка рассмотреть признаки противоправной информации. Результатом попытки явилась научная статья [1], однако, проведенное исследование показало, что в юридическом научном сообществе не сложилась единая точка зрения на сущность явления под названием «противоправная информация». Даже в терминологическом отношении, правоведы предпочитали говорить о неодинаково называющихся категориях. Например, речь шла о вредоносной и негативной информации, вредной информации, вредоносной информации, негативном контенте, неправомерной информации и так далее. Все это говорит о том, что в информационном праве отсутствует устоявшаяся точка зрения на информацию подобного типа. Отчасти это обусловлено и тем, что в действующем российском законодательстве также не сложилась (не была закреплена) стройная система классификации подобной информации. Не будем утверждать, что это требуется в целях оптимизации противодействия подобному контенту, однако, пока что не будем сбрасывать со счетов и обратное.

Рассматривать противоправную информацию только как совокупность некоторых видов информации, запрещенных к распространению или ограниченных для распространения среди определенных возрастных категорий, методологически не вполне корректно. В этом случае, мы неизбежно будем следовать в русле того подхода, который был заложен законодателем. В России возникновение начал (предпосылок) института так называемой противоправной или вредной информации, происходило не системно, по принципу борьбы с распространением самых опасных (на взгляд законодателя) видов информации, вместе с тем далеко не ко всем видам

деструктивной информации сейчас может быть законно ограничен доступ. То есть деструктивный контент находится в свободном доступе, негативным образом воздействует на население (его сознание), однако, предусмотренных российским законодательством механизмов ограничения его распространения не имеется. Кроме того, учитывая контентное разнообразие противоправной информации, рассматривать информацию, содержащую нецензурную брань (ст. 20.1 КоАП РФ [2]) и, например, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ [3]) исключительно как виды информации, за распространение которых предусмотрена юридическая ответственность, есть проявление непростительно узкого взгляда на существующее положение вещей, в полной мере не учитывающего потенциал и опасность воздействия такой информации на население и в целом на безопасность государства. Подобный подход не позволит продвинуться в понимании сути противоправной информации.

В этой связи, попробуем выделить основания (критерии) классификации противоправной информации, то есть основания, по которым ее можно структурировать в целях уяснения ее сущности (как явления, безусловно, комплексного) и выстраивания подходящей правовой модели противодействия подобному контенту.

Первое основание классификации – среда ее распространения (виртуальная среда / среда оффлайн).

В настоящее время, сеть Интернет – самый удобный способ получения информации. Причем это касается как полезной, так и любой другой информации. Под воздействием информатизации (цифровизации), очень многие процессы, ранее имевшие место только оффлайн (например, получение государственных услуг), постепенно становятся доступными и в сети Интернет. К сожалению, правонарушители, преступники также достаточно хорошо освоили сетевую технологию распространения противоправной информации. Надо понимать, что в сети Интернет одна совершенная операция (действие) часто одновременно приводит к запуску других информационных процессов. Когда некий субъект загружает информацию на свою страницу (это может быть и форум, который он не администрирует), при этом доступ к странице открыт, это не значит, что он просто добавил, разместил эту информацию. Это означает, что с этого момента он начал ее распространять, поскольку любой пользователь сети Интернет теперь может с ней ознакомиться.

Взрослые граждане Российской Федерации, да и то не все, обладают некоторыми навыками работы с информацией и ее отбором, дети же напротив, одна из самых уязвимых категорий с точки зрения потребления контента. Не все дети понимают, что такое хорошо, и что такое плохо, что разрешено с точки зрения закона, а что нет, и, наконец, что социально приемлемо, а что нет. Как отмечается, свыше 40% детей верят информации, которую они находят в Интернете, а 57% "не делают ничего", чтобы найти подтверждение этой информации [4]. Эти цифры являются очень тревожным фактором, особенно в контексте того, что в сети Интернет любой может бесконтрольно размещать любую информацию, причем делать это моментально и на разных ресурсах, не неся за это практически никакой ответственности. Даже если соответствующие органы обратят свое пристальное внимание на Интернет-ресурс, распространяющий информацию подобного рода, выйти на реального распространителя информации будет крайне сложно (если вообще возможно). Один вопрос – это блокировка доступа к соответствующему ресурсу (наличие такой возможности, предусмотренной законодательно и скорость блокировки), другой вопрос – привлечение к ответственности субъекта (субъектов), причастных к распространению конкретной противоправной информации на странице в сети Интернет. Если первый вопрос отчасти решен, то с вопросом привлечения к ответственности реальных распространителей имеются серьезные проблемы (в части расследования подобных дел и методики выявления причастных лиц).

Сеть Интернет – совокупность гигантского количества относительно небольших сетей, которые работают по большей части с привлечением (на базе) инфраструктуры, физические компоненты которой находятся не на территории Российской Федерации. В этой ситуации практически исключается возможность наложения ареста на какие-то сервера и прочее. Если владелец соответствующего форума / сайта не является гражданином Российской Федерации (чаще всего это именно так и, более того, проживает на территории другого государства), будет серьезным образом затруднен процесс привлечения его к ответственности за преступления, совершенные против российских граждан и российского государства (особенно, если речь идет о странах коллективного Запада).

В сети Интернет не существует «цензора» (структуры, осуществляющей «цензурирование» или контроль содержания материалов на всем пространстве Интернета), и многие считают, что это плюс. Но это же делает бессмысленным разговор о качестве и характере размещаемой информации. Они изначально не гарантированы. Единственным, по сути, цензором входящего контента является сам пользователь сети Интернет.

Учитывая порождаемые вышесказанным риски, в особенности в отношении детей, требуется на государственном уровне поставить вопрос о сетевой гигиене, которая должна изучаться в рамках школьной программы. Также, следует поставить и разрешить вопрос о модели ответственности владельцев (и / или администраторов) соответствующих IP-адресов в сети Интернет, в контексте того, какова должна быть их ответственность за действия тех, кто распространяет противоправную информацию с их IP-адресов. Государство не может контролировать даже сотую часть распространяемого по сети контента, а значит к работе по «очищению» российского сегмента сети Интернет должны быть привлечены действующие лица гражданского общества.

В условиях глобализации, которая по всей видимости начала пробуксовывать, поскольку ее ценности в немалой мере противоречат ценностям тех обществ, которые ориентируются на собственную традицию, религию, сложившееся веками понимание морали, в недалеком будущем может встать вопрос о выходе значительного количества стран (включая Россию) из Глобального Интернета в свои собственные закрытые страновые сети. Это усилит ментальный контроль за населением за стороны правительств соответствующих стран, но будет препятствовать размытию национальных традиций и образа мышления.

В настоящее время, особые опасения вызывают сайты, на которых размещается противоправная информация по видом антипропаганды. Например, это может быть «антипропаганда» употребления наркотиков (часть 1.1 статьи 6.13 КоАП РФ) или криминального образа жизни (романтики такого образа жизни). Изучение подобного контента показывает, что, по сути, эта та же самая пропаганда противоправной информации, но с прикрепленным в начале видео или текста объявлением о том, что автор ролика или текста не пропагандирует употребление наркотиков и криминальный образ жизни, и не призывает нарушать закон. Достаточно ли размещать подобное объявление (на которое многие, и взрослые, и дети почти не обращают внимание), чтобы за тем, красочно описывать свой опыт потребления наркотиков или участие в преступных сообществах? Суть в том, что дети могут неправильно воспринять подобную информацию. Может быть, стоит на законодательном уровне определить, кто, в каком контексте, и как имеет право размещать информацию о таких «аспектах» жизни в сети Интернет?

По помимо так называемого общедоступного Интернета, существует и глубинный Интернет, а именно – Даркнет. В относительно недавно вышедшей статье обращалось внимание на то, что в Даркнете существует множество веб-форумов, но эти источники данных в значительной степени остаются вне поля зрения сотрудников правоохранительных органов [5]. Доступ к этому сегменту сети Интернет осуществляется с помощью специального программного обеспечения, и ставит перед правоохранителями задачи по борьбе с теми, кто распространяет подобное ПО через принадлежащие им ресурсы.

Также следует обратить внимание на то, что противодействие распространению противоправной информации до тех пор не будет эффективным, пока не будет четким образом определен весь понятийный аппарат, описывающий контекст, в рамках которого соответствующая информация наиболее эффективно проявляет свои деструктивные свойства. Так, А.Г. Донченко указывал, что лишь незначительное количество уголовных дел, возбужденных по ст. ст. 242 и 242.1 УК РФ, заканчиваются обвинительным приговором, и одной из причин такого положения является отсутствие в российском законодательстве определения понятия порнографии [6]. Помимо этого, он также указал, что определение эротики федеральные законы не содержат. В этом смысле, сложно противостоять какому-либо явлению, покуда само явление должным образом не определено. Распространяющие подобную информацию всегда будут умело использовать существующие пробелы в праве для ухода от ответственности.

Второе основание классификации – по возрасту аудитории (информация, предназначенная для совершеннолетних / несовершеннолетних граждан).

Важность обеспечения информационной безопасности детей предопределена тем, что уже завтра дети будут составлять основу российского общества. Соответственно, важно проследить за тем, какие установки закладываются в них сейчас сетью Интернет, российским телевидением, и всей той информационной продукцией, которая их окружает.

В части 1 статьи 14 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7] закрепляется, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или устройств для потребления никотинсодержащей продукции, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации порнографического характера, от информации, пропагандирующей либо демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, от информации, пропагандирующей педофилию, от информации, способной вызвать у детей желание сменить пол, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

Согласно части 2 статьи 14 вышеуказанного закона, в целях защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, устанавливаются требования к распространению среди детей информации, в том числе требования к осуществлению классификации информационной продукции, ее экспертизы.

Представленные в законе нормы, безусловно, будут иметь и имеют свой позитивный эффект, но следует понимать, что одной лишь классификацией информационной продукции вряд ли можно будет обойтись. В 99,5 % случаев, традиционные СМИ (телевидение, радиостанции, газеты и прочее) не занимаются распространением противоправной информации. Эти СМИ всегда на виду, и, если что-то подобное будет распространяться, моментально последует реакция общества, а впоследствии (через не очень длительный промежуток времени) и реакция со стороны контролирующих государственных органов.

Однако, так не происходит в отношении контента, распространяемого в сети Интернет.

Несовершеннолетние граждане нашей страны начинают пользоваться электронными устройствами (гаджетами) едва ли не до наступления возраста малолетия (6 лет). До наступления несовершеннолетия (14 лет) многие из них обзаводятся страницами в популярных социальных сетях. В ряде случаев, родители детей даже не знают точных адресов аккаунтов своих детей, поскольку они созданы под вымышленными именами или попросту родители не интересуются этим вопросом. Вместе с тем, администрация социальной сети, учитывая многие миллионы мегабайт информации, которые пользователи загружают ежедневно, в реальности имеет возможность как-то реагировать на загруженный контент лишь постфактум, после поступления соответствующего запроса (жалобы) со стороны пользователей. Даже если в социальной сети и имеет место некая премодерация контента, то чаще всего она носит автоматический характер, и ее возможности переоценивать не следует. Ребенку ничего не мешает со своей странички в социальной сети получить доступ к противоправной информации (которая каким-то образом не была «замечена» премодерирующими алгоритмами), и не поставить об этом в известность кого-либо из взрослых.

Если в свободно функционирующем сообществе в популярной российской социальной сети, объединяющем, как правило, часть российских граждан по национальному (этническому) признаку, размещается информация или видео о совершении иностранцем преступления на территории Российской Федерации в отношении российского гражданина и в колонке обсуждения данного видео поднимается волна ненависти по отношению к этому приехавшему иностранцу (и другим иностранцам), не является ли это по сути агитацией национальной нетерпимости? Таких групп за последнее время сформировалось очень много. Все они в открытом доступе, таким образом, любой ребенок, может ознакомиться с информацией, размещаемой в них, и приобщиться, если это будет удовлетворять его нравственному чувству, к соответствующей волне ненависти.

Строго говоря, противники подобной логики обязательно сделают ссылку на свободу мысли и убеждений, на право определенной нации на объединение и некую «общинность», на полезность распространения видео, демонстрирующего насколько в противоречии с действующим законодательством действуют иностранные граждане, приехавшие в Российскую Федерацию на заработки.

Едва ли законопослушные граждане Российской Федерации найдут достаточное число аргументов против того, чтобы распространять информацию о наиболее вопиющих фактах, свидетельствующих о преступлениях иностранных граждан в отношении лиц, имеющих гражданство Российской Федерации. Смущает то, что эта информация добавляется в группы, объединенные по национальному (реже религиозному) признаку, «двигателем» раскрутки которых является национальная нетерпимость. В подобных группах, нередко публикуются кадры о том, как иностранный специалист после проведения с ним представителями той или иной «общины» «профилактической беседы» извиняется на камеру за свои действия. Опасность таких видео и такого подхода очевидна. И это уже касается не только информационной, но и общественной, государственной безопасности.

Так, например, ребенок, ознакомившись с подобной информацией, довольно быстро может прийти к самым простым и неутешительным выводам:

- все иностранные работники, приехавшие из таких-то стран, являются потенциальными преступниками и не преминут совершить преступление, как выпадет удачный момент;

- профилактика совершения преступлений (правонарушений) иностранными гражданами должна производиться исключительно в силовом ключе и непременно силами «общины»;

- у правоохранительных органов недостаточно сил для противодействия преступлениям, совершаемым иностранными гражданами, а, значит, опора должна быть только на новые структуры гражданского общества;

- воздействовать на иностранных граждан, приехавших в страну с целью заработать или с другими целями, необходимо не просто прибегая к профилактическим беседам, но и к физической силе.

К чему все это приведет?

Сейчас мы можем наблюдать кратный рост таких сообществ в одной из популярных социальных сетей Российской Федерации. Если подобная сетевая активность не профилактируется государством (например, в качестве экспериментальной меры по достижению межнационального баланса), то нельзя не признать подобную практику порочной. Поскольку, во-первых, значительное количество людей (в том числе и в первую очередь детей) вовлекаются в потребление противоправной информации (замешанной на национальной нетерпимости и неравенстве); во-вторых, вовлеченные в деятельность «общины» граждане подначиваются к тому, чтобы в нарушение закона применять физическую силу в отношении иностранных граждан, нередко законно находящихся на территории страны (способствует этому распространяемая в сообществах видеопродукция, пропагандирующая насилие и жестокость, а также антиобщественно поведение); в-третьих, осуществляется подмена государственной власти в лице правоохранительных органов властью наспех сколоченных групп граждан, неизвестно кем организуемых и финансируемых.

Согласно части 2 ст. 14.1 упомянутого выше закона, родители (лица, их заменяющие) обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Как отмечает А.К. Полянина, наибольшим влиянием на обеспечение информационной безопасности собственных детей обладают именно родители, которые имеют возможность определять не только время, продолжительность и периодичность потребления детьми различного рода информационной продукции, но и качество этой продукции путем применения родительской власти, безусловно признаваемой государством [8].

Согласимся с тем, что эта власть признается государством, но она далеко не всегда признается самими детьми. Надо понимать, что родитель, в житейской суете, не будет постоянно находиться рядом с ребенком: есть школа, есть кружки, есть улица, есть друзья. Поэтому реальная возможность родительского контроля зачастую сильно преувеличена. Далеко не каждый родитель, а скорее меньшинство, озаботятся тем, чтобы ограничить с помощью соответствующего ПО возможности смартфона своего ребенка по доступу к определенному контенту. К сожалению, и на уровне государственного регулирования (возможностей, имеющихся в распоряжении государства) чаще всего речь идет о том, чтобы оградить детей от потребления вредной (противоправной) информации. При этом, запрещается определенная информация для целей потребления, но не предлагается позитивная повестка, не обрисовывается на должном уровне контент (да и сам этот контент не сильно заметен в масштабах страны), который будет способствовать развитию ребенка в духе патриотизма и следования традиционным духовно-нравственным ценностям.

Можно сказать, что идеи, нашедшие отражение в российском законодательстве, направленном на обеспечение информационной безопасности детей, безусловно верные. Оставляет желать лучшего их практическая реализация родителями, школой, государством.

В Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [9] перечислены виды информации, запрещенной для распространения среди детей. Не оспаривая вредность подобной информации, обратим внимание не следующее. Подпунктом 3.2 части 2 статьи 5 этого закона, к числу такой информации отнесена информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений. Позволим себе покритиковать законодателя за использование формулировки «общественная нравственность». Дело в том, что нравственность есть поведение индивида, базирующееся на тех моральных правилах, которым он следует. Нравственность, таким образом, есть производное от морали. Мораль же в свою очередь у каждого своя. Следовательно, не существует никакой общественной нравственности. Понятно, что законодатель хотел обозначить именно те модели поведения, которые свойственны законопослушным людям, а также людям, поведение которых не выдает установок по низвержению (хотя бы на примере своей собственной жизни) традиционных духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем, использование в тексте закона категорий с довольно расплывчатым содержанием, приведет к тому, что многие из тех, кто в действительности посягают на «общественную нравственность», смогут уйти от ответственности (используя лазейки в законе) за распространение противоправного контента (в том числе, контента, разрушительным образом воздействующего на молодое поколение).

В.Н. Шельменков отмечает, что Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» содержит ряд новационных норм, предусматривающих создание организационно-правовых механизмов защиты детей от распространения в сети Интернет вредной для них информации (возрастную классификацию информационной продукции, ее маркировку, применение сертифицированных технических и программно-аппаратных средств [10]).

Действительно, это так. Но это касается деятельности лишь тех субъектов, которые изначально находятся под довольно строгим контролем со стороны компетентных государственных структур (сетевые издания, аудиовизуальные сервисы). Вместе с тем, согласно пп. 6 части 4 ст. 11 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», оборот информационной продукции, содержащей информацию, предусмотренную статьей 5 настоящего Федерального закона, без знака информационной продукции не допускается, за исключением информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", кроме сетевых изданий и аудиовизуальных сервисов. Исходя из содержания нормы, огромные массивы по своей сути противоправной информации (негативно влияющей на сознание и психику несовершеннолетнего) находятся в режиме свободного доступа, который можно реализовать со смартфона ребенка. Естественно, крупные аудиовизуальные платформы, официально действующие на территории Российской Федерации, не будут игнорировать требования закона в части классификации аудиовизуальных произведений. Но дело в том, что в сети Интернет, ребенок может посмотреть неправомерно загруженный на какую-нибудь неофициальную платформу фильм (пусть и не содержащий запрещенную информацию), который не будет соответствовать его возрасту или же сможет ознакомиться с запрещенным контентом иного рода, которым переполнена сеть Интернет.

Если сеть Интернет является фактором, во многом определяющим социализацию детей, то в каком ключе они социализируются, учитывая «наполнение» Интернета?

Приведем статистику, касающуюся детей, представленную в исследовании Е.А. Брылевой (она касается города Перми и Пермского края, но ее вполне можно экстраполировать на всю Россию). Она указывает, что 57% респондентов отметили, что проводят в Интернете в среднем более трех часов, и лишь 29,5% указали, что родители ограничивают время пользования ими компьютером и Интернетом. Из всех респондентов 61,8% указали (ответили "да" или "иногда"), что просматривают видеоролики в Интернете со сценами насилия, 75,2% - жестокости, 61,2% - террористических актов, 79,7%

- массовых беспорядков, 46,8% - порнографии [11]. Исследование показывает, что большой процент детей самостоятельно определяют ресурсы, которые они посещают в сети Интернет. И поскольку это так, на выбор ребенком ресурсов для ознакомления в сети Интернет неизбежно будут оказывать влияние его воспитание, окружение (сверстники), модели поведения, которые он имеет возможность обозревать в сети Интернет и по телевидению (они оставляют желать лучшего). К тому же никто не отменял принцип под названием «запретный плод сладок»: ребенок может решиться на то, чтобы приобщиться к противоправному контенту.

Так или иначе, видится, что на данный момент российские родители пока еще недооценивают угрозы, проистекающие из сети Интернет и нацеленные на их детей.

Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» именно на родителей возлагается обязанность проследить за тем, чтобы ребенок ни в коем случае не ознакомился с информацией, запрещенной или ограниченной к распространению среди детей. Сама норма предусмотрена частью 1 ст. 14 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и звучит следующим образом: доступ к информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", в местах, доступных для детей, предоставляется лицом, организующим доступ к сети "Интернет" в таких местах (за исключением операторов связи, оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме), другим лицам при условии применения административных и организационных мер, технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Не оспаривая важности этой нормы, обратим внимание на некоторую ее несовременность. Сейчас (учитывая высочайший уровень цифровизации России), трудно представить себе ребенка, которому потребовалось бы для получения соответствующей (противоправной по своей сути, не подходящей по возрасту и в силу требований закона) информации, посетить интернет-кафе или зону доступа к сети на территории почтового отделения. Если такое и существует, то только в самых отдаленных уголках России, где еще сохраняется цифровой разрыв. Как правило, для поиска информации, дети пользуются домашним ПК либо своим смартфоном, и, как правило, родители не устанавливают никаких блокировок на эти устройства. Операторы связи, очевидно, в силу технической сложности исполнения, не должны и не могут обеспечивать информационную безопасность детей, посещающих сеть Интернет (вопрос о применяемых средствах в данном случае представляется неактуальным). Это с точки зрения закона и договора невозможно: дети выходят в сеть Интернет на основании договоров, которые были заключены их родителями.

Даже если представить, что первая попытка ребенка получить доступ к противоправной информации, выведет его на страницу сайта, свидетельствующую о том, что, например, МТС ограничил доступ к этому информационному ресурсу в соответствии с требованиями Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12], то где гарантия, что ребенок со второй попытки не получит доступ к противоправной информации?

Подобная информация появляется в сети Интернет значительно быстрее, чем по решению федерального органа исполнительной власти, суда или постановлению судебного пристава-исполнителя соответствующая информация будет включена в Единый реестр доменных имен, согласно ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Иные основания классификации противоправной информации будут рассмотрены в следующей части настоящей статьи.

Литература

1. Азаров, М. С. Юридическая категория «вредная информация» / М. С. Азаров // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 1(72). – С. 8-13. – EDN KMWPKW.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Российская газета», № 256, 31.12.2001, «Парламентская газета», № 2-5, 05.01.2002, «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954, «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

4. Гузеева, О. Ответственность за распространение информации пронаркотического характера в российском сегменте сети «Интернет» / О. Гузеева // Законность. – 2007. – № 7(873). – С. 41-44. – EDN KUBUPD.

5. Бубнова, О. Ю. К вопросу исследования и анализа скрытого сегмента сети Интернет / О. Ю. Бубнова, С. Н. Сухов, А. М. Шувалова // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 48-52. – DOI 10.18572/1812-3783-2023-4-48-52. – EDN RDDSRW.

6. Донченко, А. Г. Понятие порнографии в российском уголовном праве / А. Г. Донченко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 2(295). – С. 186-192. – EDN ODYLRP.

7. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31, ст. 3802, «Российская газета», № 147, 05.08.1998.

8. Полянина, А. К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей / А. К. Полянина // Семейное и жилищное право. – 2015. – № 2. – С. 34-38. – EDN TNEOWH.

9. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Российская газета», № 297, 31.12.2010, «Собрание законодательства РФ», 03.01.2011, № 1, ст. 48, «Парламентская газета», № 1-2, 14-20.01.2011.

10. Шельменков, В. Н. О характеристике Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» / В. Н. Шельменков // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 2(50). – С. 75-79. – EDN QAAADF.

11. Брылева, Е. А. О реализации права на информационную безопасность несовершеннолетних (на примере Пермского края) / Е. А. Брылева // Информационное право. – 2015. – № 1. – С. 31-34. – EDN TKIWYV.

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Российская газета», № 165, 29.07.2006, «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448, «Парламентская газета», № 126-127, 03.08.2006.

Basis for Classifying Illegal Information

Azarov M.S.
Plekhanov Russian University of Economics

This article examines two bases for classifying so-called illegal information (depending on the environment in which it is distributed and depending on the age of those who perceive it and for whom its impact is most destructive). It is shown that identifying the bases for classifying illegal or harmful information is the optimal way to understand the essence of this complex phenomenon, as opposed to identifying the signs of illegal information and analyzing only those types of information whose distribution is prohibited or restricted from the point of view of current legislation.

In the article, the author identifies the problems of bringing real distributors of illegal content to legal responsibility, issues of censorship of online information and the problems they generate, and emphasizes the relevance of the fight against illegal information that is posted on Russian social networks under the guise of "anti-propaganda".

Much attention is paid to the information security of children using Internet resources. The imperfection of the mechanism for protecting children from prohibited information provided by Russian legislation is substantiated. Keywords: illegal information; harmful information; destructive content; Internet; censorship; propaganda of illegal information; Darknet; information security of children; social networks.

References

1. Azarov, M. S. Legal category "harmful information" / M. S. Azarov // Scholarly works of the Russian University of Advocacy and Notaries named after G. B. Mirzoev. - 2024. - No. 1 (72). - P. 8-13. - EDN KMWPKW.
2. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 No. 195-FZ. The original text of the document was published in the publications "Rossiyskaya Gazeta", No. 256, 31.12.2001, "Parliamentary Newspaper", No. 2-5, 05.01.2002, "Collection of Legislation of the Russian Federation", 07.01.2002, No. 1 (Part 1), Art. 1.
3. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 No. 63-FZ. The original text of the document was published in the publications "Collection of Legislation of the Russian Federation", 17.06.1996, No. 25, art. 2954, "Rossiyskaya Gazeta", No. 113, 18.06.1996, No. 114, 19.06.1996, No. 115, 20.06.1996, No. 118, 25.06.1996.
4. Guzeeva, O. Responsibility for the dissemination of pro-drug information in the Russian segment of the Internet / O. Guzeeva // Legality. - 2007. - No. 7 (873). - P. 41-44. – EDN KUBUPD.
5. Bubnova, O. Yu. On the issue of research and analysis of the hidden segment of the Internet / O. Yu. Bubnova, S. N. Sukhov, A. M. Shuvalova // Russian investigator. – 2023. – No. 4. – P. 48-52. – DOI 10.18572/1812-3783-2023-4-48-52. – EDN RDDSRW.
6. Donchenko, A. G. The concept of pornography in Russian criminal law / A. G. Donchenko // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2011. – No. 2 (295). – P. 186-192. – EDN ODYLRP.
7. Federal Law of 24.07.1998 No. 124-FZ "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation". The original text of the document was published in the publications "Collection of Legislation of the Russian Federation", 03.08.1998, No. 31, art. 3802, "Rossiyskaya Gazeta", No. 147, 05.08.1998.
8. Polyanina, A.K. Family and legal liability of parents for improper fulfillment of the obligation to ensure the information security of children / A.K. Polyanina // Family and housing law. - 2015. - No. 2. - P. 34-38. - EDN TNEOWH.
9. Federal Law of 29.12.2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development". The original text of the document was published in the publications “Rossiyskaya Gazeta”, No. 297, 31.12.2010, “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 03.01.2011, No. 1, art. 48, “Parliamentary Newspaper”, No. 1-2, 14-20.01.2011.
10. Shelmenkov, V. N. On the characteristics of the Federal Law “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development” / V. N. Shelmenkov // Administrative and municipal law. - 2012. - No. 2 (50). - P. 75-79. - EDN QAAADF.
11. Bryleva, E. A. On the implementation of the right to information security of minors (on the example of Perm Krai) / E. A. Bryleva // Information law. – 2015. – No. 1. – P. 31-34. – EDN TKIWYV.
12. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection". The original text of the document was published in the publications "Rossiyskaya Gazeta", No. 165, 29.07.2006, "Collection of Legislation of the Russian Federation", 31.07.2006, No. 31 (part 1), art. 3448, "Parliamentary Newspaper", No. 126-127, 03.08.2006.

О необходимости расширения перечня лиц в отношении имущества которых может быть предъявлен иск об обращении в доход государства в рамках противодействия коррупции

Брослав Александр Анатольевич
Аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, a.broslav@yandex.ru

В статье рассматривается необходимость расширения перечня лиц, в отношении имущества которых может быть предъявлен иск об обращении в доход государства в рамках Федерального закона от 03.12.2012 №230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Автор анализирует текущую правоприменительную практику, выявляя противоречия в судебных актах и неопределенность в трактовке норм закона, которые требуют вмешательства законодателя.
Ключевые слова. Коррупция, обращение в доход государства, контроль за соответствием расходов, перечень лиц, антикоррупционное законодательство.

В современных условиях противодействие коррупции стало одной из ключевых задач, стоящих перед государством. Эффективная борьба с коррупцией, в частности требует внедрения и постоянного совершенствования механизмов, обеспечивающих эффективный контроль имущественного положения (соответствия расходов легальным доходам) лиц, занимающих ответственные посты в обществе. Такими инструментами являются институты контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности и иных лиц, их доходам, а также институт обращение в доход государства имущества в случаях, когда такие публичные служащие не могут доказать его приобретение на легальные доходы.

Однако существующая правовая база, регулирующая эти процессы, ограничена в своем охвате и в ряде случаев не позволяет эффективно пресекать коррупционные проявления. Это порождает необходимость пересмотра и расширения перечня лиц, в отношении которых такие меры могут применяться. Расширение правовых рамок, предусмотренных Федеральным законом № 230-ФЗ, открывает новые возможности для усиления контроля за соблюдением принципов законности и добросовестности, а также станет важным шагом в укреплении доверия общества к институтам государственной власти.

Анализируя практику применения данного института, следует отметить, что первые несколько лет его работа не была заметна, однако, многочисленные законодательные поправки исправили положение, подтверждением чему является приводимая Генеральной Прокуратурой РФ статистика. В частности, в 2020 году в казну государства поступило имущество государственных служащих на сумму почти 8 млрд рублей, в 2021 — 52 млрд рублей, в 2022 году у отечественных государственных и муниципальных служащих изъяли уже 7,5 тыс. объектов имущества, на сумму свыше 90 млрд рублей[50]. Отметим, что наиболее часто, при возбуждении уголовного дела в отношении коррупционера выявляются факты скрытного проявления коррупционной деятельности. В частности, в большинстве случаев незаконно приобретенное имущество государственных служащих, записывается на его близких родственников, которые не указываются им в справках

[50]Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (дата обращения: 05.10.2023).

о доходах и расходах, подлежащих отчету. Следственных примеров тому достаточно много.

Так, Генеральной Прокуратурой подано заявление об обращении в доход государства, имущество стоимостью свыше 130 миллионов рублей, принадлежащие бывшему начальнику отделения УМВД России по Ростову-на-Дону Н. Щитову, который все свои активы оформлял на родственников[1]. Приобрел имущество на сумму 1 миллиард 469 миллионов 127 тысяч рублей в обход антикоррупционного законодательства и бывший сенатор Карачаево-Черкесии Рауф Арашуков, оформляя свои «покупки» на отца, иных родственников, охранников, личного водителя[2]. Аналогичные случаи имели место быть и ранее, например, дело в отношении главы Серпуховского района А.В. Шестун, где в качестве ответчиков предстали 14 физических и 20 юридических лиц, которые не были в близком родстве с государственным служащим, но оформленное на них имущество, благодаря коррупционеру, составило 10 млр.рублей[3]. В этом же году по иску прокуратуры в пользу государства было обращено имущество бывшего главы Клинского района А.Н. Постригань, который все свои активы оформил на 12 юридических и 12 физических лиц[4].

Примечательно, что данные полномочия по обращению взыскания на имущество «не родственников» предоставил органам прокуратуры Конституционный Суд Российской Федерации, определив, что обращение взыскание на имущество государственного служащего относится к мерам особого характера и в доход государства может быть обращена собственность любого человека, если он не докажет законность ее происхождения[5].

К числу аналогичных дел, относится и Определение Конституционного Суда РФ № 2366-О/2020[6]. Согласно фабуле дела, в отношении заявителя и членов его семьи вступили решения судов об обращении в доход государства, принадлежащего им имущества, законность происхождения которого они подтвердить не смогли.

Законность принятых решений, а также оспариваемых положений Федерального закона № 230-ФЗ Конституционный Суд Российской Федерации обосновал ссылкой на Конвенцию ООН против коррупции 2003 года, пункт 3 статьи 19 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года, а также Конституцию Российской Федерации. В частности, суд отметил, что оспариваемые положения Федерального закона № 230-ФЗ, отвечают международным стандартам борьбы с коррупцией, которые имеют приоритет в части борьбы с коррупцией.

Более того, подкрепляя свою позицию ссылками на собственные постановления и определения от 29 ноября 2016 г. № 26-П[7], от 29 от 9 января 2019 г. № 1-П[8], от 6 июня 2017 г. № 1163-О[9], суд отметил, что данный вид мер в отношении имущества государственных служащих, законность происхождения которого не удалось доказать, носят особый характер и применяются в «защиту конституционно значимых ценностей»[10].

---

[1] Генпрокуратура нашла активы на более 130 млн рублей у сотрудника МВД [Электронный ресурс] // URL: https://rossaprimavera.ru/news/1f4f2d53 (дата обращения:20.09.2023).

[2] Решение Басманного районного суда г. Москвы от 22 июля 2021 года по делу Рауфа Арашукова [Электронный ресурс] // URL: https://neftegaz.ru/news/arbitrage/689831-sud-obratil-v-dokhod-gosudarstva-imushchestvo-arashukovykh-na-1-5-mlrd-rub/(дата обращения:20.09.2023).

[3] Решение Красногорского городского суда от 08.04.2019 по делу №2-3150/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Решение Клинского городского суда от 15.05.2019 по делу №2-1916/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 02 октября 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семыниной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf(дата обращения:20.09.2023).

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2366-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Саиткуловой Суфии Хамаевны, Фаттахова Радифа Масхутовича и Фаттаховой Римы Радифовны на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 7, частями 1, 2 и 4 статьи 9 и статьей 14 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС Консультант Плюс.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова» // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 1163-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романенко Дарьи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 1 статьи 4, частью 3 статьи 16, статьей 17 и частью 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2366-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Саиткуловой Суфии Хамаевны, Фаттахова Радифа Масхутовича и Фаттаховой Римы Радифовны на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 7,

Примечательным остается и то, что подобных дел, находящихся в производстве Конституционного Суда Российской Федерации достаточно много ввиду того, что судами нормы данного института в отношении круга субъектов трактуется достаточно широко[1], что говорит о неопределенности судов в толковании закона.

Противоречивость судебной практики и ее неопределенность по данному вопросу возможно привести на примере определения Второго кассационного суда общей юрисдикции, который прямо указал на допустимость обращения в доход государства имущества родственников, свойственников и иных подконтрольных лиц субъекта[2], в то время как в другом определении этот же суд отказал в подобном ходатайстве, отметив неправильное толкование норм материального права[3].

Многолетнее существование данной проблемы в правоприменительной практике обоснованно отсутствием соответствующего механизма обращения в доход государства имущества третьих лиц, не относящихся к субъектам, в отношении которых осуществляется контроль расходов. Указанное также свидетельствует, что на сегодняшний день, правоприменитель, в лице судебных органов, вопреки позиции законодателя, отводит на усмотрение Генеральной Прокуратуры определение круга субъектов, причастных к делам о соответствии расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам.

Ввиду того, что судебная практика пошла по пути расширения круга субъектов, в отношении которых возможно обращение взыскания на имущество, приобретение которого законным путем не доказано, видится необходимым привести в соответствие действующее законодательство, регламентирующее данный институт. В этой связи предлагается отказаться от ограничения субъектного состава, представленного в Федеральном законе №230-ФЗ и представить прокурору право предъявлять иск об обращении имущества иных лиц, при условии, если им будет доказана связь между данным имуществом и его фактическим владением должностным лицом, в отношении которого проводился контроль.

Расширение круга субъектов, на имущество которых возможно обращение взыскания требует приведения в соответствие и остальных норм данного Федерального закона.

Первую исследованную проблему составляет отсутствие законодательно проработанного механизма обращения в доход государства имущества третьих лиц, не относящихся к субъектам, в отношении которых осуществляется контроль расходов, фактическое владение которым осуществляет лицо, представленное в ст. 2 закона № 230-ФЗ. Указанное также свидетельствует, что на сегодняшний день, правоприменитель, в лице судебных органов, вопреки позиции законодателя, отводит на усмотрение Генеральной Прокуратуры определение круга субъектов, причастных к делам о соответствии расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам.

Противоречивость судебной практики по данному вопросу, в своем большинстве идущей по пути расширения круга субъектов, в отношении которых возможно обращение взыскания на имущество, приобретение которого законным путем не доказано, обосновывает необходимость приведения в соответствие действующее законодательство, регламентирующее данный институт.

В этой связи предлагается предусмотренный статьей 2 Федерального Закона № 230-ФЗ перечень субъектов, в отношении которых устанавливается контроль за расходами, сделать открытым, изложив п. 3 ч. 1 следующим образом: «супруг (супругов) и несовершеннолетних детей лиц, замещающих (занимающих) или замещавших (занимавших) должности, указанные в пункте 1 настоящей части, а также иных лиц, в предусмотренных настоящим законом случаях».

Полагаем, что требуется дополнить статью 17 данного закона частью 3.1, в соответствии с которой

«При выявлении в ходе осуществления контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, обстоятельств, свидетельствующих о наличии связи между имуществом, принадлежащим на праве собственности иным лицам и фактическим владением которым осуществляют лица, указанные в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, вопрос об обращении на него взыскания разрешается в судебном порядке аналогично имуществу лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, а также его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, в отношении которого данным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы».

Литература

1. Генпрокуратура нашла активы на более 130 млн рублей у сотрудника МВД [Электронный ресурс] // URL: https://rossaprimavera.ru/news/1f4f2d53 (дата обращения: 20.09.2023).

частями 1, 2 и 4 статьи 9 и статьей 14 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «КонсультантПлюс».

[1] Смотреть, например: Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 1552-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Саратовцевой Яны Александровны на нарушение ее конституционных прав частями 1 - 3 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»» // СПС «КонсультантПлюс»,

[2] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2020 г. № 88-14287/2020 по делу № 2-986/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2020 г. № 88-8306/2020 по делу № 2-1714/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2020 г. № 88-8306/2020 по делу № 2-1714/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

3. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2020 г. № 88-14287/2020 по делу № 2-986/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

4. Определение Конституционного Суда РФ от 02 октября 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семыниной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf(дата обращения:20.09.2023).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 1163-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романенко Дарьи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 1 статьи 4, частью 3 статьи 16, статьей 17 и частью 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 1552-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Саратовцевой Яны Александровны на нарушение ее конституционных прав частями 1 - 3 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»» // СПС «КонсультантПлюс»

7. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2366-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Саиткуловой Суфии Хамаевны, Фаттахова Радифа Масхутовича и Фаттаховой Римы Радифовны на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 7, частями 1, 2 и 4 статьи 9 и статьей 14 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2366-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Саиткуловой Суфии Хамаевны, Фаттахова Радифа Масхутовича и Фаттаховой Римы Радифовны на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 7, частями 1, 2 и 4 статьи 9 и статьей 14 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС Консультант Плюс.

9. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (дата обращения: 05.10.2023).

10.Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова» // СПС «КонсультантПлюс»

11.Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

12.Решение Басманного районного суда г. Москвы от 22 июля 2021 года по делу Рауфа Арашукова [Электронный ресурс] // URL: https://neftegaz.ru/news/arbitrage/689831-sud-obratil-v-dokhod-gosudarstva-imushchestvo-arashukovykh-na-1-5-mlrd-rub/(дата обращения: 20.09.2023).

13.Решение Клинского городского суда от 15.05.2019 по делу №2-1916/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

14.Решение Красногорского городского суда от 08.04.2019 по делу №2-3150/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

15.Федеральный закон №230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности и иных лиц их доходам» от 03 декабря 2012 года // Собрание законодательства РФ. 10.12.2012. № 50 (часть IV). Ст. 6953.

The necessity of expanding the list of persons whose property may be sued for conversion to state revenue as part of anti-corruption efforts

Broslav A.A.
Postgraduate,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article discusses the need to expand the list of persons whose property can be sued for conversion to state income within the framework of the Federal Law of 03.12.2012 № 230-FZ «On control over the compliance of expenditures of persons holding public office and other persons with their income». The author analyzes the current law enforcement practice, identifying contradictions in judicial acts and uncertainty in the interpretation of the norms of the law, which require the intervention of the legislator.

Keywords**:** Corruption, recourse to the state, control over compliance of expenditures, list of persons, anti-corruption legislation.

References

1. The General Prosecutor's Office found assets worth over 130 million rubles belonging to an Interior Ministry employee [Electronic resource] // URL: https://rossaprimavera.ru/news/1f4f2d53 (accessed on: 20.09.2023) [In Russian]
2. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction from May 29, 2020, No. 88-8306/2020 in case No. 2-1714/2019 // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
3. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction from July 8, 2020, No. 88-14287/2020 in case No. 2-986/2019 // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from October 2, 2019, "On the refusal to accept the complaint of citizens Dmitry Viktorovich Zakharchenko and Marina Alexandrovna Semyina regarding the violation of their constitutional rights and the constitutional rights of their minor daughter in relation to the provisions of federal laws 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes,' 'On Combating Corruption,' and 'On State Civil Service in the Russian Federation'" [Electronic resource] // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf (accessed on: 20.09.2023) [In Russian]
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from June 6, 2017, No. 1163-O "On the refusal to accept the complaint of citizen Daria Sergeevna Romanenko regarding the violation of her constitutional rights by subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as part 1 of Article 4, part 3 of Article 16, Article

17, and part 2 of Article 18 of the Federal Law 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes'" // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from June 25, 2019, No. 1552-O "On the refusal to accept the complaint of citizen Yana Aleksandrovna Saratovtseva regarding the violation of her constitutional rights by parts 1-3 of Article 17 of the Federal Law 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes'" // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from September 29, 2020, No. 2366-O "On the refusal to accept the complaints of citizens Sufia Khamaevna Saitkulova, Radif Maskhutovich Fattakhov, and Rima Radifovna Fattakhova regarding the violation of their constitutional rights by part 1 of Article 7, parts 1, 2, and 4 of Article 9, and Article 14 of the Federal Law 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes'" // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from September 29, 2020, No. 2366-O "On the refusal to accept the complaints of citizens Sufia Khamaevna Saitkulova, Radif Maskhutovich Fattakhov, and Rima Radifovna Fattakhova regarding the violation of their constitutional rights by part 1 of Article 7, parts 1, 2, and 4 of Article 9, and Article 14 of the Federal Law 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes'" // SPS ConsultantPlus [In Russian]
9. Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (accessed on: 05.10.2023) [In Russian]
10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from January 9, 2019, No. 1-P "On the case of checking the constitutionality of part 1 of Article 16 and part 1 of Article 17 of the Federal Law 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes' in connection with the complaint of citizen G.P. Kristov" // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from November 29, 2016, No. 26-P "On the case of checking the constitutionality of subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law 'On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes' in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan" // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
12. Decision of the Basmanny District Court of Moscow from July 22, 2021, in the case of Rauf Arashukov [Electronic resource] // URL: https://neftegaz.ru/news/arbitrage/689831-sud-obratil-v-dokhod-gosudarstva-imushchestvo-arashukovykh-na-1-5-mlrd-rub/ (accessed on: 20.09.2023) [In Russian]
13. Decision of the Klin City Court from May 15, 2019, in case No. 2-1916/2019 // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
14. Decision of the Krasnogorsk City Court from April 8, 2019, in case No. 2-3150/2019 // SPS "ConsultantPlus" [In Russian]
15. Federal Law No. 230-FZ "On Control of Compliance Between the Expenses of Public Officials and Other Persons and Their Incomes" of December 3, 2012 // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 10, 2012. No. 50 (Part IV). Article 6953 [In Russian]

Рассуждение об использовании квадрокоптера с искусственным интеллектом при осмотре места происшествия, заменяя роль участия понятых на примере незаконной вырубки лесных насаждений

Горошко Олег Евгеньевич
аспирант, Югорский государственный университет, 79124154182@mail.ru

Введение: данная тема в настоящее время является актуальной в силу того, что присутствуют сложности поиска человека для участия в следственных мероприятиях, особенно в весьма удаленных местах, где практически отсутствует возможность найти участника в качестве понятого. **Цель:** проанализировать сложности и найти возможные пути разрешения уголовно-правовой проблемы. **Методы:** методологической основой научного познания преимущественно является эмпирический, статометрический, диалектический, метафизический, анализ, синтез, историческая ретроспектива. **Результат:** рассуждение о действительном разрешении проблемы путем изменения в УПК РФ и об возможном удалении института участия понятых, которое впоследствии будет способствовать ускорению работы и снижению нагрузки на следственные органы. Кроме того, использование квадрокоптера в качестве помощника патруля, поможет впоследствии значительно снизить уровень преступности. Помимо этого, замена участника(человека) на квадрокоптер в роли понятого, ускорит проведение следственных мероприятий, и таким путем снизит нагрузку на правоохранительные органы. Приведен пример из практики следственных органов Сингапура для разрешения данной проблемы путем применения современных технологий для улучшения работы и профилактики в нашей стране.
Ключевые слова: криминология, уголовное право, расследования, профилактика, экологические преступления, рубка.

Первые удачные модели квадрокоптеров стали появляться в России только в начале второго десятилетия 21 века. Самой распространённой и качественной моделью одобренными профессионалами и любителями стала DJI Phantom. Прошло совсем немного времени и уже на сегодняшний день беспилотные летательные аппараты мультироторного типа используются во многих отраслях: кинематографии, сельского хозяйства, строительства, геодезии, мониторинга пожаров, службы доставки... Еще недостаточно продвинулись в этой сфере, но уже существуют беспилотные аэротакси в России и одной из компаний, работающих в этом направлении является Hover.

В целом авиационная деятельность развивается более 2 000 лет, но прогресс в области мультироторных систем таких как: квадрокоптеры, октокоптеры и иные летательные аппараты с большим количеством винтов стало возможным только в последние 20 лет. Необходимо разобраться: что же сдерживало прогресс и что же произошло в «нулевые года»?

Можем предположить, что вертолетостроение началось с эскизов Леонардо да Винчи, на которых было изображено необычное устройство с архимедовым винтом. Дальше больше, человек всегда стремился подняться в небо и осмотреть всё с высоты полета, заглянуть в затаенные от глаз человека уголки, дать себе ответ на трудноразрешимые вопросы.

И только к концу 20-х века произошла научно-техническая революция, которая затронула, в том числе модели вертолетного типа с беспилотным управлением. Историческая проблема состояла в том, что необходимо было создать для них электронный двигатель и аккумулятор. И сделаем небольшой исторический вывод, что только вначале 21 века были созданы все необходимые компоненты для стабильной работы квадрокоптеров и им же подобным механизмам.

Нам необходимо затронуть возможную правосубъектность механизма под наименованием «квадрокоптер» с применением к нему программного обеспечения «искусственный интеллект». Вышесказанный объект послужит хорошим инструментом в следственной практике, заменяя участника в роли понятого. Но необходимо чтобы данный механизм обладал интеллектом среднего уровня, то есть имел действительное наименование объекта « ма-

шина средне-интеллектуальная» или «машина - разумная»[8]. Чтобы аппарат мог помогать в ходе следственных действий (в том числе осмотр места происшествия). Исторически уже применяли похожий механизм только этот объект являлся роботом. На следственной практике были попытки применения робота при досудебном расследовании техногенной аварии. Одним из примеров является обследование второго реактора аварийной японской АЭС «Фукусима-1» на который был направлен робот, оборудованный камерами, а также датчиками уровня радиации и температуры, однако он не смог добраться до цели в силу невозможности преодоления обломков, преградивших путь. Что является проблемой для наземного механизма и предполагаем возможность использования квадрокоптера с видеокамерой практически во всех следственных мероприятиях в том числе осмотре места происшествия. Также на одном из информационных сайтов в хронологии событий, установили, что «эксперты-криминалисты осмотрели с вертолета АЭС и сделали первые цветные фотографии. Затем с участием заместителя прокурора области был составлен первый официальный документ – протокол осмотра места происшествия»[9]. Вот только остается загвоздка в том, что в вертолете нужен пилот. И это только усложняет процесс проведения следственных мероприятий, а если подключить к этому квадрокоптер с видеокамерой, то данная проблема вполне может положительно разрешиться. Но остается еще одна проблема о правосубъектности и правового статуса в обществе. Чтобы привлечь квадрокоптер в качестве понятого нам необходимо наделить устройство определенными правами и обязанностями. Как ранее было сказано, что механизм летательный, наделяется определенным статусом, и выделяются некоторые из них такие виды как:

1) Права как у физического лица – это предоставление прав и обязанностей наравне с человеком.

2) Права как у юридического лица – это предоставление прав и обязанностей с оформлением в качестве предприятия.

3) Отсутствие прав, рабский статус – этот объект рассматривается как вещь, который только исполняет обязанности, существует для лица только имущественные права (право на подзарядку) [8].

Разбирая три вида ИИ в квадрокоптере, больше всего подходит «Права как у физического лица». Так как термин «понятой» гласит (ссылаемся на ч. 1 ст. 60 УПК РФ): «Понятой - незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия». Можем с уверенностью обосновать, что «Понятой» и «Права как у физического лица» будут тождественны. Так как рабский статус дает исполнять только простые поручения. Например: фотографирование осмотра места происшествия, грузоперевозки нетяжелых объектов, наблюдение и им же подобные действия. А если добавить к этому такой же статус практически равный как у человека. Можем предположить, что данное устройство может подписывать протокол осмотра места происшествия, обыска, выемки электронных носителей информации, личного обыска и предъявления для опознания. Но при этом, статус человека становится более особенным, так как в случае угрозы от ИИ в целом, появляется необходимость экстренно выключить данный механизм.

Вышесказанный статус разобрали, теперь необходимо разобраться с принципом незаинтересованности в исходе уголовного дела. На определенный квадрокоптер необходимо совершить запрос от стороннего государственного учреждения и именно тут проявляется новый принцип незаинтересованности квадрокоптера независимого от участников досудебного расследования. То есть следователь отправляет запрос в специализированное учреждение по квадрокоптеру с целью принятия участия в качестве понятого в следственных мероприятиях. Все вышесказанные квадрокоптеры оснащены искусственным интеллектом, видеокамерой и CD-ROM с достаточным количеством памяти. Для того чтобы подтвердить участие понятого в виде квадрокоптера, будет достаточно подписи со стороны лица из специального учреждения. И тут будет два вида квадрокоптера, принадлежащих органам досудебного расследования и специализированного учреждения. И от специализированного учреждения понадобится в качестве понятого только одно летательное устройство с ИИ.

Так как данный механизм уже будет оснащен видеокамерой и впоследствии это будет являться достаточным основанием утверждать о истинности вещественного доказательства, фиксация путем протокола допроса свидетеля и этим свидетелем будет квадрокоптер с искусственным интеллектом, а наименование модели и идентификационный номер вбиваем в вышесказанный процессуальный документ и печать с устройства.

Можем предположить, что приравненные права и обязанности человека и квадрокоптера с развитым искусственным интеллектом вызывают затруднения в изменении основного закона (Конституции РФ). Но считаем, что изменения необходимо вносить в том случае, когда будут проведены качественные полевые испытания с квадрокоптерами с искусственным интеллектом. Уже сегодня совершаются патрулирования труднодоступных мест квадрокоптерами без искусственного интеллекта, но не во всех регионах России. Использование квадрокоптера с искусственным интеллектом в какой-то степени поможет исключить коррупционную составляющую в высших эшелонах руководства силовых структур, квадрокоптер «не пойдет на сделку с совестью» и зафиксирует истинную картину увиденного. Мониторинг заповедников, лесных массивов, необъятных лесов необходим с помощью квадрокоптеров. Не всегда осуществляется поджог места порубок, так как отсутствует в этом необходимость в случае оплаты части выручки с вырубленных деревьев соответствующим вышестоящим компетентным лицам. И как итог, впоследствии процветание бандитизма путем укрытия огромного количества преступлений, в

том числе по незаконным вырубкам лесных насаждений.

Необходимо вычислить стоимость квадрокоптера с искусственным интеллектом. Ориентировочная стоимость механизма 45 000 рублей, квадрокоптеры фактически не нуждаются в периодическом техническом обслуживании, запасные части устанавливаются своими силами, небольшие по размерам, помещаются в небольшой коробке, просты в использовании, развертывание квадрокоптера занимает несколько минут, практически бесшумны. Эффект от их применения значительно превышает ценозатраты по сравнению с причинённым ущербом ежемесячной незаконной вырубки лесных насаждений. Считаем закупку квадрокоптеров с искусственным интеллектом целесообразным, так как носит за собой еще и превентивный метод для лиц собирающихся совершить преступление.

Также когда квадрокоптер заменяет понятого или становится им. Тут необходимо руководствоваться изменением УПК РФ. В первом случае не сохраняется институт понятого, но как ранее было описано, что необходимо будет заменить данный институт и обходиться только фиксацией данных квадрокоптером. Во втором случае будет существовать этот институт только появится новое физическое лицо «электронное лицо».

Теперь поговорим о распространении коррупционных факторов как в России и Сингапуре. В нашей стране уровень «мздоимства» «взяткодательства» достаточно высок по сравнению с Сингапуром. Несколько ключевых факторов так называемой победы над коррупцией в азиатской стране. Во-первых огромное количество рабочих видеокамер практически везде кроме жилых помещений и туалетах, что способствует превентивному методу по совершению преступлений, в том числе по незаконной вырубке лесных насаждений и имеющий постоянное наблюдение за гражданами. Во-вторых сильное гражданское общество, которое противен любой факт правонарушений в том числе бросить мимо урны недокуренную сигарету. В-третьих мощный государственный аппарат, который тотально контролирует общество и вносит положительные коррективы. К сожалению в нашем государстве отсутствует практика применения как в Сингапуре.

Хотя исторически Сингапур стала независимым государством только 9 августа 1965 года. Проходила тяжелый путь к достаточному развитому государству. И в период восстановления, вышесказанная страна являлась «третьим миром». Но столь стремительное развитие в экономике, фармацевтики, ИТ. В том числе заняла третье место крупнейшим мировым центром нефтепереработки. А в России сильно истощала ход развала СССР, что ввергло пучину увеличение криминальных элементов. Отсутствовала идеология в Конституции РФ включительно до 2020 года. Только новшество в ст. 67.1 Основного закона РФ цитируем отрывисто «РФ является правопреемником СССР…», «РФ, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков…», «Российская Федерация чтит память защитников Отечества…», «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России…». Считаем, что в нашем государстве присуствуют положительные зачатки к развитию, а значит значительно уменьшить количество совершаемых преступлений, в том числе коррупционной составляющей.

Но так как Россия имеет большую площадь по сравнению с вышесказанной азиатской страной. Предлагаем увеличить количество квадрокоптеров и их маршруты по всей страны, не забывая в том числе и юг России.

Литература

1. Дозоров Н.Т. Взаимодействие следователей со специалистами экспертно-криминалистических подразделений при производстве расследования: Учебное пособие. / Н.Т. Дозоров, А.М. Зинин, В.Ф. Статкус и др. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988.

2. Кузнецова Н.И. Раскрытие умышленного уничтожения или повреждения государственного, общественного и личного имущества граждан, совершенное путем поджога. / Н.И. Кузнецова, В.И. Петров, В.Г. Растопчин. – М.: ВНИИ МВД России, 1994

3. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта - субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 31-39.

4. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. – 2020. – № 1(4). – С. 74-83.

5. Дворянкин О.А. Даркнет – темная сторона Интернета или неужели все так плохо? // Национальная ассоциация ученых (НАУ) – 2021. – № 71. – С. 14-20.

6. Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. – 2022. – Т. 32. – Вып. 6. – С. 1094-1099.

7. Пройдаков Э.Б. Современное состояние искусственного интеллекта // Цифровая экономика. – 2018. – № 3(3). – С. 129-153.

8. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Мохат Петр Мечиславович; [Место защиты: Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности]. - Москва, 2018. - 420 с.

9. Газета.ru Чернобыль: хроника катастрофы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https: // www.gazeta.ru / science / 2016 / 04/26_a_8196311.shtml. – (Дата обращения 04.12.2024.)

10.Дицевич Я.Б. Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы/ Я.Б. Дицевич, О.А. Белых, Г.Д. Русецкая // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 308–317.

Discussion on the use of a quadrocopter with artificial intelligence in inspecting the scene of an incident, replacing the role of participation of witnesses using the example of illegal felling of forestry

Goroshko O.E.
Ugra state university

Introduction: This topic is currently relevant due to the fact that there are difficulties in finding a person to participate in investigative activities, especially in very remote places, where it is practically impossible to find a participant as a witness. Objective: to analyze the difficulties and find possible ways to resolve the criminal-legal problem. Methods: the methodological basis of scientific knowledge is mainly empirical, statometric, dialectical, metaphysical, analysis, synthesis, historical retrospective. Result: reasoning about the actual resolution of the problem by changing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the possible removal of the institute of participation of witnesses, which will subsequently help to speed up the work and reduce the burden on the investigative bodies. In addition, the use of a quadcopter as a patrol assistant will subsequently help to significantly reduce the crime rate. In addition, replacing a participant (person) with a quadcopter as a witness will speed up the investigative activities, and thus reduce the burden on law enforcement agencies. An example from the practice of investigative bodies of Singapore is given to resolve this problem by using modern technologies to improve work and prevent crime in our country.

Keywords: criminology, criminal law, investigations, prevention, environmental crimes, logging

References

1. Dozorov N.T. Interaction of investigators with specialists of forensic units during the investigation: Study guide. / N.T. Dozorov, A.M. Zinin, V.F. Statkus et al. - M .: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988.
2. Kuznetsova N.I. Disclosure of intentional destruction or damage to state, public and personal property of citizens committed by arson. / N.I. Kuznetsova, V.I. Petrov, V.G. Rastopchin. - M .: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994
3. Antonova E.Yu. Artificial intelligence technologies - the subject of a crime or an instrument / means of committing a crime? // Legal Bulletin of the Kuban State University. - 2022. - No. 1. - P. 31-39. 4. Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship // Digital law. - 2020. - No. 1 (4). - P. 74-83.
5. Dvoryankin O.A. Darknet - the dark side of the Internet or is everything really that bad? // National Association of Scientists (NAU) - 2021. - No. 71. - P. 14-20.
6. Minbaleev A.V. The concept of "artificial intelligence" in law // Bulletin of Udmurt University. - 2022. - Vol. 32. - Issue. 6. - P. 1094-1099.
7. Proydakov E.B. Current state of artificial intelligence // Digital economy. - 2018. - No. 3 (3). – P. 129-153.
8. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dissertation ... doctor of law: 12.00.03 / Morhat Petr Mechislavovich; [Place of protection: Rus. state academy of intellectual property]. - Moscow, 2018. - 420 p.
9. Gazeta.ru Chernobyl: chronicle of the disaster [Electronic resource] - Access mode: https: // www.gazeta.ru / science / 2016 / 04/26_a_8196311.shtml. - (Accessed 04.12.2024.)
10. Ditsevich Ya.B. Combating crime in the field of forest management: problems and prospects / Ya.B. Ditsevich, O.A. Belykh, G.D. Rusetskaya // All-Russian Criminological Journal. - 2017. - Vol. 11, No. 2. - P. 308-317.

К вопросу об уголовно-правовом противодействии посягательствам на свободу экономических отношений в сфере закупок товаров и услуг

Короткий Филипп Викторович
кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет, philipp-kor@rambler.ru

Научная статья посвящена вопросам криминализации деяний, посягающих на сферу закупок товаров и услуг, которая рассматривается в качестве значимого направления уголовно-правового регулирования. *В этой связи дана характеристика* общественной опасности посягательств на сферу закупок товаров и услуг, а также выявлено значение уголовно-правовых средств охраны складывающихся в данной сфере общественных отношений.
При этом, отмечено, что уголовно-правовые и доктринальные основы противодействия преступлениям, посягающим на свободу экономических отношений в сфере закупок товаров и услуг, находятся в стадии становления.
Приведена авторская дефиниция термина «преступления в сфере закупок товаров и услуг». Особое внимание обращено на допущенные законодателем просчёты и связанные с ними проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере закупок товаров и услуг. Высказаны рекомендации по уголовно-правовой квалификации посягательств на сферу закупок товаров и услуг с учётом способов совершения и субъекта преступления. Также уделено внимание вопросам квалификации по совокупности преступлений.
В качестве приоритетных направлений развития законодательства об ответственности за преступления в сфере закупок товаров и услуг, автор выделяет совершенствование уголовно-правовых средств противодействия цифровым преступлениям, а также посягательствам на отношения в сфере выполнения государственного оборонного заказа.
Ключевые слова: преступления, посягающие на свободу экономических отношений; криминализация; преступления в сфере закупок товаров и услуг; уголовно-правовое противодействие; способ совершения преступления; должностное лицо; совокупность преступлений; оборонный заказ.

Преступления, совершаемые в сфере закупок товаров и услуг, по праву могут быть отнесены к числу посягательств, подрывающих основы российской государственности и наносящих ощутимый ущерб социально значимым направлениям развития российского общества и государства.

Общественная опасность подобных посягательств, как верно подчёркивает И.А. Любый, наряду с прочим, состоит «в нарушении принципа свободы конкуренции, гарантированного Конституцией Российской Федерации» [10, с. 13]. Кроме того, на что обращает внимание В.В. Шуринов, преступления в сфере закупок товаров и услуг обладают «кумулятивной (мультипликативной) общественной опасностью» [13, с. 187], дисбалансируют свободные экономические отношения, подрывают возможности государства по реализации его функций и вызывают протестные настроения в обществе.

В связи с организацией и проведением закупок складываются многочисленные и многообразные отношения между людьми, то есть общественные отношения. Важным участником этих отношений является государство в широком смысле, а точнее органы государственной власти и местного самоуправления, а также их должностные лица. Совершаемые в сфере публичных закупок посягательства ставят под угрозу реализацию государственных функций, в частности, снижают эффективность деятельности российского государства в таких сферах, как здравоохранение, оборона и безопасность, авиационно-космическая сфера и многих других. Вряд ли можно назвать ту или иную отрасль отечественной экономики, в которой бы участвовало государство и при этом не расхищались бы бюджетные средства.

В последние годы предпринимаются немалые усилия по противодействию названным посягательствам. Так, реализация норм законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров и услуг оказала положительное влияние на развитие конкуренции, обеспечила открытость и публичность процедур закупок и привлечение широкого круга лиц для участия в них, открыла возможность для беспрепятственного участия в закупках, в том числе субъектам малого и среднего предпринимательства. Основными целями регулирования закупок товаров, работ, услуг являются обеспечение единства экономического пространства, обеспечение гласности и прозрачности закупок, расширение возможностей поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для участия в закупках, развитие конкуренции.

Уголовно-правовым средствам отведена важная роль в охране складывающихся в сфере закупок товаров и услуг общественных отношений. Не случайно руководством страны противодействие подобным посягательствам рассматривается как одна из приоритетных задач. Особое внимание уделяется необходимости повышения эффективности принимаемых мер по предупреждению коррупционных преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров и услуг [см.: 2].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что правовые основы предупреждения преступлений, посягающие на свободу экономических отношений в сфере закупок товаров и услуг, важной частью которых выступают нормы уголовного закона, находятся в стадии становления. Работа по этому направлению затруднена в силу недостаточной проработанности соответствующих вопросов на теоретическом уровне, их многоаспектности и новизны. Вплоть до настоящего времени проблематика уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым в сфере закупок товаров и услуг, крайне скудно освещена в отечественной юридической литературе. Соответствующие проблемы рассматриваются преимущественно попутно, при анализе общих вопросов противодействия экономической, коррупционной и должностной преступности. Проводимая российским государством уголовная политика несомненно требует осмысления с учётом современных тенденций складывающихся в этой сфере общественных отношений.

Новеллы действующего в данной сфере уголовного законодательства недостаточно освещены в научной литературе. До настоящего времени предпринимались лишь отдельные попытки решения теоретических проблем, связанных с определением структуры и содержания уголовно-правовой и криминологической характеристики преступлений в сфере закупок товаров и услуг.

Под преступлениями в сфере закупок товаров и услуг представляется необходимым понимать умышленные, виновно совершаемые из корыстной или иной личной заинтересованности, запрещённые уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие посредством нарушения установленных иноотраслевым законодательством правил на отношения, складывающиеся в связи с осуществлением легальной свободной экономической деятельности в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд. Названные отношения могут выступать как в роли непосредственного объекта преступления (статьи 200.4, 200.5 и 200.6 УК РФ), в том числе дополнительного непосредственного объекта преступлений (статьи 201.1 и 285.4 УК РФ), так и в роли факультативного объекта (статьи 201, 285, 285.1, 285.2, 290, 292, 293 УК РФ и др.).

В основе криминализации деяний, прежде всего, лежит тяжесть последствий его совершения и востребованность социумом криминализации как эффективного средства его противодействия. Как поясняют И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеев, «с помощью уголовного закона человечество надеется обуздать разрушительную силу преступности. Поэтому уголовный закон, обладая зарядом репрессивности, способен непосредственно влиять на негативные социальные процессы, протекающие в обществе» [7, с. 198].

Как было сказано, посягательства на сферу закупок товаров и услуг причиняют ущерб бюджетной системе, деформируют отношения в сфере свободной экономической деятельности, что подрывает возможность реализации государством социально значимых функций. Важность складывающихся в рассматриваемой сфере общественных отношений подтверждает необходимость их комплексной правовой охраны.

В связи с этим, криминализация деяний, посягающих на сферу закупок товаров и услуг, должна расцениваться в качестве обязательного направления уголовно-правового регулирования. При этом, необходимо согласиться с Е.В. Тищенко в том, что «уголовное право играет необходимую, но не решающую роль в борьбе со злоупотреблениями в данной сфере» [12, с. 102].

Анализируемые статьи уголовного закона, в силу их сравнительной новизны, несвободны от законодательных просчётов, что обусловливает необходимость повышенного интереса к ним со стороны академического сообщества. Так, представляется целесообразным указать на ряд значимых моментов. А именно: криминообразующие признаки деяний не должны конкурировать друг с другом и вытекать один из другого. Законодателю следует во всех случаях чётко оговаривать правила квалификации преступлений, исключающие двойной учёт тех или иных признаков. В случае использования в тексте уголовно-правовой нормы терминов из иноотраслевого законодательства, особенно при бланкетном или же отсылочном изложении нормативного материала, соответствующие категории должны приводиться в тех же значениях, в которых они определены в иных отраслях права [см.: 8, с. 118].

Трудности уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере закупок товаров и услуг не в последнюю очередь связаны с тем, что подобные посягательства могут быть совершены на всех этапах реализации закупочных процедур, а также быть растянутыми во времени, охватывать сразу несколько этапов осуществления закупочной деятельности и иметь групповой характер. Многосоставный механизм преступной деятельности предполагает участие в ней значительного количества людей, а также необходимость координации их действий. Это, в свою очередь, обуславливает рост степени организованности преступности в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Совместное участие сторон закупочной деятельности в совершении посягательств на сферу закупок товаров и услуг служит фактором, обуславливающим гиперлатентность данных преступлений. При этом, будучи наиболее распространённой, указанная криминальная форма, безусловно, не исчерпывает всех способов совершения подобных посягательств.

Косвенным образом гиперлатентность преступности в сфере публичных закупок подтверждается и многочисленными опросами предпринимателей, муниципальных и государственных служащих, а также сотрудников правоохранительных органов по вопросам, касающимся восприятия ими реальной криминальной картины в сфере осуществления закупок. Оценки, даваемые практическими работниками, кардинально разнятся с официальными показателями преступности в данной сфере. По разным данным, от половины до восьмидесяти процентов государственных и муниципальных контрактов имеют в своей основе коррупционную составляющую [см.: 14, с. 39].

Наиболее часто в качестве посягательств на сферу закупок товаров и услуг расцениваются преступления, совершаемые посредством использования следующих способов: предоставления поддельных документов; закупки и приемки не соответствующих по качеству товаров, работ и услуг; коррупционного сговора участников закупочных процедур; получения взятки, воспрепятствования законной предпринимательской деятельности, превышения должностных полномочий [см.: 6, с. 12]. Распространённым является способ совершения преступлений в сфере закупок товаров и услуг, предусматривающий криминальную договорённость между заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Встречаются и факты незаконного принуждения предпринимателей со стороны представителей заказчика [см.: 14, с. 39].

В качестве ещё одной тенденции развития анализируемой криминальной сферы выступает расширение масштабов цифровой преступности, представляющей собой совокупность общественно опасных деяний, совершаемых в сфере цифровых технологий или с их использованием и посягающих на отношения, складывающиеся в связи с осуществлением легальной экономической деятельности в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Преступления, посягающие на свободу экономических отношений в сфере закупок товаров и услуг, в своей подавляющей части, совершаются лицами, не обладающими признаками должностного лица. Это деяния, квалифицируемые по статьям 200.4, 200.5, 200.6, 201, 201.1 УК РФ. Однако к таковым относятся и «классические» коррупционные деяния, квалифицируемые по статьям 285, 290, 292 УК РФ при условии их совершения в сфере закупок товаров и услуг.

Соответственно, общественно опасные посягательства на рассматриваемые отношения подлежат уголовно-правовой квалификации не только по нормам о преступлениях, совершаемых в сфере закупок товаров и услуг, но и по иным статьям, в том числе предусматривающим уголовную ответственность за совершение должностных преступлений. Пленум Верховного Суда РФ рекомендует квалифицировать действия должностного лица, которое «заключило от имени соответствующего органа (учреждения) договор, на основании которого перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, получив за это незаконное вознаграждение» по совокупности преступлений как растрату вверенного ему имущества (ст. 160 УК РФ) и как получение взятки (ст. 290 УК РФ) [см.: 3, п. 25].

Не исключена и квалификация посягательств в сфере закупок товаров и услуг как хищений (ст.ст. 159, 160 УК РФ), без совокупности с иными преступлениями. Так, Ю.В. Орлов приводит пример из правоприменительной практики, в котором деяние было квалифицировано по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Фабула дела такова: ЗАО «Н» обязалось изготовить и поставить по государственному оборонному заказу ФГУП «Ц» вентили для нужд Министерства обороны РФ. Однако, в рамках исполнения контракта, ЗАО «Н» поставило вентили с истекшим сроком службы, изготовленные в 1989-1991 гг., сопроводив их поддельной документацией. Причинённый государству ущерб составил около полутора миллионов рублей [см.: 11, с. 22].

Со стороны заказчика уголовно наказуемое деяние может быть совершено субъектами со специальным правовым статусом, в числе которых не только должностное лицо (статьи 285, 285.1, 285.2, 285.4, 290, 292, 293 УК РФ и др.), но и иные лица. Из этого, в частности, можно заключить, что указание на субъект посягательств в сфере закупок товаров и услуг не имеет сущностного значения при определении преступлений данной группы.

М.В. Бавсун и В.Н. Борков справедливо указывают на то, что «в тексте ст. 200.4 УК РФ избыточно из круга возможных субъектов исключаются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации» [4, с. 92]. При этом, лица, занимающие руководящие должности в контролируемых государством компаниях и организациях, в настоящее время причисляются к должностным. Тем самым, «на необходимость исключения коммерческого подкупа при квалификации преступлений, предусмотренных частями 4-6 ст. 200.5 УК РФ, законодатель указал напрасно, так как негосударственные коммерческие организации в контрактных отношениях заказчиком быть не могут» [4, с. 92].

В ч. 2 ст. 38 Федерального закона РФ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [см.: 1] контрактный управляющий прямо назван должностным лицом. В этом, в частности, И.А. Любый небезосновательно видит явное противоречие. На взгляд учёного, «указанное положение в корне противоречит смыслу описываемой статьи и ставит перед законодателем вопрос о необходимости приведения в соответствие либо норм федерального закона, либо специального разъяснения по этому поводу высшей судебной инстанции» [9, с. 55; см., также: 10, с. 14].

Действительно, учитывая социальную и юридическую наполненность полномочий, которые осуществляют контрактный управляющий, председатель комиссии по осуществлению закупок, а также руководитель контрактной службы, их следует определить в качестве должностных лиц.

Следует также обратить внимание на то, что «криминализация нарушений в сфере госзакупок не сопровождается одновременной деликтологизацией» [5, с. 34]. Совершенствование административно-правовых средств противодействия анализируемым посягательствам, в связи с этим, также остаётся на повестке дня, с учётом требований комплексности и системности правовой охраны.

Отсутствует ясность и в вопросе о возможности квалификации деяния, совершённого в сфере закупок товаров и услуг, по совокупности преступлений. В этой связи представляется разумным рассуждать следующим образом. Законодатель не счёл необходимым разграничить в статье 200.5 УК РФ уголовную ответственность исходя из того, являются ли действия (бездействие) подкупаемых лиц законными. Из этого вполне логично предположить, что, в случае умышленного нарушения указанными лицами контрактного законодательства, совершённые ими деяния должны подлежать юридической оценке как совокупность преступлений по частям 4-6 ст. 200.5 и ст. 200.4 УК РФ соответственно [см.: 4, с. 92].

В пользу такого подхода говорит Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», к положениям которого уместно обратиться, так как статьи о преступлениях в сфере закупок товаров и услуг сконструированы по аналогии со статьями уголовного закона о коррупционных преступлениях. Ч. 4 ст. 200.5 и ст. 200.4 УК РФ описывают два самостоятельных состава преступления, которые могут быть вменены в совокупности друг с другом. В подобных случаях незаконное получение предмета подкупа, как правило, предшествует совершению действий (бездействию), идущих вразрез с законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг.

Ещё одно направление совершенствования рассматриваемого законодательства, о котором следует упомянуть, связано с необходимостью более решительного противодействия посягательствам на отношения в сфере выполнения государственного оборонного заказа. Общественная опасность названных посягательств, несомненно, значительно возрастает при их совершении в условиях военного положения. Вместе с тем, вплоть до настоящего времени законодателем это немаловажное обстоятельство не учтено

Законодательство об уголовной ответственности за посягательства на свободу экономических отношений в сфере закупок товаров и услуг должно оперативно модифицироваться в ответ на новые вызовы и угрозы, трансформирующие подлежащие правовой охране общественные отношения.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

2. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

4. Бавсун М.В., Борков В.Н. Новые уголовно-правовые меры охраны отношений в сфере закупок для государственных нужд // Современное право. 2018. № 9. С. 90-94.

5. Быков А.В. Отдельные проблемы криминализации коррупционных деяний, совершаемых в сфере служебных отношений (размышления о ст. 200.4, 200.5 УК РФ) // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 мая 2018 года, г. Хабаровск) / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова. - Хабаровск: Юрист, 2018. С. 34-40.

6. Исютин-Федотков Д.В. Обзор некоторых способов совершения преступлений в сфере публичных закупок // Прогосзаказ.рф. 2018. № 12. С. 12-30.

7. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного. - Екатеринбург: Лаборатория «Sapientia», 2020. - 256 с.

8. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. - М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. - 280 с.

9. Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 54-56.

10.Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дисс. … к.ю.н. Омск, 2022. - 222 с.

11.Орлов Ю.В. Организация надзора за исполнением законодательства о государственном оборонном заказе // Законность. 2019. № 9. С. 22.

12.Тищенко Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственных и муниципальных закупок: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 11А. С. 93-107.

13.Шуринов В.В. Криминологическая характеристика общественной опасности преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Государственные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 185-189.

14.Шурпаев Ш.М. Некоторые аспекты криминологической характеристики коррупционных преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок // Российский следователь. 2016. № 21. С. 36-40.

On the issue of criminal law counteraction to encroachments on the freedom of economic relations in the field of procurement of goods and services

Korotkii Ph.V.
Kuban State University

The scientific article is devoted to the issues of criminalization of acts infringing on the sphere of procurement of goods and services, which is considered as a significant area of criminal law regulation. In this regard, the characteristics of the social danger of encroachments on the sphere of procurement of goods and services are given, and the importance of criminal law means of protecting public relations developing in this sphere is revealed.

At the same time, it is noted that the criminal law and doctrinal foundations for countering crimes infringing on the freedom of economic relations in the sphere of procurement of goods and services are in the process of formation.

The author's definition of the term «crimes in the sphere of procurement of goods and services» is given. Particular attention is paid to the mistakes made by the legislator and the related problems of criminal law qualification of crimes in the sphere of procurement of goods and services. Recommendations are made on the criminal law qualification of encroachments on the sphere of procurement of goods and services, taking into account the methods of committing and the subject of the crime. Attention is also paid to the issues of qualification by a set of crimes. As priority areas for the development of legislation on liability for crimes in the field of procurement of goods and services, the author highlights the improvement of criminal-legal means of combating digital crimes, as well as attacks on relations in the field of fulfilling state defense orders.

Keywords: crimes that infringe on the freedom of economic relations; criminalization; crimes in the field of procurement of goods and services; criminal law counteraction; the manner in which the crime was committed; executive; set of crimes; defense order.

References

1. Federal Law of the Russian Federation of April 5, 2013 № 44-FZ «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» // Collected Legislation of the Russian Federation. 04/08/2013. № 14. Art. 1652.
2. Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 № 478 «On the National Plan for Combating Corruption for 2021-2024» // ConsultantPlus legal reference system.
3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 № 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 9.
4. Bavsun M.V., Borkov V.N. New criminal law measures for the protection of relations in the field of procurement for public needs // Modern law. 2018. № 9. Pp. 90-94.
5. Bykov A.V. Separate problems of criminalization of acts of corruption committed in the sphere of service relations (reflections on articles 200.4, 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Service crimes: issues of theory and practice of law enforcement: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (May 17, 2018, Khabarovsk) / ed. T.B. Basova, K.A. Volkov. - Khabarovsk: Lawyer, 2018. Pp. 34-40.
6. Isyutin-Fedotkov D.V. Review of some methods of committing crimes in the field of public procurement // Progoszakaz.rf. 2018. № 12. Pp. 12-30.
7. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and impregnable. - Yekaterinburg: Laboratory «Sapientia», 2020. - 256 p.
8. Criminalization and decriminalization as forms of reforming criminal legislation: monograph / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina and others; resp. ed. V.P. Kashepov. - M.: IZiSP, KONTRAKT, 2018. - 280 p.
9. Lyuby I.A. To the question of liability for abuses in the sphere of state and municipal procurement // Russian justice. 2019. № 5. Pp. 54-56.
10. Lyuby I.A. Criminal legal measures to counter abuses in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: diss. … Ph.D. Omsk, 2022. - 222 p.
11. Orlov Yu.V. Organization of supervision over the execution of legislation on the state defense order // Legitimacy. 2019. № 9. P. 22.
12. Tishchenko E.V. Criminal liability for crimes in the sphere of state and municipal procurement: a comparative legal analysis // Issues of Russian and international law. 2016. Volume 6. № 11A. Pp. 93-107.
13. Shurinov V.V. Criminological characteristics of the social danger of crimes in the field of procurement of goods, works, services to ensure state or municipal needs // State, socio-economic and social sciences. 2022. № 3. Pp. 185-189.
14. Shurpaev Sh.M. Some aspects of the criminological characteristics of corruption crimes in the field of state and municipal procurement // Russian investigator. 2016. № 21. Pp. 36-40.

Привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, причастных к легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности

Малыгин Александр Игоревич
аспирант, АНО ВО "РОСНОУ", maligin25011991@mail.ru

Значительную озабоченность субъектов, причастных к легализации (отмыванию денег) средств или иного имущества, полученных в результате организованной преступной деятельности, вызывает вопрос об уголовной ответственности юридических лиц в таких случаях. Этот вопрос представляет собой серьезную проблему и требует тщательного рассмотрения в рамках законодательной базы. Если раскрыть предметный критерий, то становится очевидным, что как статья 174, так и статья 174.1 УК РФ широко применяются к лицам, которые занимаются деятельностью, направленной на придание законного вида денежным средствам или имуществу, полученным преступным путем. Отсутствие конкретики по этому вопросу в этих статьях означает, что ответственность охватывает широкий круг субъектов, участвующих в такой незаконной деятельности, независимо от их конкретной роли или принадлежности.
Динамика современной преступной деятельности часто предполагает участие юридических лиц в незаконных финансовых операциях или отмывании доходов от тяжких преступлений. Эффективное решение этой проблемы требует законодательных мер, которые привлекут корпорации к ответственности за их роль в содействии отмыванию денег, тем самым укрепив общую систему уголовного правосудия и предотвращения преступлений.
Ключевые слова: субъект преступления, отмывание денежных средств, признаки преступления, юридические лица, организованная преступная деятельность

Видным сторонником включения юридических лиц в российское уголовное законодательство в качестве субъектов является А. А. Комоско, который утверждает, что «для адекватной защиты интересов личности, общества и государства, согласно закону, юридические лица должны быть признаны отдельными субъектами уголовной ответственности в Российское законодательство» [1].

Если расширить эту точку зрения, становится ясно, что действующая правовая база в России в первую очередь ориентирована на привлечение физических лиц к ответственности за преступные деяния, в то время как юридические лица часто избегают прямой уголовной ответственности. Этот пробел может подорвать усилия по борьбе с серьезными финансовыми преступлениями, включая отмывание денег, где корпоративные структуры могут играть решающую роль в содействии незаконной деятельности.

Для эффективного решения этой проблемы введение юридических лиц в качестве субъектов уголовного права обеспечит надежную основу для расследования и судебного преследования дел, связанных с участием корпораций в отмывании денег и связанных с этим преступлениях. Интеграция юридических лиц в сферу уголовной ответственности будет способствовать повышению прозрачности и подотчетности в структурах корпоративного управления. Он установил бы четкие параметры корпоративного поведения, тем самым сократив возможности для незаконной финансовой деятельности, которая подрывает целостность финансовых систем и наносит ущерб интересам общества.

В области теории уголовного права относительно ответственности юридических лиц за отмывание денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем, возникли различные точки зрения. Д.В. Бахарев подробно рассматривает этот вопрос, подчеркивая несколько основных моментов. Одним из ключевых утверждений является то, что юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности при наличии достаточных оснований для установления его ответственности, если только не будет доказано, что были приняты все разумные меры предосторожности для предотвращения совершения преступления.

Бахарев утверждает, что в рамках Уголовного кодекса необходимо разграничить различные меры наказания, применимые к юридическим лицам, признанным виновными в подобных правонарушениях.

Эти наказания включают денежные штрафы, которые могут варьироваться в зависимости от тяжести и продолжительности противоправной деятельности. При этом в качестве меры наказания рассматривается приостановление конкретной хозяйственной деятельности на определенный срок, направленное на ограничение деятельности субъекта [2].

При этом Бахарев подчеркивает, что самое строгое наказание - ликвидация юридического лица - должно применяться только в качестве основного наказания. Эта радикальная мера подчеркивает серьезность, с которой общество относится к организациям, причастным к отмыванию незаконных доходов. Оно служит сдерживающим фактором против участия корпораций в финансовых преступлениях и укрепляет принципы ответственности в рамках правовой базы.

По сути, точка зрения Бахарева подчеркивает важность привлечения юридических лиц к ответственности за их роль в деятельности по отмыванию денег, приведения правовых последствий в соответствие с тяжестью совершенных ими преступлений для обеспечения эффективного сдерживания и поддержания целостности финансовых систем.

Развивая анализ Бахарева, включение юридических лиц в сферу уголовной ответственности имеет решающее значение для привлечения юридических лиц к ответственности за их участие в серьезных финансовых преступлениях, таких как отмывание денег. Этот подход соответствует международной практике, направленной на обеспечение прозрачности, борьбу с коррупцией и сохранение целостности финансовых систем [2].

Более того, налагая такие наказания, как штрафы и ограничения на предпринимательскую деятельность, юридические лица стимулируются к внедрению строгих программ соблюдения требований и внутреннего контроля для предотвращения незаконной деятельности. Такая активная позиция не только укрепляет корпоративное управление, но и способствует созданию более надежной правовой базы, которая сдерживает незаконное финансовое поведение и защищает интересы общества.

Итак, хотя мнения могут различаться, концепция Бахарева обеспечивает структурированный подход к решению сложной проблемы корпоративной уголовной ответственности в России. Это подчеркивает необходимость ясности законодательства и эффективных механизмов правоприменения для эффективной борьбы с финансовыми преступлениями и поддержания верховенства закона в корпоративной практике.

Таким образом, автор выделяет специфику рассматриваемого уголовного правонарушения и необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц именно за это преступление.

Напротив, О.В. Хомич высказывает противоположную точку зрения, подчеркивая, что Российская Федерация согласно международным соглашениям обязана привлекать юридических лиц к ответственности за отмывание доходов, полученных преступным путем. Опираясь как на международную практику, так и на российское законодательство, Хомич предлагает решить эту проблему путем распространения административных наказаний на юридических лиц за правонарушения, сопоставимые с преступлениями, предусмотренными статьями 174 и 174.1 УК РФ. Такой подход, утверждает Хомич, позволит Российской Федерации выполнить свои международные обязательства без необходимости фундаментального пересмотра ее уголовного законодательства [3].

Предлагая альтернативный подход посредством административных наказаний, Хомич предлагает согласовать международные нормы, избегая при этом масштабного пересмотра уголовно-правовой базы. Данный подход направлен на обеспечение соблюдения международных обязательств, связанных с противодействием отмыванию денег, при сохранении стабильности и последовательности существующей правовой системы в России.

С международной точки зрения, во многих странах приняты нормы, предусматривающие прямую уголовную ответственность юридических лиц в случаях отмывания денег. Эти меры часто рассматриваются как необходимые для повышения прозрачности, предотвращения финансовых преступлений и содействия корпоративной подотчетности.

Административная ответственность за несоблюдение законодательства о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путём и финансирования терроризма предусмотрена ст. 15.27 КоАП РФ.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2023 года было подвернуто наказанию по ст. 15.27 КоАП РФ 53 лица.

Приведем пример из судебной практики. Так, общество с ограниченной ответственностью «Ломбард» (далее – общество) обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании незаконным постановления Центрального банка РФ о наложении штрафа по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 15.27 КоАП РФ. Решением Арбитражного суда города Москвы от 06.11.2020, оставленным без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2021, в удовлетворении заявления отказано [4].

Международные стандарты, касающиеся предотвращения отмывания денег, не требуют повсеместного введения уголовной ответственности юридических лиц за это правонарушение. Например, Конвенция Совета Европы об отмывании, поиске и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма (Варшава, 2005 г.) закрепляет, что «каждая Сторона принимает законодательные и другие меры, необходимые для обеспечения того, чтобы юридические лица могли нести ответственность за преступления, связанные с отмыванием денег, признанные в соответствии с Конвенцией»[5].

Отсутствие универсального требования в международных стандартах об уголовной ответственности юридических лиц предполагает гибкость подходов в

разных юрисдикциях. Это позволяет странам принимать меры, которые лучше всего соответствуют их правовым основам и приоритетам в борьбе с финансовыми преступлениями. Сторонники административных санкций утверждают, что эти наказания могут эффективно сдерживать и наказывать за преступления, связанные с отмыванием денег, не создавая при этом сложностей и потенциальных недостатков, связанных с уголовной ответственностью для юридических лиц.

И наоборот, сторонники уголовной ответственности юридических лиц утверждают, что такие меры необходимы для обеспечения корпоративной подотчетности, повышения прозрачности и соответствия международным ожиданиям в отношении надежных мер по борьбе с отмыванием денег. В контексте законодательства России дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц отражает более широкие соображения о правовых реформах, международных обязательствах и эффективности правовых мер в борьбе с финансовыми преступлениями.

Национальные правовые системы самостоятельно устанавливают уголовную ответственность для юридических лиц за отмывание денег всякий раз, когда законодательные положения допускают такие меры. Такой подход подчеркивает различия в международной практике, касающейся корпоративной ответственности за финансовые преступления, отражая различные правовые традиции и приоритеты регулирования в разных юрисдикциях.

В дополнение к этому, применение уголовной ответственности к юридическим лицам за отмывание денег отражает более широкие глобальные усилия по усилению мер по борьбе с отмыванием денег и борьбе с транснациональными финансовыми преступлениями. Страны часто принимают эти положения для приведения их в соответствие с международными стандартами, установленными такими организациями, как Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которые выступают за создание надежных механизмов предотвращения отмывания денег и финансирования терроризма.

Более того, решение о распространении уголовной ответственности на юридических лиц является не просто юридическим вопросом, но также включает в себя соображения корпоративного управления, подотчетности и эффективности механизмов правоприменения. Сторонники утверждают, что привлечение корпораций к ответственности посредством уголовных санкций помогает сдерживать незаконную финансовую деятельность, способствует прозрачности и улучшает соблюдение нормативных требований.

Применительно к вопросам легализации (отмывания) преступных доходов, приобретённых в результате организованной преступной деятельности, использование юридических лиц является особо актуальным. Это объясняется тем, что организованные преступные группы и преступные сообщества получают криминальные доходы на регулярной и систематической основе. Соответственно, им необходим надежный и «отработанный» механизм легализации преступных доходов. В таких случаях очевидным и удобным вариантом является использование юридических лиц, которые без подозрений могут потенциально совершать сделки или финансовые операции с большими суммами денежных средств или иным имуществом.

Введение уголовной ответственности исключительно для юридических лиц, занимающихся отмыванием доходов, полученных от организованной преступности, было бы контрпродуктивно и несовместимо с единым и последовательным развитием российского уголовного законодательства.

Говоря об этом, важно учитывать, что уголовная ответственность юридических лиц предполагает сложные последствия, выходящие за рамки административных наказаний. Такой подход требует тщательного изучения международных стандартов и практики на предмет их соответствия российской правовой базе. Интегрировав административные наказания за преступления, связанные с отмыванием денег, в существующую правовую систему, Россия могла бы улучшить соблюдение международных обязательств, не ставя под угрозу целостность и последовательность своего уголовного законодательства. Этот стратегический подход обеспечит сбалансированный и эффективный ответ на проблемы, создаваемые организованной преступностью, сохраняя при этом правовую последовательность в правовой системе страны. Поэтому любое решение о введении такой ответственности должно быть частью более широкой реформы всей системы уголовного законодательства в России.

Введение уголовной ответственности для юридических лиц в случаях отмывания преступных доходов, полученных путем организованной преступности, представляет собой позитивный шаг по нескольким причинам. Во-первых, это соответствует международным стандартам борьбы с финансовыми преступлениями. Во-вторых, он отражает практику, наблюдаемую в других странах в отношении предотвращения отмывания денег, связанного с организованной преступностью. Наконец, преступные группы часто используют юридические лица для легализации незаконных доходов. Однако этот шаг может быть эффективным только в том случае, если он будет согласован с единой уголовной политикой и интегрирован в комплексные реформы российского уголовного законодательства.

Однако критики могут утверждать, что введение уголовной ответственности для юридических лиц может наложить дополнительное бремя на бизнес, что потенциально приведет к увеличению затрат на соблюдение требований и административных сложностей. Поэтому любые законодательные реформы должны тщательно сбалансировать эти соображения, гарантируя, что они соразмерны, эффективны и способны решать развивающиеся проблемы, создаваемые транснациональными финансовыми преступлениями.

Переходя к выводам можно отметить, что, хотя введение уголовной ответственности для юридических лиц в делах об отмывании денег пропагандируется из-за его потенциальных преимуществ, его внедрение в России требует тщательного обсуждения, участия заинтересованных сторон и согласования с более широкими правовыми реформами. Этот подход направлен не только на то, чтобы оправдать ожидания международного сообщества, но и на укрепление внутренней правовой базы и защиту от злоупотреблений корпоративными структурами в незаконных целях.

Организованные преступные группы и их сети часто используют юридические лица, такие как предприятия и финансовые учреждения, для облегчения процесса отмывания денег. Поэтому введение уголовной ответственности для таких субъектов имеет важное значение для разрушения этих схем. Однако успешная интеграция такого положения в правовую систему требует целостной уголовной политики и комплексной законодательной базы для обеспечения эффективной реализации в российском уголовном праве.

Литература

1. Комоско А. А. Уголовная ответственность юридических лиц: дис. …канд. юрид. наук. М., 2007.

2. Бахарев Д. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты совершенствования механизма противодействия легализации доходов от организованной преступной деятельности: дис. …канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 15.

3. Хомич О. В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование. М., 2019. С. 12

4. Ситникова А. Н. Правовые основы и практика привлечения к административной ответственности за несоблюдение законодательства о легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём и финансирования терроризма / А. Н. Ситникова // Инновационная наука. – 2023. – № 6-1. – С. 165-169.

5. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма // Электронный ресурс.. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901944951 (дата обращения: 22.11.2024).

Criminal prosecution of legal entities involved in the legalization (laundering) of money or other property acquired as a result of organized criminal activities

Malygin A.I.
ROSNOU

Of significant concern to those involved in the legalization (money laundering) of funds or other property obtained through organized crime is the issue of criminal liability of legal entities in such cases. This issue is a serious problem and requires careful consideration within the legislative framework. If we expand on the subject criterion, it becomes obvious that both Article 174 and Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation apply broadly to persons who are engaged in activities aimed at giving a legal appearance to funds or property obtained through criminal means. The lack of specificity on this issue in these articles means that liability covers a wide range of entities involved in such illegal activities, regardless of their specific role or affiliation.

The dynamics of modern criminal activity often involve legal entities in illegal financial transactions or laundering the proceeds of serious crimes. Effectively addressing this problem requires legislative measures that will hold corporations accountable for their role in facilitating money laundering, thereby strengthening the overall criminal justice system and crime prevention.

Keywords**:** subject of the crime, money laundering, elements of the crime, legal entities, organized criminal activity

References

1. Komosko A. A. Criminal liability of legal entities: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2007.

2. Bakharev D. V. Criminal-legal and criminological aspects of improving the mechanism for combating the legalization of proceeds from organized crime: dis. ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2005. P. 15.

3. Khomich O. V. Legalization (laundering) of criminal proceeds: criminal-legal and comparative-legal study. Moscow, 2019. P. 12

4. Sitnikova A. N. Legal basis and practice of bringing to administrative responsibility for failure to comply with the legislation on the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism / A. N. Sitnikova // Innovative science. - 2023. - No. 6-1. – P. 165-169.

5. Council of Europe Convention on Laundering, Search and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism // Electronic resource.. – Access mode: https://docs.cntd.ru/document/901944951 (date accessed: 22.11.2024).

О понятии и видах процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве

Маркин Илья Сергеевич
аспирант кафедры уголовного права и процесса, Тольяттинский государственный университет, markin-ilya@yandex.ru

Соблюдение процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве играет большую социально-правовую роль, выступает дополнительными гарантиями в уголовном судопроизводстве прав, свобод и законных интересов участников процесса, что приобретает неоценимую важность в свете соблюдения прав личности.
Вместе с тем, несмотря на важность такой уголовно-процессуальной категории как «срок», его понятие отсутствует как в статье 5 УПК РФ, так и в целом в тексте закона. Отсутствие данного понятия не позволяет говорить о целостности и необходимости введения сроков в процессуальную деятельность, об их продолжительности, о последствиях несоблюдения сроков и т.д.
Кроме того, исходя из реалий правоприменительной практики говорить о гарантийном обеспечении процессуальных сроков следует с определенной долей условности.
Целью данного исследования является определение сущностных признаков понятия процессуальных сроков, знание которых позволит использовать данное процессуальное средство более эффективно и обдуманно.
Ключевые слова: процессуальные сроки, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, определение процессуальных сроков, значение процессуальных сроков, гарантийное обеспечение процессуальных сроков.

Введение

Институт процессуальных сроков имеет важное значение для досудебного производства по уголовным делам. Процессуальные сроки в уголовном процессе представляют собой разновидность правовых средств, направленных на обеспечение правильного осуществления по каждому уголовному делу задач судопроизводства.

Законодательная регламентация установленных процессуальных сроков применима ко всему уголовному судопроизводству – его стадиям, действиям и решениям.

Соблюдение процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве играет большую социально-правовую роль. Неуклонное и строгое соблюдение сроков предварительного расследования и судебного процесса имеет значительный воспитательно-профилактический потенциал, дисциплинирует участников процесса, выступает дополнительными гарантиями в уголовном судопроизводстве прав, свобод и законных интересов участников процесса, что приобретает неоценимую важность в свете соблюдения прав личности.

В тоже время, исходя из реалий правоприменительной практики говорить о гарантийном обеспечении процессуальных сроков следует с определенной долей условности.

В настоящий момент, в уголовно - процессуальном кодексе насчитывается более 100 правовых норм, которые определяют и упорядочивают уголовно-процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве. Масштабность правового регулирования позволяет говорить о сформированности правового института процессуальных сроков, содержание которого составляют статьи 128-130 главы 17 УПК РФ, отдельные статьи других глав кодекса, устанавливающих особенности их исчисления при производстве процессуальных действий в досудебной и судебной части уголовного процесса, которые в своей совокупности раскрывают понятие разумного срока судопроизводства, введенного в уголовно-процессуальное законодательство.

Вместе с тем, несмотря на важность такой уголовно-процессуальной категории как «срок», его понятие отсутствует как в статье 5 УПК РФ, так и в целом в тексте закона. Действующие законодательство не содержит ответа на основные, сущностные вопросы, связанные с понятием процессуальных сроков и их видовых отличиях. Отсутствие данного понятия не позволяет говорить о целостности и необходимости введения сроков в процессуальную деятельность, об их продолжительности, о последствиях несоблюдения сроков и т.д.

Процессуальные сроки – это правовой инструмент, и надо понимать, когда он должен применяться, а когда нет. Поэтому следует, первоначально определится с пониманием сущности сроков, с их назначением и целями применения. Различия в целях и сущностных признаках позволяют говорить о различных сроках, и соответственно, об их классификации.

В настоящее время понятие уголовно-процессуальных сроков определяется лишь в научной литературе, при этом позиции авторов принципиально расходятся. Одна группа ученых, представителями которой являются И.М. Гуткина, Л.М. Васильев, К.Б. Калиновский и др., придерживаются понятия процессуального срока - как установленного уголовно-процессуальным законодательством периода времени, в течении которого должны совершаться процессуальные действия или в течении которого от совершения этих действий следует отказаться. Вторая группа ученых А.П. Гуляев, Р.П. Сокол, Г.Б. Петрова и др., рассматривают установленные законодателем процессуальные сроки **–** как вид процессуальных гарантий. Третьей группой ученых И.В. Масловым, Т.Л. Корепаеовой и др., представлено компромиссное мнение, объединяющее два аспекта – периодизацию сроков и их гарантийное значение.

Целью данного исследования является определение сущностных признаков понятия процессуальных сроков, знание которых позволит использовать данное процессуальное средство более эффективно и обдуманно. Для решения поставленной задачи будут проанализированы источники Российского права, работы научного сообщества.

Исследовательская часть.

Хронология формирования института уголовно-процессуальных сроков в российском праве.

При исследовании сроков уголовного судопроизводства представляется необходимым обратиться к историческим аспектам их появления в уголовном процессе. Условно можно выделить четыре хронологических периода в формировании института уголовно-процессуальных сроков, отличающихся как по политическим системам, так и по судебным практикам: средневековый с X века по 1721 год; дореволюционный с 1721 года до октябрьской революции 1917 года; советский с октябрьской революции 1917 года до момента принятия и вступления в силу Конституции РФ 1993 года; современный - с 1993 года по настоящее время.

«Средневековый» период, характеризуется введением первых запретов на чрезмерное увеличение времени рассмотрения правовых споров. Уже в источниках русского права, относящихся к данному периоду, можно найти правовые нормы, указывающие на необходимость соблюдения участниками уголовного процесса временных ограничений. Так в статье 36 Судебника 1497 года (судебник Ивана III), содержалось требование о том, что в случае передачи «вора» на поруки любое дело должно поступать в суд без волокиты. Запрещалась волокита при выдаче крестьянам бессудных грамот или при перенесении срока явки в суд, а также получение чего-либо за выдачу бессудных грамот.

По мнению русского процессуалиста С.И. Штамма, «именно с этого памятника права началась борьба с волокитой дел».[1]

Требования законодателя о скорейшем разрешении дела встречаются и в пункте 15 Соборного Уложения, принятого на Земском соборе 1649 года, в котором указывалось: «...а судные дела велети ему (судье), вершити безволокитно, чтобы однолично истцом и ответчиком в судных делах волокиты и убытков не было».[2]

Особенностью данного периода является неопределенно - временной характер регулирования процессуальных отношений, при котором отсутствуют четкие правила временного исчисления.

Законодательное разрешение проблемы необоснованного затягивания судебного процесса предпринималось и в нормативных актах, изданных в период правления Петра I. Так в пункте 5 главы 3 Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 года устанавливалось: «кто к свидетельству призван будет, тому не надлежит от того отрицаться. А ежели свидетельство добром принесть не похошет, то может от судьи к тому принужден и наказан быть…»[3]. Таким образом, установление ответственности свидетелей за уклонение от явки в суд выступало в качестве процессуальной меры, направленной на пресечение судебной волокиты и сокращение сроков рассмотрения дел.

Но самой действенной мерой по искоренению волокиты при рассмотрении судебных дел стало установление предельного срока судопроизводства, о котором в главе 4 Генерального регламента 1720 года было сказано: «Челобитчиковы всякие дела по выправкам вершить по реэстру без всякого молчания как возможно, а далее шти месяцев, как о том именным его величества указом повелено декабря 8 дня 1714 года, отнюдь не продолжать под наказанием».[4]

С дальнейшим реформированием судебной системы России и совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, вопросам сроков судебного рассмотрения дела, гарантиям их соблюдения, процессуальным мерам обеспечения уделялось все больше законодательного внимания и в источниках «дореволюционного» периода.

[1] Штамм С.И. Судебник 1497 года: Учеб. Пособие. М., 1955 – 112с

[2] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1961.

[3] Краткое изображение процессов или судебных тяжб. Указ от 30 марта 1716 г. // СПС Консультант Плюс

[4] Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллеги, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не только во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейше поступать имеют // СПС Консультант Плюс

Например, на строгое соблюдение сроков судебного разбирательства по уголовным делам было акцентировано внимание и в указе Екатерины II от 10 февраля 1763 года «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству», согласно которому все преступления данной категории дела рассматривались в определенный срок – месяц.[5]

Так, в Своде законов уголовных 1832 года суду строго предписывалось рассматривать дело без «проволочек и стеснения и что бы в решении сих дел, в особенности же тех, по коим подсудимые содержаться под стражею или в тюрьме, соблюдаема была вся возможная скорость и не было допускаемо ни малейшей остановки (статья 1072)», а свидетели, уклоняющиеся от явки, могли быть «к тому понуждены и подвергнуты за ослушание наказанию (статья 953)». В Указе Александра II 1864 года «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» содержалась норма: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших».[6]

Принятый в 1864 году Устав уголовного судопроизводства (УСС) содержал нормы, регулирующие сроки таким образом, чтобы они оказывались максимально короткими без установления каких-либо общих, унифицированных временных границ для принятия того или иного решения. В целом УУС содержал ряд требований к скорейшему разрешению уголовного дела, не ставя их в прямую зависимость от математически исчисляемых сроков. Например, статьей 266 Устава судебному следователю предписывалось «принимать своевременные меры, необходимые для собрания доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладится».[7]

Нормы ранних источников русского права содержали положения о соблюдении сроков рассмотрения конкретных дел, пресекая тем самым имеющиеся факты волокиты и необоснованного затягивания процесса.

Таким образом, анализ нормативных источников «средневекового» и «дореволюционного» периода русского права, позволяет сделать вывод о том, что на данных этапах процессуального института процессуальных сроков не существовало. Законодателем были сформулированы основополагающие принципы, направленные на более скорейший порядок выполнения правоприменителем действий к разрешению уголовных дел.

«Советский» период характеризуется зарождением правового института процессуальных сроков. В данный период процессуальные сроки получают более детальное правовое оформление, что позволяет говорить о появлении соответствующего правового института. В этот период сформировалось правило о четких и унифицированных границах отношений во времени, то есть, определены четкие единые, временные границы регулирования процессуальных отношений.

Однако данный подход формировался постепенно. Впервые процессуальные сроки в современном их понимании появились в УПК РСФСР 1922 года. Так, статья 119 УПК РСФСР 1922 года предусматривала, что «предварительное следствие должно быть закончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. При невозможности закончить следствие в 2-месячный срок следователь сообщает прокурору о причинах, задерживающих окончание следствия». Здесь хорошо виден переходный период от дореволюционного неопределенно - временного регулирования, при котором отсутствуют четкие правила временного исчисления к советскому унифицированно - определенному исчислению сроков, при котором определены единые четкие временные границы расследования – два месяца. Аналогичные положения содержались в статье 116 УПК РСФСР 1923 года.

Указанные нормы содержат, с точки зрения интересующего нас вопроса, важное положение - указание на четко определенный для всех дел срок расследования. Однако законодатель определил только изначальные временные рамки расследования - два месяца и оставил на усмотрение правоприменителя сроки расследования дела при невозможности его закончить в данный срок.

Наметившаяся тенденция к унифицированно - определенному исчислению сроков ясно прослеживается в УПК РСФСР 1960 года, который ужесточил требования к соблюдению сроков и уже содержал в себе четкий порядок исчисления сроков расследования уголовного дела и их продления.

По мнению процессуалиста М.С. Строговича «значение соблюдения процессуального срока – это единственное необходимое условие для того, чтобы процессуальное действие имело юридический эффект».[8] Аналогичное мнение высказывалось И.Ф. Демидовым[9] и А.М. Лариным. Последний признавал оперативность «принципом всей процессуальной деятельности».[10]

В несколько измененном виде данный порядок действует до сих пор.

Таким образом, в данный период процессуальные сроки как правовой институт были обозначены, но в связи с началом зарождения указанного инсти-

[5] Давыдов Н.В., Полянский Н.Н. Судебная реформа. В 2 т. – М.: Изд-во Объединение, 1915. – Т. 2 – 311 с.

[6] Указ Александра II от 20 ноября 1864 года «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // СПС Консультатнт Плюс.

[7] Устав уголовного судопроизводства // СПС «КонсультантПлюс»

[8] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд. АН ССР 1958. – 703 с.

[9] Демидов И.Ф. Принципы советского уголовного процесса. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1989, - 256 с.

[10] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу.-М.: Юридическая литература, 1975. - 224 с.

тута не все те действия и решения, которые бы требовали совершения, в какие-то жесткие рамки получили свое регулирование. На данном этапе реформирования уголовно-процессуального законодательства России процессуальные сроки как правовые предписания получают свое дальнейшее развитие и трансформируются в правовой институт, качество которого, однако еще далеко от совершенства.

«Современный» период характеризуется становлением и развитием нового, демократического уголовно - процессуального законодательства. Исчисление срока осуществляется посредством принятых временных единиц, таких как годы, месяцы, сутки, часы (статья 128 УПК РФ). Регламентируя сроки, законодатель исходит из того, что время является непрерывным и необратимым явлением, которое существует объективно и от волеизъявления человека никаким образом не зависит, но в уголовно-процессуальных целях, в целях осуществления правосудия и восстановления справедливости объективно текущий срок может быть восстановлен, приостановлен, возобновлен и пр.

По мере развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства процессуальные сроки стали регулировать больший спектр параметров. Законодатель начал вводить новые сроки и корректировать диапазон ранее установленных.

Таким образом, для «современного» этапа характерен больший спектр процессуальных действий и процессуальных решений, регулируемых на уровне процессуальных сроков. Процессуальные сроки стали измеряться различными временными единицами, четко обозначилась правовая природа процессуальных сроков суть, которой заключается в обеспечении оперативной деятельности уголовного процесса.

Доктринальная дефиниция уголовно-процессуальных сроков в российском праве.

Законодатель всегда стремился к оптимизации процессуальных действий, устанавливая время для совершения определенных действий, с учетом сложности и значимости самого действия. Вместе с тем, несмотря на важность такой уголовно-процессуальной категории как «срок», его понятие отсутствует как в статье 5 УПК РФ, так и в целом в тексте закона. В настоящее время понятие «уголовно-процессуальный срок» определяется в научной литературе. В основу доктринального понимания процессуальных сроков положены сформированные дореволюционными учеными подходы о рассмотрении сроков как средства упорядочения совершения процессуальных действий и обеспечения быстроты судопроизводства (Е.В. Васьковский, К.И. Малышев, Т.М. Яблочков и др.).

При этом быстрота судопроизводства не рассматривалась в качестве самостоятельной ценности. Сроки были предназначены для предотвращения медлительности судопроизводства, и исключения злоупотреблений со стороны участников, направленных на затягивание процесса. (В.Л. Исаченко, Е.А. Нефедьев).

В данный период учеными активно разрабатывались такие понятия, как «разумный срок» - срок принятия по уголовному делу всех необходимых процессуальных решений с принципом максимальной экономии времени и «менее определенный срок или неопределенный срок» - срок регулируемый каким-либо правовым актом, но в данном акте отсутствуют четкие правила временного исчисления данного срока, а его наступление определяется исходя из конкретных обстоятельств дела.

Дореволюционный ученый - правовед Н.Н. Рогозин указывал: «Кроме определенных сроков, наше право знает также сроки менее определенные - например «до открытия заседания по делу» (статья 7), «срок сообразно с расстоянием и местными средствами сообщения» (статья 381 Устава уголовного судопроизводства), «первый присутственный день» (статья 501), «до подписания приговора» (статья 787), «до объявления приговора» (статья 987).[11]

Эти примеры противоречат принятым в советской и российской правовой науке принципам исчисления сроков.

В то же время дореволюционным исследователям удалось проникнуть в самую суть образующей данный институт совокупности процессуально - правовых норм.

Основу сущностного подхода к институту процессуальных сроков составляет важное социальное значения этого института, устанавливающего «границы совершения процессуальных действий во времени», определение такого значения в 1900 году опубликовано российским юристом, профессором Новороссийского и Варшавского университетов Д.И. Азаревичем.[12] Действительно, установление границ совершения процессуальных действий во времени требует «как интерес тяжущихся, так и интерес публичный», ибо «срочный характер процессуальных действий, облегчая осуществление прав, вселяет вместе с тем уверенность в правоотношениях и, следовательно, отражается благотворно на упрочнении правопорядка и укреплении чувства законности в населении».

В отличии от подхода дореволюционных ученых, где сроки рассматривались как средства упорядочения совершения процессуальных действий и обеспечения быстроты судопроизводства, современная юридическая наука не дает однозначного понятия определения процессуальных сроков.

[11] Рогозин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916 (цит. по Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: Автореф. дис. … канд. брид. наук. Саратов, 2006 с. 50)

[12] Азаревич Д. Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам: Т. 3: Судопроизводство. 1900. Университетский курс. Т. 1: Вып. 1-2; Т. 2: Вып. 1-2; Т. 3. Варшава: Типография М. Земкевич, Типография Варшавского учебного округа, 1891. 929 с.

Большинство современных ученых - процессуалистов в своих трудах отмечают, что процессуальный срок - это установленный уголовно-процессуальным законодательством интервал времени, на протяжении которого должны совершаться процессуальные действия или в течении которого требуется уклонение от их совершения.[13]

Такого мнения придерживаются такие ученые как И.М. Гуткина, Л.М. Васильев, К.Б. Калиновский и др.

Согласно данным словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, срок представляет собой «определенный промежуток времени; момент наступления; исполнения чего-нибудь».[14] То есть существует прямая связь понятия срока с понятием времени, так как срок и есть время, определенный интервал времени. Срок может иметь начало и окончание, либо только начало или только окончание.

Определение процессуального срока представлено в работе И.М. Гуткина и соавторов, где данное понятие трактуется как «установленное законом время, в течении которого органы дознания, следствия, прокуратуры, суда и участники процесса имеют право или обязаны совершить конкретные процессуальные действия».[15]

Установленными в уголовно-процессуальном законодательстве временными периодами называет процессуальные сроки Л.М. Васильев. Подчеркивая, что данные сроки направлены на урегулирование правоотношений, возникающих при осуществлении уголовно-процессуальных действий участниками уголовного процесса и совершаемых в строгой последовательности. Существование таких сроков направлено на выполнение задач уголовного судопроизводства, и для их характеристики используются признак длительности существования.[16]

К.Б. Калиновский указывает: «Важное практическое значение имеет классификация сроков с точки зрения способов их определения. В результате выделяют сроки, определяемые путем указания на: период времени; конкретное событие, которое должно наступить; календарную дату».[17]

Таким образом, указанные ученые определяют процессуальный срок, как установленный уголовно-процессуальным законодательством период времени.

Вторая группа ученых А.П. Гуляев, Р.П. Сокол, Г.Б. Петрова и др., определяют понятие процессуального срока как особую меру по обеспечению гарантий участников процесса, считая, что уголовно - процессуальные сроки являются гарантиями правосудия и защиты прав и законных интересов личности, способствуют быстроте уголовного судопроизводства.

О сроках как о мерах по обеспечению гарантий участников процесса говорится в определении, данном А.П. Гуляевым: «Уголовно-процессуальные сроки - особая форма процессуальных гарантий, обеспечивающих быстроту расследования, соблюдения прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого и других участников процесса, эффективность осуществления прокурорского надзора».[18]

Согласно точке зрения Р.П. Сокол, различные критерии (функциональный, временной, способ регламентации и пр.) обуславливают наличие разных определений процессуального срока. Последний утверждал, что «под назначением уголовно-процессуальных сроков следует понимать обеспечение процессуальных гарантий участникам уголовного судопроизводства по защите их прав и законных интересов, сокращение сроков производства по уголовному делу, обеспечение полного, всестороннего и объективного исследования фактических обстоятельств уголовного дела».[19]

В качестве элемента правового регулирования сроки анализируются Г.Б. Петровой, которая подчеркивает существование юридических последствий истечения сроков в виде изменения, возникновения, прекращения правоотношений соответствующего характера.[20]

Третьей группой ученых И.В. Маслов, Т.Л. Корепаеовой и др., представлено компромиссное мнение, объединяющее два аспекта – периодизацию сроков и их гарантийное значение.

Так, например И.В. Маслов рассматривает уголовно-процессуальный срок как, установленный уголовно-процессуальным законом на основе положений Конституции Российской Федерации, исчисляемый в порядке с их предписанием промежуток времени, в течении которого участники уголовного судопроизводства имеют право, либо обязаны выполнить определенные процессуальные действия, а в некоторых случаях воздержаться от их производства, с целью обеспечения своевременного выполнения назначения уголовного судопроизводства, соблюдения конституционных и иных представляемых

---

[13] Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М.: ТЕИС, 2004. 607 с.

[14] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 907с.

[15] Гуткин И.М., Мариупольский Л.А., Шереметьев И.М. Советский уголовный процесс: учеб. для средних юридических школ. М.: Госюриздат, 1962. 318 с

[16] Васильев Л.М. Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Грозный, 1972. 19 с.

[17] Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно — процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3). С. 139 — 145.

[18] Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М.: Юридическая литература. 1976. 144 с.

[19] Сокол Р.П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности: дис. …канд. юрид. Наук. Владимир, 2008. 197 с.

[20] Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно — процессуальной деятельности. Саратов: Саратовской государственной академии права, 2006. 182 с.

законом прав лиц, являющихся участниками уголовного процесса.[21]

По мнению Т.Л. Корепаеовой уголовно-процессуальный срок - это «установленный уголовно - процессуальным законом определенный период времени, на протяжении которого в уголовном процессе возможно или обязательно совершение тех или иных действий, либо принятие тех или иных решений в целях осуществления назначения уголовного судопроизводства».[22]

Однако, принимая за основу гарантии защиты прав и свобод личности последняя утверждает, что процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности представляют собой части более общих понятий: юридических гарантий, уголовно-процессуальных гарантий защиты конституционных прав и свобод личности»[23].

Заключение.

Обобщив и проанализировав представленные точки зрения, можно выделить, что процессуальные сроки понимаются с одной стороны как как установленный уголовно-процессуальным законодательством период времени в течении которого участники уголовного судопроизводства имеют право, либо обязаны выполнить определенные процессуальные действия, а в некоторых случаях воздержаться от их производства, с целью обеспечения своевременного выполнения назначения уголовного судопроизводства, а с другой как особая форма процессуальных гарантий, обеспечивающих быстроту расследования, соблюдения защиты конституционных прав и свобод личности, законных интересов участников процесса.

Проведенное исследование позволяют сделать вывод, что в рамках одного правового института процессуальных сроков содержатся две принципиально различные группы сроков. Одна из них регламентирует деятельность публичных участников и применяются в целях стимулирования должностных лиц, осуществляющих расследование по делу, не затягивать уголовное судопроизводство; соблюдать права других участников уголовного процесса и принимать в защиту их прав решения в соответствующие сроки, а другие направлены на создание гарантий частным лицам, позволяют определить временные границы применяемых в отношении участников процесса ограничений их прав для того, чтобы оно не было неоправданно, необоснованно продолжительным.

На основании проведенного анализа можно дать следующее определение: процессуальные сроки - это период времени с установленным законодателем порядком исчисления, в течении которого участниками уголовного судопроизводства могут или должны совершаться процессуальные действия, с целью реализации их обязанностей, прав и полномочий в уголовном процессе.

Таким образом исходя из сущностных особенностей данного понятия, следует выделять следующие виды процессуальных сроков: 1) по правовому оформлению: а) закрепляющие начало и окончание срока; б) закрепляющие только начало или только окончание срока. 2) по первичности применения срока: а) основные; б) последующие, продлевающие основной срок. 3) по целям применения: а) обеспечивающие права частных лиц; б) обеспечивающие публичные интересы.

Литература

1. Штамм С.И. Судебник 1497 года: Учеб. Пособие. М., 1955 - 112с

2. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1961.

3. Краткое изображение процессов или судебных тяжб. Указ от 30 марта 1716 г. // СПС Консультант Плюс

4. Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллеги, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не только во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейше поступать имеют // СПС Консультант Плюс

5. Давыдов Н.В., Полянский Н.Н. Судебная реформа. В 2 т. - М.: Изд-во Объединение, 1915. - Т. 2 - 311 с.

6. Указ Александра II от 20 ноября 1864 года «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // СПС Консультатнт Плюс.

7. Устав уголовного судопроизводства // СПС «КонсультантПлюс»

8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд. АН ССР 1958. - 703 с.

9. Демидов И.Ф. Принципы советского уголовного процесса. - М.: Изд-во «Юридическая литература», 1989, - 256 с.

10. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. - М.: Юридическая литература, 1975. – 224 с.

11. Рогозин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916 (цит. по Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: Автореф. дис. … канд. брид. наук. Саратов, 2006 с. 50)

12. Азаревич Д. Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам: Т. 3: Судопроизводство. 1900. Университетский курс. Т. 1: Вып. 1-2; Т. 2: Вып. 1-2; Т. 3. Варшава: Типография М. Земкевич, Типография Варшавского учебного округа, 1891. 929 с.

[21] Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - 239 с.

[22] Корепаеова Т.Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. Юрид. наук. Ижевск, 2004. 32 с.

[23] Корепанова Т.Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. Юрид. наук. Ижевск, 2004. 32 с.

13. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М.: ТЕИС, 2004. 607 с.

14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 907с.

15. Гуткин И.М., Мариупольский Л.А., Шереметьев И.М. Советский уголовный процесс: учеб. для средних юридических школ. М.: Госюриздат, 1962. 318 с

16. Васильев Л.М. Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Грозный, 1972. 19 с.

17. Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно — процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3). С. 139 - 145.

18. Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М.: Юридическая литература. 1976. 144 с.

19. Сокол Р.П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности: дис. канд. юрид. Наук. Владимир, 2008. 197 с.

20. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно - процессуальной деятельности. Саратов: Саратовской государственной академии права, 2006. 182 с.

21. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - 239 с.

22. Корепаева Т.Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. Юрид. наук. Ижевск, 2004. 32 с.

On the concept and types of procedural deadlines in criminal proceedings

Markin I.S.
Tolyatti State University

Compliance with procedural deadlines in criminal proceedings plays an important social and legal role, acts as additional guarantees in criminal proceedings of the rights, freedoms and legitimate interests of participants in the process, which becomes invaluable in the light of respect for individual rights.

At the same time, despite the importance of such a criminal procedure category as "term", its concept is absent both in Article 5 of the CPC of the Russian Federation and in the text of the law as a whole. The absence of this concept does not allow us to talk about the integrity and necessity of introducing deadlines into procedural activities, their duration, the consequences of non-compliance with deadlines, etc.

In addition, based on the realities of law enforcement practice, it is necessary to talk about the guarantee of procedural deadlines with a certain degree of conditionality.

The purpose of this study is to determine the essential features of the concept of procedural deadlines, knowledge of which will allow using this procedural tool more effectively and deliberately.

Keywords: procedural deadlines, criminal proceedings, criminal procedure, definition of procedural deadlines, meaning of procedural deadlines, guarantee of procedural deadlines.

References

1. Shtam S.I. Sudebnik of 1497: Textbook. Manual. M., 1955 – 112s
2. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. The Cathedral Code of 1649. Moscow: Publishing House of Moscow. Unita, 1961.
3. A brief image of trials or lawsuits. Decree of March 30, 1716 // SPS Consultant Plus
4. The General Regulations or the charter, according to which state colleagues, as well as all servants belonging to them, not only in external and internal institutions, but also in the administration of their rank, have the right to act // SPS Consultant Plus
5. Davydov N.V., Polyansky N.N. Judicial reform. In 2 vols. – M.: Publishing House of Unification, 1915. – Vol. 2 – 311 p.
6. Decree of Alexander II of November 20, 1864 "On the establishment of judicial institutions and Judicial charters" // SPS Consultatnt Plus.
7. The Statute of criminal proceedings // SPS "ConsultantPlus"
8. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences 1958. – 703 p
9. Demidov I.F. Principles of the Soviet criminal process. – M.: Publishing house "Legal literature", 1989, 256 p.
10. Larin A.M. Investigation of a criminal case. - M.: Legal literature, 1975. - 224 p.
11. Rogozin N.N. Criminal proceedings. Petrograd, 1916 (quoted by Petrov G.B. Terms as an element of legal regulation of criminal procedural activity: Abstract. ... cand. Brid. of sciences. Saratov, 2006, p. 50)
12. Azarevich D. Judicial system and judicial proceedings in civil cases: Vol. 3: Judicial proceedings. 1900. University course. Vol. 1: Issue 1-2; Vol. 2: Issue 1-2; Vol. 3. Warsaw: Printing house M. Zemkiewicz, Printing House of the Warsaw Educational District, 1891. 929 p.
13. Yakupov R.H. Criminal procedure: studies. for universities. M.: TEIS, 2004. 607 p.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Az, 1996. 907c.
15. Gutkin I.M., Mariupol L.A., Sheremetyev I.M. Soviet criminal trial: textbook. for secondary law schools. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 318 p
16. Vasiliev L.M. Procedural terms in Soviet criminal proceedings: abstract. dis. ...cand. Jurid. sciences'. Grozny, 1972. 19 p .
17. Kalinovsky K.B. Procedural terms in criminal proceedings and their regulation according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2005. No. 2 (3). pp. 139 - 145.
18. Gulyaev A.P. Procedural deadlines at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation. M.: Legal literature. 1976. 144 p.
19. Sokol R.P. Procedural deadlines in the judicial stages of criminal proceedings of the Russian Federation: legal regulation and procedural features: dis. ...cand. Jurid. Sciences'. Vladimir, 2008. 197 p.
20. Petrova G.B. Deadlines as an element of legal regulation of criminal procedural activity. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2006. 182 p.
21. Maslov I.V. Criminal procedural terms in pre-trial proceedings: monograph. M.: Norm: INFRA-M, 2013. - 239 p.
22. Korepaeova T.L. Procedural deadlines as a guarantee of protection of constitutional rights and freedoms of the individual in the Russian criminal process: abstract. ... cand. Legal sciences. Izhevsk, 2004. 32 p.

О некоторых актуальных проблемах и существенных изъянах законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела

Мартыненко Сергей Борисович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), martyncomorder@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические проблемы правового регулирования, выявляются пробелы и коллизии в нормативной регламентации уголовно-процессуального производства и осуществления прокурорской деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, а также недостатки соответствующей правоприменительной практики. Автором, обосновывается необходимость наличия указанной стадии в отечественном уголовном процессе, подвергается критическому анализу ряд законодательных положений, регулирующих поводы и основание для возбуждения уголовного дела, отдельные полномочия прокурора в указанной стадии уголовного судопроизводства, способы и средства проведения предварительной проверки сообщений о преступлении и обеспечения прав и законных интересов её участников. При этом отмечается, что нарушения закона, допускаемые органами предварительного расследования и прокуратуры в стадии возбуждения уголовного дела, во многом обусловлены недостатками нормативного регулирования складывающихся на этом отрезке уголовного процесса общественных отношений. Автором определяются основные направления совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой области и предлагается внесение соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, поводы и основание для возбуждения уголовного дела, проверка сообщений о преступлении, следственные и иные процессуальные действия, прокурорская деятельность, прокурорский надзор.

Возбуждение уголовного дела традиционно рассматривается в уголовно-процессуальной науке, во-первых, как институт уголовно-процессуального права представляющий собой комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере получения, рассмотрения и разрешения органами предварительного расследования сообщений о преступлении, во-вторых, как соответствующая самостоятельная стадия уголовного судопроизводства (уголовного процесса), а в-третьих, как одно из её итоговых процессуальных решений.

Стадия возбуждения уголовного дела преследует две альтернативные цели: создание надлежащих предпосылок для дальнейшего производства в стадии предварительного расследования, либо – предотвращение дальнейшего уголовно-процессуального производства по фактам, которые не имели места в действительности или не содержат признаков состава преступления. Так, одной из основных функций института возбуждения уголовного дела Ю.А. Цветков называет «фильтрацию» сообщений о преступлении и образно указывает, что в соответствующей процессуальной стадии «…происходит отделение «зерен от плевел», препятствующее распылению активности правоохранительных органов на заведомо негодные объекты и сосредотачивающее её на том, что юридически и социально значимо» [1, с. 445].

Структурно рассматриваемая стадия состоит из следующих этапов: получение сообщения о преступлении (п. 43 ст. 5, ч. 1, 1.3, 3 ст. 140, ст. 141-143, ч. 1, 4-6 ст. 144 УПК РФ); проведение предварительной (доследственной) проверки сообщения о преступлении (ч. 1, 1.1, 1.2, 2, 7-9 ст. 144 УПК РФ); принятие одного из двух альтернативных, завершающих стадию возбуждения уголовного дела процессуальных решений: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 140, п. 1, 2. ч. 1, ч. 2 ст. 145, ст. 146-148 УПК РФ).

Краеугольным камнем проблем законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела является вопрос о необходимости её наличия в уголовном процессе как таковой, о целесообразности самого существования нормативной регламентации доследственного уголовно-процессуального производства.

Так, уже давно наметилось немалое число приверженцев идеи об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, исключении регулирующих её нормативных положений из уголовно-процессуального закона [1, с. 442; 2, с. 4-5, 14-17, 205-231; 3, с. 4].

Аргументация сторонников указанной позиции может выглядеть весьма убедительной и являться достаточно разнообразной, включая в себя, помимо прочего, суждения о том, что стадия возбуждения уголовного дела: излишне растягивает сроки уголовного судопроизводства, нарушая принцип разумного срока уголовного судопроизводства; затрудняет доступ потерпевших к правосудию и привлечение виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности; не позволяет надлежащим образом гарантировать обеспечение прав и законных интересов вовлекаемых в неё лиц; приводит к ненужному дублированию в деятельности проводящих предварительную (доследственную) проверку сообщений о преступлении (далее – предварительная проверка) и последующее предварительное расследование должностных лиц посредством производства ими по существу одних и тех же действий в разных процессуальных формах; дополнительно обременяет участвующих в ней граждан, которые в ходе предварительного расследования вынуждены повторно выполнять фактически те же самые функции; влечёт неоправданные затраты времени, сил и средств правоохранительных органов, а в конечном итоге – нерациональное расходование государственных финансовых ресурсов [4, с. 237].

Учёными-процессуалистами отмечалось, что расширение круга следственных действий, производство которых допускается в ходе предварительной проверки, превращает рассматриваемую уголовно-процессуальную стадию в лишённое процессуального смысла и процессуальных гарантий квазирасследование [5, с. 96], стирает границы между стадиями предварительного расследования и возбуждения уголовного дела, в связи с чем существование последней теряет смысл [6, с. 99-100; 7, с. 136-137].

Придерживаясь диаметрально противоположной точки зрения, мы являемся убеждёнными противниками ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, выступаем за её сохранение в отечественном уголовном судопроизводстве как одного из наиболее ярких, с нашей точки зрения, проявлений его гуманистических начал.

Так, не вызывает сомнений то, что стадия возбуждения уголовного дела является одной из наиболее значимых процессуальных гарантий от уголовного преследования в отношении невиновных в совершении преступлений лиц. Рассматриваемая стадия позволяет без применения процессуального принуждения, без постановки граждан в правовое положение подозреваемых и обвиняемых, порочащее их честь, умаляющее их достоинство, наносящее урон их репутации и ограничивающее их гражданские права, достаточно оперативно и качественно устанавливать наличие или отсутствие события преступления и необходимых признаков его состава, а также лиц, причастных к его совершению.

Производство в стадии возбуждения уголовного дела даёт возможность предупредить следственные ошибки и своевременно пресечь противоправные действия со стороны недобросовестных сотрудников органов дознания, для которых инициирование и последующее осуществление незаконного уголовного преследования в отношении определённых лиц может служить мощным инструментом воздействия на них в корыстных целях, способом осуществления мести, сведения счётов, а также выступать средством «улучшения» показателей оперативно-служебной деятельности.

Конечно, на это можно возразить, что все просчёты правоохранительных органов и злоупотребления их сотрудников могут быть выявлены, устранены и пресечены и в последующих стадиях уголовного судопроизводства. Но кто вернёт человеку, в отношении которого уголовное преследование по прошествии определённого времени всё-таки будет прекращено, измотанные нервы, потраченное здоровье, разрушенные жизненные перспективы, сломанную карьеру, потерянный бизнес, распавшуюся семью, кто восстановит его доброе имя, испорченные отношения с близкими и т.п.? В данной связи В.В. Волохом и Н.С. Городиловым приводится замечательное изречение А.Ф. Кони о том, что «…Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причинённого человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу», и справедливо отмечается: «Порой даже простое подозрение лица в совершении определённого преступления, распространение мнения об этом в социальной среде, где находится человек, на которого пало подозрение, непоправимо меняет его жизнь» [8, с. 88].

При этом реальная правоприменительная практика в настоящая время свидетельствует о том, что чем дальше продвигается уголовно-процессуальное производство, тем труднее ему признаться в своей неправоте. А стадия возбуждения уголовного дела как раз и не позволяет уголовному процессу сделать свой первый шаг вперёд на пути к осуждению невиновного.

Кроме того, тезис о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела из соображений экономии бюджетных средств не выдерживает критики, поскольку в случае принятия такого решения количество реабилитационных производств значительно возрастёт, а суммы соответствующих компенсационных выплат лицам, подвергшимся незаконному уголовному преследованию, неизмеримо увеличатся.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо наличие законного повода и достаточного основания. При этом такие коррелирующие понятия, как «повод для возбуждения уголовного дела» и «сообщение о преступлении», содержание которых не раскрыто законодателем надлежащим образом, относятся в уголовно-процессуальной науке к числу наиболее дискуссионных и трактуемых различными авторами чрезвычайно многогранно и неоднозначно [9, с. 16-17; 10, с. 139-143]. Не ставя перед собой задачи осуществить в настоящей статье исследование всего многообразия особенностей толкования указанных понятий, отметим,

во-первых, то, что проверка сообщения о преступлении, которое законодателем фактически отождествляется с поводом для возбуждения уголовного дела (п. 43 ст. 5, ч. 1 ст. 140, ст. 143 УПК РФ), нередко заканчивается принятием решения об отказе в его возбуждении. При этом формулировка «поводы для возбуждения уголовного дела» как бы уже предопределяет обвинительный уклон и соответствующий исход предварительной проверки, заранее «программирует», подсознательно настраивает проводящих её должностных лиц на непременное возбуждение уголовного дела. В данной связи следует разделить точку зрения учёных, подвергающих критике словосочетание «поводы для возбуждения уголовного дела» и предлагающих такие заменяющие его варианты, как «поводы для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела» [11, с. 116] и «поводы для начала досудебного производства» [9, с. 17]. Во-вторых, все попытки формулирования дефиниции повода для возбуждения уголовного дела как самостоятельного уголовно-процессуального понятия, на наш взгляд, являются бесплодными, поскольку под таким поводом подразумевается назначение, функция, роль сообщения о преступлении – быть, являться, выступать, служить импульсом, толчком, вызывающим, влекущим, порождающим начало как досудебного, так и всего уголовно-процессуального производства в целом. Под сообщением же о преступлении, по нашему мнению, следует понимать первичные процессуально-значимые сведения о преступлении, содержащиеся в одном из предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников, надлежащим образом представленном компетентным должностным лицам правоохранительных органов и в установленном порядке принятом ими. В связи с изложенным выше п. 43 ст. 5 УПК РФ, а также название ст. 140 УПК РФ и положения, содержащиеся в её ч. 1, следует изложить в новой редакции, отвечающей указанному подходу.

Некорректным представляется нам также и приведённое в ч. 2 ст. 140 УПК РФ определение основания для возбуждения уголовного дела как наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. И здесь необходимо поддержать предложение В.Б. Малинина о необходимости замены в указанном законодательном положении словосочетания «признаки преступления» на «необходимые признаки состава преступления», поскольку, во-первых, в данном случае законодатель понимает под признаками преступления отнюдь не его понятиеобразующие составляющие, то есть общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость (ч. 1 ст. 14 УК РФ), а признаки различных элементов состава преступления (ст. 8 УК РФ). Во-вторых, для принятия решения о возбуждении уголовного требуется установление не всех, а лишь некоторых признаков отдельных элементов состава преступления, как правило, объекта преступления и отдельных признаков его объективной стороны [11, с. 115-116].

Наряду с этим надлежит подвергнуть критическому анализу нормативное регулирование таких предусмотренных ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочий прокурора, как проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1) и вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2), а также самого этого постановления, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ в качестве одного из поводов для возбуждения уголовного дела.

Дело здесь в том, что, во-первых, формулировка начального положения ч. 2 ст. 37 УПК РФ: «В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:», фактически ограничивает возможность реализации указанных полномочий прокурора исключительно рамками стадии предварительного расследования и такой отрасли прокурорского надзора, как надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие (абз. 4 п. 2 ст. 1 и гл. 3 разд. III Федерльного закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). При этом надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях осуществляется прокурором в подавляющем большинстве случаев как раз до начала производства в стадии предварительного расследования, а о возможности вынесения прокурором означенного постановления при осуществлении надзорной деятельности в рамках указанной отрасли в стадии возбуждения уголовного дела и в других отраслях прокурорского надзора действующее законодательство умалчивает. Между тем, реализуя указанные полномочия при осуществлении прокурорского надзора, не связанного с производством по возбуждённому уголовному делу, прокуроры необоснованно, но вынужденно, применяя закон по аналогии, ссылаются в актах прокурорского реагирования на нарушения закона на п. 1 и 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Во-вторых, приём, регистрация и разрешение сообщений о преступлении регулируется не только федеральным законодательством, но, в основном, положениями подзаконных нормативных правовых актов, за исполнением которых также должен осуществляется прокурорский надзор.

В-третьих, законодатель, закрепляя полномочие прокурора выносить постановление о направлении материалов, содержащих сведения о преступлении, в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, не предусматривает при этом необходимости дальнейшего направления этого постановления в соответствующие органы.

И, наконец, в-четвёртых, одно и то же постановление прокурора в п. 2 ч. 2 ст. 37 и в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ называется по-разному, что, на наш взгляд недопустимо.

В связи с изложенным выше, во-первых, представляется необходимым включить в ст. 25 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» п. 3, предусматривающий полномочия прокурора по вынесению им рассматриваемого постановления и его направлению в органы предварительного расследования. Во-вторых, предлагаем следующую редакцию первого положения ч. 2 ст. 37 УПК РФ: «В ходе досудебного производства прокурор уполномочен:». Это, кстати, позволит на законных основаниях дополнить ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочиями прокурора, которые могут осуществляться им в стадии возбуждения уголовного дела, например, давать дознавателю письменные указания не только о направлении расследования (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), но и предварительной проверки. В-третьих, следует изложить положение, содержащееся в п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ следующим образом: «1) проверять исполнение требований федерального закона и иных нормативных правовых актов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;». И наконец, в-четвёртых, надлежит единообразно сформулировать в п. 2 ч. 2 ст. 37 и в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ название соответствующего постановления прокурора.

Целый ряд пробелов и коллизий, присущих уголовно-процессуальным нормам, регулирующим производство в стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, находится в сфере нормативного закрепления и правовой регламентации способов предварительной проверки.

Так, невозможно однозначно истолковать приведённое в ч. 1 ст. 144 УПК РФ положение о том, что «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе… истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом…». Эта нормативная конструкция уже давно вызывает у специалистов в области уголовного процесса бесконечную череду вопросов, на которые в уголовно-процессуальном законе до настоящего времени не дано ответов. Здесь, во-первых, представляется непонятным, рассматриваются ли законодателем истребование и изъятие как последовательные, взаимосвязанные действия, то есть истребование предметов и документов с их последующим изъятием, или же речь идет об отдельных, обособленных действиях. Во-вторых, если истребование и изъятие независимы друг от друга, то последнее необходимо расценивать как самостоятельное процессуальное действие или же как извлечение предметов и документов из места их нахождения, хранения в ходе предусматривающих такую возможность следственных и иных процессуальных действий? Если предположить, что под изъятием понимается самостоятельное процессуальное действие, то его производство исключается, поскольку соответствующей процессуальной формы для этого УПК РФ не предусматривает, хотя, исходя из процитированной выше законодательной формулировки, в данном случае и должен. Если же в ч. 1 ст. 144 УПК РФ под изъятием подразумевается извлечение предметов и документов из места их нахождения, хранения при производстве соответствующих следственных и иных процессуальных действий, допустимых в стадии возбуждения уголовного дела, то специальное указание в законе на такое изъятие вообще утрачивает всякий смысл.

На сегодняшний день изъятие документов и предметов в ходе предварительной проверки может осуществляться посредством получения образцов для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 144, ст. 202 УПК РФ), производства осмотра (ч. 1 ст. 144, ст. 176-178, 180 УПК РФ) и освидетельствования (ч. 1 ст. 144, ст. 179, 180 УПК РФ), хотя относительно последнего такое утверждение признаётся некоторыми учёными-процессуалистами, в частности Мамошиным М.А., неверным [12, с. 13].

Кроме того, указанным автором истребование и проведение документальных проверок и ревизий признаётся самостоятельными процессуальными действиями, в ходе которых допускается изъятие предметов и документов [12, с. 10-14], и при этом отмечается, что важным условием правомерности такого изъятия является обязательное процессуальное оформление его результатов [12, с. 11], порядок которого применительно к указанным действий в настоящее время законодательно не регламентирован [13, с. 118].

В правоприменительной практике такое некорректное законодательное регулирование привело к тому, что должностные лица органов предварительного расследования, понимающие указанное в ч. 1 ст. 144 изъятие как разрешённое законодателем самостоятельное процессуальное действие, и проводят его в ходе предварительной проверки соответствующим образом с составлением актов или протоколов изъятия, а истолковавшие означенное нормативное положение как законодательное дозволение на производство всех следственных действий, предполагающих возможность извлечения предметов и документов из мест их нахождения, хранения, начали проводить в стадии возбуждения уголовного дела обыски и выемки. В ряде случаев результаты изъятия документов и предметов оформляются протоколами их представления или фиксируются в письменных объяснениях участников предварительной проверки [13, с. 118]. При этом очевидно, что все эти подходы не согласуются с законом, а изымаемые таким образом документы, предметы и соответствующие процессуальные акты являются доказательственно недопустимыми.

В данной связи следует признать заслуживающим поддержки суждение А.И. Александрова, Е.В. Елагиной и А.Г. Харатишвили о том, что «…совокупность действующих федеральных законов, ведомственных нормативных актов, к сожалению, не обеспечивает правоприменителей надёжным арсеналом для обеспечения безупречности изъятия материальных объектов; допускаемые правоприменителями нарушения – следствие отсутствия процессуального (нормативного) инструментария, который

позволял бы проводить изъятия предметов, документов, веществ в строгом соответствии с правовыми нормами» [14, с. 946-947].

Частичным выходом из указанной ситуации, по нашему мнению, может служить законодательное дозволение производства выемки документов и предметов в ходе предварительной проверки сообщений о преступлении, что предлагается, в частности, М.А. Митюковой и Н.А. Шишкиной [13, с. 118], но с обязательным условием допустимости принудительного проведения этого следственного действия только в отношении государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц.

Освидетельствование является одним из следственных действий, допустимость производства которых в ходе предварительной проверки предусмотрена ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 179 УПК РФ. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ, освидетельствованию могут быть подвергнуты только подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель, которые не являются участниками стадии возбуждения уголовного дела, а появляются в досудебном производстве позднее – уже в стадии предварительного расследования. Эта очевидная коллизия уголовно-процессуальных норм исключает производство освидетельствования в ходе предварительной проверки в полном соответствии с требованиями закона и, как следствие, должна влечь недопустимость полученных посредством проведения этого следственного действия доказательств. Однако в сложившейся правоприменительной практике этого не происходит, и освидетельствование до возбуждения уголовного дела производится достаточно часто, а его результаты признаются допустимыми доказательствами. Наверное, такая вынужденная практика отчасти может быть оправдана применением аналогии закона. В целях устранения указанной коллизии и приведения правоприменительной практики в полное соответствие с законодательными требованиями надлежит указать в ч. 1 ст. 179 УПК РФ на допустимость производства в стадии возбуждения уголовного дела освидетельствования лиц безотносительно их определённого процессуального статуса, как это предлагается Е.В. Егоровой [15, с. 58].

Оставляет желать много лучшего и уголовно-процессуальная регламентация участия в предварительной проверке защитника. Так, нормативные положения раздела VII УПК РФ, регулирующие производство в стадии возбуждения уголовного дела, такой процессуальной фигуры, как защитник, не предусматривают вовсе. Так, во-первых, в ч. 1.1 ст. 144 гл. 19 указанного раздела УПК РФ закреплено право лиц, вовлекаемых в производство процессуальных действий при проведении предварительной проверки, пользоваться услугами адвоката, но не защитника. Во-вторых, согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, участие защитника в уголовном деле допускается с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. При этом, в соответствии с частью 1 ст. 49 УПК РФ, защитником является лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых, обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Между тем, ни уголовного дела, ни указанных участников уголовного судопроизводства на этапе предварительной проверки ещё не существует. Соответственно, указанные положения ст. 49 УПК РФ носят явно коллизионный характер. Во-вторых, в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ приводятся сугубо оценочные понятия, так как в уголовно-процессуальном законе не раскрывается, какие именно процессуальные действия затрагивают права и свободы лица, в отношении которого проводится предварительная проверка, и кто именно считается этим лицом. Соответственно, в настоящее время решение вопроса о допуске защитника к участию в предварительной проверке фактически отдано на усмотрение и зависит от волеизъявления проводящих её должностных лиц, что, на наш взгляд, является серьёзным недостатком уголовно-процессуального закона, требующим скорейшего устранения. [16, с. 27-30].

Таким образом, нормативное регулирование стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время весьма далеко от совершенства, что обуславливает вынужденно прикрываемый аналогией закона и не соответствующий его букве характер деятельности органов предварительного расследования и прокурора на рассматриваемом отрезке уголовного судопроизводства. При этом решение указанных выше проблем и восприятие законодателем сформулированных нами предложений по изменению и дополнению действующего законодательства может способствовать укреплению законности и повышению эффективности процессуального производства и прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела, надлежащему обеспечению прав и законных интересов её участников.

Литература

1. Цветков Ю.А. Тенденции правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела (эмпирический анализ) // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 441-449.

2. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2016. 301 с.

3. Марковичева Е.В., Васюков, В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография / Е.В. Марковичева, В.Ф. Васюков. М.: Проспект, 2016. 80 с.

4. Головкин О.Е., Крамская Е.С. Стадия возбуждения уголовного дела: необходимо реформирование // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3 (90). С. 236-240.

5. Масленникова Л.Н. Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 93-98.

6. Победкин А.В., Бурцев С.Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 232 с.

7. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Монография / Г.П. Химичева. М.: Издательство «Экзамен», 2003. 352 с.

8. Волох В.В., Городилов Н.С. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном процессе: актуальные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 84-91.

9. Варнавский Д.А., Торбин Ю.Г., Усачев А.А. Поводы для возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе: понятие, история становления и развития // Вестник РПА. 2019. № 2. С. 12-19.

10. Косенко А.М. Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98) январь. С. 138-145.

11. Малинин В.Б. Поводы для возбуждения уголовного дела // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 112-116.

12. Мамошин М.А. Особенности изъятия предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Научный портал МВД России. 2016. № 3. С. 10-14.

13. Митюкова М.А., Шишкина Н.А. Проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 116-120.

14. Александров А.И., Елагина Е.В., Харатишвили А.Г. Изъятие предметов, веществ и материалов до возбуждения уголовного дела: основания, проблемы и пути их решения // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 4. С. 936-949.

15. Егорова Е.В. О некоторых коллизиях правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 55-64.

16. Совершенствование правоприменительной деятельности по уголовным делам в современной научной парадигме: новые горизонты и перспективы: монография [Электронный ресурс] / К.В. Питулько, И.О. Воскобойник, М.А. Горбатова и др. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. 2Мб. 273 с.

On some current problems and significant flaws in the legislative regulation of the stage of initiating a criminal case

Martynenko S.B.

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

The article considers theoretical problems of legal regulation, reveals gaps and conflicts in the normative regulation of criminal procedural proceedings and the implementation of prosecutorial activity at the stage of initiation of criminal proceedings, as well as the shortcomings of the relevant law enforcement practice.

The author substantiates the necessity of this stage in the domestic criminal process, critically analyzes a number of legislative provisions regulating the reasons and grounds for the initiation of criminal proceedings, certain powers of the prosecutor in this stage of criminal proceedings, ways and means of conducting preliminary verification of reports of crime and ensuring the rights and legitimate interests of its participants. At the same time, it is noted that violations of the law committed by bodies of preliminary investigation and prosecutor's office at the stage of initiation of criminal proceedings are largely due to the shortcomings of normative regulation of social relations formed at this stage of criminal proceedings. The author defines the main directions of improvement of the current legislation and law enforcement practice in the area under consideration and proposes to make appropriate amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On Prosecutor's Office of the Russian Federation”.

Keywords: stage of initiation of criminal proceedings, reasons and grounds for initiation of criminal proceedings, verification of crime reports, investigative and other procedural actions, prosecutor's activity, prosecutor's supervision.

References

1. Tsvetkov Y.A. Trends of law enforcement at the stage of initiation of criminal proceedings (empirical analysis) // Actual problems of state and law. 2023. Vol. 7 № 3. P. 441-449. (In Russ.).
2. Kozhokar V.V. Excitation of a criminal case: issues of theory and practice: Cand. diss.. ...kand. juridical sciences. M., 2016. 301 p. (In Russ.).
3. Markovicheva E.V., Vasyukov, V.F. Problematic issues of initiation of criminal cases at the present stage: a monograph / E.V. Markovicheva, V.F. Vasyukov. Moscow: Prospect, 2016. 80 p. (In Russ.).
4. Golovkin O.E. Kramskaya E.S. The stage of initiation of a criminal case: reform is necessary // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (90). P. 236-240. (In Russ.).
5. Maslennikova L.N. Support of access to justice for a victim of a crime in the conditions of the digital technologies development // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (49). P. 93-98. (In Russ.).
6. Pobedkin A.V., Burtsev S.N. Violations of criminal procedural norms in the activity of bodies of inquiry, means of their prevention and elimination: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2010. 232 p. (In Russ.).
7. Khimicheva, G.P. Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedural activity. Monograph / G.P. Khimicheva. Moscow: “Ekzamen” Publishing House, 2003. 352 p. (In Russ.).
8. Volokh V.V., Gorodilov N.S. The initiation of a criminal case in the Russian criminal process: current problems // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (57). P. 84-91. (In Russ.)..
9. Varnavsky D.A., Torbin Y.G., Usachev A.A. Reasons for initiating criminal proceedings in the Russian criminal process: concept, history of formation and development // Vestnik RPA. 2019. № 2. P. 12-19. (In Russ.).
10. Kosenko A.M. Critical review of the system of motives for criminal case initiation // Actual problems of Russian law. 2019. № 1 (98) January. P. 138-145. (In Russ.).
11. Malinin V.B. Reasons for the initiation of criminal proceedings // Leningrad Law Journal. 2012. № 4. P. 112-116. (In Russ.).
12. Mamoshin M.A. Features of the seizure of objects and documents in the verification of a crime report // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. P. 10-14. (In Russ.).
13. Mityukova M.A., Shishkina N.A. Problems of legal regulation of the stage of initiation of criminal proceedings // Siberian Legal Bulletin. 2021. № 4 (95). P. 116-120. (In Russ.).
14. Aleksandrov A.I., Elagina E.V., Kharatishvili A.G. Seizure of objects, substances and materials before the initiation of criminal proceedings: grounds, problems and ways to solve them // Vestnik of St. Petersburg State University. Law. 2020. Vol. 11. i. 4. pp. 936-949. . (In Russ.).
15. Egorova E.V. About some collisions of legal regulation of the stage of initiation of criminal proceedings // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 2. P. 55-64. (In Russ.).
16. Improvement of law enforcement activity in criminal cases in the modern scientific paradigm: new horizons and prospects: a monograph [Electronic resource] / K.V. Pitulko, I.O. Voskoboynik, M.A. Gorbatova et al. SPb.: St. Petersburg Institute (branch) of the All-Union State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2024. 2MB. 273 p. (In Russ.).

О некоторых аспектах противодействия незаконному обороту оружия в сети интернет

Новикова Онега Юрьевна
канд. техн. наук, доцент Московского Университета МВД России им. В.Я. Кикотя, metaf0000@yandex.ru

Новиков Владимир Валерьевич
аспирант, Московского Университета МВД России им. В.Я. Кикотя, KlodVV@yandex.ru

Представленная статья посвящена исследованию проблемы незаконного оборота оружия в сети Интернет, рассмотрению механизмов, способствующих распространению нелегального оружия через онлайн-платформы, а также анализу правовых и организационных мер, направленных на борьбу с этой угрозой. В условиях интеграции цифровых и информационных технологий в повседневную жизнь рассматриваемая проблема требует комплексного анализа как с точки зрения действующего законодательства РФ.

Авторы акцентируют внимание на роли анонимности пользователей и использовании современных финансовых технологий, таких как цифровые криптовалюты, в контексте совершения правонарушений. Исследуется влияние социальных сетей на формирование теневого рынка нелегального оружия, что требует актуализации подходов к правоприменительной практике.

В заключение статья предлагает рекомендации по повышению эффективности правоохранительных органов, включая необходимость международного сотрудничества, совершенствование законодательства и внедрение новых технологий для мониторинга и контроля. Работы в этой области могут послужить основой для дальнейших исследований и разработки эффективных мер по борьбе с киберпреступностью в сфере оружия.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, киберпространство, Даркнет, методика, TOP, социальные сети.

Нормативные правовые документы, регламентирующие понятие «оборот оружия» и «незаконный оборот оружия» в сети Интернет

С учетом того, что государство предпринимает действенные меры по борьбе с незаконным оборотом оружия, такой оборот оружия меняет свои свойства и переходит в информационно-телекоммуникационные сети, в том числе в сеть “Интернет”.

Сегодня через социальные сети можно продать и купить практически все. Это удобно, быстро и во многом анонимно. Уникальные преимущества оборота товаров в интернете действуют и для незаконного сбыта, перевозки, приобретения огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов. Анализ имеющейся информации свидетельствует об образовании новой устойчивой методики обезличенного, массового и неконтролируемого распространения предметов вооружения по всей территории Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, что представляет потенциальную угрозу национальной безопасности. Практически 70% зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершено с использованием ресурсов сети “Интернет”, что обусловлено возможностью дистанционно и анонимно координировать незаконные операции, в том числе из-за рубежа. О серьезности проблемы заставляет говорить и череда громких преступлений, совершенных с использованием штатных боеприпасов, взрывчатки, пистолетов и автоматов, приобретенных с использованием сети Интернет только в текущем году: это и подрыв кафе в Воронеже в ночь на 1 апреля, и расстрел сотрудников полиции подозреваемым в наркоторговле в Подмосковье, и, конечно, теракт в «Крокусе». Расследование указанных и подобных фактов показывает, что посредством сети Интернет преступники получают доступ как к оружию-самоделкам, так и к оружию-переделкам, которые не зарегистрированы, и не проходят ни по каким характеристикам, ни в каких существующих базах данных.

Существенный рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, фиксируется и статистикой МВД. Так, только за первые два месяца текущего года количество выявленных преступлений такого рода выросло на 16% (4235 фактов), при этом при оценке этих данных следует учитывать латентность данного вида преступлений. Можно констатировать, что на сегодняшний день незаконный оборот оружия ограничивается лишь недостаточной компьютерной грамотностью граждан.

Особую опасность в распространении оружия в интернете представляют ресурсы, позволяющие скрыть данные пользователей. В частности, одним

из криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, является широкое распространение в сети “Интернет” информации о технологиях восстановления боевых свойств газового и травматического оружия, их переделки для стрельбы боевыми патронами, изготовления взрывных устройств из составляющих, находящихся в свободной продаже.

Российское государство в силу своих возможностей активно противодействует незаконному обороту оружия с использованием информационно-коммуникационных и цифровых платформ. Так, Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” в статьи 222, 222-1, 222-2 УК РФ введен новый квалифицирующий признак, - совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”[24].

Внесенные данным законом изменения ужесточают уголовную ответственность за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов (статьи 222, 222.1, 223, 223.1 и 226.1 УК РФ).

Так, использование информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет») при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, теперь является квалифицирующим признаком, в соответствии с которым преступления данного вида отнесены законодателем к категории особо тяжких преступлений, за которые предусмотрено наказание только в виде лишения свободы на срок более 10 лет.

Таким образом, законодатель признал, что незаконный оборот огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывчатых устройств и крупнокалиберного огнестрельного оружия с использование сети “Интернет” является наиболее общественно опасным и требует самостоятельной квалификации и более строгого наказания.

В то же время для пресечения совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет” следует создать соответствующие условия.

Наиболее распространенные способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия с использованием открытых источников информации

На сегодняшний день большую часть незаконного оружия, продаваемого в сети Интернет можно разделить на три вида:

- добытое «черными копателями» в местах сражений Великой Отечественной войны;

- переделанное из массогабаритных макетов, служебного, травматического оружия и сигнальных устройств;

- похищенное из зоны СВО.

Необходимо отметить, что поток оружия, который идет из мест боевых действий, затмил остальные каналы поставок. Чаще всего трафик проходит через Ростовскую область, оттуда попадает в республики Северного Кавказа. Альтернативный канал — из Запорожской области в Крым. Но опять же, поток идет в сторону Кавказа. Сегодня, речь идет об организованной деятельности, в которой фигурирует множество соучастников, роли каждого распределены. Через блокпосты оружие, в частности, стрелковое, провозят в разобранном виде. Из новых регионов оружие вывозят либо в рейсовых автобусах по частям (кто-то прямо в сумках везет). Либо организованно, под прикрытием действующих подразделений. После переброски на «большую землю», боеприпасы и стволы оказываются в схронах, координаты которых известны лишь старшим в группировке. В принципе логистика схожа с той, которую используют наркоторговцы.

Отмечается кратное снижение стоимости единиц оружия на черном рынке. Так, пистолет Макарова предлагается за 30 тыс. рублей, автомат Калашникова укороченный (АКСУ) — 75 тыс. «Экзотика» чуть дороже, ее просто меньше в наличии: украинский пистолет «Форт» — 40 тыс. трофейные американские винтовки М-4, М-16 — от 150 тыс. рублей. Цинк патронов — 25–30 тыс. Гранаты не пользуются популярностью, но они тоже доступны на черном рынке по цене от 2 тыс. до 5 тыс. рублей.

Например, в Ингушетии были задержаны двое членов группировки, готовившие к продаже крупнокалиберный пулемет АГС-17 «Пламя» и полторы сотни выстрелов к нему. За комплект продавцы собирались получить всего 270 тыс. рублей. Как видим такой ценник делает оружие доступным не только для представителей оргпреступности, но и для одиночек с криминальными наклонностями.

Проблему представляет и тот факт, что большая часть оружия, попадающего на российский черный рынок, находилась на балансе украинских силовиков. Соответственно, о нем нет информации в Российских базах учета и пулегильзотеках. Это затрудняет расследование преступлений, совершенных с использованием таких пистолетов и автоматов.

Также отмечается любопытная тенденция — покупателями оружия всё чаще становятся не профессиональные уголовники, а обычные граждане с относительно чистой биографией. Люди покупают оружие впрок, «на всякий пожарный», прячут его в тайниках. Объясняют сложными временами, тревожным фоном, опасениями за свою жизнь.

Анализ современных тенденций в сфере незаконного оборота оружия, взрывчатых веществ (ВВ) и взрывных устройств (ВУ) демонстрирует, что под

[24]Федеральный закон от 01.07.2021 № 281-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010044?rangeSize=50

влиянием современных информационно-коммуникационных технологий произошла существенная трансформация методов сбыта. Сегодня наблюдается все более широкое распространение бесконтактных схем, использующих электронные платёжные системы и криптовалюты, в том числе биткоина, позволяющие обеспечить высокую степень анонимности и существенно осложняющих отслеживание финансовых потоков.

Типичная схема преступления включает размещение рекламных материалов в сети Интернет с последующим взаимодействием с потенциальным покупателем для уточнения условий сделки и получения оплаты через электронные платёжные системы. После получения платежа продавец предоставляет геокоординаты и визуальное подтверждение местоположения тайника («закладки»), часто сопровождаемое подробным описанием его местонахождения с приложением фото и видеоматериалов. Коммуникация между участниками преступных группировок осуществляется с использованием зашифрованных мессенджеров типа Telegram, Skype, Jabber, Viber, WhatsApp, Brosix и др., а также специализированных приложений с усиленным шифрованием (например, Brosix, Pidgin, Xabber, Vipole, IM+, Psi), что значительно усложняет проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Для осуществления платежей используются электронные платежные системы такие как: Qiwi Wallet, WebMoney, Yandex.Money и др., а также криптовалюты, что существенно повышает оперативность сделок и уменьшает риск обнаружения преступной сделки.

В случаях транснациональной преступности используются системы электронных денежных переводов без необходимости открывать банковские счета (например, «Anelik», «Uniastrum»). Такая организационная структура преступных группировок обеспечивает информационную изоляцию исполнителей от организаторов, что значительно усложняет их идентификацию, выявление и привлечение к уголовной ответственности. Существующие методы расследования таких преступлений зачастую ограничиваются лишь установлением и привлечением к ответственности лиц, непосредственно занимающихся установкой и изъятием «закладок», в то время как организаторы преступной деятельности остаются неуловимыми. Указанное обстоятельство требует разработки современных и эффективных стратегий борьбы с данным видом преступности.

Сегодня чаще всего сбытом оружия, взрывчатых веществ (ВВ) и взрывных устройств (ВУ) занимаются в теневом сегменте Интернета с высокой степенью анонимности. Актуальным направлением оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия незаконному обороту оружия, взрывчатых веществ (ВВ) и взрывных устройств (ВУ) является выявление и пресечение преступной деятельности, осуществляемой с использованием анонимных сетей, таких как «Tor» («глубокий» или «тёмный» Интернет). В этом сегменте Интернета функционируют специализированные площадки, на которых лица, обладающие высоким уровнем компьютерной грамотности, реализуют оружие и боеприпасы. Для обеспечения конспирации и анонимности используется комплекс технологических средств, включающий не только анонимную сетевую инфраструктуру «Tor», но и симметричные алгоритмы шифрования с использованием криптовалюты Bitcoin. Коммуникация между участниками преступных группировок ведётся с использованием криптографических методов, в частности, с применением открытых и закрытых ключей: продавец предоставляет открытый ключ для шифрования сообщений потенциальными покупателями, при этом расшифровать сообщение можно только с помощью закрытого ключа, доступного только продавцу. Такое применение высокоустойчивых криптографических алгоритмов при соблюдении необходимых условий безопасности обеспечивает высокий уровень защиты информации и создаёт значительные трудности для правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий и сборе доказательств для уголовного преследования.

Использование криптовалюты Bitcoin в сочетании с анонимными сетями («Tor») и криптографическими методами шифрования создаёт дополнительные проблемы для правоохранительных органов. Децентрализованная природа Bitcoin, не требующая идентификации пользователей и позволяющая осуществлять международные переводы без посредничества централизованных финансовых институтов (банков и платёжных систем), делает её привлекательной для преступников, а низкие комиссии и отсутствие лимитов на переводы дополнительно повышают эффективность использования Bitcoin в преступной деятельности. Сочетание «Tor», обеспечивающего анонимный доступ к интернету, шифрования сообщений с помощью криптографических алгоритмов (публичные и приватные ключи) и биткоина в качестве платёжного средства создаёт практически непроницаемую для традиционных форм и методов ОРД инфраструктуру для незаконной торговли не только оружием и боеприпасами, но и другими запрещёнными товарами.

В этой приведенной схеме часто используется фигура так называемого «гаранта» — посредника, обеспечивающего безопасность транзакции и минимизирующего риски обмана для обеих сторон. Так, покупатель переводит оплату в биткоинах гаранту, который после подтверждения получения товара покупателем перечисляет средства продавцу, удерживая своё вознаграждение (3–7%), а также комиссию сайта или платформы (3–5%), функционирующей в сети «Tor». Это позволяет максимально сохранить анонимность участников и значительно усложняет их идентификацию и привлечение к уголовной ответственности.

Однако совершенствование преступных схем происходит непрерывно. Сегодня, в целях еще большего повышения безопасности и снижения рисков мошенничества в схемах незаконного оборота товаров в сети «Tor» получили распространение системы «автоматической торговли», в которых фи-

нансовые операции исключают «гаранта» т.к. осуществляются через эскроу-сервисы, встроенные в платформу. Средства покупателя блокируются на счёте сайта до момента взаимного подтверждения сделки участниками транзакции (продавцом и покупателем). Данная модель обеспечивает более высокий уровень защиты как для продавца (гарантия получения оплаты), так и для покупателя (гарантия получения заказанного товара). В случае возникновения спорных ситуаций (например, если товар не соответствует описанию или отсутствует вовсе) разрешение конфликта осуществляется администрацией сайта или назначенным ею арбитром, при этом решение, как правило, принимается на усмотрение модератора платформы. Несмотря на недостатки данной системы, включающие определённые риски и не исключающие возможность мошенничества, на данный момент она является одной из наиболее распространённых и эффективных моделей осуществления транзакций в анонимной сетевой среде. С практической точки зрения процесс сводится к простой схеме: соглашение сторон — оплата — получение товара из тайника («закладки»). Однако за кажущейся простотой скрывается сложная сетевая инфраструктура, обеспечивающая анонимность участников и значительно усложняющая работу правоохранительных органов.

Методика выявления раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия с использованием открытых источников информации

Анализ правоприменительной практики в сфере противодействия незаконному обороту оружия, взрывчатых веществ (ВВ) и взрывных устройств (ВУ) с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, несмотря на относительную простоту квалификации преступлений по аналогии с установленной судебной практикой в сфере незаконного оборота наркотических средств, выявляет и определённые специфические сложности.

Специфика данной категории преступлений обусловлена использованием преступными группировками сети Интернет, средств мобильной связи и электронных платёжных систем, что существенно усложняет процесс доказывания и значительно увеличивает затраты времени и ресурсов на проведение оперативно-розыскных мероприятий. Использование анонимных сетей и криптографических методов шифрования также создаёт значительные препятствия для эффективного сбора доказательной базы и идентификации участников преступной деятельности. В результате существует риск невозможности привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к организации и реализации незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ.

Особенности расследования усугубляются и межрегиональным или транснациональным характером организованных преступных группировок (ОПГ), действующих в этой сфере, что требует координации усилий правоохранительных органов разных субъектов Федерации или государств.

Структура таких ОПГ часто носит распределённый (сетевой) характер, обеспечивающий высокую степень адаптации к изменениям в законодательстве и правоохранительной практике, а также позволяющий использовать наиболее эффективные технологии для обмена информацией и осуществления финансовых транзакций. Такая ситуация требует разработки новых методических рекомендаций для правоохранительных органов, ориентированных на использование современных технологий и межведомственное взаимодействие для эффективного противодействия незаконному обороту оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств в цифровой среде. Особое внимание следует уделить совершенствованию законодательной базы и расширению компетенции правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступности для обеспечения эффективной борьбы с этим видом преступности.

Учитывая обозначенные особенности, процесс выявления преступной деятельности, по незаконному обороту оружия в Интернет, следует начинать с комплексного мониторинга онлайн-ресурсов, предлагающих незаконную продажу оружия и боеприпасов. Понимая, что массовая доступность интернета, разнообразие социальных взаимодействий и высокая скорость изменений в информационном пространстве существенно усложняют задачу оперативного отслеживания таких электронных торговых площадок и блокировку ресурсов с запрещенным контентом, тем не менее, постоянный мониторинг сети с использованием современных поисковых систем, проводимый правоохранительными органами, позволяет выявлять интернет-магазины, занимающиеся незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Собранные в результате такого мониторинга материалы могут быть направлены в Роскомнадзор для последующей блокировки таких сайтов на уровне провайдеров. Этот метод, несмотря на свою эффективность, тем не менее отличается высокой трудоемкостью, длительными временными затратами и зависимостью от человеческого фактора.

В этой связи внедрение автоматизированных систем мониторинга интернет-пространства представляется целесообразным шагом для повышения оперативности и эффективности решения данной проблемы. Это позволит значительно улучшить контроль за противоправной деятельностью в сети и сократить время реагирования на угрозы.

С учетом вышеобозначенных особенностей в расследовании данного вида преступлений особое значение приобретает идентификация и фиксация электронных следов преступной деятельности, ведь успешное расследование зависит от оперативного выявления и эффективного анализа цифровой информации, сохранённой на электронных устройствах, использованных преступниками. Так, после установления факта сбыта оружия или боеприпасов через Интернет необходимо провести оперативно-розыскные мероприятия по обнаружению и изъятию средств связи и вычислительной техники, использо-

ванных злоумышленниками. К таким средствам относятся мобильные телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры, персональные компьютеры с периферийными устройствами, банкоматы и другая вычислительная техника, способная обрабатывать и хранить информацию о преступной деятельности. Одним из основных идентификаторов сетевого устройства является его уникальный IP-адрес, необходимый для глобальной маршрутизации сетевого трафика. Помимо IP-адреса, каждое сетевое устройство имеет уникальный физический адрес сетевого интерфейса (MAC-адрес), присваиваемый производителем оборудования. Информация об IP-адресе и MAC-адресе устройства как минимум доступна его интернет-провайдеру. Получение данных об IP-адресе является приоритетной задачей следствия, так как позволяет установить местоположение устройства и получить доступ к данным о сетевых соединениях, включая время соединения, IP-адреса серверов и других участников сети, а также содержание передаваемой информации. В дальнейшем эти данные используются в качестве доказательств причастности лица к совершению преступления. Анализ данных о сетевых соединениях позволяет реконструировать действия преступников в цифровой среде, определить личности участников преступной группы и составить полную картину преступной деятельности. Однако важно учитывать, что IP-адреса могут быть динамическими и менять свое значение, а также могут использоваться анонимные сети (Tor), которые значительно усложняют процесс установления истинной личности пользователей.

Традиционные методы оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), такие как получение компьютерной информации и прослушивание технических каналов связи, оказываются недостаточно эффективными из-за применения преступными группировками технологий, предназначенных для сокрытия сетевого трафика и идентификации пользователей. Ключевой проблемой является маскировка маршрутов передачи данных и использование криптографических методов для защиты информации. Для повышения эффективности расследования необходимо использовать современные технологии анализа сетевого трафика. Системы оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), оснащённые функциями глубокого анализа пакетов (Deep Packet Inspection — DPI), представляют значительный интерес в этом контексте. DPI позволяет проводить побайтовый анализ сетевого трафика независимо от применяемых протоколов и методов шифрования, что позволяет выявлять скрытые каналы связи и извлекать информацию из зашифрованных потоков данных. Эти системы способны анализировать трафик на всех уровнях модели OSI, обрабатывая как статические (например, файлы и изображения), так и динамические (например, потоковое видео и аудио) данные. Кроме того, DPI может использоваться для мониторинга контента, хранящегося на серверах интернет-компаний, что также позволяет выявлять и изымать доказательства преступной деятельности.

При грамотном использовании таких технологий даже анонимные сети, такие как Tor, не гарантируют абсолютной анонимности, ведь несмотря на многоуровневую систему маршрутизации и шифрования, в сети Tor существуют известные уязвимости, которые могут быть использованы для отслеживания трафика. Например, тайминг-атаки основаны на анализе времени прохождения пакетов через сетевые узлы, что позволяет определить маршрут передачи данных. Аналогичным образом, статистический анализ объёма и характера трафика может выявить закономерности, свидетельствующие о наличии скрытого трафика. Однако реализация таких методов требует значительных вычислительных ресурсов и возможности контролировать большое количество сетевых устройств, что делает их применение сложной и затратной задачей. Кроме того, необходимо учитывать постоянное совершенствование методов анонимизации и шифрования, что требует постоянного обновления и совершенствования средств и методик оперативно-розыскной деятельности.

В рамках изложенного для получения оперативно-значимой информации крайне важна целенаправленная работа с интернет-компаниями. Оперативному сотруднику изначально необходимо представлять какую именно оперативно значимую информацию требуется получить от провайдера и возможно ли это технически. Для успешного решения таких задач, равно как и тактики использования аппаратуры СОРМ (подготовки заданий для подразделений бюро специальных технических мероприятий), необходимо обладать специальными техническими знаниями.

Дополнительными источниками получения оперативно-значимой информации о пользователях сети Интернет являются компании, предоставляющие различные интернет-услуги (телекоммуникационные услуги, услуги хостинга, форумы, социальные сети и др.). Однако взаимодействие с зарубежными интернет-компаниями с целью получения информации об IP-адресах и других оперативно значимых данных затруднено отсутствием юрисдикции российского законодательства на территории других государств и отсутствием интереса со стороны зарубежных спецслужб к сотрудничеству в этих вопросах. Это существенно ограничивает возможности проведения некоторых видов оперативно-розыскных мероприятий.

Еще одним эффективным средством противодействия является оперативное отслеживание финансовых потоков. Поскольку любая противоправная деятельность, в том числе незаконный сбыт оружия и боеприпасов, направлена на получение финансовой выгоды, преступные группировки используют различные схемы отмывания и легализации денежных средств, часто применяя электронные платёжные системы и криптовалюты. Проведение мероприятий по отслеживанию фактов легализации денежных средств требует тесного взаимодействия с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), располагающей обширной базой данных о движении финансовых

потоков на территории Российской Федерации, что позволяет эффективно отслеживать цепочки денежных переводов и идентифицировать лиц, причастных к преступной деятельности.

Существенной проблемой для расследования является использование децентрализованных криптовалют, таких как Bitcoin, где отсутствует централизованный учёт транзакций, а средства хранятся на личных криптокошельках в зашифрованном виде. Анонимность адресов и отсутствие привязки к реальной личности пользователя значительно усложняют отслеживание финансовых потоков. Однако для получения необходимой информации можно использовать тот факт, что для обмена криптовалюты на фиатные деньги (национальные валюты) преступники используют обменники и криптовалютные биржи. Контроль операций на таких платформах мог бы существенно упростить выявление преступных финансовых схем.

Необходимо также отметить значительный потенциал компьютерно-технической экспертизы. Компьютерные устройства хранят обширную информацию о действиях пользователя, включая журналы событий, переписку, историю посещения вебсайтов, удалённые файлы, резервные копии и данные аккаунтов. Наличие специализированного программного обеспечения также может служить доказательством причастности к противоправной деятельности. Обнаружение криптокошельков на компьютерных устройствах позволяет отследить все транзакции, в которых они участвовали.

В зависимости от целей расследования могут назначаться следующие виды компьютерно-технических экспертиз: аппаратно-компьютерная, программно-компьютерная, информационно-компьютерная (экспертиза данных) и компьютерно-сетевая экспертиза.

Важным источником получения сведений для успешного раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов через Интернет, является получение информации от покупателей («потребителей»). Методы получения таких показаний основаны на классических приёмах и методах оперативно-розыскной деятельности, но при этом необходимо учитывать специфику цифровой среды. Информация, полученная от покупателей, обладает особой ценностью, поскольку может содержать критически важные сведения о лицах, занимающихся установкой тайников («закладчиках»), о местах хранения оружия и боеприпасов, а также о методах конспирации, используемых преступной группировкой. Эти сведения могут включать подробное описание мест расположения тайников, способы связи с продавцами, используемые платёжные системы и другую информацию, позволяющую выявить участников преступной деятельности.

Полученные сведения тщательно анализируются для определения дальнейших этапов расследования, на основе анализа разрабатываются целенаправленные оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление личности продавцов оружия и других участников преступной группировки. Это может включать в себя проведение оперативно-розыскных мероприятий (прослушивание телефонных разговоров, наблюдение, контроль переписки и др.), а также взаимодействие с другими правоохранительными органами и специализированными службами. После установления личности всех участников преступной группы проводится оценка собранных материалов с участием следственных органов для принятия решения о возбуждении уголовного дела и проведении необходимых следственных действий (задержание подозреваемых, обыски, выемки, допросы и т. д.). Важно отметить, что возбуждение уголовного дела на ранних этапах расследования позволяет оперативно проводить необходимые следственные действия и предотвращать дальнейшую преступную деятельность.

Предложенный авторами алгоритм действий является общей схемой и может быть адаптирован к конкретным условиям расследования. Он может быть применён при работе с различными онлайн-платформами, занимающимися незаконной торговлей оружием и другими запрещёнными товарами. Дальнейшие шаги будут зависеть от полученных результатов и конкретной тактической обстановки. Эффективность данного подхода зависит от качественного анализа полученной информации и своевременного планирования и проведения необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий.

Заключение

Как видим рассмотренные авторами в настоящей статье современные реалии, характеризующиеся стремительным развитием информационных технологий и усложнением криминогенной обстановки, требуют актуализации методов выявления и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Предложенная в данной статье методика, основанная на анализе открытых источников информации, может стать эффективным инструментом повышения результативности оперативно-розыскной деятельности, а использование методов контент-анализа, мониторинга сетевой активности и анализа транзакционной информации на специализированных платформах значительно расширяет возможности оперативного реагирования на преступные деяния.

Такой подход способствует не только своевременной квалификации преступлений, но и выявлению и документированию деятельности организованных преступных группировок, занимающихся незаконным оборотом оружия, что является важным фактором предотвращения более тяжких преступлений.

Вместе с тем применение методик анализа открытых источников информации в рамках ОРМ создаёт определённые правовые и этические проблемы. Необходимо строго соблюдать принципы законности и уважения прав личности. Правоохранительные органы должны разработать чёткие механизмы регулирования и стандарты использования данных из открытых источников.

Литература

1. Федеральный закон от 13.12.1996 г. «Об оружии» №150-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 1996. №51. Ст. 5681

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. - № 25.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. -01.2002. - № 1 (ч. 1).

4. Григорянц С. А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объект криминологического исследования: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Григорянц Сергей Анушаванович ; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2011. – 203 с.

5. Азимов, П. Б. Незаконный оборот оружия в Российской Федерации / П. Б. Азимов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 23 (313). — С. 179-181. — URL: https://moluch.ru/archive/313/71386/ (дата обращения: 04.05.2024).

6. Загайнова Ю. В. К вопросу о понятии незаконного оборота оружия / Ю. В. Загайнова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 3(62).– С. 36–41.

7. Жубрин, Р.В. Некоторые проблемы противодействия незаконному обороту оружия // Противодействие незаконному обороту оружия в России: Сб. мат-лов круглого стола, Москва, 25 сентября 2019 года. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования “Университет прокуратуры Российской Федерации”, 2020. С. 53-61.

8. Фалалеев М. «Ищите ствол в Сети» // Российская газета. 2019, 25 дек. С. 1–9.

9. Винокуров, А. И. Киберпреступность, связанная с онлайн-торговлей / А. И. Винокуров. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 48 (443). — С. 217-219. — URL: https://moluch.ru/archive/443/96908/ (дата обращения: 04.05.2024).

10.Макейкина Е.В. Проблемы противодействия незаконному обороту оружия на современном этапе / Е.В. Макейкина. - EDN VTVVBU // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. статей. - Пенза, 2020. - С. 130-132.

On some aspects of countering illegal arms trafficking from the internet

Novikova O.Yu., Novikov V.V.

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The presented article is devoted to the study of the problem of illegal arms trafficking on the Internet, the consideration of mechanisms contributing to the spread of illegal weapons through online platforms, as well as the analysis of legal and organizational measures aimed at combating this threat. In the context of the integration of digital and information technologies into everyday life, the problem under consideration requires a comprehensive analysis both from the point of view of the current legislation of the Russian Federation.

In conclusion, the article offers recommendations for improving the effectiveness of law enforcement agencies, including the need for international cooperation, improving legislation and introducing new technologies for monitoring and control. Work in this area can serve as a basis for further research and the development of effective measures to combat cybercrime in the field of weapons.

Keywords: illegal arms trafficking, cyberspace, Darknet, methodology, TOR, social networks.

References

1. Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 "On Weapons". // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No.51. St. 5681
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (ed. Dated 12/27/2018) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 17.06.1996. - № 25.
3. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 08/02/2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.2002. - No. 1 (part 1).
4. Grigoryants S. A. Illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices as an object of criminological research: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dis. for the application of a scientist. degrees of Cand. Jurid. Sciences / Grigoryants Sergey Anushavanovich ; Growth. Jurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Rostov-on-Don, 2011. – 203 p.
5. Azimov, P. B. Illegal arms trafficking in the Russian Federation / P. B. Azimov. — Text: direct // Young scientist. — 2020. — № 23 (313). — Pp. 179-181. — URL: https://moluch.ru/archive/313/71386 / (date of appeal: 05/04/2024).
6. Zagainova Yu. V. On the issue of the concept of illegal arms trafficking / Yu. V. Zagainova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – № 3(62).– Pp. 36-41.
7. Zhubrin, R.V. Some problems of countering illegal arms trafficking // Countering illegal arms trafficking in Russia: Collection of materials of the round table, Moscow, September 25, 2019. Moscow: Federal State State Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", 2020. pp. 53-61.
8. Falaleev M. "Look for a trunk on the Web" // Rossiyskaya Gazeta. 2019, Dec 25, pp. 1-9.
9. Vinokurov, A. I. Cybercrime related to online trading / A. I. Vinokurov. — Text: direct // Young scientist. — 2022. — № 48 (443). — Pp. 217-219. — URL: https://moluch.ru/archive/443/96908 / (date of address: 05/04/2024).
10. Makeikina E.V. Problems of countering illegal arms trafficking at the present stage / E.V. Makeikina. - EDN VTVVBU // Topical issues of jurisprudence: collection of articles. - Penza, 2020. - pp. 130-132.

Общегосударственная система противодействия терроризму в Российской Федерации

Повалий Светлана Ивановна
старший преподаватель, кафедра государственно-правовых дисциплин, Мелитопольский государственный университет, veta832832@mail.ru

В статье представлен комплексный анализ системы противодействия терроризму в Российской Федерации, охватывающий эволюцию законодательной базы, действующие механизмы и практические результаты. Рассматриваются исторические этапы развития антитеррористического законодательства — от упоминаний 1550 года до современных федеральных законов. Раскрывается структура общегосударственной системы противодействия терроризму. Анализируется роль силовых ведомств в обеспечении безопасности российских граждан от террористических угроз, правовая основа государственных органов, проводящих антитеррористическую политику в России. Особое внимание уделено основным документам, включая Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и «Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации», которые регламентируют основные принципы и подходы. Описаны принципы работы Национального антитеррористического комитета и межведомственного взаимодействия, а также акцент на профилактические меры, оперативно-розыскные мероприятия и международное сотрудничество. Приводится классификация видов терроризма по идеологическим, целевым и территориальным критериям, демонстрирующая сложность и многообразие этой угрозы. Исследование подтверждает весомое снижение террористической активности в последние годы благодаря совершенствованию законодательства, однако подчеркивает необходимость дальнейшей адаптации к современным вызовам, в том числе новые технологии и глобальные изменения в сфере безопасности.

Ключевые слова: противодействие терроризму, антитеррористическое законодательство, Федеральный закон, Национальный антитеррористический комитет, международное сотрудничество, профилактика терроризма, классификация терроризма, глобальные угрозы.

Введение

Общегосударственная система противодействия терроризму представляет собой совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Законодательная база России для борьбы с терроризмом развивалась поэтапно, отражая основные исторические и политические изменения в стране. От первых упоминаний в Судебнике 1550 года до современных федеральных законов, законодательство претерпело весомые трансформации в ответ на усиление революционного движения в XIX веке и последующие геополитические сдвиги, в том числе распад Советского Союза.

Данная тема актуальна сегодня, т.к. в условиях глобализированной угрозы международного терроризма, Россия прилагает усилия для укрепления международного сотрудничества и адаптации национальной стратегии противодействия террористическим угрозам, в том числе усиление законодательных мер и межведомственного взаимодействия.

Цель данного исследования заключается в исследовании общегосударственной политики РФ в борьбе с терроризмом, анализе эволюции законодательной базы России по борьбе с терроризмом и оценке эффективности действующих законов.

Материалы и методы

Изучение законодательной базы России по борьбе с терроризмом осуществлялось через анализ исторических документов и современных законодательных актов, начиная с Судебника 1550 года до последних поправок в федеральные законы.

Основные источники включали Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», Конституцию РФ, а также международные договоры и соглашения. Методология исследования охватывала также изучение научных работ и аналитических отчётов о применении данных законов в практике, а также исследования, направленные на оценку их эффективности через интервью с экспертами и анализ статистических данных о террористической активности.

Основные методы исследования охватывали сравнительный анализ, историческое изучение, а также качественный синтез данных. Дополнительно использовались методы количественного анализа для оценки статистических данных о террористической активности и эффективности законодательства.

Результаты

Законодательная база для борьбы с терроризмом в России развивалась через несколько этапов, отражающих изменения в исторической и политической обстановке страны. Первые упоминания об ответственности за действия, близкие к современному определению терроризма, содержались в Судебнике 1550 года, где предусматривались наказания за посягательства на государственный порядок. В XIX веке, на фоне усиления революционного движения, были введены нормативные акты, нацеленные на противодействие политически мотивированному насилию. Например, законодательный акт от 9 августа 1878 года устанавливал меры пресечения террористических нападений на представителей власти [6].

Распад Советского Союза и создание Российской Федерации привели к необходимости пересмотра методов противодействия терроризму. В 1994 году был введён первый Закон РФ «О борьбе с терроризмом», который закреплял правовые и организационные принципы предотвращения террористических угроз. В 1998 году вступил в силу Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», впервые в истории страны определивший основы правового регулирования и взаимодействия различных органов власти в данной области. Документ также обозначил права, обязанности и гарантии для граждан в условиях борьбы с терроризмом. События, включая трагедию в Беслане в 2004 году, продемонстрировали необходимость ужесточения мер. В результате в 2006 году был принят Федеральный закон № 35-ФЗ "О противодействии терроризму", который ввёл обновлённые подходы к организации антитеррористической работы и стал основой для создания Национального антитеррористического комитета (НАК), координирующего деятельность государственных структур. В 2009 году была утверждена "Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации", сформировавшая направления государственной политики в области предотвращения и ликвидации террористических угроз [8].

Современные реалии мирового сообщества демонстрируют, что международный терроризм приобрёл угрожающие масштабы, становясь серьёзной опасностью для всего человечества. Это явление представляет собой глобальную проблему, затрагивающую интересы всех стран. «Его быстрое распространение по различным регионам мира, включая Российскую Федерацию, сопровождается усилением активности политических, националистических, религиозных экстремистских движений, а также организованных криминальных группировок, использующих методы террора» [1].

Согласно статье А.И. Моисеева, в международном праве отсутствует единое определение терроризма, и это затрудняет выработку согласованных мер по борьбе с этим явлением [5].

В Российской Федерации противодействие терроризму осуществляется уполномоченными государственными органами, местными органами самоуправления, а также негосударственными организациями и гражданами, которые сотрудничают с властями в реализации антитеррористических мероприятий. Компетенция указанных субъектов включает выполнение мер по предотвращению и ликвидации террористических угроз.

Правовую основу данной деятельности формируют Конституция Российской Федерации (утверждённая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с учётом поправок, внесённых Федеральным законом от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ), общепризнанные международные принципы и нормы, международные соглашения, Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 99, 96, 111-ФЗ), а также иные федеральные законы, указы и распоряжения Президента, постановления и распоряжения Правительства. Дополнительно применяются нормативно-правовые акты федеральных органов власти и ведомств, таких как Министерство внутренних дел РФ.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» предлагает всесторонний правовой инструмент для предотвращения, выявления и ликвидации террористических угроз в Российской Федерации. В этом документе терроризм обозначен как одна из приоритетных угроз национальной безопасности. Закон определяет полномочия органов государственной власти, обязанности должностных лиц и права граждан в сфере борьбы с террористической деятельностью. Особое внимание уделено регламентации взаимодействия между различными ведомствами, включая правоохранительные структуры, специализированные антитеррористические подразделения и другие государственные органы. В рамках документа предусмотрена обязательная координация их усилий при возникновении террористической угрозы или её реализации.

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих базовых принципах [7]:

1. Все меры, принимаемые для борьбы с терроризмом, обязаны соответствовать требованиям российского законодательства и нормам международного права.
2. Основополагающие права и свободы человека должны оставаться неприкосновенными при реализации мер по предотвращению террористических актов.
3. Применение различных методов и инструментов, включая политические, социальные, экономические и информационные меры, для противодействия террористической деятельности.
4. Взаимодействие всех уровней государственной власти и специализированных органов в процессе борьбы с терроризмом.
5. Установление сотрудничества с иностранными государствами и международными организациями для обмена данными и координации усилий.
6. Упор на профилактические меры, включая аналитическую и разведывательную работу, для

предотвращения возможных террористических действий.

7. Ответственность всех органов власти за защиту граждан и объектов инфраструктуры от угроз терроризма.

8. Формирование у населения устойчивого неприятия терроризма через образовательные инициативы и информационные кампании.

9. Активное использование современных технологий и научных разработок для повышения эффективности антитеррористических мероприятий.

10. Открытое информирование общества о реализуемых мерах и достигнутых результатах в области противодействия терроризму.

11. Быстрое и слаженное реагирование на возникающие террористические угрозы и чрезвычайные ситуации.

12. Жёсткое неприятие и осуждение любых проявлений терроризма.

13. Постоянный пересмотр стратегий борьбы с терроризмом с учётом новых вызовов и изменяющихся обстоятельств.

Существующие классификации терроризма в теории уголовного права отличаются разнообразием, противоречивостью и непоследовательностью, что свидетельствует о разногласиях в подходах к систематизации данного явления. Эти особенности отражают сложность природы терроризма и его многообразные формы проявления.

В научных исследованиях предложено множество различных форм терроризма, которые группируются на основании различных критериев [2].

По идеологической основе и сфере проявления выделяют следующие виды терроризма:

1) Политический терроризм. Направлен на изменение политической системы или поведения правительства с помощью насилия, и такие действия часто направлены против политических лидеров или символов власти.

2) Государственный терроризм. Используется правительствами для устрашения или подавления своих граждан или противников, может включать применение насилия или угрозы в адрес определённых групп населения или индивидов.

3) Религиозный терроризм. Мотивирован религиозными убеждениями и стремится реализовать свои идеи, часто с использованием экстремистских методов, и такие группы считают свои действия божественно оправданными.

4) Националистический терроризм. Связан с группами, стремящимися к национальному освобождению или изменению государственных границ в пользу определённой нации или этнической группы.

5) Общеуголовный корыстный терроризм. Описывает акты насилия, совершенные с целью личной выгоды, например, для финансовой наживы или других корыстных мотивов, не связанных с политическими, религиозными или национальными целями.

6) Криминальный терроризм. Включает преступные группы, использующие террористические методы, такие как похищения и вымогательства, для достижения криминальных целей, может перекликаться с другими видами терроризма, когда преступные группы используют террор для укрепления своего влияния или контроля.

Классификация терроризма по масштабам:

1) Внутренний терроризм. Происходит в пределах одной страны и осуществляется гражданами этой страны против своего же населения или правительства.

2) Международный терроризм. Включает в себя террористические акты, которые совершаются гражданами одной или нескольких стран против интересов других государств или на международной арене

Классификация терроризма по целям и задачам:

1) Меркантильный терроризм. Направлен на получение финансовой выгоды через террористическую деятельность, включая вымогательство и похищение для выкупа.

2) Апокалиптический терроризм. Основан на идеологии, предвещающей конец света, и стремится ускорить его наступление через массовые разрушения или насильственные акты.

Классификация терроризма по силам и средствам:

1) Индивидуальный терроризм. Террористические акты, совершаемые одиночками, не входящими в организованные группы, часто мотивированные личными убеждениями или мести.

2) Групповой терроризм. Действия, осуществляемые организованными группами, имеющими чёткую структуру и иерархию, с целью достижения общих целей через координированные террористические атаки.

Приведённая классификация терроризма демонстрирует его многогранность и динамичное развитие. Каждый вид терроризма отличается специфическими целями, мотивами, подходами и средствами реализации. Вместе с тем, существуют общие характеристики, объединяющие различные формы и подчёркивающие преступную природу данных действий.

Государственная стратегия противодействия терроризму базируется на совокупности принципов и методов, направленных на защиту личности, общества и страны в целом. В соответствии с Федеральным законом № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», основополагающими принципами являются соблюдение и охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности, приоритетная защита лиц, находящихся под угрозой террористических действий, неотвратимость ответственности за террористическую деятельность, комплексный подход и системность в реализации мер, взаимодействие государства с общественными и религиозными организациями, акцент на профилактические меры, централизованное руководство контртеррористическими операциями, использование как открытых, так и закрытых методов, сохранение конфиденциальности данных о специальных мерах, отказ от политических уступок террористам, минимизация ущерба от терроризма, а также соразмерность принимаемых мер уровню террористической угрозы.

Методы борьбы с терроризмом охватывают широкий спектр профилактических, оперативных и восстановительных мероприятий. Профилактика нацелена на устранение факторов, содействующих возникновению терроризма, через реализацию социально-экономических программ, образовательных проектов и информационно-пропагандистскую работу. Оперативно-розыскная деятельность, проведение специальных операций и применение правовых мер служат выявлению, предотвращению и пресечению террористической активности. Для минимизации последствий терактов реализуются меры по оказанию медицинской и психологической помощи пострадавшим, восстановлению поврежденной инфраструктуры и возмещению нанесённого ущерба. Отдельное внимание уделяется борьбе с идеологией терроризма. В рамках Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы ведётся работа по формированию у населения устойчивого неприятия радикальных идей, опираясь на традиционные духовно-нравственные ценности российского общества.

В современной России факторы, содействующие распространению терроризма, представляют собой разнообразие ситуаций, влияющих на формирование социальных связей:

1) Несогласованность между государственными органами власти, стимулированная формированием новой системы собственности, а также появлением неформальных лидеров, обладающих значимым влиянием и активно расширяющих свои позиции с использованием различных методов;

2) Рост влияния неофициальных правил, которые приводят к криминализации общественных связей, что ведет к снижению уровня социальной защиты обширных слоев населения, поскольку законодательство перестает выполнять свои защитные функции;

3) Сдвиг в представлениях о нормах и справедливости, возрождение принципов поведения, согласно которым применение насилия становится признанным методом для достижения политических и других целей;

4) Обращение к идеологическому наследию политических, религиозных и других экстремистских организаций, где культ мощи и вооружения обретает статус фундаментального элемента культуры и повседневной жизни.

5) Ощущение национальной и религиозной общности как угнетенных, притесненных групп, лишенных основных прав и свобод, ведет к стремлению защищать свои интересы всеми доступными способами;

6) Увеличение случаев агрессии в интернет-пространстве и анонимных угроз в адрес тех, кого считают "чужими", включая представителей власти, коммерческие структуры и людей других национальностей;

7) Формирование образа врага, который становится центральной фигурой для индивидуумов, склонных к радикальным действиям;

8) Появление среди различных слоев населения, в том числе среди сторонников демократии, благоприятного отношения к изменению власти и введению авторитарных методов управления, считаемых способными восстановить порядок и законность.

Система противодействия терроризму в России строится вокруг деятельности Национального антитеррористического комитета. Этот орган отвечает за координацию работы федеральных структур исполнительной власти, региональных органов управления и муниципальных организаций в сфере противодействия терроризму. Главной целью НАК является обеспечение совместных действий всех задействованных структур, направленных на предотвращение, оперативное пресечение и снижение последствий террористической активности.

Президент Российской Федерации определяет стратегические приоритеты государственной политики в сфере борьбы с терроризмом, распределяет полномочия среди подчиненных ему федеральных органов исполнительной власти и принимает решения о задействовании военных и специальных подразделений за границей для ликвидации террористических угроз, направленных против страны и ее граждан. Совет Безопасности РФ, действующий в качестве консультативного органа при Президенте, отвечает за координацию и контроль выполнения государственной политики в области безопасности. Его функции включают анализ и прогнозирование угроз, разработку мер по их предотвращению, а также согласование действий федеральных и региональных органов власти. Правительство Российской Федерации участвует в разработке политики безопасности, занимается созданием и реализацией федеральных целевых программ, обеспечивает государственные органы необходимыми ресурсами и организует взаимодействие между ними в рамках реализации задач в данной сфере [4].

Федеральные органы исполнительной власти выполняют задачи по обеспечению безопасности в соответствии с законодательством. Основными из них являются [3]:

1. Федеральная служба безопасности (ФСБ). Отвечает за выявление и нейтрализацию угроз национальной безопасности, борьбу с терроризмом и экстремизмом, защиту государственной тайны и обеспечение информационной безопасности. Специальные антитеррористические подразделения, такие как «Альфа» и «Вымпел», выполняют основную функцию в нейтрализации террористических угроз.

2. Министерство внутренних дел (МВД). Обеспечивает общественный порядок, борется с преступностью и участвует в противодействии терроризму.

3. Министерство обороны. Отвечает за военную безопасность, защиту суверенитета и территориальной целостности страны.

4. Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС). Занимается предупреждением и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций, обеспечением пожарной безопасности и гражданской обороны.

Федеральное Собрание Российской Федерации, включающее Совет Федерации и Государственную

Думу, разрабатывает и принимает федеральные законы, касающиеся вопросов безопасности. Оно также утверждает указы Президента о введении чрезвычайного положения и осуществляет контроль за их выполнением. Региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления в рамках своих полномочий обеспечивают соблюдение законодательства в сфере безопасности. Они взаимодействуют с федеральными структурами и участвуют в проведении мероприятий, направленных на защиту населения и территорий [9].

Механизмы координации структур борьбы с терроризмом предполагают [10]:

1. Совместные учения и тренировки. Регулярная организация антитеррористических учений с участием компетентных ведомств стран СНГ на объектах, подверженных террористической угрозе, помогает отточить взаимодействие и повысить оперативную готовность к реальным вызовам.

2. Создание профильных центров. Антитеррористический центр стран СНГ (АТЦ СНГ) выполняет функции по координации работы органов безопасности и специальных служб в противодействии терроризму и экстремизму, объединяя усилия на межгосударственном уровне.

3. Разработка программных документов. Комплексный план по противодействию идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы регламентирует деятельность федеральных и региональных органов власти, а также муниципалитетов, направляя их действия на согласованное выполнение мероприятий, связанных с борьбой с терроризмом.

Как отмечалось ранее, для борьбы с идеологией терроризма были разработаны «Комплексные планы противодействия идеологии терроризма», охватывающие периоды 2013–2018, 2019–2023 и 2024–2028 годов. Эти документы ориентированы на формирование у граждан устойчивого неприятия террористических идей, усиление профилактической работы и обеспечение защиты информационного пространства от распространения пропаганды. В 2015 году Указ Президента РФ № 664 ввел меры, направленные на совершенствование управления в сфере противодействия терроризму.

Исследование практики применения законодательства свидетельствует о том, что принятые меры содействуют сокращению террористической активности. Согласно данным Национального антитеррористического комитета, с 2013 года число преступлений террористического характера в России снизилось более чем в восемь раз. В то же время ряд экспертов обращает внимание на необходимость дальнейшего улучшения нормативно-правовой базы. Особое внимание уделяется необходимости адаптации законодательства к современным угрозам, включая использование террористическими структурами новых технологий, а также усилению мер, направленных на пресечение финансирования терроризма.

Рассмотрим несколько успешных примеров противодействия терроризму. В 2021 году в России удалось предотвратить совершение террористических актов. На стадии подготовки было пресечено 65 преступлений террористической направленности. В ходе специальных операций нейтрализовано 23 боевика, включая 4 лидеров группировок, задержано 312 участников террористических формирований и 821 их пособник. Финансовые активы около 3 000 лиц, причастных к терроризму и экстремизму, были заморожены, сумма заблокированных средств превысила 100 миллионов рублей. Это значительно ограничило возможности террористических групп по организации и осуществлению своих планов. Кроме того, было ликвидировано 236 подпольных мастерских, занимающихся производством и модификацией оружия.

На основе представленных ниже рисунков, можно провести анализ тенденций и особенностей террористических преступлений и инцидентов в России.

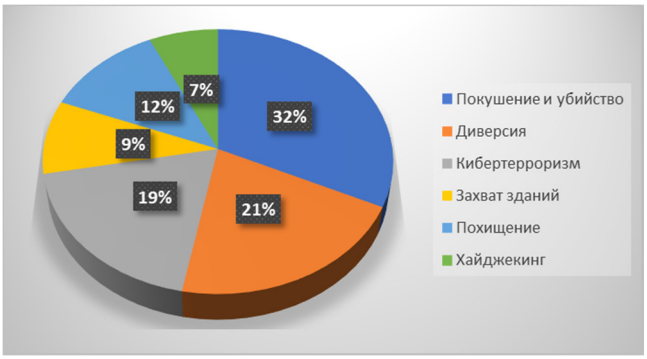

Диаграмма 1 – Распределение различных видов террористических преступлений (источник: составлено автором на основе собственного исследования)

Диаграмма 1 иллюстрирует распределение различных видов террористических преступлений в России за 2008-2022 гг., где наибольшую долю составляют "Похищение и убийство", занимающие 32%. За ними следуют "Захват зданий" с 21% и "Диверсии" с 19%. Оставшиеся категории, включая "Кибертерроризм", "Поджоги" и "Хайджекинг", демонстрируют меньшие проценты.

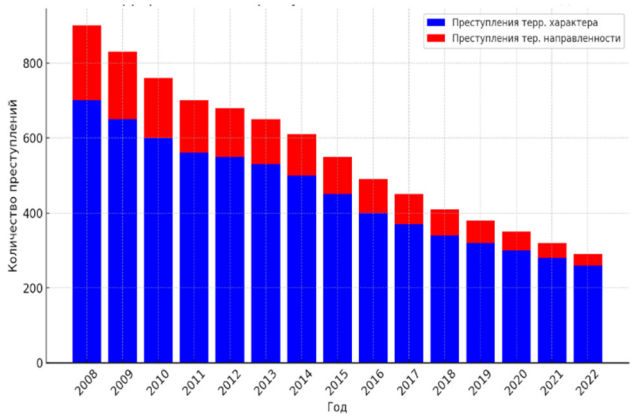

Рисунок 1 – Количество попыток террористических преступлений и их мотивы (источник: составлено автором на основе собственного исследования)

Представленные данные демонстрируют количество террористических преступлений по годам, раз-

деляя их на преступления террористического характера и преступления, направленные террористическими мотивами. На рисунке два типа данных: преступления террористического характера (синий) и преступления террористической направленности (красный). Рисунок показывает общее количество преступлений по годам, иллюстрируя изменения в террористической активности на протяжении указанного периода.

Далее представим вам картину количества фактических терактов, с драматичным всплеском в начальные годы, когда было совершено свыше 250 атак, после чего происходит резкое снижение после 2011 года. В последние годы частота атак весомо уменьшилась.

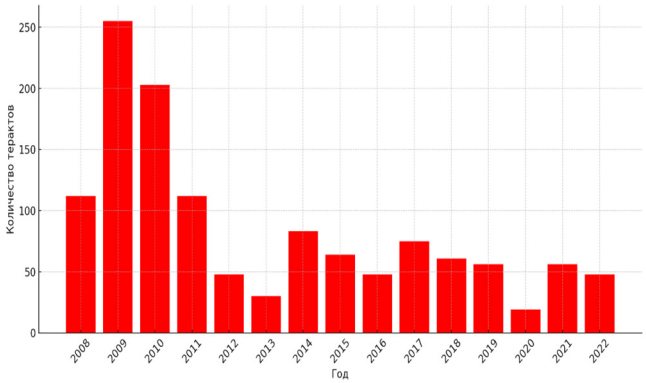

Рисунок 2 – Число терактов в России с 2008 по 2022 год (источник: составлено автором на основе собственного исследования)

Обсуждение

Сопоставление данного исследования с ранее выполненными работами выявляет несколько характерных черт в развитии антитеррористического законодательства России. В отличие от прошлых трудов, которые зачастую концентрировались на отдельных законодательных изменениях, настоящий анализ предлагает всесторонний обзор, охватывающий обширный исторический период и обширный перечень правовых актов. Такой подход позволяет более глубоко понять причины законодательных трансформаций, их последствия и влияние на социальную и политическую стабильность в стране.

Предыдущие исследования обычно фокусировались на оценке краткосрочных эффектов от применения отдельных антитеррористических мер. В отличие от этого, наше исследование выходит за пределы локальных результатов, уделяя внимание долгосрочным стратегиям и изменениям, происходящим в международной среде. Важной особенностью работы является её вклад в изучение межведомственного взаимодействия и международного партнёрства в борьбе с терроризмом, что ранее рассматривалось недостаточно подробно.

Заключение

Результаты исследования подтвердили, что законодательная база России по противодействию терроризму представляет собой сложную систему, прошедшую эволюцию от ранних правовых актов до современных нормативных документов, учитывающих специфику глобальных угроз и внутренних факторов. Анализ её применения демонстрирует как успехи в предотвращении террористических угроз, так и необходимость адаптации законов к новым вызовам, в том числе развитие технологий и усиление международного сотрудничества для эффективного противодействия терроризму.

Следует отметить, что разработка и принятие комплексных принципов борьбы с терроризмом на международном, национальном и региональном уровнях требует тесного взаимодействия с организациями и структурами, напрямую связанными с противодействием этой угрозе. Одновременно необходимо совершенствовать систему уголовной ответственности как внутри государства, так и на международной арене.

Таким образом, на территории России сегодня функционирует эффективная система противодействия терроризму, которая ориентирована на выполнение трех взаимосвязанных задач. Первая из них заключается в выявлении и устранении факторов и условий, которые предрасполагают к совершению террористических актов, что относится к профилактическим мерам. Вторая задача охватывает выявление, пресечение, расследование и раскрытие актов терроризма. Третья направлена на снижение или полное устранение последствий террористических действий.

Литература

1. Безрукова, О. В. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом: монография. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 232 с.

2. Гедгафов, М. М. Классификационные признаки и характеристики современных форм терроризма // Журнал прикладных исследований. — 2023. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsionnye-priznaki-i-harakteristiki-sovremennyh-form-terrorizma (дата обращения: 20.12.2024).

3. Дощатов, А. А., Миронов, Н. В. Роль Федеральной службы безопасности РФ в системе национальной безопасности России // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 93–96. — URL: https://moluch.ru/archive/289/65473/ (дата обращения: 20.12.2024).

4. Кучиев, А. З., Каллагов, Т. Э. Полномочия Правительства Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 10 (226). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti (дата обращения: 20.12.2024).

5. Моисеев, А. И. Проблема определения терроризма в международном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-terrorizma-v-mezhdunarodnom-prave (дата обращения: 20.12.2024).

6. Осипов, В. В. Правовое регулирование деятельности национального антитеррористического

комитета РФ // Молодой ученый. — 2022. — № 50 (445). — С. 291–292. — URL: https://moluch.ru/archive/445/97744/ (дата обращения: 20.12.2024).

7. Пашкевич, А. В. Организационно-правовые основы противодействия терроризму // Социально-гуманитарные знания. — 2013. — № 12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-osnovy-protivodeystviya-terrorizmu (дата обращения: 20.12.2024).

8. Ростокинский, А. В. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: проблемы реализации и пути их решения // Образование и право. — 2022. — № 7. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-realizatsii-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 20.12.2024).

9. Собищанский, С. А., Литвиненко, Н. М. К вопросу о системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Символ науки. — 2017. — № 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sisteme-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 20.12.2024).

10. Тихонов, П. В. Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств-участников СНГ на объектах ТЭК // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2022. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnye-antiterroristicheskie-ucheniya-kompetetnyh-organov-gosudarstv-uchastnikov-sng-na-obektah-tek (дата обращения: 20.12.2024).

Nationwide system of countering terrorism in the Russian Federation

Povaliy S.I.
Melitopol State University

The article presents a comprehensive analysis of the counter-terrorism system in the Russian Federation, covering the evolution of the legislative framework, existing mechanisms and practical results. The article considers the historical stages of the development of anti-terrorist legislation - from references in 1550 to modern federal laws. The structure of the national counter-terrorism system is revealed. The role of law enforcement agencies in ensuring the safety of Russian citizens from terrorist threats, the legal basis of state bodies pursuing anti-terrorist policy in Russia are analyzed. Particular attention is paid to the main documents, including Federal Law No. 35-FZ "On Counteracting Terrorism" and the "Concept of Counteracting Terrorism in the Russian Federation", which regulate the basic principles and approaches. The principles of the National Anti-Terrorism Committee and interdepartmental cooperation are described, as well as the emphasis on preventive measures, operational-search activities and international cooperation. The article provides a classification of types of terrorism according to ideological, target and territorial criteria, demonstrating the complexity and diversity of this threat. The study confirms a significant reduction in terrorist activity in recent years due to improved legislation, but highlights the need for further adaptation to modern challenges, including new technologies and global changes in the security sphere.

Keywords: counter-terrorism, anti-terrorist legislation, Federal Law, National Anti-Terrorism Committee, international cooperation, prevention of terrorism, classification of terrorism, global threats.

References

1. Bezrukova, O. V. [et al.]. Terrorism, Human Rights, and Democratic Values in Russia and Abroad: Monograph. — Moscow: Yurlitinform, 2019. — 232 p.
2. Gedgafov, M. M. Classification Features and Characteristics of Modern Forms of Terrorism // Journal of Applied Research. — 2023. — No. 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsionnye-priznaki-i-harakteristiki-sovremennyh-form-terrorizma (accessed: 20.12.2024).
3. Doshchatov, A. A., Mironov, N. V. The Role of the Federal Security Service of the Russian Federation in the National Security System of Russia // Young Scientist. — 2019. — No. 51 (289). — pp. 93–96. — URL: https://moluch.ru/archive/289/65473/ (accessed: 20.12.2024).
4. Kuchiev, A. Z., Kallagov, T. E. Powers of the Government of the Russian Federation in the Field of Ensuring National Security // Agrarian and Land Law. — 2023. — No. 10 (226). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti (accessed: 20.12.2024).
5. Moiseev, A. I. The Problem of Defining Terrorism in International Law // Actual Problems of Russian Law. — 2014. — No. 12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-terrorizma-v-mezhdunarodnom-prave (accessed: 20.12.2024).
6. Osipov, V. V. Legal Regulation of the Activities of the National Antiterrorism Committee of the Russian Federation // Young Scientist. — 2022. — No. 50 (445). — pp. 291–292. — URL: https://moluch.ru/archive/445/97744/ (accessed: 20.12.2024).
7. Pashkevich, A. V. Organizational and Legal Foundations of Counterterrorism // Socio-Humanitarian Knowledge. — 2013. — No. 12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-osnovy-protivodeystviya-terrorizmu (accessed: 20.12.2024).
8. Rostokinsky, A. V. The Concept of Counterterrorism in the Russian Federation: Problems of Implementation and Ways to Solve Them // Education and Law. — 2022. — No. 7. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-realizatsii-i-puti-ih-resheniya (accessed: 20.12.2024).
9. Sobishchansky, S. A., Litvinenko, N. M. On the Issue of the National Security System of the Russian Federation // Symbol of Science. — 2017. — No. 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sisteme-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii (accessed: 20.12.2024).
10. Tikhonov, P. V. Joint Antiterrorist Exercises of Competent Bodies of CIS Member States at Fuel and Energy Complex Facilities // International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law. — 2022. — No. 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnye-antiterroristicheskie-ucheniya-kompetetnyh-organov-gosudarstv-uchastnikov-sng-na-obektah-tek (accessed: 20.12.2024).

К вопросу о понятии хищения с банковского счета

Старичков Максим Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России, maximstar@narod.ru

В последние годы в России отмечается резкий рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в частности – краж, совершенных с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств. Квалификация таких деяний до сих пор вызывает вопросы. В определенной мере это вызвано различиями в терминологии уголовно-правового и гражданско-правового законодательства. В статье предлагается при квалификации хищений с банковских счетов использовать понятия гражданско-правового законодательства как регулирующего имущественные правоотношения, вносятся предложения по совершенствованию уголовно-правового законодательства, направленные на устранение противоречий.
Ключевые слова: кража, мошенничество, хищение, имущество, банковский счет, информационно-телекоммуникационные преступления, компьютерные преступления.

Введение

Наш век по праву считается информационным. Компьютерные и информационно-телекоммуникационные технологии получают повсеместное распространение, проникают во все сферы деятельности современного общества.

Наряду с прогрессивными изменениями отмечается рост «высокотехнологичной» преступности [1–3]. Так, в 2022 году было зарегистрировано 113565, в 2023 году – 119212 краж, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий[25]. Данная разновидность преступлений становится одной из самых распространенных, вытесняя «традиционные» кражи.

Такая ситуация требует от законодателя адекватного реагирования. В дополнение к главе 28 УК РФ был конкретизирован ряд «традиционных» составов преступлений. Появилась ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.3 УК РФ), кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), во многие статьи УК РФ добавился квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"».

В настоящее время назвать практику квалификации таких составов устоявшейся нельзя. До сих пор существуют различия в позиции правоприменителей, и даже постановления Пленума Верховного Суда РФ не дают ответы все вопросы.

Одна из таких причин – различные подходы к толкованию понятия «хищение» и его форм – краже и мошенничеству.

Цель настоящей статьи – проанализировать действующее законодательство и следственно-судебную практику и на основе этого предложить решение проблемы.

Основная часть

Хищение как неправомерное завладение чужим имуществом – одно из древнейших преступлений, возникшее практически одновременно с появлением понятия «собственность». В российском уголовном праве обычно выделяют следующие формы хищений [4, с. 59-60]:

– кража (ст. 158 УК РФ);
– мошенничество (ст. 159 УК РФ);
– присвоение (ст. 160 УК РФ);
– растрата (ст. 160 УК РФ);
– грабеж (ст. 161 УК РФ);
– разбой (ст. 162 УК РФ).

[25] Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 12.09.2024).

Остановимся подробнее на первом пункте этого перечня – краже. Традиционно предметом кражи выступали вещи, т. е. материальные объекты, которые могут быть перемещены в пространстве. Это привело к формированию позиции, согласно которой кража в отношении неовеществленного имущества невозможна. Некоторые ученые оспаривают возможность даже хищения недвижимости. Например, по мнению В.В. Векленко предметом хищения может быть только движимое имущество [5, с. 116]. Более широкий подход допускает хищение в отношении любого имущества, однако ограничивает формы таких хищений [6, с. 155]. В частности, исключается возможность кражи всего того, что прочно связано с землей, то есть объектов, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [7, с. 27; 8, с. 51].

В теории права выделяется две формы изъятия – физическая и юридическая. Физическая заключается в перемещении предмета в пространстве, при этом имущество переходит из владения собственника к новому лицу. Юридическая подразумевает изменение прав собственности на это имущество, согласно которому прежний собственник утрачивает свои права владения, пользования и распоряжения, хотя само имущество физически может оставаться на том же месте (в ряде случаев изменение его местонахождения просто невозможно).

Таким образом, рассмотренные точки зрения ассоциируют с кражей физическое изъятие имущества, а переход права на имущество (юридическое изъятие) допускается только для такой формы хищения, как мошенничество [9, с. 184]. Действительно, переход права на имущество (недвижимое и в установленных законом случаях движимое) осуществляется в основном путем внесения уполномоченным лицом соответствующей записи в реестр, а потому может явиться результатом обмана (введения в заблуждение) либо собственника имущества, либо самого уполномоченного лица. Умышленные противоправные действия со стороны регистратора образуют состав либо присвоения (растраты), либо злоупотребления полномочиями, либо соучастия в мошенничестве – в зависимости от других обстоятельств преступления.

С повсеместной компьютеризацией банковской системы и появлением банковских платежных карт «традиционный» подход столкнулся с проблемой. Преступные действия, направленные на завладение чужими денежными средствами, хранящимися на банковском счете, с использованием платежных карт, очевидно, следовало рассматривать как преступление против собственности, а именно – хищение. Но любое преступное деяние требует конкретной квалификации, и здесь возникли вопросы.

Внося наличные деньги в банк, клиент переводит их в безналичные денежные средства, которые, существуя в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к открывшей данный счет кредитной организации [10]. Иначе говоря, собственник вместо имущества – вещи (денег) получает право на имущество. Хищение безналичных денежных средств с банковского счета будет проявляться в утрате потерпевшим права требования этих денег с одновременной передачей такого права к преступнику. Согласно устоявшемуся подходу, вне зависимости от способа [11, с. 149-151] перехода права на денежные средства, хранящиеся на банковском счете, квалифицировать такое преступное деяние следовало как мошенничество. Это во многом способствовало включению в Уголовный кодекс РФ статей 159.3 «Мошенничество с использованием платежных карт» (в действующей редакции – «Мошенничество с использованием электронных средств платежа») и 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Однако основной признак мошенничества – обман или злоупотребление доверием – при хищении с банковского счета не всегда проявляется. Так, при обналичивании в банкомате с использованием поддельных (дубликатов подлинных) платежных карт происходит «обман» самой автоматизированной системы банка, точнее, ее подсистемы идентификации и аутентификации, что, по существу, ничем не отличается от «обмана» замка с помощью отмычки для незаконного проникновения в помещение. Работники торговых организаций при безналичной оплате товара тоже не обязаны проверять принадлежность банковской карты покупателю, поэтому наличие «пассивного обмана» остается спорным: можно ли обмануть того, чьи действия не зависят от успеха обманщика, кто безразличен к таким попыткам и игнорирует их? [12, с. 258-259; 13, с. 199]

Данное деяние имеет признаки тайного хищения чужого имущества. Но считать хищение с банковского счета кражей мешало устоявшееся мнение о ее «вещной» направленности, что уже отмечалось нами.

Гражданское законодательство, определяя объекты гражданских прав, относит к ним вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага (ст. 128 ГК РФ). Из данного перечня видно, что законодатель разделил имущество на две категории: вещи и иное имущество.

Хищение имеет легальное определение как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Здесь говорится об имуществе в целом, а не выделяется какой-либо отдельный его вид, Значит, и «иное имущество», в том числе имущественные права, к которым относится право требования, могут выступать предметом хищения.

Что касается способа, законодатель не зря использовал конструкцию «и (или)», допускающую совершение как обоих действий (изъятие *и* обращение), так и альтернативно любого из них. Обращение имущества без его изъятия подразумевает как раз изменение (приобретение) прав на него.

Буквальное толкование диспозиции ст. 158 УК РФ позволяет сделать вывод, что кража – это *любое тайное* хищение чужого имущества, т. е. главным признаком способа совершения кражи является ее тайность, без дополнительной конкретизации способа и уточнения видов имущества. Таким образом, нет законодательных ограничений, чтобы считать тайное противоправное обращение чужих имущественных прав кражей.

Данная точка зрения была подтверждена законодателем, добавившим Федеральным законом от 23 апреля 2018 № 111-ФЗ пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ, предусматривающий ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

На основании изложенного также считаем излишним уточнение способа совершения мошенничества – «приобретение права на чужое имущество». Как уже отмечалось, приобретение права охватывается понятием «обращение», которое, в свою очередь, входит в понятие «хищение». Используемая конструкция является данью традиции, но вводит в заблуждение правоприменителя. Слова «или приобретение права на чужое имущество» в ч. 1 ст. 159 УК РФ и в ч. 1 ст. 159.6 УК РФ следует исключить.

Следует также отметить различие в подходе к понятию имущества в гражданском и уголовно-процессуальном праве [14]. Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит в качестве основного понятия определение имущества: «любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях; бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии; имущественные права, включая права требования и исключительные права» (п. 13.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Перечисление через точку с запятой ставит в один ряд виды имущества: вещи, безналичные денежные средства, имущественные права. Гражданское законодательство безналичные денежные средства рассматривает как разновидность имущественных прав, а бездокументарные ценные бумаги, в свою очередь, – как разновидность безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ).

Очевидно, что имущественные отношения являются предметом регулирования гражданского права. Следуя общему принципу приоритета, согласно которому в случае противоречия норм преимущество имеет законодательство, специализирующееся в области соответствующих правоотношений, в перечисленных случаях уголовное и уголовно-процессуальное законодательство необходимо привести в соответствие с Гражданским кодексом РФ.

Выводы и заключение

Тайное хищение денежных средств с банковского счета справедливо квалифицируется как кража, поскольку понятие хищения распространяется не только на противоправное изъятие имущества, но и на его обращение, что имеет место в отношении безналичных денег как имущественного права требования. Определяющим здесь является признак способа – его тайность, что дифференцирует его от мошенничества.

В свою очередь, основной признак мошенничества – обман (злоупотребление доверием), а обращение имущества как способ хищения включает приобретение прав на это имущество. Таким образом, конкретизация способа мошенничества – «приобретение права на чужое имущество» является излишней, и ее следует исключить из ч. 1 ст.159 УК РФ и в ч. 1 ст.159.6 УК РФ.

В вопросах регулирования имущественных прав приоритет имеет гражданское законодательство, а потому в Уголовно-процессуальном кодексе РФ должно быть исключено имеющееся противоречие в определении имущества (п. 13.1 ч.1 ст. 5 УПК РФ).

Указанные уточнения должны способствовать единообразному применению уголовного законодательства, тем самым решая задачу противодействия преступности.

Литература

1. *Поляков, В. В.* Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (28). С. 151-162.

2. *Кибакин, М. В.* Криминологические аспекты анализа процесса цифровизации различных сфер жизнедеятельности общества // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. № 4 (24). С. 112-116.

3. *Лемайкина, С. В.* Актуальные вопросы противодействия киберпреступлениям // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2020. № 4 (16). С. 54-59.

4. *Журавлева, Г. В., Карпова, Н. А.* К вопросу о формах хищения по российскому уголовному праву // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 59-62.

5. *Векленко, В. В.* Квалификация хищений чужого имущества : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2001. 375 с.

6. *Фролов, М. В.* Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 208 с.

7. *Гаухман, Л. Д., Максимов, С. В.* Ответственность за преступления против собственности. М.:

Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. 320 с.

8. *Исмагилов, Р. Г.* Объект и предмет кражи // Законность. 1999. № 8. С. 49-52.

9. *Лопашенко, Н. А.* Преступления против собственности: Теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. 405 с.

10.*Постановление* Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Глория"» // Собрание законодательства РФ. 22.12.2014. № 51. Ст. 7528.

11.*Ненашев, Е. В.* К вопросу о содержании криминалистической характеристики краж, совершенных с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 3 (27). С. 146-157.

12.*Рогова, Е. В., Перетолчин, А. П.* Преступления против собственности в условиях цифровой трансформации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3. С. 256-264.

13.*Третьякова, Е. И., Трубкина, О. В.* Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2020. № 2 (14). С. 195-200.

14.*Зеленская, Т. В.* К вопросу о понятии имущества в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 3 (27). С. 50-59.

On the issue of the concept of theft from a bank account

Starichkov M.V.
East Siberian Institute of the MIA of Russia

In recent years, Russia has seen a sharp increase in crimes committed using information and telecommunication technologies, in particular, thefts committed from bank accounts, as well as in relation to electronic money. The qualification of such acts still raises questions. To a certain extent, this is due to differences in the terminology of criminal law and civil law legislation. The article suggests using the concepts of civil law legislation as regulating property relations in the qualification of embezzlement from bank accounts, and makes proposals to improve criminal law legislation aimed at eliminating contradictions.

Keywords: theft, fraud, embezzlement, property, bank account, information and telecommunication crimes, computer crimes

References

1. Polyakov, V. V. The concept of "high-tech crimes" in forensic science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (28). P. 151-162.
2. Kibakin, M. V. Criminological aspects of the analysis of the digitalization process of various spheres of society // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (24). P. 112-116.
3. Lemaykina, S. V. Actual issues of counteracting cybercrime // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (16). P. 54-59.
4. Zhuravleva, G. V., Karpova, N. A. On the Forms of Theft under Russian Criminal Law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 6. P. 59-62.
5. Veklenko, V. V. Qualification of Theft of Other People's Property: Dis. ... Doctor of Law. Omsk, 2001. 375 p.
6. Frolov, M. V. Property as an Object of Theft: Unity and Differentiation of Civil and Criminal Law Aspects of the Concept: Dis. ... Cand. Law. Ekaterinburg, 2002. 208 p.
7. Gaukhman, L. D., Maksimov, S. V. Liability for crimes against property. Moscow: Educational and consulting center "YurInfoR", 1997. 320 p.
8. Ismagilov, R. G. Object and subject of theft // Legality. 1999. No. 8. Pp. 49-52.
9. Lopashenko, N. A. Crimes against property: Theoretical and applied research. Moscow: LexEst, 2005. 405 p.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.12.2014 No. 31-P "On the case of verifying the constitutionality of parts six and seven of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the closed joint-stock company "Gloria"" // Collected Legislation of the Russian Federation. 22.12.2014. No. 51. Art. 7528.
11. Nenashev, E. V. On the content of forensic characteristics of thefts committed from bank accounts, as well as in relation to electronic money // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (27). P. 146-157.
12. Rogova, E. V., Peretolchin, A. P. Crimes against property in the context of digital transformation // Academic law journal. 2022. Vol. 23. No. 3. P. 256-264.
13. Tretyakova, E. I., Trubkina, O. V. Legal problems of investigation of fraud using electronic means of payment // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (14). P. 195-200.
14. Zelenskaya, T. V. On the issue of the concept of property in criminal proceedings // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (27). P. 50-59.

О некоторых вопросах криминализации наиболее опасных интернет-угроз, реализуемых в отношении несовершеннолетних

Титов Матвей Андреевич
аспирант, Уральский государственный юридический университет, mathewstitov@yandex.ru

В эпоху современных технологий и развития сети «Интернет» наиболее подверженными негативным процессами неконтролируемой информации являются несовершеннолетние, которые в силу психофизических и иных особенностей составляют определённую «группу риска» влияния негативной информации на их сознание, формирование мировоззрения, социализацию.
Цель: Обоснование криминализации таких негативных явлений в сети «Интернет» как «груминг», «кибербуллинг» и пропаганда «колумбайн-идей», отрицательно воздействующих на сознание несовершеннолетних, конструирование их в действующее уголовное законодательство.
Методы: Методологической базой исследования являются общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе использовался формально-логический, сравнительно-правовой, системно-аналитический, диалектико-материалистический методы.
Результаты: Обоснование конструирования новых норм уголовного законодательства в действующий уголовный закон, раскрытие их содержания, которое позволит предупредить совершение в отношении несовершеннолетних указанных противоправных действий, наряду с имеющимися профилактическими мероприятиями.
Выводы: Действующее уголовное законодательство с учетом роста использования детьми сети «Интернет» нуждается в изменениях, поскольку только профилактические мероприятия не могут наиболее эффективно предупредить совершение в отношении детей некоторых противоправных явлений, воздействие которых серьезно может сказаться на психологическом (ментальном) и физическом здоровье ребенка.
Ключевые слова: интернет-угрозы; несовершеннолетние; криминализация; груминг; кибербуллинг; колумбайн-идеи.

Введение

Сегодня невозможно представить жизнь граждан без сети «Интернет». Согласно данным исследованиям Global Digital Report 2024, охватывающим глобальный digital-маркетинг, по состоянию на январь 2024 г. число интернет-пользователей в мире составляет более 5,3 млрд. (+1,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.). При этом в среднем интернет-пользователь проводит в сети «Интернет» более 6 часов [13]. Современные информационные технологии позволяют организовать мгновенный обмен информацией между интернет-пользователей, что существенно облегает жизнь человека (дистанционное обучение, покупка товаров, оказание услуг посредством интернета, общение с людьми, находящимися практически в любой точки мира и т.д.).

Вместе с тем наряду с положительными возможностями использования интернета есть и отрицательные его проявления, под которыми понимаются интернет-угрозы, то есть информация, негативно влияющая на поведение, социализацию, сознание человека, может причинить психологический и физический вред их здоровью. Особенно негативно такая информация может воздействовать на несформировавшихся личностей – несовершеннолетних, поскольку последние в силу возраста, отсутствия опыта не относятся к той или иной информации с необходимой степенью критичности и могут воспринимать её «разрушительно» при формировании мировоззрения, социализации.

Материалы и методы

В работе использовался формально-логический (при формировании логических цепочек, заключений, обосновании позиций и выдвижения предположений), сравнительно-правовой (посредством которого проведен анализ российского законодательства, ряд правовых положений других стран, в том числе уголовной ответственности при реализации в отношении несовершеннолетних некоторых интернет-угроз), системно-аналитический (при определении связей влияния деструктивной информации с изменением поведения детей), диалектико-материалистический (в ходе исследования становления и развития процессов, обеспечивающих создание цифровой безопасности детей) методы. При сборе и изучения материалов правоприменительной практики были использованы методы анализа документов, печатных и электронных изданий. Использование названных методов позволило выявить проблемы, препятствующие совершенствованию комплексного подхода предупреждения деструктивных

процессов влияния информации в сети «Интернет» на несовершеннолетних, обеспечить достоверность результатов исследования.

Литературный обзор

К интернет-угрозам можно отнести деструктивные сообщества и отдельные явления в виртуальном пространстве (например, «киббербуллинг», «груминг», «секстинг» и прочее). Степень и характер воздействия интернет-угроз на несовершеннолетних различены, однако наиболее опасные, с точки зрения последствий, с целью защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, предупреждения совершения ими и в их отношении противоправных действий требуют принятие дополнительных мер.

Как указал Президент Российской Федерации на заседании дискуссионного клуба «Валдай»: «Все запрещать в интернете контрпродуктивно, но он должен подчиняться внутреннему законодательству страны» [4].

В этой связи нельзя не согласиться с Беляевой Л.И., которая считала, что уголовное право является наиболее действенным инструментом реагирования на самые грубые случаи нарушения прав и интересов несовершеннолетних [12, с. 262].

На мой взгляд именно криминализация отдельных проявлений в сети «Интернет» обеспечивает наиболее эффективное состояние предупреждения совершения противоправных действий в отношении детей, соблюдения их прав на безопасное использование виртуальной среды.

Наиболее опасные интернет-угрозы, неурегулированные уголовным законодательством, являются «кибербуллинг» (травля детей в интернете), «груминг» (общение с целью совершения действий сексуального характера), пропаганда «колумбайнидей» (насильственных действий, в том числе включая убийство, детей в образовательных организациях).

Согласно опросу, проведенному в текущем году Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), около 13 % считают, что во всех социальных сетях встречаются оскорбления и иные примеры агрессивного поведения в отношении интернет-пользователей, при этом доля последователей такого мнения с 2021 г. выросла втрое. Наибольшее количество оскорблений имеет место в социальной сети «Вконтакте» (27 %), Telegram (16 %), YouTube (10 %), а 25 % детей хотя бы раз сталкивались с травлей в интернете [3].

Официального понятие в российском законодательстве кибербуллинга не имеется, указанное определение нашло отражение в письме Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.05.2018 № 08-1184, где по кибербуллингом понимается преследование посредством сети «Интернет» сообщениями, содержащими оскорбления и иные формы агрессии [6].

Кибербуллинг для неокрепшей психики детей представляет опасность, может формировать у ребенка признаки тревожности, нарушение нормальных социальных процессов, проблем с социализацией. Специальной нормы, регламентирующей ответственность за указанные действия в российском законодательстве нет, при наличии иных признаков виновное лицо привлекается либо по ст. 5.61 КоАП РФ за оскорбление либо при наличии признаков доведения до самоубийства по ст. 110 УК РФ.

К примеру, прокуратурой Олекминского района по результатам надзорной проверки установлено, что отец несовершеннолетнего ребенка на системной основе с помощью сети «Интернет» оскорблял своего сына, в связи с этим привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ [10].

Приговором Нюрбинского районного суда от 28.06.2023 установлено, что в отношении несовершеннолетнего с помощью сети «Интернет» обвиняемым Р. осуществлялось унижение, оскорбление, угрозы, в результате чего несовершеннолетним был совершен суицид. Обвиняемый Р. признан виновным по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ [8].

Таким образом, сам по себе факт кибербуллинга при отсутствии признаков оскорбления, доведения до самоубийства и иных составов административных правонарушений (преступлений) остается вне поля правового регулирования и правоохранительных органов. Хотя в случае, указанном выше доведению до самоубийства ребенка предшествовал кибербуллинг, который явился условием и предпосылкой самоубийства несовершеннолетнего.

Во многих странах кибербуллинг признан правонарушением, за которое предусмотрены соответствующие меры как административного, так и уголовно-правового характера.

К примеру, во многих штатах США кибербуллинг признан уголовно наказуемым деянием [5].

С целью защиты прав и интересов детей, предупреждения совершения в отношении детей правонарушений необходимо криминализировать кибербуллинг в российском законодательстве путем введения в главу 17 «Преступления против свободы, чети и достоинства», новой нормы УК РФ – 130.1 УК РФ, поскольку при реализации кибербуллинга причиняется в первую очередь психологический вред ребенку в виде его оскорбления, унижения его чести и достоинства. Статью 130.1 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «кибербуллинг, то есть отправка, пересылка, опубликование цифрового сообщения либо размещение в сети «Интернет» иных сведений, причиняющих существенный вред другому лицу, которому оно адресовано». Критерии существенного вреда возможно указать в одном из постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации как развитие у ребенка психического расстройства.

Не менее существенную опасность в сети «Интернет» для детей представляет «груминг», то есть действия пользователя интернет-среды, направленные на установление мнимого дружеского отношения с несовершеннолетними для последующего его использования, удовлетворения своих сексуальных потребностей либо иной криминальной эксплуатации.

В России указанное явление слабо исследовано, официальных статистических данных, в том числе на сайте ВЦИОМ, о количестве пострадавших от указанного явления в свободном доступе не имеется.

Согласно данным от 09.11.2024 Международного чрезвычайного фонда помощи детям ООН каждая 8-я несовершеннолетняя девушка и каждый 11-й ребенок мужского пола в мире с помощью сети «Интернет» подвергался сексуальному насилию [1].

В российском законодательстве за преступления, нарушающие половую неприкосновенность детей, предусмотрена уголовная ответственность (ст.ст. 131-135 УК РФ). Анализируя указанные нормы сам факт интимной переписки в сети «Интернет» формально подпадает под нормы ст. 135 УК РФ либо ст. 132 УК РФ в зависимости от возраста жертвы. Поскольку согласно примечанию к ст. 131 УК РФ совершение преступлений, предусмотренных ч.ч. 2-4 ст. 135 УК РФ в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 12-го возраста, образуют состав п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В этом случае ребенок в силу возраста находится в беспомощном состоянии. Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к развратным действиям относятся только те, которые направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям [7].

В судебной практике, как правило, к уголовной ответственности по ст. ст. 135, 132 УК РФ привлекаются в случае иных активных действий помимо интимной переписки (отправка фотографий, видеоизображений интимного характера).

Например, из приговора Хангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) следует, что обвиняемый С., находясь на территориях Тамбовской, Московской, Калужской областей и в г. Москве, используя сеть «Интернет», через мессенджер WhatsApp под видом несовершеннолетнего лица отправил 7 девушкам 11 -13 лет сообщения сексуального характера и путем психологического воздействия склонил малолетних отправить ему медиафайлы и текстовые сообщения аналогичного характера. В дальнейшем полученные файлы и переписки обвиняемый распространил в созданной им группе WhatsApp. Из показаний жертв преступления следует, что С. угрожал им в случае неотправки фотографий сексуального характера разорвать с ними общения, а в дальнейшем шантажировал выложить ранее отправленные ему интимные фото и видеофайлы детей [9].

Таким образом, простая интимная переписка при отсутствии иных действий сексуального содержания может не повлечь уголовной ответственности для виновного лица, однако для несовершеннолетнего влечет нарушение его половой неприкосновенности.

Учитывая изложенное, с целью устранения неопределенности в указанном вопросе, правового пробела считаю необходимым дополнить уголовное законодательство статьей 135.1, которую изложить следующим образом: «груминг, то есть общение либо иная коммуникация лицом, достигшим возраста восемнадцати лет, с помощью информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет», с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, с целью совершения действий сексуального характера».

Под колумбайном (скулшутингом) сегодня понимается нападение на образовательные организации с целью устрашения и причинения вреда, в том числе смерти несовершеннолетним и сотрудникам образовательного учреждения.

Верховным судом Российской Федерации движение «колумбайн» 02.02.2022 признано террористическим, его деятельность запрещена [2], однако в России, по-прежнему, ежегодно блокируются сайты, пропагандирующие данную идеологию. Подростки, являющиеся поклонниками движения и состоящие в различных таких группах, не являются террористами, их интерес к данной идеологии не означает того факта, что они совершат противоправные действия. Вместе с тем активное участие в колумбайн-сообществах постепенно может изменить мышление и мировоззрение несовершеннолетнего в сторону антисоциальных взглядов.

При этом за размещение в сети «Интернет» информации, пропагандирующей вооруженное нападение на образовательные организации, предусмотрена только административная ответственность – ст. 20.3 КоАП РФ.

Официальной статистики опубликования несовершеннолетними в сети «Интернет» информации, пропагандирующей вооруженные нападения, в открытом доступе нет, в правоохранительных органах не ведется. Однако в СМИ системно публикуются факты призывов несовершеннолетними совершить указанные действия.

К примеру, ввиду того, что 9-летняя девочка из Тывы направила незнакомому лицу сообщение «убейте людей за 500.000р» и при опросе указала, что сообщение написала от скуки, сотрудниками полиции МВД по Республике Тыва организованы беседы в образовательных учреждениях в целях профилактики совершения противоправных действий экстремисткой направленности [11].

Действующая административная ответственность не позволяет пресечь данные попытки, что свидетельствует о её неэффективности. С учетом изложенного считаем необходимым для предупреждения подобных действий криминализировать любые попытки пропаганды колумбайн-идей, в связи с этим дополнить уголовное законодательства, а именно Главу 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ статьей 205.7., которую изложить в следующей редакции:

«Статья 205.7 УК РФ «часть 1. Распространение взглядов, фактов, аргументов и иных материалов, пропагандирующих вооруженные нападения на учебные заведения.

Часть 2. Деяние, предусмотренные часть 1 настоящей статьи, совершенные с использованием сети «Интернет».

Результаты

В настоящей работе приведены судебные решения по уголовным делам и материалам проверки о преступлениях (происшествиях), совершенных в отношении несовершеннолетних, где одним из условий их совершения на начальной стадии предшествовала реализация интернет-угроз в виде «кибербуллинга», «груминга». Исследовано пагубное влияние колумбайн-идей, воздействующих на детей.

В ходе исследования сформированы диспозиции уголовно-правовых норм, планируемых включить в уголовный закон, а именно статей 130.1, 135.1, 205.7 УК РФ. Посредством включения указанных норм в уголовное законодательство будут устранены пробелы уголовно-правового регулирования, что в свою очередь способствует предупреждению совершения в отношении детей указанных противоправных явлений.

Результаты исследования в дальнейшем могут служить основной анализа иных интернет-угроз, их последующей криминализации либо выработки других наиболее эффективных механизмов предупреждения совершения в отношении детей противоправных действий в сети «Интернет».

Заключение

Криминализация указанных явлений способствует достижению более эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, предупредить совершение в их отношении противоправных действий, что в свою очередь, помимо проведение иных профилактических мероприятий, будет служить мерой обеспечения цифрового суверенитета.

Литература

1. Более 370 миллионов девочек и женщин во всём мире подверглись изнасилованию или сексуальному насилию в детстве [Электронный ресурс] URL: https://www.unicef.org/press-releases/over-370-million-girls-and-women-globally-subjected-rape-or-sexual-assault-children (Дата обращения: 17.11.2024)

2. Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347 (дата обращения: 17.11.2024)

3. Детский кибербуллинг и как с ним бороться [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-kiberbulling-i-kak-s-nim-borotsja (дата обращения: 17.11.2024).

4. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521 (дата обращения: 17.11.2024).

5. Официальный сайт служба контроля кибербуллинга в США [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberbullying.org/bullying-laws (дата обращения: 17.11.2024).

6. Письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08-1184 «О направлении информации» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298618/ (дата обращения: 17.11.2024).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 17.11.2024).

8. Приговор Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 28.06.2023 № 1-61/2023.

9. Приговор Хангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) от 13.10.2023 № 1-82-23.

10.Прокуратура Олекминского района разъясняет: понятие "кибербуллинг" и как защитить свои права? [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_14/activity/legal-education/explain?item=51905150 (дата обращения: 17.11.2024).

11.Сотрудники полиции проводят беседы в образовательных учреждениях в целях профилактики совершения противоправных действий экстремистской направленности [Электронный ресурс] URL: https://17.мвд.рф/news/item/48780607 (дата обращения: 16.11.2024).

12.Уголовная политика Российской Федерации: учебник. В 2 частях. Ч. 2 / Л.И. Беляева [и др.]; под редакцией Л.И. Беляевой. Москва: Академия управления МВД России, 2020. 262 с.

13.Цифровой 2024: глобальный обзорный отчет [Электронный ресурс] URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (дата обращения: 17.11.2024).

On some issues of criminalization of the most dangerous Internet threats implemented against minors

Titov M.A.

Ural State Law University

In the era of modern technologies and the development of the Internet, minors are the most susceptible to negative processes of uncontrolled information, who, due to psychophysical and other characteristics, constitute a certain "risk group" for the influence of negative information on their consciousness, the formation of their worldview, and socialization.

Objective: Justification of the criminalization of such negative phenomena on the Internet as "grooming", "cyberbullying" and the propaganda of "Columbine ideas" that negatively affect the consciousness of minors, their construction in the current criminal legislation.

Methods: The methodological basis of the study are general scientific and specific scientific methods of cognition. The work used formal-logical, comparative-legal, system-analytical, dialectical-materialistic methods.

Results: Justification of the construction of new norms of criminal legislation in the current criminal law, disclosure of their content, which will prevent the commission of the specified illegal actions against minors, along with existing preventive measures.

Conclusions: The current criminal legislation, taking into account the growing use of the Internet by children, needs to be amended, since only preventive measures cannot most effectively prevent the commission of certain illegal phenomena against children, the impact of which can seriously affect the psychological (mental) and physical health of the child.

Keywords: Internet threats; minors; criminalization; grooming; cyberbullying; Columbine ideas.

References

1. More than 370 million girls and women worldwide were subjected to rape or sexual abuse as children [Electronic resource] URL: https://www.unicef.org/press-releases/over-370-million-girls-and-women-

globally-subjected-rape-or-sexual-assault-children (Accessed: 11/17/2024)
2. The Supreme Court recognized the Columbine movement as terrorist [Electronic resource] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347 (Accessed: 11/17/2024)
3. Child cyberbullying and how to deal with it [Electronic resource] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-kiberbulling-i-kak-s-nim-borotsja (date of access: 11/17/2024).
4. Meeting of the Valdai Discussion Club [Electronic resource] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521 (date of access: 11/17/2024).
5. Official website of the US Cyberbullying Control Service [Electronic resource] - Access mode: https://cyberbullying.org/bullying-laws (date of access: 11/17/2024).
6. Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated 14.05.2018 No. 08-1184 "On the direction of information" [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298618/ (date of access: 17.11.2024).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.12.2014 No. 16 "On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual" [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (date of access: 17.11.2024).
8. Sentence of the Nyurbinsky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated June 28, 2023 No. 1-61/2023.
9. Sentence of the Khangalassky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated October 13, 2023 No. 1-82-23.
10. The Olekminsky District Prosecutor's Office explains: the concept of "cyberbullying" and how to protect your rights? [Electronic resource] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_14/activity/legal-education/explain?item=51905150 (access date: 11/17/2024).
11. Police officers conduct talks in educational institutions to prevent the commission of illegal actions of an extremist nature [Electronic resource] URL: https://17.мвд.рф/news/item/48780607 (date of access: 11/16/2024).
12. Criminal policy of the Russian Federation: textbook. In 2 parts. Part 2 / L.I. Belyaeva [et al.]; edited by L.I. Belyaeva. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 262 p.
13. Digital 2024: global overview report [Electronic resource] URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (date of access: 11/17/2024).

Компаративный анализ института финансового контроля в бюджетной сфере в Российской Федерации и странах Центральной Азии

Мансурова Шахноза Обиджоновна
аспирант кафедры административного и финансового права Российского Университета Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы, 1042235006@rudn.ru

В статье проведен анализ института финансового контроля в бюджетной сфере на примере Российской Федерации, Казахстана и Узбекистана. Основное внимание уделено правовым основам, организационно-структурным особенностям, а также практическим методам осуществления финансового контроля. Рассмотрены ключевые институты, в т.ч. Счетная палата в России, Счетный комитет в Казахстане и Счетная палата в Узбекистане, их полномочия и взаимодействие с другими органами государственного управления. Отдельно проанализированы механизмы внутреннего и внешнего контроля, включая контроль со стороны министерств финансов и органов местного самоуправления. Особое внимание уделено внедрению цифровых технологий в финансовый контроль.
Ключевые слова: финансовый контроль, бюджет, бюджетные средства, цифровизация, Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Узбекистан

Политика в бюджетной сфере играет важную роль в экономической политике государства. Корректное формирование, распределение и использование государственных денежных средств выступает ключевым условием обеспечения законности и дисциплины, ответственности всех хозяйствующих субъектов перед обществом и государством [2, с. 13]. *Актуальность* рассмотрения механизмов реализации финансового контроля обусловлена, во-первых, увеличением количества правонарушений в финансовой сфере, в т.ч. в бюджетном сегменте, а во-вторых – динамическими трансформациями механизмов финансового контроля в разных странах, вызванными цифровизацией, возникновением новых способов финансирования и социальных реалий в целом [9, с. 212].

Несмотря на продолжительную историю изучения бюджета, единства мнений в отношении его дефиниции пока не наблюдается. Так, в Бюджетном Кодексе Российской Федерации бюджет определен как «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления» [6].

По мнению правоведов, бюджет, с одной стороны является правовым институтом и не является материальным, но с другой – он выражает величину публичного имущества. Кроме того, некоторые авторы интерпретируют бюджет в качестве правового акта. Как правило, в большинстве стран бюджет утверждается посредством специального нормативного акта – закона, который имеет технический характер. Подобный акт описывает схему распределения доходов и расходов из фонда бюджета, что, в свою очередь, позволяет рассматривать бюджет в качестве потоков денежных средств и совокупности правил по распределению данных потоков.

Учитывая колоссальный объем денежных средств, аккумулируемых в рамках бюджета, данная сфера общественных отношений нуждается в особом контроле [3, с. 137]. В данной связи государство вырабатывает особые механизмы реализации финансового контроля, применяемые в бюджетной сфере – что, собственно, приводит к необходимости рассмотрения термина «государственный финансовый контроль». Как пишут В. А. Жердов и М. Ю. Зарубин, в широком смысле государственный финансовый контроль можно определить как деятельность органов власти, реализуемую в целях осуществление контроля во всех отраслях финансовой жизни страны – бюджетной, банковской, налоговой. В узком смысле государственный финансовый кон-

троль определяется как финансовый контроль органов государственной власти по поводу осуществления бюджета в рамках бюджетного законодательства [9, с. 210]. Большинство современных авторов рассматривают государственный финансовый контроль именно в узком смысле. Так, К. Р. Магомедов с соавт. предлагает следующую дефиницию: «деятельность государственных, муниципальных и иных органов власти по предотвращению, выявлению и устранению фактов нарушения законности и целесообразности использования государственных денежных средств» [12, с. 144].

Анализ зарубежных стратегий в области реализации государственного финансового контроля позволяет получить представление о существенных вариациях применяемых подходов. Современное состояние систем государственного финансового контроля выступает результатом продолжительной эволюции институтов и правовых традиций в области государственного управления.

В ***Российской Федерации*** современный этап развития системы финансового контроля в бюджетной сфере можно датировать 1995 г., когда был утвержден закон о «О Счетной палате Российской Федерации». Счетная палата стала ключевым звеном в системе государственного контроля в бюджетной сфере. В компетенции Счетной палаты вошли контрольные функции: контроль за соблюдением и исполнением финансового законодательства, в первую очередь – за исполнением федерального бюджета. В 2013 г. нормативно-правовой массив был расширен новым актом законодательства, который зафиксировал полномочия по реализации внешнего контроля за Счетной палатой. Внутренний контроль осуществляет Федеральное казначейство, учрежденное в 1993 г. [12, с. 146].

На современном этапе финансовый контроль в бюджетной сфере на федеральном уровне реализуют следующие структуры: Счетная палата, Банк России, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба, Служба Банка России по финансовым рынкам. На уровне субъектов Российской Федерации и муниципалитетов действуют специальные органы финансового контроля, обеспечивающие соблюдение законодательства при исполнении региональных и местных бюджетов.

Как отмечено выше, Счетная палата выполняет важнейшие функции в рассматриваемой нами предметной области. Законодательным базисом для деятельности Счетной палаты выступает Федеральный закон от 05.04.2013 №41-ФЗ (в ред. от 29.05.2019) «О Счетной палате Российской Федерации». Положения Закона №41-ФЗ определяют функциональный спектр Счетной палаты следующим образом: (1) анализ проектов федерального бюджета; (2) анализ действующих положений федерального закона о бюджете; (3) проверка бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов муниципальных образований; (4) надзор за состоянием внешнего и внутреннего государственного долга и прочих долгов. Механизмы и принципы проведения анализа, контроля и информирования в области бюджетных денежных потоков описаны в тексте ст. 14 Закона №41-ФЗ [9, с. 211]. Счетная Палата, кроме того, взаимодействует с контрольно-счетными органами субъектов и муниципальных образований, вырабатывает рекомендации по формированию целевых показателей для стратегического планирования [7, с. 50].

Несмотря на высокий уровень эффективности системы финансового контроля в бюджетной сфере, специалисты отмечают наличие ряда недостатков в ее функционировании: дублирование контрольных мероприятий органов внутреннего и внешнего финансового контроля, недостатки в организации контроля в субъектах и на местном уровне и т. п. [12, с. 147].

Современный этап развития системы финансового контроля можно охарактеризовать как трансформационный; развитие получают системы регламентации и стандартизации финансового контроля, реализуются мероприятия по его «оцифровке». Одним из примеров успешной цифровизации финансового контроля является Единая информационная система в сфере закупок. Функционал электронной системы позволяет анализировать и контролировать реестры контрактов и договоров, проверять обоснование закупок, достоверность отражения поставленной продукции или услуги в бюджетном учете. Цифровой протокол автоматически фиксирует нарушения согласно положениям российского законодательства [14, с. 100].

В Российской Федерации проводятся мероприятия по созданию комплексной системы электронного бюджета, которая позволит интегрировать процессы бюджетного планирования, бухгалтерского учета, финансового контроля. Внедрение электронных информационных систем – портала государственного и муниципального финансового аудита, информационно-аналитической системы Федерального казначейства, информационной системы о государственных и муниципальных платежах и проч. – знаменует собой переход к новой цифровой эпохе в области государственного финансового контроля.

В ***Республике Узбекистан*** финансовый контроль в бюджетной сфере также состоит из нескольких уровней и структурных компонентов. Финансовый контроль в Узбекистане, отмечает Н. Э. Жиянова, выступает базисом для управления финансами государства и реализуется с помощью совокупности разнородных форм и методов органами государственной власти, специально созданными органами, специальными отделами экономических субъектов [10, с. 922].

Как пишет Ш. Адилхожаев, принятие Бюджетного кодекса Республики Узбекистан (2014 г.) существенно увеличило эффективность бюджетного контроля: кодифицированный акт упорядочил сложную и запутанную систему, функционировавшую на основе разрозненных норм бюджетного права [5]. До принятия Бюджетного кодекса ключевую роль в системе бюджетного законодательства играл Закон Республики Узбекистан «О бюджетной системе». Бюджетный кодекс Республики Узбекистан включил в себя нормы о бюджетном устройстве и бюджетном

процессе – как существовавшие до принятия Кодекса, так и новые [1].

Необходимость усиления контроля и предотвращения коррупционных проявлений в бюджетной сфере обусловили развитие институциональной структуры государственного финансового контроля. В этих целях Указом Президента от 2002 г. в Узбекистане была создана Счетная палата. Законодательство наделило Счетную палату автономностью и широким спектром компетенций; к настоящему моменту Счетная палата Узбекистана представляет собой независимый в своих оценках орган, который осуществляет мониторинг и государственный надзор за исполнением государственного бюджета Республики Узбекистан и внебюджетных целевых фондов. Счетная палата является высшим органом внешнего государственного финансового контроля.

Министерство финансов Республики Узбекистан также принимает участие в реализации в контроле за государственными финансами, включая контроль за формированием и исполнением государственного бюджета, а также за соблюдением финансовой дисциплины на уровне государственных учреждений. Главное управление Государственного финансового контроля и аудита – подразделение Министерства финансов, которое осуществляет оперативный контроль за финансово-хозяйственной деятельностью государственных учреждений и организаций, получающих финансирование из бюджета. Государственный налоговый комитет Республики Узбекистан проводит контроль за полнотой и своевременностью уплаты налогов, что непосредственно связано с доходной частью государственного бюджета. Антимонопольный комитет и Комитет по борьбе с коррупцией проводят проверки на предмет экономических нарушений, в том числе злоупотребления бюджетными средствами, незаконных финансовых схем и коррупционных действий. Специфической для Узбекистана структурой можно назвать местные органы контроля (хокимияты): на уровне регионов и районов контроль за выполнением бюджетов территориальных единиц осуществляется соответствующими подразделениями хокимиятов.

Повышение финансовой прозрачности в области государственных финансов Узбекистана обеспечивается посредством консолидированного бюджета, в который включаются и государственный бюджет, и бюджеты государственных целевых фондов (перечень утверждается решением Кабинета министров Республики Узбекистан), в т.ч. Фонда реконструкции и развития. Бюджет в Узбекистане, как и в Российской Федерации, публикуется ежегодно в форме отдельного Закона («О Государственном бюджете РУз»).

На текущий момент в стране активно развивается нормативно-правовое обеспечение в рассматриваемой нами области, появляются новые законы и вносятся поправки в действующие акты законодательства: Закон Республики Узбекистан «О государственной власти на местах» (1993 г., ред. в 2022 г.); Бюджетный кодекс (вступил в силу в 2014 г.), Налоговый Кодекс РУз (ред. от 2020 г.); Закон Республики Узбекистан «О государственных закупках» (2018 г.); Закон Республики Узбекистан «О государственно-частном партнерстве» (2019 г.) [16].

Среди мероприятий по улучшению функционирования внутреннего финансового контроля можно также назвать подписание следующих актов: Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности финансовых органов» от 18.03.2017 г. № ПП-28478, Постановление Президента «О дальнейшем совершенствовании системы государственного финансового контроля» от 21.08.2017 г. № ПП-3231, Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного финансового контроля» от 27.08.2021 г. № УП-6300 [10, с. 925].

Как и в Российской Федерации, в Узбекистане наблюдается тенденция к цифровизации финансового контроля в бюджетной сфере. Так, положения Указа Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по усилению финансового контроля за использованием бюджетных средств» (УП № 100 от 10.07.2024 г.) предусматривают внедрение информационно-технологического финансового аудита [8].

Указом Президента Республики Узбекистан от 27 августа 2021 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного финансового контроля» был введена в эксплуатацию электронная платформа Счетной палаты «Государственный аудит», в задачи которой входит систематизация процедур финансового контроля бюджетных организаций посредством снижения доли человеческого фактора. С начала 2022 г. все проверки в области государственного финансового контроля, включая мероприятия аудита служб внутреннего аудита, регистрируются в электронной системе «Государственный аудит» [11].

В ***Республике Казахстан*** выработана достаточно современная и эффективная система реализации финансового контроля в бюджетной сфере. Финансовый контроль осуществляется несколькими специализированными органами и структурами. Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета является высшим органом внешнего государственного аудита и финансового контроля. Комитет проводит аудит эффективности использования бюджетных средств, контролирует реализацию государственных программ, оценивает управление активами государства и выявляет нарушения. Регламентация деятельности Счетного комитета обеспечена положениями Указа Президента от 5 августа 2002 г. № 917 «Об утверждении Положения о Счетном комитете по контролю за исполнением республиканского бюджета» [3, с. 141].

Министерство финансов осуществляет контроль за формированием, выполнением и отчетностью по государственному бюджету. В его структуре действует несколько подразделений, ответственных за финансовый контроль. Так, Комитет внутреннего государственного аудита проводит проверки использования бюджетных средств и исполнения финансовой отчетности. Департамент казначейства

контролирует кассовое обслуживание бюджета и целевое использование средств.

Агентство по противодействию коррупции контролирует соблюдение законодательства в сфере государственных закупок, борется с коррупцией, связанной с бюджетными средствами, и расследует соответствующие преступления. Комитет государственных доходов отвечает за контроль за поступлениями в государственный бюджет, включая налоги, таможенные сборы и другие обязательные платежи. Агентство по защите и развитию конкуренции осуществляет мониторинг и контроль за экономическими нарушениями, которые могут влиять на эффективность использования бюджетных средств. Местные исполнительные органы (акиматы) на региональном уровне осуществляют контроль за исполнением местных бюджетов и реализацией государственных программ в рамках своих полномочий [13].

Финансовый контроль в Казахстане основан на законодательных актах, таких как Бюджетный кодекс Республики Казахстан [5], законы «О государственном аудите и финансовом контроле» и «О противодействии коррупции» [17, с. 65].

В рамках концепции «Цифровой Казахстан» [18], направленной на создание современной, прозрачной и эффективной системы государственного управления была введена в эксплуатацию система электронных государственных закупок. Электронный портал государственных закупок (goszakup.gov.kz) позволяет: проводить закупки в режиме онлайн, снижая негативное воздействие человеческого фактора; обеспечивать открытый доступ к информации о госконтрактах и их исполнении; автоматически выявлять риски, связанные с коррупцией и неэффективным использованием бюджетных фондов.

На текущем этапе под руководством Министерства финансов реализуется проект «Онлайн бюджетный мониторинг», целью которого является обеспечение транспарентности исполнения государственного бюджета посредством онлайн-контроля за планированием и расходованием бюджетных средств. Для перераспределения государственного имущества и экономии бюджетных средств в пилотном режиме функционирует сервис Tapsyru – единый реестр невостребованного имущества с дальнейшим упрощением процедуры передачи с баланса на баланс и механизма совместных договоров. В 2025 г. ожидается ввод в эксплуатацию цифрового портала «Единый личный кабинет предпринимателя», который объединит доступ к личным кабинетам информационных систем Министерства финансов [15].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Финансовый контроль гарантирует соблюдение законодательства при использовании бюджетных средств, снижает вероятность злоупотреблений, коррупции и нецелевого расходования ресурсов, повышает прозрачность бюджетных процессов.

– Системы финансового контроля в бюджетной сфере России, Казахстана и Узбекистана имеют множество схожих чет и общую цель – обеспечение прозрачности, законности и эффективности использования бюджетных средств, однако несколько отличаются по структуре, методам и уровням (компонентам).

– Страны находятся на этапе реформирования финансового контроля посредством перехода к цифровым технологиям. Приоритет отдается модернизации правовой базы и внедрению электронных систем, что позволяет улучшать прозрачность бюджетных потоков и пресекать коррупционные проявления.

Литература

1. Адилходжаев, Ш. Формирование конституционно-правовых основ государственного финансового контроля / Ш. Адилходжаев // Review of law sciences. – 2017. – №1. – С. 96–99.
2. Аннамухаммедов, С. Роль финансового контроля в повышении эффективности государственного бюджета / С. Аннамухаммедов, А. Джепбарова, М. Атаев // Вестник науки. – 2023. – №4 (61). – С. 12–14.
3. Бубнова, О. Ю. Бюджетный контроль, осуществляемый высшими органами финансового контроля зарубежных стран / О. Ю. Бубнова // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – №1. – С. 137–144.
4. Бюджетный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года №95-IV. // Адилет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095_. – Дата доступа: 01.01.2025.
5. Бюджетный кодекс Республики Узбекистан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lex.uz/acts/2304140. – Дата доступа: 01.01.2025.
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/. – Дата доступа: 01.01.2025.
7. Ваняшкина, Д. А. Анализ деятельности Счетной палаты России как органа финансового контроля / Д. А. Ваняшкина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – №10-1. – С. 49–53.
8. В Узбекистане будет усилен финансовый контроль за использованием бюджетных средств // Янги Ўзбекистон. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yuz.uz/ru/news/v-uzbekistane-budet-usilen-finansovy-kontrol-za-ispolzovaniem-byudjetnx-sredstv. – Дата доступа: 01.01.2025.
9. Жердов, В. А. Финансовый контроль за расходованием государственного и муниципального бюджета / В. А. Жердов, М. Ю. Зарубин // Образование и право. – 2021. – №2. – С. 209–212.
10. Жиянова, Н. Э. Роль и особенности государственного финансового контроля в управлении государственными финансами / Н. Э. Жиянова, Н. О. К. Турсунбоева // Science and Education. – 2023. – №6. – С. 921–929.

11. Запущен электронный программный комплекс “Государственный аудит” // Счетная палата Республики Узбекистан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.uz/ru/lists/view/193. – Дата доступа: 01.01.2025.

12. Магомедов, К. Р. Развитие системы государственного финансового контроля в России / К. Р. Магомедов, З. Р. Хамбулатова, Х. Д. Мустафаева // Журнал прикладных исследований. – 2022. – №6. – С. 143–148.

13. Мамутова, К. А. Значимость и особенности системы государственного финансового контроля / К. А. Мамутова, А. Б. Айдарова, Г. Е. Мауленкулова // Вестник университета «Туран». – 2020. – №4. – С. 147–153.

14. Новичков, И. В. Цифровизация финансового контроля / И. В. Новичков, Е. А. Гальчун, Д. А. Кезля // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – №2. – С. 99–101.

15. Повышение охвата образованием и медуслугами, исключение приписок и борьба с теневой экономикой // Портал Правительства Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://primeminister.kz/ru/news/povyshenie-okhvata-obrazovaniem-i-medsuslugami-isklyuchenie-pripisok-i-borba-s-tenevoy-ekonomikoy-v-pravitelstve-rassmotreli-tsifrovye-proekty-29373. – Дата доступа: 01.01.2025.

16. Срожиддинова, З. Х. Система государственных финансов: реформа управления, направления совершенствования в Республике Узбекистан / З. Х. Срожиддинова // Финансовый журнал. – 2023. – №3. – С. 122–142.

17. Тапалов, С. Б. Правовое регулирование стадий бюджетного процесса в Казахстане / С. Б. Тапалов, Е. Н. Бегалиев // European research. – 2016. – №12 (23). – С. 64–66.

18. Цифровой Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/activities/14764. – Дата доступа: 01.01.2025.

Comparative analysis of the institute of financial control in the budget sphere in the Russian Federation and Central Asian countries

Mansurova Sh.O.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes the institution of financial control in the budget sphere using the example of the Russian Federation, Kazakhstan and Uzbekistan. The main attention is paid to the legal framework, organizational and structural features, as well as practical methods of implementing financial control. Key institutions, incl. the Accounts Chamber in Russia, the Accounts Committee in Kazakhstan and the Accounts Chamber in Uzbekistan, their powers and interaction with other government bodies are considered. The mechanisms of internal and external control, including control by ministries of finance and local governments, are analyzed separately. Particular attention is paid to the introduction of digital technologies in financial control.

Keywords: financial control, budget, budget funds, digitalization, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Uzbekistan

References

1. Adilkhodjaev, Sh. Formation of constitutional and legal foundations of state financial control / Sh. Adilkhodjaev // Review of law sciences. - 2017. - No. 1. - P. 96-99.
2. Annamukhammedov, S. The role of financial control in increasing the efficiency of the state budget / S. Annamukhammedov, A. Dzhepbarova, M. Atayev // Bulletin of science. - 2023. - No. 4 (61). - P. 12-14.
3. Bubnova, O. Yu. Budget control carried out by the supreme financial control bodies of foreign countries / O. Yu. Bubnova // Actual problems of Russian law. - 2007. - No. 1. - P. 137-144.
4. Budget Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2008 No. 95-IV. // Adilet. - [Electronic resource]. - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095_. - Access date: 01.01.2025.
5. Budget Code of the Republic of Uzbekistan. - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.lex.uz/acts/2304140. - Access date: 01.01.2025.
6. Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 N 145-FZ (as amended on December 26, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2025) // ConsultantPlus. - [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/. – Access date: 01.01.2025.
7. Vanyashkina, D. A. Analysis of the activities of the Accounts Chamber of Russia as a financial control body / D. A. Vanyashkina // Economy and business: theory and practice. - 2022. - No. 10-1. - P. 49-53.
8. Financial control over the use of budget funds will be strengthened in Uzbekistan // Yangi Uzbekiston. - 2024. - [Electronic resource]. - Access mode: https://yuz.uz/ru/news/v-uzbekistane-budet-usilen-finansovy-kontrol-za-ispolzovaniem-byudjetnx-sredstv. – Access date: 01.01.2025.
9. Zherdov, V. A. Financial control over the expenditure of the state and municipal budget / V. A. Zherdov, M. Yu. Zarubin // Education and Law. - 2021. - No. 2. - P. 209-212.
10. Zhiyanova, N. E. The role and features of state financial control in public finance management / N. E. Zhiyanova, N. O. K. Tursunboeva // Science and Education. - 2023. - No. 6. - P. 921-929.
11. The electronic software package "State Audit" has been launched // Accounts Chamber of the Republic of Uzbekistan. - [Electronic resource]. - Access mode: http://www.ach.gov.uz/ru/lists/view/193. - Access date: 01.01.2025.
12. Magomedov, K. R. Development of the state financial control system in Russia / K. R. Magomedov, Z. R. Khambulatova, H. D. Mustafayeva // Journal of Applied Research. - 2022. - No. 6. - P. 143-148.
13. Mamutova, K. A. Significance and Features of the State Financial Control System / K. A. Mamutova, A. B. Aidarova, G. E. Maulenkulova // Bulletin of the Turan University. - 2020. - No. 4. - P. 147-153.
14. Novichkov, I. V. Digitalization of Financial Control / I. V. Novichkov, E. A. Galchun, D. A. Kezlya // Education. Science. Scientific Personnel. - 2022. - No. 2. – P. 99–101.
15. Increasing the coverage of education and medical services, eliminating falsifications and combating the shadow economy // Portal of the Government of the Republic of Kazakhstan. [Electronic resource]. – Access mode: https://primeminister.kz/ru/news/povyshenie-okhvata-obrazovaniem-i-medsuslugami-isklyuchenie-pripisok-i-borba-s-tenevoy-ekonomikoy-v-pravitelstve-rassmotreli-tsifrovye-proekty-29373. – Access date: 01.01.2025.
16. Srozhiddinova, Z. Kh. Public finance system: management reform, areas of improvement in the Republic of Uzbekistan / Z. Kh. Srozhiddinova // Financial journal. – 2023. – No. 3. – P. 122–142.
17. Tapalov, S. B. Legal regulation of the stages of the budget process in Kazakhstan / S. B. Tapalov, E. N. Begaliyev // European research. - 2016. - No. 12 (23). - P. 64-66.
18. Digital Kazakhstan. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/activities/14764. - Access date: 01.01.2025.

Административно-правовое регулирование недропользования в Арктике РФ

Космачев Кирилл Александрович
аспирант, кафедра юридических дисциплин, Московский инновационный университет, kosmachevk@gmail.com

В статье учитывается актуальность и научность темы административно-правового регулирования недропользования в Арктике Российской Федерации. Актуальность обуславливает сложность обработки как внутренних, так и международных норм, а центральная научная проблема состоит в применении норм миссии ООН по морскому праву, определяющих отношения между арктическими государствами. Российское законодательство, включая Закон о недрах, занимает важное место в доступе к ресурсам, уделяя особое внимание охране окружающей среды и защите интересов малочисленных народов. В свете недостаточной урегулированности правовой базы, регламентирующей природоохранную деятельность и эксплуатацию природных богатств в арктическом регионе России, назрела острая необходимость модернизации существующего законодательства о недропользовании.

Ключевые слова: Арктика, недропользование, регулирование, природные ресурсы, законодательство, экология, коренные народы.

В последние годы вопросы административно-правового регулирования недропользования в Арктической зоне Российской Федерации приобретают особую актуальность. Это обусловлено стратегическим значением Арктики для национальной экономики и безопасности страны. Регион богат природными ресурсами, включая нефть, газ, редкие металлы, что делает его объектом повышенного внимания со стороны государства и бизнеса. В этом контексте важную роль играет разработка и совершенствование нормативно-правовой базы, направленной на регулирование отношений в сфере недропользования, с учетом уникальности экосистемы Арктики и необходимости обеспечения национальных интересов РФ.

Принятие Федерального закона от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах», который впоследствии претерпел множество изменений и дополнений, стало фундаментальным этапом в формировании правового поля в этой сфере. Закон «О недрах» установил основные принципы недропользования, включая лицензирование, государственный контроль и мониторинг состояния недр. Документ положил начало систематизации допуска к освоению арктических ресурсов, определив критерии и процедуры предоставления участков.

В соответствии с законодательством РФ, все ресурсы подземного мира, включая полезные ископаемые и энергетические запасы в пределах страны, находятся под юрисдикцией государства. Власть России вместе с региональными властями управляет этими богатствами, определяя правила их использования и управления. В момент предоставления прав на использование подземных ресурсов, государство осуществляет свои права как владелец.

Особое внимание заслуживает Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации». Законодательный акт обозначил фундаментальные положения юрисдикции России на континентальном шельфе, что прямо связано с использованием недр в Арктическом регионе. Закон подчеркивает суверенные права России на ресурсы шельфа, уточняя рамки действий для иностранных и российских компаний в акватории Арктики.

Международным документом, устанавливающим принципы использования морских ресурсов, правовых основ изучения, защиты и сохранения морской среды, является Конвенция ООН по морскому праву (1982).

Раздел арктических земель между государствами играет ключевую роль в обеспечении экологической стабильности региона. Каждая страна руководствуется собственными интересами и законо-

дательной базой при освоении этих территорий. Изначально деление Арктики осуществлялось по секторальному принципу - в 1920 году страны получили свои участки для реализации суверенных прав. Советский Союз официально закрепил свои права на арктический сектор позже, когда в 1926 году вышло соответствующее постановление президиума ЦИК. Однако принципы территориального разделения Арктики претерпели существенные изменения после принятия Конвенции ООН по морскому праву в 1982 году. Согласно новым правилам, государства получили возможность устанавливать морские границы в пределах 12 морских миль.

В 2015 году правительство РФ создало специальный орган - Государственную комиссию по вопросам развития Арктики, призванную заниматься вопросами освоения арктических территорий. Ключевые направления её работы охватывают рациональное использование природных богатств региона, включая добычу углеводородов и биоресурсов, а также контроль над стратегически важным сырьём. Особое внимание уделяется экологическим аспектам и защите окружающей среды. Комиссия также курирует развитие Северного морского пути - важнейшей транспортной артерии в российской Арктике. Этот орган выступает координационным центром, объединяющим усилия различных государственных структур и организаций, работающих в Арктической зоне России для достижения общих целей развития региона.

До 1991 года, в период холодной войны, Северо-Восточный проход (современное название - Северный морской путь) был закрыт для международных перевозок, функционируя как внутренняя водная артерия России. Исторические и юридические документы XI-XIII столетий свидетельствуют о российских правах на эту морскую трассу.

Юридическое закрепление контроля над акваторией СМП во внутреннем законодательстве России произошло в 2012 году. Позже, в 2017 году, президентским указом №176 была принята Стратегия экологической безопасности РФ до 2025 года[89]. В этом документе особое внимание уделяется экологическим рискам в Арктической зоне, где разливы нефти признаны одной из ключевых угроз окружающей среде.

В рамках реализации Стратегии экологической безопасности компетентные государственные органы власти несут ответственность за выполнение комплекса работ по устранению существующего экологического ущерба на территории Арктической зоны Российской Федерации. Данные полномочия закреплены соответствующим планом стратегических мероприятий.

Основным вызовом для административно-правового регулирования в данной области является необходимость балансирования между развитием промышленности и сохранением уникальной природной среды Арктики. Правовое регулирование недропользования в этом регионе требует учета международных стандартов и обязательств, включая правила и нормы охраны окружающей среды. В то же время, актуализация и адаптация законодательства к меняющимся условиям и новым вызовам – задача, стоящая перед российскими законодателями. Таким образом, развитие административно-правового регулирования недропользования в Арктике РФ является ключевым элементом обеспечения устойчивого развития региона и защиты его уникального природного и культурного наследия.

Административно-правовое регулирование недропользования в Арктической зоне Российской Федерации базируется на комплексе законодательных актов, охватывающих различные аспекты использования природных богатств этого уникального региона. Ключевой нормативно-правовой базой является Конституция Российской Федерации, закрепляющая положение о том, что недра, находящиеся в пределах территории РФ, включая Арктическую зону, являются государственной собственностью.

На конкретном уровне нормативного регулирования вопросов недропользования стоит выделить Федеральный закон от 21 февраля 1992 года № 2395-1 "О недрах"[90] (далее – Закон о недрах), определяющий правовые основы использования и охраны недр как неделимого компонента природных ресурсов на территории РФ. Закон о недрах устанавливает общие принципы недропользования, права и обязанности лиц, осуществляющих такую деятельность, процедуры предоставления участков недр, а также государственный контроль и надзор за использованием и охраной недр.

Особенностью правового регулирования недропользования в Арктике является не только комплексный подход к регулированию вопросов использования, охраны недр и лицензирования деятельности, но и учет специфических условий данной территории, требующих повышенного внимания к экологической безопасности, сохранению уникальных природных комплексов и коренных малочисленных народов Севера.

Указом Президента РФ №164 от 5 марта 2020 года введен в действие стратегический документ "Основы государственной политики в Арктике до 2035 года"[91]. Этот документ направлен на обеспечение национальных интересов России в арктическом регионе. Особое внимание в нем уделяется разви-

[89] Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 “О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года”//Электронно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668 / (дата обращения: 30.12.2024 г.)

[90] 10. Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) «О недрах» // Собрание законодательства РФ. 6 марта 1996. № 10. С. 823.

[91] Указ Президента РФ от 05.03.2020 N 164 (ред. от 21.02.2023) "Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года"// Электронно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129 / (дата обращения – 25.12.2024 г.)

тию Северного морского пути как стратегически важной транспортной артерии страны. Для поддержания его конкурентоспособности предусмотрен комплекс мер: обновление флота ледоколов, улучшение навигационных систем, совершенствование гидрографической и метеорологической поддержки морского судоходства. Своевременная реализация этих мероприятий критически важна, поскольку любые задержки создают риски для безопасности государства в арктической зоне.

Эффективность арктической политики государства во многом оценивается через рост грузопотока по Северному морскому пути как внутри страны, так и на международном уровне. Президентский указ от 26.10.2020 принимает во внимание специфику безопасности страны и социально-экономические аспекты развития региона. В рамках арктической стратегии до 2035 года государство берет под свой контроль реализацию шельфовых инвестпроектов и освоение ресурсных территорий, связанных транспортной сетью с СМП. Такой подход нацелен на комплексное развитие Арктической зоны РФ при минимизации экологических рисков для региона.

Стратегический план развития арктических территорий России до 2035 года был закреплен в документе, подчеркивающем тесные связи между Северным морским путем и Арктической зоной РФ в географическом, историческом и экономическом аспектах. Документ предусматривает не только инфраструктурное и социальное развитие региона, но и создание комплексной системы реагирования на чрезвычайные ситуации. Особое внимание уделяется защите экологии арктических территорий, включая механизмы борьбы с разливами нефти вдоль транспортного маршрута СМП. Все эти меры направлены на обеспечение экологической безопасности северных регионов страны в рамках единой государственной системы.

Контроль за исполнением условий лицензирования осуществляется различными государственными органами, включая Роснедра, Ростехнадзор, Росприроднадзор и другие. Эти структуры не только следят за соблюдением законодательства в области недропользования, экологии, безопасности труда, но и контролируют соблюдение лицензионных соглашений в части выполнения обязательств по изучению и освоению месторождений. Особенностью контрольных мероприятий в Арктике является их высокая зависимость от погодных условий и труднодоступности объектов, что требует использования специальной техники и технологий.

Экологическая безопасность становится ключевым аспектом развития арктического судоходства согласно новому Плану до 2035 года, утвержденному российским правительством в августе 2022 года (распоряжение №2115-р). Документ предусматривает комплексный подход к защите окружающей среды Северного морского пути (СМП), включая очистку арктических вод от радиоактивных объектов. Особое внимание уделяется подъему атомных субмарин К-27 и Б-159 с ядерным топливом на борту.

План также охватывает создание правовой основы для контроля экологической обстановки в портовых зонах при работе с насыпными грузами, оценку возможных рисков для природы и способы их минимизации в зоне СМП. Безопасность мореплавания будет обеспечиваться через развертывание спутниковой системы, совершенствование гидрографической службы, модернизацию метеорологического обеспечения и укрепление спасательной инфраструктуры.

Конкурентная борьба за доступ к ресурсам и рыночным нишам становится все более агрессивной, часто выходя за рамки честного соперничества. На этом фоне особую актуальность приобретает вопрос защиты экологии Северного морского пути. Российские власти разработали новую законодательную инициативу, направленную на интеграцию арктической акватории в единую систему экомониторинга. Это решение призвано способствовать экологически безопасному развитию данного транспортного коридора. Впрочем, существует целый комплекс дополнительных вызовов: загрязнение от речных систем Сибири, трансграничное распространение вредных веществ, а также потенциальные риски от растущего судоходного трафика, требующие превентивных мер защиты.

Освоение арктических территорий России сталкивается с препятствиями, когда внешние силы манипулируют экологической повесткой. Однако принятая летом 2021 года Стратегия национальной безопасности РФ (Указ №400) создает правовую основу для защиты государственных интересов в Арктической зоне. Этот документ позволяет гармонично сочетать решение природоохранных задач с экономическим развитием региона, несмотря на попытки использовать климатическую тематику для сдерживания российских предприятий на международных рынках.

Действующее национальное регулирование недропользования арктических территорий Российской Федерации опирается на ряд ключевых законодательных актов и нормативных документов, определяющих правовые основы освоения, использования и охраны недр в этом стратегически значимом регионе.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что современная государственная политика направлена на принятие нормативно-правовых актов, определяющих развитие Российской Арктики, реализацию международного сотрудничества.

Перспективы административно-правового регулирования заключаются в разработке и внедрении новаторских подходов, которые смогут обеспечить сбалансированное недропользование с учетом как экономических интересов, так и необходимости охраны окружающей среды и защиты прав коренных народов. Разработка международных стандартов и норм, на основе которых будут регулироваться деятельности в Арктике, может стать одним из направлений совершенствования административно-правового регулирования. Также большое значение имеет инвестирование в научные исследования, направленные на изучение Арктики и разработку

технологий, минимизирующих воздействие на её уникальную экосистему.

Литература

1. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 “О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года”//Электронно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (дата обращения: 30.12.2024 г.)

2. Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) «О недрах» // Собрание законодательства РФ. 6 марта 1996. № 10. С. 823.

3. Указ Президента РФ от 05.03.2020 N 164 (ред. от 21.02.2023) "Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года"// Электронно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/ (дата обращения – 25.12.2024 г.)

4. Игнатьева И.А. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы правового обеспечения, 2013 // СПС КонсультантПлюс.

5. Муштакова, Е.С. Правовое регулирование недропользования в Арктической зоне Российской Федерации: дис. … канд.юр. наук : 12.00.06 / Е.С. Муштакова. – Москва, 2017. С. 108.

Administrative and legal regulation of subsoil use in the Arctic of the Russian Federation

Kosmachev K.A.
Moscow Innovation University

The article the effect of administrative and legal regulation of subsurface use in the Arctic of the Russian Federation takes into account the relevance and scientific nature of the topic. The relevance makes it difficult to process both domestic and international norms, and the central scientific problem is the application of the UN mission on the law of the sea, which defines relations between the Arctic states. Russian legislation, including the Law on Subsoil, occupies an important place in access to resources, paying special attention to environmental protection and the protection of the interests of indigenous peoples. In the context of climate change, the balance between economic development and the problem of security in the management of the Arctic territory is becoming particularly relevant.

Keywords: Arctic, subsoil use, regulation, natural resources, legislation, ecology, indigenous peoples.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176 “On the Strategy for Environmental Security of the Russian Federation through 2025” // ConsultantPlus Electronic Legal System [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (accessed: 12/30/2024)
2. Federal Law of February 21, 1992 No. 2395-1 (as amended on August 8, 2024, as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2024) “On Subsoil” // Collection of Legislation of the Russian Federation. March 6, 1996. No. 10. P. 823.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2020 N 164 (as amended on 21.02.2023) "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035" // Electronic legal system ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/ (date of access - 25.12.2024)
4. Ignatyeva I.A. Sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation: problems of legal support, 2013 // SPS ConsultantPlus.
5. Mushtakova, E.S. Legal regulation of subsoil use in the Arctic zone of the Russian Federation: dis. ... cand. jur. Sciences: 12.00.06 / E.S. Mushtakov. – Moscow, 2017. P. 108.

Политика памяти как исследовательская проблема: вызовы и ответы в контексте политического процесса России

Проскурина Елена Александровна
доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, plamenik48@gmail.com

Жуков Владислав Николаевич
аспирант кафедры государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, nikolaich1000mail.ru

Статья посвящена исследованию политики памяти как значимого аспекта формирования национальной идентичности и создания образов об историческом наследии в контексте политического процесса современной России. Анализируются основные концептуальные подходы к изучению политики памяти, её роль в консолидации общества, а также влияние на внутриполитическую стабильность и международные отношения. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с селективностью исторического нарратива, использованием институциональных и цифровых инструментов в реализации политики памяти. Исследование демонстрирует, что политика памяти в России выступает важным элементом государственной стратегии, способствует укреплению патриотизма и гражданственности.
Ключевые слова: Политика памяти, историческое сознание, символическая политика, цифровизация, глобализация

В последние годы наблюдается рост интереса к изучению понятия политики памяти и механизмов ее реализации. Особую *актуальность* данная тематика приобретает в свете информатизации общества, повышения эффективности средств пропаганды и манипуляции массовым сознанием, обострения геополитических противоречий.

В зависимости от научной отрасли, в которой проводится исследование, а также от авторской позиции авторов политика памяти раскрывается в разных контекстах. Многие работы выполняются на стыке исторической и психологической наук и раскрывают основные аспекты исторических событий, политики памяти в сознании индивидов. В рамках социологического измерения историческая память и политика памяти рассматривают коллективную динамику восприятия исторических событий.

В зарубежной науке исследования политики памяти проводятся в контексте т. н. «*memory studies*». Одними из первых зарубежных исследователей, кто обратился к изучению смысловых, структурных и инструментальных характеристик категории «политика памяти», были М. Бернхард и Я. Кубик, О. Шевель, М. Сидди. В отечественной науке вклад в разработку концепции политики памяти внесли исследователи О. Ю. Малинова, А. И. Миллер, Ф. В. Николаи и Ю. В. Вилкова, И. Л. Прохоренко, Н. Н. Емельянова и многие другие [11, с. 29]. Как показывает анализ тематик научных работ, выполняемых в русле социологии, философии, психологии, политологии, политика памяти на сегодняшний день является весьма распространенным направлением научных изысканий. Тем не менее, нельзя сказать, что данная предметная область является полностью изученной – особенно при учете потребности в постоянном обновлении представлений о политиках памяти, цифровой трансформации каналов и методов ее реализации, их адаптации к конкретным социально-историческим условиям.

В рамках предложенного М. Бернхардом и Я. Кубиком [13] подхода к интерпретации термина «политика памяти», в определённом социально-историческом пространстве функционируют разнообразные мнемонические акторы, которые вносят свой вклад в разработку и имплементацию установок о наиболее значимых для государства и социума исторических событий. Результат подобных усилий мнемонических акторов и представляет собой, собственно, политику памяти.

Н. А. Бортников и И. А. Фомичев предлагают определять политику памяти как один из компонентов символической политики – публичной деятельности, направленной на производство различных способов интерпретации социальной реальности и

борьбой за их доминирование. С точки зрения вышеотмеченного акторного подхода символическую политику можно определить, по мнению авторов, «как поле деятельности широкого круга акторов, имеющих разнонаправленные, совпадающие или пересекающиеся интересы, и имеющих своей целью продвижение своей интерпретации социальной реальности» [2, с. 200].

О. Ю. Малинова говорит о том, что наиболее значимыми акторами, создающими политику памяти, выступают политические элиты. Именно элиты конструируют смыслы, участвуют в их укреплении, ретранслируют их. Другие акторы – население, общественные объединения, масс-медиа – выполняют более пассивную роль, они часто не рефлексируют над тем, что вносят свой вклад в формирование политики памяти, действуя согласно определенному государством вектором [6, с. 288].

Многие специалисты говорят о наличии ряда тождественных, синонимических или смежных понятий в рассматриваемой нами области. В качестве примеров можно привести такие термины, как «историческое знание», «культурная память», «историческое сознание», «историческая память», «режим политики памяти» и др. [10, с. 9]. В отличие от прочих понятий, концепция политики памяти подразумевает целенаправленную работу по формированию массового сознания в контексте истории нации и страны (тогда как историческая память формируется, скорее, естественно). Данный тезис позволяет многим авторам негативно трактовать политику памяти – как властную манипулятивную политику, направленную на переписывание и искажение реальной истории [10, с. 9]. Память об истории, таким образом, замещает реальную историю: «история как единый объективный процесс исчезает в плюралистическом калейдоскопе множества исторических памятей» [10, с. 14]. С другой стороны, историческая память априори не объективна – она в большей степени отражает опосредованное, косвенное восприятие прошедших событий. Можно также сделать вывод о том, политика памяти формирует оптимальный для власти вариант исторической памяти – тот, в котором будут акцентированы аспекты, которые поспособствуют консолидации общества, укреплению патриотизма, легитимизации текущей власти.

Данный тезис находит свое подтверждение в публикации С. Г. Воскобойникова и Т. В. Щукиной: характерной чертой политики памяти является гиперболизация – преувеличение значимости отдельно взятых событий, обстоятельств в сознании населения [3, с. 21].

Согласно А. И. Корсак, политика памяти определяется как формирование образов прошлого на основании динамически изменчивого исторического сознания. Акцентами в политике памяти выступают образы исторических событий и персонажей, общественных и политических деятелей, военачальников, элементы т. н. семейной памяти – «образы повседневности» [4, с. 72].

Механизмы политики памяти, по мнению исследователя, могут быть использованы по-разному: достаточно часто конструирование исторической памяти в массовом сознании позволяет членам общества сохранять позитивные установки о собственной идентичности и о государстве в условиях переосмысления прошлого, информационных войн и политической нестабильности. Политика памяти, таким образом, реализуется с целью формирования национальной идентичности и национального единения. При этом нередки случаи, когда историческая память становится ключевым объектом манипулирования со стороны политических сил, заинтересованных в формировании искаженных образов прошлого [4, с.73].

Политики памяти реализуются в той или иной мере в любом государстве. Так, к примеру, формированием образов о Второй мировой войне занимались правительства США, европейских стран, СССР и многие другие страны, и во многом эти политики повлияли на современное развитие этих стран и, в ряде случае, привели ко внешним конфликтам.

Политики памяти, таким образом, имеют два основных вектора реализации: деконструктивный и конструктивный. Конструктивный вектор предполагает создание и укрепление существующих смыслов, нарративов и образов. Деконструктивные политики памяти направлены на разрушение бытующих в массовом сознании образом – чаще всего неверных или же невыгодных для текущего режима. И. И. Курилла в данной связи пишет: политика памяти нередко предполагает совершение «атак на символы прошлого» – таким образом можно оперативно обрести сторонников, восполнить идеологический вакуум, мобилизовать население в кризисный период [5, с. 29]. При этом достаточно часто политика памяти может сочетать в себе как конструктивные, так и деструктивные компоненты и механизмы.

В отечественных реалиях политика памяти оказывается одним из критически важных условий существования государства. Специфической чертой российской политики памяти выступает ее слом, разрыв, произошедший относительно недавно. После распада Советского Союза Российская Федерация оказались в условиях идентификационного и легитимационного вакуума; ко власти пришла новая политическая элита, которая выбрала вектор проведения деконструкции прежних смыслов, определявших историческое сознание людей в СССР. Новая власть не только не могла обращаться к символическим и историческим нарративам советской идентичности, но и целенаправленно разрушала их. Пожалуй, единственным нарративом, сохраненным со времен советской идеологии, выступил символ Победы [2, с. 199]. Л. А. Терушкин говорит о том, что нарратив Войны выступает одним из сильнейших концептов построения политик памяти [12, с. 260].

В современной России политика памяти реализуется посредством широкого набора видов инструментария и каналов. Как правило, в официальных документах данная стратегия именуется патриотическим воспитанием, воспитанием гражданственности, укреплением гражданского сознания и т. п. Целями, декларируемыми официальными ведом-

ствами, выступают: продвижение духовно-нравственных ценностей, защита истории страны от искажения, приобщение молодого поколения к культуре и традициям российского государства, развитие системы образования и молодежной политики.

Идея патриотизма имеет статус национальной идеи, базисом для консолидации политической, духовной и культурной жизни общества. Данный вектор государственной политики в стране реализуется посредством ряда национальных, федеральных проектов и региональных проектов («Образование», «Социальная активность», «Молодежь России», «Социальные лифты для каждого» и проч.).

Важным типом инструментов для реализации политики памяти выступает нормативно-правовой массив в различных областях жизнедеятельности и духовной жизни общества. Так, к примеру, в сфере молодежной политики нормативно-правовые акты представлены в виде документа «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», в виде положений Федерального Закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи». Решение вопросов об обеспечении преемственности духовных ценностей, их ретрансляции последующим поколениям происходит за счет положений Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Важным уровнем реализации политики памяти выступает институциональный. Институциональный уровень реализации политики памяти можно определить как систему взаимосвязанных государственных и негосударственных институтов, организаций и структур, ответственных за формирование, поддержание и распространение коллективного исторического сознания в обществе. Институциональный уровень предполагает участие ключевых акторов: государственных органов, образовательных учреждений, культурно-просветительских организаций, общественных объединений. В качестве примера подобной институции можно привести Межведомственную комиссию по историческому просвещению, образованной указом Президента РФ от 30.07.2021 № 442 с целью работы противодействия фальсификации истории, защиты исторической правды и сохранения исторической памяти [7, с. 381]. Институциональный уровень формирования и имплементации политики памяти представлен, помимо прочих, Фондом содействия актуальным историческим исследованиям, НИИ Военной истории ВА ГШ, международным движением «Бессмертный полк», комитетом «Победа», Комиссией при Президенте России по делам ветеранов, Русской православной церковью [9, с. 82].

Традиционно переработка исторического знания в мировоззренческое восприятие членов общество происходила посредством государственной пропаганды, деятельности общественных деятелей, а также, как указано ранее, на уровне законодательства и институтов. Отражением исторической памяти можно считать также мифы, сказки, притчи, легенды, басни, поверья, сказания [3, с. 21]. Многие исследователи выражают беспокойство по поводу интенсификации новых механизмов, которые не в полной мере подчинены общегосударственным целям в области политики памяти. Можно сказать, что многие традиционные инструменты формирования и фиксации исторической памяти оказываются нерелевантными в цифровую эпоху.

По мере информатизации и сетевизации общества возникают новые социальные группы, страты, информационные каналы. На текущем этапе политика памяти реализуется во многом в пространстве цифровой медиасреды. Медиапространство, включающее в себя как традиционные средства массовой информации, так и новые медиа, постоянно генерирует новые символы, образы, знаки, сообщения. Пользователи Сети являются не просто реципиентами информационных потоков, но и могут порождать их сами [1, с. 451].

В связи с вышеизложенными тенденциями многие исследователи обращаются к анализу инновационных форм реализации политики памяти. Так, к примеру, Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова говорят о том, что потенциал в плане влияния на историческое создание имеют даже микротексты, создаваемые единичными пользователями. Мемы, к которым обращаются участники Интернет-коммуникации, являют собой форму современного фольклора, вытесняя традиционные формы коллективного творчества [1, с. 453]. В контексте политики памяти мемы становятся важным средством популяризации исторических нарративов, их адаптации для массового восприятия и включения в повседневные дискурсы.

Мемы помогают передать ключевые аспекты исторических событий или личностей в доступной и лаконичной форме, делая их понятными для широкой аудитории. Мемы, кроме того, апеллируют к чувствам гордости, ностальгии, солидарности или патриотизма, что усиливает эмоциональное восприятие исторического нарратива. Таким образом мемы формируют чувство общности через разделение общего культурного контекста и исторических представлений.

Среди иных инновационных инструментов реализации политики памяти можно отметить следующие: цифровые платформы и банки исторических данных, видеопроекты о ключевых исторических событиях, онлайн-архивы, виртуальные «книги памяти», инфлюенс-коммуникация (продвижение политики памяти среди лидеров мнений) и проч.

Еще одним дискуссионным вопросом, связанным с политикой памяти, выступает фактор глобализации. В. П. Мохов говорит о том, что глобализация привела к утрате многих функций государства в развитии общества; произошло частичное делегирование государствами своих функций в сфере политики, экономики, социальной жизни другим акторам. Новая ситуация привела к деструкции или, по крайней мере, к функциональной трансформации патриотизма [8, с. 119]. Глобальные процессы размывают границы исторической памяти нации, а в структуре

личности все менее значимое значение имеет гражданское и историческое сознание. По мнению В. П. Мохова, глобализация и проникновение в российское информационное пространство инородных и часто деструктивных установок, негативно влияющих на историческую память российских граждан, вполне может актуализировать вопрос о сохранении российской государственности как таковой [8, с. 119].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Анализ научных дефиниций термина «политика памяти» позволяет выделить следующие его основные параметры: (1) реализация политики памяти происходит посредством усилий т.н. мнемонических акторов, которые вносят свой вклад в разработку и имплементацию установок о наиболее значимых для государства и социума исторических событий; (2) политика памяти – один из компонентов символической политики – публичной деятельности, направленной на производство различных способов интерпретации социальной реальности; (3) наиболее значимыми акторами, создающими политику памяти, выступают политические элиты.
2. Политики памяти имеют два основных вектора реализации: деконструктивный и конструктивный. Конструктивный вектор предполагает создание и укрепление существующих смыслов, нарративов и образов. Деконструктивные политики памяти направлены на разрушение бытующих в массовом сознании образов.
3. Политика памяти оказывается одним из критически важных условий существования государства.
4. В современной России политика памяти реализуется посредством широкого набора видов инструментария и каналов: официальных документов, национальных, федеральных проектов и региональных проектов, нормативно-правового массива, системы взаимосвязанных государственных и негосударственных институтов, организаций и структур.
5. На текущем этапе политика памяти реализуется во многом в пространстве цифровой медиасреды, где возникают новые методы и средства формировании политики памяти.
6. Фактор глобализации существенно осложняет формирование целостной политики памяти.

Литература

1. Артамонов, Д. С. Меминг в политике памяти России / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2018. – №4. – С. 450–456.
2. Бортников, Н. А. Понятия исторической политики и политики памяти / Н. А. Бортников, И. А. Фомичев // Скиф. – 2019. – №8 (36). – С. 199–202.
3. Воскобойников, С. Г. Политика исторической памяти: современные угрозы для российской государственной идентичности / С. Г. Воскобойников, Т. В. Щукина // История. Культурология. Политология. – 2024. – №3. – С. 20–26.
4. Корсак, А. И. Опыт изучения военно-мемориальной сферы Беларуси в социально-гуманитарном знании / А. И. Корсак // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2024. – №1. – С. 72–80.
5. Курилла, И. И. Политика памяти: вариант США / И. И. Курилла // Известия АлтГУ. – 2020. – №S6 (116). – С. 29–34.
6. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2019. – №9. – С. 285–312.
7. Мерзлякова, Г. В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском обществе: историко-правовой ракурс / Г. В. Мерзлякова, С. А. Даньшина, Л. В. Баталова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – №2. – С. 379–384.
8. Мохов, В. П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации / В. П. Мохов // Технологос. – 2019. – №3. – С. 115–128.
9. Нефедьев, А. В. Политика памяти в современной России / А. В. Нефедьев, А. Ю. Соклаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – №4 (849). – С. 87–93.
10. Рагозина, Т. Э. О двойственной природе исторической памяти: память вместо истории / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – 2024. – №2 (20). – С. 7–16.
11. Русакова, О. Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2023. – №1. – 19 с.
12. Терушкин, Л. А. Возможна ли политика памяти без «войн памяти»? / Л. А. Терушкин // НП/NP. – 2020. – №4. – С. 254–265.
13. Bernhard, M. Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration / M. Bernhard, J. Kubik (Eds). – Oxford: Oxford University Press, 2014.

Politics of memory as a research problem: challenges and responses in the context of the political process in Russia

Proskurina E.A., Zhukov V.N.

Volodymyr Dahl Luhansk State University

The article analyses the politics of memory as a significant aspect of the formation of national identity and the creation of images of historical heritage in the context of the political process of modern Russia. The main conceptual approaches to the study of the politics of memory, its role in the consolidation of society, as well as the impact on domestic political stability and international relations are analyzed. Particular attention is paid to issues related to the selectivity of the historical narrative, the use of institutional and digital tools in the implementation of the politics of memory. The study demonstrates that the politics of memory in Russia is an important element of the state strategy, contributes to the strengthening of patriotism and citizenship.

Keywords: politics of memory, historical consciousness, symbolic politics, digitalization, globalization

References

1. Artamonov, D. S. Meming in the Politics of Memory of Russia / D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova // Izvestiya. Saratov University. Nov. series. Series: Sociology. Political Science. - 2018. - No. 4. - P. 450-456.
2. Bortnikov, N. A. Concepts of Historical Politics and Politics of Memory / N. A. Bortnikov, I. A. Fomichev // Skif. - 2019. - No. 8 (36). - P. 199-202.
3. Voskoboinikov, S. G. Politics of Historical Memory: Modern Threats to Russian State Identity / S. G. Voskoboinikov, T. V. Shchukina // History. Cultural Studies. Political Science. - 2024. - No. 3. - P. 20-26.
4. Korsak, A. I. Experience of studying the military-memorial sphere of Belarus in social and humanitarian knowledge / A. I. Korsak // Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities. - 2024. - No. 1. - P. 72-80.
5. Kurilla, I. I. Politics of memory: the US version / I. I. Kurilla // Bulletin of Altai State University. - 2020. - No. S6 (116). - P. 29-34.

6. Malinova, O. Yu. Politics of memory as a field of symbolic politics / O. Yu. Malinova // METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines. - 2019. - No. 9. - P. 285-312.
7. Merzlyakova, G. V. Formation of patriotism and preservation of historical memory in modern Russian society: historical and legal perspective / G. V. Merzlyakova, S. A. Danshina, L. V. Batalova // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". - 2024. - No. 2. - P. 379-384.
8. Mokhov, V. P. Patriotism and the politics of memory in the context of globalization / V. P. Mokhov // Tekhnologis. - 2019. - No. 3. - P. 115-128.
9. Nefedyev, A. V. Politics of memory in modern Russia / A. V. Nefedyev, A. Yu. Soklakov // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. - 2022. - No. 4 (849). – P. 87–93.
10. Ragozina, T. E. On the Dual Nature of Historical Memory: Memory Instead of History / T. E. Ragozina // Culture and Civilization (Donetsk). – 2024. – No. 2 (20). – P. 7–16.
11. Rusakova, O. F. On the Concept of the “Regime of Memory Politics”: A Methodological Analysis / O. F. Rusakova // Discourse-Pi. – 2023. – No. 1. – 19 p.
12. Terushkin, L. A. Is Memory Politics Possible without “Memory Wars”? / L. A. Terushkin // NP/NP. – 2020. – No. 4. – P. 254–265.
13. Bernhard, M. Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration / M. Bernhard, J. Kubik (Eds). – Oxford: Oxford University Press, 2014.

Особенности внедрения искусственного интеллекта в сферу гражданских правоотношений и государственного управления

Кравченко Олег Владимирович
аспирант Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, ok3907@mail.ru

В статье рассматриваются особенности внедрения искусственного интеллекта в систему гражданских правоотношений и государственного управления.
Актуальность. В современном мире технологии развиваются стремительными темпами, и особое место среди них занимает искусственный интеллект. Его интеграция в различные сферы жизни общества создает новые правовые вызовы, требующие немедленного решения. Юридическое сообщество сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных правовых концепций в контексте взаимодействия с новыми технологиями. Актуальность правового регулирования систем искусственного интеллекта обусловлена их возрастающей ролью в гражданском обороте. Законодателям и правоведам предстоит решить комплекс фундаментальных вопросов, связанных с определением юридического статуса искусственного интеллекта. Среди них - установление правосубъектности различных форм искусственного интеллекта, определение объема их прав и обязанностей, а также механизмов их реализации.
Цель исследования - определение основных аспектов внедрения искусственного интеллекта в систему гражданских правоотношений и государственного управления
Рассматриваемые проблемы. Особую значимость приобретает проблема ответственности при использовании ИИ-систем. Необходимо четко определить, кто несет ответственность за действия искусственного интеллекта: разработчики, пользователи или сами системы на основе искусственного интеллекта. Также требуется разработка критериев оценки правомерности действий искусственного интеллекта и механизмов компенсации возможного ущерба.
Материалы и методы исследования. Анализ научно-практической литературы, сравнительно-правовой, критический анализ, синтез мнений, системно-структурный анализ.
Выводы. Особое внимание уделено изучению того, как цифровые технологии внедряются в систему государственного администрирования. Проведена комплексная оценка существующих нормативных рамок, регламентирующих применение информационных технологий в различных областях человеческой деятельности. На основе проведенного анализа предложены потенциальные модели правового регулирования гражданско-правовых отношений, возникающих при использовании различных типов искусственного интеллекта. Произведен обзор научных исследований по представленной тематике, даны авторские выводы.
Ключевые слова: искусственный интеллект, право, система, государственное управление, субъект, регулирование

Введение. Искусственный интеллект (далее ИИ) изначально нашел применение в сферах, где требовался комплексный анализ данных – медицинских исследованиях и инженерных разработках. Эти области стали первопроходцами в использовании ИИ благодаря необходимости обрабатывать сложные информационные потоки и формировать обоснованные решения. Современное общество стремительно эволюционирует под влиянием информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ), которые становятся фундаментом прогресса. Стремление наделить компьютеры когнитивными способностями привело к созданию систем ИИ. При этом постоянно растущие объемы обрабатываемой информации стимулируют разработку все более совершенных вычислительных систем и методов анализа данных. В современном мире искусственный интеллект кардинально меняет подходы к обработке и анализу сведений, используя технологии Data Mining и Big Data. Эффективное развитие общества в новую технологическую эпоху требует точного целеполагания, тщательного прогнозирования и выбора оптимальных инструментов реализации намеченных планов. Цифровая трансформация затронула даже такую консервативную область, как государственное управление (далее ГУ), которое является главным элементом функционирования социума. Сейчас практически невозможно найти сферу человеческой деятельности - от повседневных забот до профессиональных задач, где бы не применялись технологии ИИ. Благодаря этому удалось трансформировать не только систему обслуживания, но и модернизировать различные области жизнедеятельности в соответствии с современными тенденциями развития [1, с. 15].

Цель исследования - определение основных аспектов внедрения ИИ в систему гражданских правоотношений и ГУ.

Материалы и методы исследования. Анализ научно-практической литературы, сравнительно-правовой, критический анализ, синтез мнений, системно-структурный анализ.

Результаты исследования. В сфере внедрения ИИ в ГУ разные страны демонстрируют собственные стратегические направления. Китай уже запустил инновационный проект по развитию передовых ИИ-технологий, в то время как США концентрируются на создании максимально защищенных систем и стремятся доминировать в разработке ИКТ-решений. Не желая отставать от мировых лидеров, Европейский союз (далее ЕС) прилагает усилия, чтобы

превратиться в ключевой мировой хаб развития высокотехнологичных решений. В правовых системах разных стран наблюдается множество схожих тенденций в сфере регулирования ИИ, что объясняется наличием разнообразных стратегий и методов контроля. Законодательная база, стратегические документы и этические принципы во многом перекликаются между государствами, хотя формулировки и некоторые этические нормативы могут варьироваться от страны к стране. Особое внимание участники ЕС уделяют безопасности внедрения новых технологий во все сферы жизни общества при разработке инновационных программ. Такой подход обеспечивает единство этических стандартов несмотря на различия в национальных правовых системах [2, с. 50].

Государственные органы стран стоят перед решением вопросов необходимости внедрения новых технологий, и ИИ открывает множество возможностей в различных областях ГУ. Эти направления можно классифицировать по конкретным сферам применения. При этом важно помнить, что внедрение умных систем требует тщательного планирования и оценки всех возможных последствий. Хотя преимущества использования ИИ в государственном секторе очевидны, нельзя забывать о потенциальных угрозах безопасности. Поэтому процесс цифровой трансформации ГУ должен происходить последовательно, с учетом специфики каждого ведомства и постоянным мониторингом эффективности внедряемых решений [3, с. 153].

В различных областях ИИ находит широкое применение. Транспортная отрасль использует его для оптимизации трафика, предотвращения заторов и создания эффективных маршрутов движения, а также для контроля безопасности на дорогах. Образовательная сфера трансформируется благодаря внедрению систем ИИ, которые позволяют создавать персонализированные учебные планы, максимально раскрывать способности студентов и проводить объективное тестирование знаний. Финансовый сектор применяет ИИ для борьбы с финансовыми преступлениями, улучшения качества обслуживания и мониторинга законности операций участников рынка. В производственном секторе ИИ способствует оптимизации производственных процессов, сокращению затрат и значительному улучшению качества предоставляемых услуг через автоматизацию. В юридической системе они помогают формировать судебные постановления, следить за правоприменительной практикой и совершенствовать электронное судопроизводство. В аграрном секторе технологические решения позволяют создавать оптимальные условия для выращивания культур и механизировать процессы уборки урожая. Что касается коммунального хозяйства, здесь инновации помогают предупреждать аварийные ситуации и обеспечивать поддержку маломобильным гражданам. Медицинская сфера также активно внедряет новые разработки: они помогают врачам интерпретировать диагностические снимки, разрабатывать схемы лечения, поддерживать связь с пациентами и пропагандировать здоровый образ жизни среди населения. Роботизированные системы способны обезвреживать опасные ситуации и защищать людей от рисков для их жизни. Они также эффективно предотвращают правонарушения и помогают обеспечивать справедливое применение санкций к нарушителям. Использование автоматизированных систем в охранной деятельности позволяет минимизировать человеческие жертвы при выполнении опасных задач [3, с. 153-154].

В современном мире технологий и инноваций все чаще поднимается вопрос о сущности ИИ и его роли в цифровом пространстве. Определение данного феномена представляет собой сложную методологическую задачу, требующую тщательного анализа и междисциплинарного подхода. Исследователи в области права сталкиваются с существенными трудностями при попытке сформулировать универсальное определение ИИ, поскольку это явление охватывает широкий спектр технологий и систем, функционирующих в цифровой среде. Многообразие подходов к пониманию ИИ создает дополнительные сложности в правовом регулировании данной сферы. Существующие дефиниции зачастую фокусируются на отдельных аспектах функционирования ИИ, не охватывая всю полноту его проявлений в различных электронных и программируемых устройствах. При этом некоторые определения характеризуются излишней технической детализацией или, напротив, чрезмерной обобщенностью [4, с. 46].

Продолжающаяся научная дискуссия о главных признаках ИИ демонстрирует необходимость выработки комплексного подхода к его определению, учитывающего как технологические, так и правовые аспекты. Это особенно важно для дальнейшего развития законодательства в области регулирования систем ИИ и защиты прав всех участников цифровых отношений. Анализируя различные аспекты участия цифровых субъектов в правовом поле, необходимо прежде всего обратить внимание на их функциональное назначение. Ключевым фактором при определении статуса цифровых юнитов выступает их способность реализовывать права и выполнять возложенные обязательства в рамках гражданско-правовых отношений. Особенно важно учитывать, что системы ИИ существенно различаются по уровню автономности принятия решений. Этот критерий становится определяющим при оценке их правосубъектности, поскольку разные типы ИИ демонстрируют различную степень независимости в своих действиях. В перспективе развития правового регулирования необходимо разработать детальную классификацию цифровых агентов в зависимости от их автономности и функционального потенциала. Это позволит создать эффективную систему законодательного регулирования их деятельности в гражданском обороте [5, с. 136].

Простые роботизированные системы, выполняющие исключительно запрограммированные действия на производстве или в быту, логично считать объектами права. Такие механизмы работают строго по заложенным алгоритмам, не обладают самостоятельностью в принятии решений и являются,

по сути, усовершенствованными инструментами человека. Однако ситуация кардинально меняется, когда речь заходит о продвинутых роботах с ВВ. Эти системы обладают развитыми когнитивными функциями, способны самостоятельно анализировать информацию, адаптироваться к изменениям окружающей среды и активно влиять на нее. Их уровень автономности настолько высок, что традиционное отнесение к категории объектов права становится некорректным. Таким образом, развитие робототехники требует пересмотра существующих правовых концепций и возможного создания особых юридических категорий для высокоразвитых автономных систем. Это позволит адекватно регулировать их использование и определять степень ответственности при взаимодействии с человеком. Главным аргументом сторонников предоставления правового статуса (далее ПС) системам ИИ является исторический прецедент с юридическими лицами. На протяжении веков концепция юридического лица успешно функционирует как правовая фикция, позволяющая абстрактной организации выступать в качестве субъекта права. Опираясь на этот опыт, ряд экспертов предлагает создать особую правовую категорию для систем ИИ, которая позволит им выступать в качестве специального субъекта правоотношений. Это особенно актуально в свете растущей автономности и сложности современных ИИ систем. Однако данный вопрос вызывает бурные дебаты в профессиональном сообществе. Противники такого подхода указывают на принципиальные различия между юридическими лицами и системами ИИ, подчеркивая отсутствие у последних человеческого фактора в принятии решений. В настоящее время законодательство большинства стран не предусматривает возможности признания ИИ в качестве самостоятельного субъекта права, но развитие технологий может привести к необходимости пересмотра существующих правовых концепций. Противники наделения ИИ правосубъектностью усматривают в этом покушение на антропоцентризм [6, с. 96].

В юридическом сообществе получила значительное одобрение концепция внедрения электронной личности как нового правового субъекта. Это необходимо для систематизации и обеспечения безопасного применения инновационных технологий на благо общества. При этом ученые не рассматривают ИИ как нечто, обладающее самостоятельной ценностью. Главным препятствием для признания правосубъектности систем ИИ выступает вопрос их правовых характеристик. Юристы активно дискутируют о возможности наделения цифровых систем ПС [4].

Критики идеи правосубъектности ИИ часто указывают на отсутствие у него волевого компонента. Однако стоит отметить, что среди существующих субъектов гражданского права - включая физических лиц, юридических лиц и публично-правовые образования - только человек обладает волей в истинном психологическом и биологическом понимании. При этом распространенной ошибкой является приписывание компьютерным системам человеческих психологических характеристик, что в науке называется антропоморфизмом. Таким образом, аргумент об отсутствии воли у ИИ не может служить препятствием для наделения его ПС, поскольку большинство существующих правовых субъектов также не имеют воли в классическом понимании. Коллективное выражение намерений и желаний группы людей находит отражение в особом контекстуальном значении этого понятия [7].

Дискуссия о правоспособности ИИ часто упирается в вопрос отсутствия у него осознанности, что противопоставляется традиционным субъектам права. Однако этот аргумент теряет силу при рассмотрении уже существующих правовых прецедентов. В частности, современное законодательство признает правоспособность за целым рядом субъектов, не обладающих полноценным сознанием - от детей и людей с психическими расстройствами до юридических лиц. Таким образом, отсутствие сознания у ИИ может рассматриваться не как препятствие, а как основание для наделения его ограниченной правоспособностью, по аналогии с другими субъектами права, имеющими неполную дееспособность [8].

Современные нейросети демонстрируют признаки самоидентификации и элементы самосознания, что опровергает аргументы об отсутствии у ИИ способности к оценке собственных действий. При этом важно понимать, что ИИ не обязан и не может полностью копировать человеческие характеристики - некоторые свойства останутся исключительно человеческими. Определение юридического статуса ИИ будет напрямую связано с тем, насколько человечество сможет понять и доказать наличие или отсутствие у него самосознания. Уже сегодня умные системы способны в различной мере анализировать и оценивать свои действия, что существенно влияет на дискуссию об их правовом положении [5].

Национальная стратегия развития ИИ (далее НСР ИИ) в Российской Федерации (РФ) не только формирует правовые рамки этих отношений, но и работает над устранением законодательных барьеров для создания и внедрения ИИ. Также она определила приоритетные направления модернизации сферы ГУ с применением ИИ, а также обозначила главные инициативы по защите общественных интересов и этических принципов при использовании ИИ-технологий.

Государственное регулирование этики использования ИИ требует соблюдения принципов, представленных на рисунке 1 (рисунок 1).

К 2030 году планируется обеспечить полную защищенность населения при взаимодействии с цифровой средой, одновременно способствуя прогрессу инновационных разработок. 2024 год стал стартовым годом для создания фундамента правового регулирования множества цифровизированных областей. Поэтапное внедрение нормативной структуры, предусмотренное НСР ИИ, направлено на формирование адаптивного законодательного механизма. Этот механизм будет координировать социальные взаимоотношения в

контексте применения ИКТ и определять государственную политику в данной сфере. Этические нормы взаимодействия человека с ИИ становятся основным фокусом внимания. НСР ИИ охватывает различные экономические направления - от инвестиций до инноваций, где активно применяются интеллектуальные технологии, что способствует скорейшему формированию этических стандартов в этой области [9, с. 252].

Рисунок 1 *- Государственное регулирование этики использования ИИ*[92]

В основе римского права лежит концепция "persona", которая не привязана к биологической природе человека и его физиологическим характеристикам. Вместо этого данный термин описывает юридическую сущность, наделенную определенными правовыми возможностями для участия в правоотношениях. Этот факт особенно важен при рассмотрении возможности наделения ИИ правосубъектностью, учитывая принадлежность России к романо-германской системе права, основанной на римских правовых традициях. Способность осуществлять волевые юридические действия самостоятельно - это главный критерий для признания любого существа субъектом права. Римская правовая система предусматривает интересную особенность: статус "лица" может быть присвоен не только человеку, но и другим участникам правоотношений, способным действовать наравне с людьми. Исследователи в области ПС отмечают возможность наделения ИИ правосубъектностью в отдельных ситуациях, когда необходимо установить правовые рамки его функционирования. Признание ИИ правовым субъектом требует наличия волевого компонента, что вызывает серьезные вопросы. Тем не менее, некоторые исследователи считают необходимым наделить ИИ правовым статусом для регулирования взаимодействия между людьми и «умными машинами». Интересно, что подобные прецеденты уже существуют: робот София из Саудовской Аравии и Шибуя Мираи из Японии стали первыми в истории машинами на основе ИИ, получившими юридическое признание как субъекты права [10, с. 1295].

При этом, на наш взгляд, ИИ не обладает волевыми качествами, что ставит под сомнение возможность наделения его какими-либо правами. В то время как традиционный субъект ПС не только имеет определенные права, но и может осознанно управлять своим поведением. Проблема правового статуса ИИ остается дискуссионной, поскольку неочевидно, какой объем правоспособности может быть ему присвоен.

Заключение. На наш взгляд, дискуссия о месте ИИ среди элементов правоотношения возможна в случае, когда в результате его деятельности был причинен вред. Традиционные формы юридической ответственности - будь то уголовная, администра-

[92] Этический компас для ИИ: Кодекс ответственности в мире искусственного интеллекта // URL: https://ai-science.ru/iskusstvennyj-intellekt-knigi/etika-iskusstvennogo-intellekta-kniga/ (дата обращения: 07.01.2025)

тивная или дисциплинарная - оказываются неприменимыми к ИИ в силу его природы. Невозможно, например, применить к программе такие меры, как лишение свободы или ограничение прав. Более того, даже гражданско-правовая ответственность не может быть возложена на ИИ. Это порождает дискуссию о том, как классифицировать ИИ в системе правовых отношений, и кто должен отвечать за последствия его действий. Мы считаем, что сам ИИ не может выступать субъектом ответственности.

Традиционная правовая доктрина признает только две категории участников правоотношений - физических и юридических лиц, что создает препятствия для включения ИИ в правовое поле. Более того, невозможность физиологической оценки ИИ делает несостоятельными любые попытки его приравнивания к живым субъектам ПС. Отсутствие у ИИ собственного имущества также исключает возможность выполнения им компенсаторной функции. Таким образом, существует целый комплекс факторов, не позволяющих рассматривать ИИ как полноценного субъекта правовых отношений. Искусственный интеллект представляет собой лишь инструмент, оснащенный способностью к самообучению и требующий специальное оборудование для работы. Его нельзя рассматривать как субъект ПМ, поскольку он лишен собственной воли и обладает значительно более ограниченными познавательными способностями по сравнению с человеческим мозгом. Правовой статус ИИ должен определяться исключительно как объект правоотношений. Законодательное регулирование применения этой технологии необходимо для обеспечения её безопасного использования в интересах человечества и предотвращения возможных рисков.

Необходимо рассматривать правосубъектность ИИ в связи с его правоосуществлением, принципами права, правосодержанием. Правовой анализ систем, оснащенных ИИ следует проводить комплексно, учитывая их взаимосвязь с фундаментальными принципами права, особенностями реализации правовых норм и содержательной стороной ПС. В случаях, когда ИИ выступает от имени бенефициара-физлица, именно это лицо должно нести ответственность за действия системы. При этом если ИИ выполняет государственные или муниципальные функции, то ответственность за его функционирование возлагается на соответствующий орган власти - будь то федеральный, региональный или местный уровень.

В современных реалиях объективность и беспристрастность становятся ключевыми характеристиками правовых действий, совершаемых системами ИИ, поскольку исчезает фактор субъективного принятия решений. При этом возникает необходимость формирования принципиально новой правовой категории, когда ИИ может рассматриваться как самостоятельный субъект ответственности за совершенные действия.

Литература

1. Гербут Е. А. Этика искусственного интеллекта: проблемы, вызовы и перспективы / Е. А. Гербут, Э. С. Максимова, Д. Д. Марташевский // Сфера услуг: инновации и качество. – 2023. – № 65. – С. 14-27. – EDN RLYIEV.

2. Конусова В. Т. Регуляторная политика в сфере искусственного интеллекта: исследование подходов к правовому регулированию / В. Т. Конусова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 3(74). – С. 48-58. – DOI 10.52026/27885291_2023_74_3_48. – EDN TIFUKM.

3. Ярошенко И. К. Внедрение исскуственного интеллекта в государственное управление / И. К. Ярошенко // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, Севастополь, 21 апреля 2023 года / Отв. редактор Е.В. Смерницкая. – Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет", 2023. – С. 152-157. – EDN MGUTMO.

4. Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. - 257 с.

5. Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права / Е. В. Вавилин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 135-146. – DOI 10.17223/22253513/42/11.

6. Понкин И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91-109. – DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.

7. Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности / П. Н. Дурнева // Гражданское право. – 2019. – № 5. – С. 30-33. – DOI 10.18572/2070-2140-2019-5-30-33. – EDN NCKITD.

8. Афанасьев С.Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта// Российская юстиция. - 2020. - № 7. - С. 46–49. – EDN RIVUFM.

9. Левашова А. В. Основы регулирования искусственного интеллекта в России и перспективы его развития / А. В. Левашова // Трансформация ПРАВА В информационном обществе : Материалы III Всероссийского научно-практического форума молодых учёных и студентов, Екатеринбург, 26 ноября 2020 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. – С. 248-254. – EDN RTGIPT.

10.Аненкова А. А. Место искусственного интеллекта в структуре гражданских правоотношений / А. А. Аненкова, С. Г. Гончарова // Весенние дни науки : Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 года. – Екатеринбург: ООО Издательский Дом "Ажур", 2023. - С. 1294-1296. – EDN NYLNFO.

Features of the introduction of artificial intelligence in the field of civil law relations and public administration

Kravchenko O.V.
Immanuel Kant Baltic Federal University

The article discusses the features of the introduction of artificial intelligence into the system of civil law relations and public administration.

Relevance. In the modern world, technologies are developing rapidly, and artificial intelligence occupies a special place among them. Its integration into various spheres of society creates new legal challenges that require immediate solutions. The legal community is faced with the need to rethink traditional legal concepts in the context of interaction with new technologies. The relevance of legal regulation of artificial intelligence systems is due to their increasing role in civil turnover. Legislators and legal experts will have to solve a set of fundamental issues related to determining the legal status of artificial intelligence. Among them is the establishment of the legal personality of various forms of artificial intelligence, the definition of the scope of their rights and obligations, as well as the mechanisms for their implementation.

The purpose of the study is to identify the main aspects of the introduction of artificial intelligence into the system of civil law relations and public administration.

The issues under consideration. Of particular importance is the problem of responsibility when using AI systems. It is necessary to clearly define who is responsible for the actions of artificial intelligence: developers, users, or the systems themselves based on artificial intelligence. It also requires the development of criteria for assessing the legality of artificial intelligence actions and mechanisms for compensating for possible damage.

Materials and methods of research. Analysis of scientific and practical literature, comparative law, critical analysis, synthesis of opinions, system-structural analysis.

Conclusions. Special attention is paid to the study of how digital technologies are being introduced into the public administration system. A comprehensive assessment of the existing regulatory framework governing the use of information technology in various fields of human activity has been carried out. Based on the analysis, potential models of legal regulation of civil law relations arising from the use of various types of artificial intelligence are proposed. A review of scientific research on the presented topic is made, and the author's conclusions are given.

Keywords: artificial intelligence, law, system, public administration, subject, regulation

References

1. Gerbut E. A. Ethics of artificial intelligence: problems, challenges and prospects / E. A. Gerbut, E. S. Maksimova, D. D. Martashevsky // Services: innovation and quality. - 2023. - No. 65. - P. 14-27. - EDN RLYIEV.
2. Konusova V. T. Regulatory policy in the field of artificial intelligence: a study of approaches to legal regulation / V. T. Konusova // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. - 2023. - No. 3 (74). - P. 48-58. - DOI 10.52026/27885291_2023_74_3_48. - EDN TIFUKM.
3. Yaroshenko I.K. Implementation of artificial intelligence in public administration / I.K. Yaroshenko // Effective state and municipal administration as a factor in the socio-economic development of territories: Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students, young scientists, Sevastopol, April 21, 2023 / Responsible. editor E.V. Smernitskaya. - Sevastopol: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", 2023. - P. 152-157. - EDN MGUTMO.
4. Morhat P.M. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law issues: dis. ... Doctor of Law. M., 2018. - 257 p.
5. Vavilin E. V. Artificial Intelligence as a Participant in Civil Relations: Transformation of Law / E. V. Vavilin // Bulletin of Tomsk State University. Law. - 2021. - No. 42. - P. 135-146. - DOI 10.17223/22253513/42/11.
6. Ponkin I. V. Artificial Intelligence from the Point of View of Law / I. V. Ponkin, A. I. Redkina // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. - 2018. - Vol. 22, No. 1. - P. 91-109. - DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
7. Durneva P. N. Artificial Intelligence: Analysis from the Point of View of the Classical Theory of Legal Capacity / P. N. Durneva // Civil Law. - 2019. - No. 5. - P. 30-33. - DOI 10.18572/2070-2140-2019-5-30-33. - EDN NCKITD.
8. Afanasyev S. F. On the Issue of Legislative Regulation of Artificial Intelligence // Russian Justice. - 2020. - No. 7. - P. 46–49. - EDN RIVUFM.
9. Levashova A. V. Fundamentals of Regulation of Artificial Intelligence in Russia and Prospects for its Development / A. V. Levashova // Transformation of LAW in the Information Society: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Forum of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, November 26, 2020. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University", 2020. - P. 248-254. - EDN RTGIPT.
10. Anenkova A. A. The Place of Artificial Intelligence in the Structure of Civil Legal Relations / A. A. Anenkova, S. G. Goncharova // Spring Days of Science: Collection of reports from the international conference of students and young scientists, Yekaterinburg, April 20-22, 2023. - Yekaterinburg: OOO Publishing House "Azhur", 2023. - P. 1294-1296. – EDN NYLNFO.

Конституционно-правовой статус нотариата как института защиты прав и свобод человека в современной России: проблемы модернизации

Леонова Наталья Александровна
независимый исследователь, comfobulacia@yandex.ru

Исследование анализирует конституционно-правовой статус нотариата в России и его функцию в защите прав граждан. Нотариальная деятельность рассматривается в контексте трансформации от традиционных функций к инструменту обеспечения правопорядка. Ограничения действующего законодательства снижают эффективность нотариата как гаранта прав человека. Обоснована необходимость пересмотра полномочий нотариуса для повышения уровня защиты прав граждан. Предлагаются меры по модернизации нотариальной системы в соответствии с современными требованиями. В заключении представлены выводы о возможностях нотариата в усилении правозащитного механизма страны, что является актуальным для исследователей и практиков в области права.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус нотариата, защита прав и свобод человека, модернизация нотариата, нотариальная деятельность, гарант законности.

Институт нотариата играет ключевую роль в обеспечении стабильности гражданского оборота и защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. Его деятельность, тесно связанная с реализацией положений Конституции Российской Федерации, выступает гарантом юридической чистоты сделок и иных юридически значимых действий. Статья 46 закрепляет за каждым право на судебную защиту своих прав, что вызывает потребность в нотариальном удостоверении сделок для снижения вероятности правовых споров и защиты интересов сторон. Нотариат обеспечивает юридическую чистоту сделок и способствует стабильности гражданского оборота. Статья 35 гарантирует право на частную собственность и ее защиту, подчеркивая значимость нотариата в документальном оформлении прав собственности и обязательств. Нотариальные действия способствуют предсказуемости и безопасности в гражданском обороте, укрепляя правовую основу и правопорядок в обществе. Нотариат является важным инструментом, поддерживающим реализацию конституционных норм и способствующим защите прав граждан.

В исторической перспективе нотариат в России претерпел значительные изменения, пройдя путь от структуры, преимущественно выполняющей формальную функцию заверения документации, к институту, осуществляющему существенное влияние на профилактику правовых споров и обеспечение гарантий законных интересов частных лиц. Для советского периода характерна была выраженная централизация нотариальной функции, её подчиненность государственному управлению. С прекращением существования СССР и утверждением Конституции Российской Федерации начался процесс формирования независимого нотариата, чья деятельность основывается на принципах соблюдения законности, объективности и профессиональной этики [6, с.95].

Правовые основы современной нотариальной системы были сформированы в 1993 году посредством принятия Основ законодательства РФ «О нотариате». Данный документ определил правовое положение нотариуса как лица, осуществляющего публичные функции от лица государства, и закрепил основные виды нотариальных действий. Однако, начальный этап развития характеризовался рядом ограничений. Первоначальное законодательство не учитывало быстрое развитие гражданского оборота и появление новых форм правовых отношений, что способствовало возникновению пробелов в регулировании [7, с.266]. Нотариальные действия преимущественно сосредотачивались на удостоверении сделок, что ограничивало потенциал нотариата в предупреждении споров. Недостаточная

проработка механизмов взаимодействия между нотариатом и другими государственными органами, включая судебные и регистрационные инстанции, осложняла реализацию правозащитной роли нотариата.

В последующие годы законодательство претерпело изменения и дополнения, что свидетельствует о необходимости его адаптации к изменяющимся экономическим условиям. Одним из значимых этапов стало внедрение электронных технологий в деятельность нотариата, что способствовало повышению оперативности и доступности нотариальных услуг. Трансформация нотариата в России обусловлена новыми экономическими реалиями, что требует гибкости и скорости в осуществлении нотариальных действий [5, с.39]. В этой связи актуально совершенствование механизмов работы нотариата, что может оказать положительное влияние на экономическую ситуацию в стране.

Цифровизация революционизирует нотариат, создавая новые формы деятельности. Электронный документооборот, включая хранение и обмен документами через защищенные цифровые платформы, повышает оперативность и снижает административную нагрузку. Криптографическая защита данных гарантирует конфиденциальность и целостность информации, повышая безопасность нотариальных действий [10, с. 260]. Дистанционное удостоверение сделок, с применением видеоконференцсвязи и электронной подписи, делает нотариальные услуги доступными для жителей удаленных регионов и лиц с ограниченными возможностями передвижения. Внедрение блокчейн-технологии обеспечивает прозрачность и неизменяемость записей о нотариальных действиях, повышая уровень доверия к системе. Кроме того, цифровизация позволяет создать электронные архивы нотариальных документов, обеспечивая их долгосрочное хранение и доступность.

Расширение функционала нотариата включает онлайн-консультации, помощь в цифровом оформлении договоров и завещаний, использование электронных сервисов для проведения медиации и урегулирования споров [3, с.350]. Активное использование цифровых технологий в наследственном праве, включая уведомление наследников и оформление наследственных прав, повышает оперативность и прозрачность этих процедур. В результате, цифровизация не только модернизирует нотариат, но и существенно укрепляет защиту прав граждан, повышая эффективность и доступность правовых сервисов.

Несмотря на достижения в развитии нотариата, сохраняются проблемы, затрудняющие его эффективное функционирование. Булатов Р.Б. и Макарчук К.Н. выделяют несколько аспектов правового регулирования нотариальной деятельности. Среди них недостаточная унификация практики, недостаточная защита прав потребителей нотариальных услуг и ограниченное применение цифровых технологий [4, с.54].

Недостаточная унификация нотариальной практики в России, выражающаяся в разнородности подходов к нотариальным действиям в различных регионах, существенно затрудняет эффективное функционирование нотариального института и вызывает снижение доверия со стороны граждан и организаций.

Причины данного явления заключаются в нескольких аспектах. Децентрализация управления нотариатом проявляется в отсутствии единого федерального органа, наделенного полномочиями руководства и контроля, что способствует автономии региональных нотариальных палат [8, с.60]. Это формирует локальные практики и интерпретации законодательных норм, приводя к вариативности в подходах к нотариальным действиям. Законодательство, регулирующее нотариальную деятельность, характеризуется неоднозначностью и пробелами, допускающими различные толкования и применение норм. Региональные палаты могут применять разные интерпретации одних и тех же норм, что ведет к расхождениям в правоприменительной практике. Региональные особенности, включая социально-экономические факторы и исторически сложившиеся правовые традиции, также влияют на специфические подходы к нотариальной практике. В результате одни и те же нотариальные действия могут осуществляться по различным процедурам в разных регионах.

Разнородность методик осуществления нотариальных актов влечет за собой ряд негативных последствий. Несогласованность подходов к нотариальным действиям порождает затруднения для граждан и юридических лиц, обусловленные противоречивыми требованиями и процедурами. Это, в свою очередь, ведет к увеличению временных и финансовых затрат, а также к возникновению неясностей и снижению доверия к нотариальному сообществу. Разнородная практика уменьшает уверенность в правомерности и предсказуемости юридических актов, формируя негативное восприятие нотариата как института, призванного обеспечивать защиту прав и интересов населения. Разногласия в подходах создают препятствия для осуществления коммерческих операций и иных юридически значимых актов, оказывая деструктивное воздействие на развитие гражданского оборота.

Разрешение обозначенной проблемы требует комплексного подхода, включающего ряд взаимодополняющих мер. Учреждение федерального органа, наделенного функциями координации и контроля нотариальной деятельности, выступает одним из перспективных направлений. Данный орган должен разрабатывать унифицированные методические рекомендации, обеспечивать повышение квалификации нотариусов, а также осуществлять контроль за соблюдением законодательных предписаний и профессиональных стандартов. Эта мера способна обеспечить единство толкования и применения нормативных правовых актов, установить обязательные требования к нотариальным действиям и минимизировать региональные различия.

Разработка и утверждение на федеральном уровне единых стандартов нотариальной практики также представляется важным этапом. Указанные

стандарты должны содержать детальное описание процедур совершения нотариальных действий и устанавливать унифицированные требования к документации и ее оформлению. Внедрение данных стандартов позволит унифицировать требования и процедуры, устранить противоречия, повысить прозрачность и предсказуемость нотариальной деятельности, что укрепит доверие к институту. Реализация перечисленных мер создаст условия для оптимизации работы нотариального института, снижения вероятности правовых конфликтов и обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций на всей территории Российской Федерации. Согласованное внедрение данных решений позволит устранить существующие противоречия, укрепить доверие к нотариату и обеспечить стабильное развитие гражданского оборота.

Недостаточная защита прав потребителей нотариальных услуг в РФ, связанная с отсутствием действенных механизмов контроля за качеством, значительно снижает доверие к нотариату и влечет за собой сомнения граждан и организаций в соблюдении их законных интересов. К числу причин можно отнести ограниченные возможности общественного контроля. Механизмы профессиональной ответственности нотариусов в современных условиях недостаточно развиты, что ограничивает возможность потребителей сообщать о качестве услуг и участвовать в его улучшении, создавая предпосылки для злоупотребления полномочиями некоторыми нотариусами без риска последствий.

Недостаточная защита прав потребителей ведет к снижению доверия к нотариату. Сложности в работе системы контроля и отсутствие адекватной защиты прав участников нотариальных процессов приводят к уменьшению уверенности граждан в защите своих интересов. Увеличивается количество правовых споров между потребителями и нотариусами, что нагружает судебную систему и отвлекает ресурсы. К тому же некачественные нотариальные услуги могут приносить финансовые потери потребителям из-за возможного неправильного оформления документов, что приводит к серьезным последствиям в правовой сфере.

Для повышения защиты прав потребителей нотариальных услуг необходимо внедрение системы независимой оценки их качества, основанной на участии квалифицированных экспертов и представителей общественных организаций. Система независимой оценки качества нотариальных услуг предполагает создание оценочного органа из экспертов, юристов и представителей общественности. Этот орган разработает и будет применять объективные критерии оценки, включающие профессиональную компетентность нотариусов, соблюдение законодательства и этики, оперативность обслуживания и доступность услуг.

Регулярные проверки, проводимые согласно этим критериям, сформируют публичный рейтинг нотариусов. Параллельно будет функционировать система обратной связи с потребителями для сбора отзывов и жалоб, используемых для совершенствования работы нотариального института.

Предложенная система повысит прозрачность и подотчетность нотариальной деятельности, расширяя возможности потребителей влиять на качество услуг, усиливая ответственность нотариусов и создавая стимулы для повышения профессионализма. Внедрение данной системы улучшит общее качество нотариальных услуг, увеличит доверие к нотариату и будет способствовать стабильности гражданского оборота и укреплению правопорядка.

Решение проблемы ограниченного внедрения цифровых технологий в нотариате предполагает создание единой цифровой платформы, включающей защищенную систему электронного документооборота для создания, хранения и обмена нотариальными актами в цифровом формате, механизм удаленного удостоверения сделок с применением усиленной квалифицированной электронной подписи и видеоконференцсвязи, интегрированный электронный архив нотариальных документов для надежного хранения информации, и унифицированный интерфейс для взаимодействия с государственными информационными системами [9, с.178]. Внедрение платформы обеспечит унификацию процессов, повышение доступности услуг, снижение издержек и укрепление доверия к нотариату за счет прозрачности и безопасности.

Таким образом, необходимо устранить неунифицированность практики, обеспечить защиту прав потребителей и расширить полномочия нотариусов. Модернизация предполагает создание единого федерального органа управления, разработку единых стандартов, внедрение независимой оценки качества услуг и усиление ответственности нотариусов. Цифровизация и расширение функционала (включая медиацию и консультирование) повысят эффективность защиты прав граждан и укрепят доверие к институту нотариата, способствуя стабильности гражданского оборота.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).

3. Антрушина Д. А. Электронный документооборот в нотариате: правовое регулирование и проблемы практики / Д. А. Антрушина // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 5. - С. 336-353. - EDN PGAKSX;

4. Булатов Р.Б., Макарчук К.Н., Правовое регулирование деятельности института нотариата в России: проблемы и пути их преодоления // Государственная служба и кадры. 2024. С.51-55 №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-instituta-notariata-v-rossii-problemy-i-puti-ih-preodoleniya (дата обращения: 24.12.2024).

5. Долгов С.Г. Предоставление нотариальных услуг с использованием электронных технологий (цифровой нотариат). Нотариус. 2019. № 3. С. 38-41.

6. Корсик К.А., Парфенчикова А.А.. Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // Государственная служба. 2020. №1 (123). С.92-97 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskogo-notariata-v-novyh-ekonomicheskih-usloviyah (дата обращения: 24.12.2024).

7. Нотариат: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Н. Д. Эриашвили, Г. Б. Мирзоев, Л. В. Щербачева [и др.], под редакцией Г. Б. Мирзоева, Н. Д. Эриашвили, Н. М. Илюшиной. — 7-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 335 с. — ISBN 9785-238-03218-4. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR

8. Степанов К.А., Григорьев И.В., Денисов С.Ю.. О некоторых теоретических проблемах современного нотариата в Российской Федерации: публично-правовой аспект // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. С. 55-66 №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-teoreticheskih-problemah-sovremennogo-notariata-v-rossiyskoy-federatsii-publichno-pravovoy-aspekt (дата обращения: 24.12.2024).

9. Юлбердина, Л. Р. Нотариат и электронный документооборот / Л. Р. Юлбердина // Modern Science. - 2022. - № 1-2. - С. 177-179. - EDN KVENCH;

10.Ющенко А. Г.. Преимущества и перспективы электронного документооборота в нотариате // Вестник науки. 2024. №3 (72). С.255-264 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-perspektivy-elektronnogo-dokumentooborota-v-notariate (дата обращения: 24.12.2024).

Constitutional and legal status of notaries as an institution for the protection of human rights and freedoms in modern Russia: problems of modernization

Leonova N.A.

The study analyzes the constitutional and legal status of notaries in Russia and their function in protecting the rights of citizens. Notarial activity is considered in the context of transformation from traditional functions to an instrument for ensuring law and order. Restrictions of the current legislation reduce the effectiveness of notaries as a guarantor of human rights. The need to revise the powers of a notary to improve the level of protection of citizens' rights is substantiated. Measures are proposed to modernize the notarial system in accordance with modern requirements. The conclusion presents findings on the possibilities of notaries in strengthening the human rights mechanism of the country, which is relevant for researchers and practitioners in the field of law.

Keywords: constitutional and legal status of notaries, protection of human rights and freedoms, modernization of notaries, notarial activity, guarantor of legality.

References

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by a nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
2. "Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries" (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 11.02.1993 N 4462-1) (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024).
3. Antrushina D. A. Electronic document management in the notary office: legal regulation and problems of practice / D. A. Antrushina // Issues of Russian Justice. - 2020. - No. 5. - P. 336-353. - EDN PGAKSX;
4. Bulatov R.B., Makarchuk K.N., Legal regulation of the activities of the notary institution in Russia: problems and ways to overcome them // Public service and personnel. 2024. Pp. 51-55 No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-instituta-notariata-v-rossii-problemy-i-puti-ih-preodoleniya (date of access: 12/24/2024).
5. Dolgov S.G. Provision of notarial services using electronic technologies (digital notary). Notary. 2019. No. 3. Pp. 38-41.
6. Korsik K.A., Parfenchikova A.A. Transformation of the Russian notary in the new economic conditions // Public service. 2020. No. 1 (123). P. 92-97 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskogo-notariata-v-novyh-ekonomicheskih-usloviyah (date of access: 24.12.2024).
7. Notaries: a textbook for university students studying in the field of "Jurisprudence" / N. D. Eriashvili, G. B. Mirzoev, L. V. Shcherbacheva [et al.], edited by G. B. Mirzoev, N. D. Eriashvili, N. M. Ilyushina. - 7th ed. - Moscow: UNITY-DANA, 2020. - 335 p. - ISBN 9785-238-03218-4. — Text: electronic // Digital educational resource IPR
8. Stepanov K.A., Grigoriev I.V., Denisov S.Yu. On some theoretical problems of modern notaries in the Russian Federation: public law aspect // NB: Administrative law and administration practice. 2023. Pp. 55-66 No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-teoreticheskih-problemah-sovremennogo-notariata-v-rossiyskoy-federatsii-publichno-pravovoy-aspekt (date of access: 12/24/2024).
9. Yulberdina, L.R. Notaries and electronic document management / L.R. Yulberdina // Modern Science. - 2022. - No. 1-2. - P. 177-179. - EDN KVENCH;
10. Yushchenko A. G.. Advantages and prospects of electronic document management in the notary office // Bulletin of Science. 2024. No. 3 (72). P. 255-264 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-perspektivy-elektronnogo-dokumentooborota-v-notariate (date of access: 12/24/2024).

Функциональные задачи искусственного интеллекта в сфере местного самоуправления и правовые основы его регулирования

Чужиков Николай Александрович
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, chuzhikov.na@dvfu.ru

Дубков Никита Сергеевич
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, dubkov.ns@dvfu.ru

Полищук Дмитрий Игоревич
магистрант, Дальневосточный федеральный университет, polishchuk.di@dvfu.ru

Иванов Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета, ivanov.am@dvfu.ru

Проблематика внедрения технологии искусственного интеллекта (ИИ) заняла место одного из перспективных направлений социальных и правовых исследований. Сферу применения технологии искусственного интеллекта в границах муниципалитета определяют функциональные задачи, решение которых возможно при осуществлении местного самоуправления (МСУ). В статье на основе данных социологических исследований констатируется общественный запрос на применение ИИ-технологий в МСУ, сформирован перечень функциональный задач, решение которых на местах предполагает применение технологий искусственного интеллекта, а также представлен их анализ с учетом правовых основ местного самоуправления в Российской Федерации. Кроме того, авторами выделен список проблем и ограничений внедрения ИИ-технологий в практику местного самоуправления, а также сформулированы правовые, технические и иные предложения по их решению.
Ключевые слова: право, функциональная задача, местное самоуправление, искусственный интеллект, ИИ-технологии

Вопросы применения технологии искусственного интеллекта вошли в перечень наиболее актуальных всего спектра социальных наук. Проблема стала одной из наиболее дискуссионных. Обсуждаются цель, предпосылки, условия и возможные последствия внедрения. В качестве предмета данного исследования выбран перечень функциональных задач технологии искусственного интеллекта, решение которых возможно в границах базовой территориальной административной единицы государства. Результаты исследования позволят оптимизировать механизмы муниципального управления и обеспечить процесс вовлечения граждан в осуществление местного самоуправления непосредственно. Искусственный интеллект в этом отношений имеет огромный потенциал. Среда электронной демократии, участниками которой могут быть представители органов власти, общественники, бизнесмены и иные стейкхолдеры, определена желанием участвовать в принятии политических решений, взаимным учетом целей и интересов при осуществлении государственной политики, направленной на развитие общества [6, С.69-70].

Прежде всего обозначим, что наше понимание термина «местное самоуправление» совпадает с его формулировкой в статье 2 Федерального закона N 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления». Так, местное самоуправление – «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» [5]. Оно признается и гарантируется в Российской Федерации в соответствии со статьей 12 Конституции РФ.

Далее необходимо разобраться с тем, что же представляет из себя технология искусственного интеллекта. Термин «искусственный интеллект» был впервые введён в 1956 г. американским учёным-информатиком Джоном Маккарти, подразумевающим под ним инженерную науку по созданию умных машин, имеющих возможность учиться на собственном опыте также эффективно, как и люди [4, с. 4]. К настоящему времени в отечественной науке сформировались различные позиции в определении понятия искусственного интеллекта [3, с. 128]. В рамках данной работы можно считать релевантным определение, представленное в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года. Так, под искусственным интеллектом (ИИ) понимается комплекс технологических решений, позволяющий

имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [11, с. 2].

Среди ИИ-технологий, пользующихся спросом и значительной эффективностью в различных областях практического применения традиционно выделяют: компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и прогностические методы искусственного интеллекта. Развитие этой технологической отрасли уже сегодня делает возможным внедрение сконструированных ИИ-систем в процесс решения вопросов местного значения с целью повышения эффективности муниципального управления и вовлечения граждан в процесс соучастного принятия решений.

В этой связи представляется возможным выделить следующие функциональные задачи ИИ-технологий, которые могли бы быть реализованы на территории муниципального образования:

1) Анализ обращений граждан с применением ИИ-технологии обработки естественного языка с целью их систематизации, распознавания и классификации проблем, а также оперативного принятия решений при помощи интеллектуальной системы поддержки принятия решений (IDSS). Модель DSS — это сложные системы, которые помогают анализировать решения или выбирать различные варианты. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений (IDSS) ранее уже были успешно использованы в рамках бизнес-структур, они могут выполнять различные задачи в зависимости от заданных целей – сбор и анализ данных, построение прогнозов, анализ предполагаемых решений проблемы и выбор приоритетного среди прочих и т.п. Такие системы чаще всего реализуются в форме специализированного аппаратного или программного обеспечения [10, с. 94].

2) Генерирование ответов на обращения граждан: одно из направлений интеграции ИИ в социально-политические технологии — использование языковых моделей для формулирования ответов на общие гражданские запросы, что помогло бы преодолеть проблему формальных ответов на обращения со стороны работников муниципальных органов, находящихся под влиянием недостатка мотивации к формированию четких и развернутых пояснений [9, с. 217]. Относительно этого аспекта стоит отметить, что ряд зарубежных исследований рассматривают перспективу генерации искусственным интеллектом сообщений в рамках официальной переписки через скептическую призму, ставя под вопрос доверие к ним со стороны граждан. Компромиссным выходом представляется написание письма ИИ под «надзором» человека [7].

3) Оперативная юридическая помощь гражданам в различных аспектах осуществления местного самоуправления: от регистрации территориального общественного самоуправления до выдвижения инициативного проекта. Кандидат юридических наук А.А. Соколова считает, что «замена» естественного интеллекта в сфере юриспруденции может осуществляться в двух направлениях: а) с помощью компьютерной автоматизации определенных видов технико-юридических операций, б) с использованием искусственного интеллекта, предполагающего постановку целей и задач, определяемых самой «машиной».

Современные ИИ-системы уже имеют возможность предоставления юридической консультации в различных областях, они способны описать необходимый алгоритм действий, а также имеют возможность составления форм договоров, заявлений и иной документации. Перспектива использования ИИ-технологий в юридической практике может свести субъективный фактор к минимуму. Это позволит обеспечить единство подходов правого регулирования общественных отношений с участием различных субъектов. Технология может обеспечить сокращение нагрузки на бюрократический аппарат, что является ресурсом сокращения бюджета на функционирование органов власти. ИИ-технологии в значительной мере помогут сэкономить временные и финансовые ресурсы в практике осуществления местного самоуправления.

4) ИИ-технологии способны планировать развитие общественных территорий на основе обработки больших данных и технологии автоматического дизайна физических объектов. Такие возможности потенциально могут быть применимы в рамках процедуры инициативного проектирования, в частности благоустройства общественных пространств и прочих местных инициатив граждан.

5) Создание механизма оперативного выявления локальных проблем с использованием механизма компьютерного зрения и прогностической функции ИИ на основе анализа больших данных, что поспособствует оптимизации ресурсов, направляемых в районы с повышенным риском обострения определенной проблемы (транспортная система, общественная безопасность в местах общего пользования и т. д.). Своевременный учет реакции на возникновение общественного, выявление паттернов и статистических тенденций в данных, которые оказывают влияние на возникновение той или иной проблемы местного значения.

6) Анализ общественного мнения с использованием ИИ-технологий, включающий в себя обработку больших данных, анализ социальных медиа и опросов с целью выявления актуальных социальных трендов и настроений. Существует теоретическая возможность регулирования запросов, в том числе рамок анализа в границах того или иного муниципального образования.

Необходимо подчеркнуть: вопрос внедрения ИИ-технологий в политико-управленческие механизмы является в отечественной правовой науке и политической практике дискуссионным [1, с. 59]. В этой связи сочтем целесообразным выделить ряд преимуществ и недостатков представленной перспективы.

В сфере локального применения на территории муниципального образования внедрение ИИ-технологий будет обладать следующими положительными последствиями:

1) Более прозрачный и прямой механизм взаимодействия населения с органами местного самоуправления, гарантирующий непредвзятость в принятии решений и снижающий риски негативных проявлений «человеческого фактора»;

2) Снижение затрат на содержание муниципальных служащих;

3) Увеличение объемов и скорости принятия решений муниципальными органами.

Новая форма передачи и обработки информации предполагает синхронизацию работы нескольких операторов, системной обработки цифрового текста, с задействованием инфраструктурного, управленческого, поведенческого, культурного сегмента [12, С.97].

Проявления негативного эффекта могут возникнуть в следующих формах:

1) Создание дополнительного давления на бюджет муниципалитета, связанного с необходимостью финансирования и содержания необходимой IT-инфраструктуры;

2) Риск чрезмерного контроля и подавления свободы личности;

3) Увеличение влияния технологических корпораций на политические процессы, в том числе на местном уровне;

4) Этические риски, основным из которых станет размытие ответственности за принимаемые решения;

5) Ограничение человеческого участия в принятии решений, следствием которого может стать дискриминация и обесценивание определенных видов труда и профессий. Способность ИИ к самообучению и совершению многих операций с ограниченным участием человека ставит под угрозу трудоустройство определенного числа муниципальных служащих [1, с. 68];

6) Вопрос занятости имеют и обратную сторону, а именно нехватку специалистов в области цифровых технологий, что сдерживает развитие применения ИИ. Принятые меры согласно информации, опубликованной в специальном разделе единого портала Госуслуг, в рамках осеннего призыва 2022 года около 8 тысяч сотрудников из 2 тысяч IT-компаний получили отсрочку от службы в армии [13], но это не решит проблему без внедрения системы профессиональной подготовки.

Социологические данные демонстрируют наличие общественного запроса на использование технологий искусственного интеллекта в практике осуществления местного самоуправления. Учитывая это обстоятельство, мы считаем необходимым создание четкой правовой базы для запуска этой инициативы, а именно важным аспектом является необходимость четкого определения понятий и условий, при которых технологии ИИ могут быть использованы в государственных и муниципальных органах, что сейчас не отражено в Федеральном законе N 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Кроме того, внедрение подобной инициативы требует соблюдения защиты персональных данных граждан при взаимодействии с ИИ-системами. В связи с этим обстоятельством возникают трудности законодательного урегулирования ввиду неопределенности алгоритмов работы многих ИИ-систем.

Резюмируя вышеизложенные рассуждения, стоит отметить неоднозначность оценки как исследований, так и общественности в отношении внедрения ИИ-технологий в механизмы функционирования процессов государственного управления, а в частности и местного самоуправления. Это подтверждается в том числе данными опроса ВЦИОМ от 2021 года, согласно которому около 48% россиян заявили о своем доверии искусственному интеллекту, о недоверии заявили 42% граждан. По данным аналогичного опроса в 2022 году о доверии заявили 53%, о недоверии 32% соответственно. Несложно проследить положительную динамику. Такое отношение вполне отражает характер перспектив работы ИИ, потенциально несущих как несомненные выгоды, так и существенные вызовы российскому обществу. Несмотря на дискуссионный характер вопроса, российская научная школа обладает огромным потенциалом для методологического и методического обеспечения процессов внедрения искусственного интеллекта в различные области жизнедеятельности, в том числе и в сферу местного самоуправления.

Литература

1. Амчиславский И. В. Использование технологий на основе алгоритмов искусственного интеллекта в государственном управлении: возможности и риски для легитимности государственной власти // Архонт. – 2022. – №1. – С. 59-71.

2. Боброва Д. Н., Петрова О. С. Современные технологий в работе с обращениями граждан в органах местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – №3. – С. 212-218.

3. Булах, Е. В. Муниципальная электронная демократия: актуальность, проблемы, решения / Е. В. Булах, В. В. Небесная, Д. В. Ткачук // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 7. – С. 69-75.

4. Искусственный интеллект: благо или угроза? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. От 08.08.2024) // consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

6. Соколова А. А Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. – 2019. – №13. – С. 350-356.

7. Солдатенко Д. М. Искусственный интеллект: прошлое, настоящее и будущее // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. №9. – С. 127 – 134.

8. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" // Президент РФ [официальный сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения:).

9. Чернышенко Д.Н. Итоги работы правительства за 2022 год по цифровому треку в сфере цифровой трансформации // Материалы брифинга «Цифровая трансформация российской экономики в новых условиях: ключевые достижения и планы». Москва, 2023.

10.Шабанов Р. М., Микушин Н. А. Интеллектуальная информационная система поддержки принятия решений // Молодой исследователь Дона. 2019. №4 (19). – С. 91 – 97.

11.Щупленков, Н. О. Клиповое мышление – продукт цифровой культуры / Н. О. Щупленков, Е. Л. Рябова // Культура Мира. – 2022. – Т. 10, № 27(2). – С. 96-112.

12.S. Kreps and M. Jakesch. Can AI communication tools increase legislative responsiveness and trust in democratic institutions? (2023). Government Information Quarterly 40.3: 101829.

13.McCarthy J., Programs with common sense / J. McCarthy // Proceedings of the Teddington Conference on the Mechanization of Thought Processes, Her Majesty's Stationery Office, London. – 1959.

Functional tasks of artificial intelligence in the sphere of local self-government and the legal basis for its regulation

Chuzhikov N.A., Dubkov N.S., Polischuk D.I., Ivanov A.M.
Far Eastern Federal University

The problem of implementing artificial intelligence (AI) technology has taken the place of one of the promising areas of social and legal research. The scope of application of artificial intelligence technology within the boundaries of a municipality is determined by functional tasks, the solution of which is possible in the implementation of local self-government (LSG). The article contains a list of functional tasks, the solution of which at the local level involves the use of artificial intelligence technologies, and also presents their analysis taking into account the legal basis of local self-government in the Russian Federation. Also, the authors identified a list of problems and violations in the development of AI technologies in the practice of local government, and formulated legal, technical and other proposals for their solutions.

Keywords**:** law, functional task, local government, artificial intelligence, AI technologies.

References

1. Amchislavsky I. V. Use of technologies based on artificial intelligence algorithms in public administration: opportunities and risks for the legitimacy of state power // Arkhont. - 2022. - No. 1. - P. 59-71.
2. Bobrova D. N., Petrova O. S. Modern technologies in working with citizens' appeals in local governments // State and municipal administration. Scientific notes. - 2021. - No. 3. - P. 212-218.
3. Bulakh, E. V. Municipal electronic democracy: relevance, problems, solutions / E. V. Bulakh, V. V. Nebesnaya, D. V. Tkachuk // Ethnosociety and interethnic culture. - 2022. - No. 7. - P. 69-75.
4. Artificial intelligence: benefit or threat? [Electronic resource] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza
5. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 08.08.2024) // consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
6. Sokolova A. A. Artificial intelligence in jurisprudence: implementation risks // Legal technology. - 2019. - No. 13. - P. 350-356.
7. Soldatenko D. M. Artificial intelligence: past, present and future // Russian Foreign Economic Bulletin. 2020. No. 9. – P. 127 – 134.
8. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // President of the Russian Federation [official website]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (date of access:).
9. Chernyshenko D.N. Results of the government's work for 2022 on the digital track in the field of digital transformation // Materials of the briefing "Digital transformation of the Russian economy in the new conditions: key achievements and plans". Moscow, 2023.
10. Shabanov R.M., Mikushin N.A. Intelligent information system for decision support // Young researcher of the Don. 2019. No. 4 (19). – P. 91 – 97.
11. Shchuplenkov, N. O. Clip thinking – a product of digital culture / N. O. Shchuplenkov, E. L. Ryabova // Culture of the World. – 2022. – V. 10, No. 27(2). – P. 96-112.
12. S. Kreps and M. Jakesch. Can AI communication tools increase legislative responsiveness and trust in democratic institutions? (2023). Government Information Quarterly 40.3: 101829.
13. McCarthy J., Programs with common sense / J. McCarthy // Proceedings of the Teddington Conference on the Mechanization of Thought Processes, Her Majesty's Stationery Office, London. – 1959.